

Графоман № 1(17)-2014

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Николай Година — Три стихотворения	5
Вячеслав Саломатин — Иду по жизни прямиком.....	8
Александр Поповский — Оказалось всё гораздо проще	11
Людмила Карнаухова — В каждой бабе два начала.....	33
Любовь Дубкова — Забытой музыкой венчальной	48
Анатолий Кухтурский — Зюраткульский лось	55
Каринэ Гаспарян — Успеть, пока длится танец.....	72
Вячеслав Тюнькин — Однобокие слова.....	81
Ахмет Нуретдинов — Строфы	80
Инна Карпюк — Так жить бы надо дальше без обид.....	81
Михаил Авдейчик — Ещё до конечной далёко	90
Людмила Владимировна — Стихи разных лет	92
Илья Весенин — Осенний переполох	94
Luciana D'elia — «Под снегом ночным»	95
Галина Савельева — Весны прикосновенье	106
Нэлли Кизилова — Добро на зло я не растрочу.....	107
Лидия Хохлова — Если с музой связан на всю жизнь.....	108
Юрий Александров — И время сквозь меня течет	115
Владимир Рудковский — Русские стихи на японский лад.....	115
Валерий Ерофеев — И придет вдохновенье	116
Дина Горошилова — А там, где горят огнём	117
Светлана Медведева — Чья-то душа невесомая.....	118
Лидия Балыкина — Я в осень иду.....	119

Елена Черданцева — Как хорошо любимой быть	120
Татьяна Баландина — Весенние строфы	121
Галина Крестникова — Когда волнение рвется из оков	122
Татьяна Рубцова — Два стихотворения	122
Татьяна Никитина — Кисть мастера пишет, страдает и любит	123
Галина Коханая — Гармония в душе и чувств сиянье	124
Людмила Бычкова — Я тебе посвящаю стихи	125
Марина Шалыгина — Мой сверчок не сверчит	143
Евгения Врублевская — Я хочу, чтоб солнышко светило	143
Светлана Богомолова — Время спешит	144
Валентина Китаева — И нет предела мыслям одиноким	145
Валерий Дивянин — Лирика	155
Владимир Смирнов — И вот пошла писать контора	165
Мария Спящева — Помню	175
Ольга Фомичёва — Путь-дорога дальше, дальше	175
Анатолий Омельчук — Другим и быть не собираюсь	176
Людмила Кулакова — Нам не хватает времени так часто	178
Антонина Полякова — До корней волос я крестьянка	192

ПРОЗА. ПУБЛИЦИСТИКА. КУЛЬТУРА

Рустам Валеев	В какие ты годы жила... ..	5
Татьяна Аверкина	Сашка.....	9
Инна Александрова	Танго с Метлой	11
Хакима	«Не было бы счастья...».....	19
Виктор Родин	Крах операции «Снежинка»	35
Виктор Ружин	Короткие рассказы	50
Лев Молчанов	Георгиевский кавалер	56
Павел Хрипко	Батюшка	70
Владимир Иванов	По следам молний.....	73

Павел Волченко	Женская логика	76
Валерий Мякушко	Из цикла «Забавные истории»	79
Сергей Калашников	Согласные с несогласными	84
Рашида Тимакова	Судьба человека	97
Ольга Шрейнер	Надо чаще смотреть в небо	100
Надежда Мальцева	Учительница	109
Пётр Савенко	Тугун.....	125
Галина Федорова-Косарева	Помни о смерти	146
Татьяна Рыжкова	Родовая книга.....	149
Наталья Бычкова	Сплав по лунной реке.....	151
Валентина Григорьева	Колючее приземление	157
	Змеиная гора.....	157
Юлия Габдракитова	Прости меня, мама и другие рассказы.....	159
	Из цикла«Мы так жили»	161
Андрей Смолюк	Рассказ длиною в четыре часа	167
Борис Склемин	Сашенька.....	179
Виктор Калугин	Анна	190
Марина Лукашенко	Любить Урал	194
	Разбуженное сердце.....	195
	Тётя Аня с двойным сиропом.....	195
Виктор Фатеев	Нить бытия, или Вокруг себя любимого	196
Галина Енюшкина	Олеся.....	199
Михаил Рудковский	За Полярным кругом	200

Валентина Сиволапова	В тылу врага.....	206
Неля Осмачко	Вокруг детства.....	209
Николай Карасев	Подвиг пилота.....	211
Пётр Минеев	«С чего начинается Родина...».....	213
Маргарита Кельвер	Нечистая сила.....	219
Петр Овинов	Директор школы, заведующий районным отделом народного образования.....	221
Владимир Черноземцев и иже с ним	Корабли вышли из берегов, или извлечения из архивов идейного отца репунсизма и его сподвижников (фрагмент) Деревенская идиллия.....	250

Гостевая

Алексей Еранцев — Метель	153
«Натосковалась, нашаталась...».....	153
«Поэт над братьями не княжит...».....	153

Опыты

Никита Шабовта — Любовь она же навсегда	240
Марина Баранова — Память сердца	241
Дарья Васильева — История Челябинска	241
Салимжан Бекешев — Не поздно сначала начать	241
Елена Князюк — Легенда о Маканкином ключе	242
Даша Никитина — Собратья по разуму	242

Учеба

Александр Квятковский	Поэтический словарь.....	244
Андрей Битов	Муза прозы.....	247

Мемориал

Лидия Хрипко	Когда уйду в иные дали.....	249
---------------------	-----------------------------	-----

Три стихотворения

* * *

Облунок, скользкий как обмылок,
Мелькает в пенной синеве.
Давно не дерзок и не пылок,
Векою в полном меньшинстве.

Под звёздами и под крестами
Свидетели поры иной...
Музейно смотрятся кристаллы
Архитектоники ночной.

Играют окна в переглядки,
А на душе ни то ни сё.
И всё как будто бы в порядке,
Как будто бы в порядке — всё.

* * *

Ни чёрная дыра Коркинского разреза,
Ни разменная мелочь метеорита
Не приманней кромки косоурого леса,
Где тайна, не помню какая, зарыта.

Сдыгали что-то, чрева таблетками пуча.
Осень от безрассудного цвета в транс.
Упречно искрит высоковольтная туча,
Рвано свесясь по ходу прогресса, к трассе.

Холоднокровный ручей, вплетаясь в осоку,
Щурёнком елозит и птичка на вичке —
Взлетела над стороной не так уж высоко,
Где весело жить не беру я в кавычки.

* * *

У них засибирило, а у нас зауралило,
Месячная норма выпала сразу в осадок.
Лыжи я наострил, но не подумал заранее,
Что завирюха там сделает с культовым садом.

Слепо неверной дорогой иду я, товарищи,
Маркой зимы полотно неумело утюжа,
Будто к святкам готовясь, тороплюсь отовариться
Школьным запахом хвои, винным привкусом стужи.

После долго, наверно, буду из глаз вымаргивать
Сосны, поле с пшеницей, брошенное в запарке,
Любуясь в сутробах застрявшими иномарками,
Радуюсь рядом мурлыкающей кофеварке.

г. Челябинск

Рустам Валеев**В какие ты годы жила ...**

Двое немолодых людей встретились после многих лет и находились в том глупом возбужденном состоянии, когда не знаешь, о чем, собственно, говорить. Но вот махнули по стаканчику, и первое, что сказал гость, было про Вальку Ращектаеву.

Ни тот, ни другой этому не удивились, как будто именно про Вальку и надо было сказать. За окном густыми хлопьями падал мокрый снег, мутил свет в комнате и нагнетал безмолвие. А там, откуда занесло пленительное имя, сухое шелестело лето и пели детские радости. Уже беспокойные были радости, потому как потихонечку мужали парнишки.

— Больше говорить, что ли, не о чем? — фальшивым тоном сказал хозяин, поправляя на худоватых плечах женскую стертую шаль. — Сколько лет не виделись?!

— Лет сорок не виделись, — кивнул гость тяжелым подбородком.

Он был костистый, большой, а сидел на узкой похилившейся кушетке, примкнутой изголовьем к письменному столу хозяина. Хозяин, занимая свое привычное место на стуле, старался не замечать, как его гость беспокойно дергает коленями над низкую гранью неудобной кушетки. Наконец, утихнув, тот продолжал свой рассказ:

— Ну говорю ж, приходит старушка, спрашивает мою жену. Её, мол, нет дома, садитесь подождите. Она — про своего внука, у него неладно с английским, вот пришла к учительнице. Слушаю вполуха — и вдруг! — сама-то она из Городка. Где жила? На Летягинской. Кого помнишь? Рустика. Вот как! Тебя не забыли, гордись, ха-ха! А ты небось забыл?

— Да нет, — ответил хозяин. — Волосы такие... срыжá.

— Красивые были.

— Ага. У меня бедное представление о цвете — ну, черные волосы, белые, ну, рыжие. А ведь у иной женщины, да, именно у женщины, волосы бывают таких неуволвимых оттенков, такой красоты, что и не скажешь...

— Ты говоришь, срыжá. А я не могу согласиться, — перебил гость тем тоном, каким, вероятно, когда-то разговаривал с подчиненными на работе.

— Когда пронизывало их солнце, волосы казались... ну вот когда осенний лист еще не покраснел, а только-только...

Гость рассмеялся и сказал:

— Фантазировать, Рустик, можно сколько угодно, но теперь она старушка. Это у вас свои помидоры? — Он взял с тарелки помидор и, подержав в руке, положил обратно. — Она, видишь ли, сразу после медучилища вышла замуж и уехала. Муж — ветеринар, жили в совхозе. Две их девочки были еще маленькие, когда он связался с какой-то бабенцией... ну, дело обыкновенное.

— Почему обыкновенное? — В голосе хозяина прозвучала строгость. Но вышло это немного смешно: его утлая фигура с женской шалью на плечах, дрожание на мягком, безвольном лице никак не вязались со взыскательным тоном.

— Почему? Никто тебе не скажет, почему люди так часто ошибаются. У меня вон от первой жены двое, уже взрослые мужики. Старший — в Липецке, тоже, как и отец, энергетик, шесть подстанций. Прежде я звал его к себе в Караганду, а теперь вот и сам собрался в Россию. Казахи эти!..

— А она не говорила — может, тоже хочет переехать?

— Валя? Нет, не говорила. Дочери, внуки, и все бедны, плохо устроены, а переезд требует средств... А ты почему спрашиваешь?

Хозяин не ответил. Его сигарета истлела почти до основания, однако не просыпалась пеплом, и он не дыша смотрел на этот хлопчатый длинный голубо-седой клочок. Походило на детскую игру. И на лице у Рустика, как называл его гость, тоже детское трепетало выражение — чуткого и боязливого любопытства к пустой в сущности забаве.

— Погода мерзейшая, — проворчал гость, быть может, недовольный тем, что не получил ответа.

Он встал и на длинных подгибающихся ногах прошагнул к окну. Хозяин, оставшись на месте, крепко зажмурил глаза, словно именно он увидел, как унылая снежная масса убийственно падает на черный страшный асфальт.

— Да, Сережа, погода неважнецкая, — проговорил он, мягкими интонациями возвращая приятеля опять к столу. — Моя жена никак не соглашается, а я говорю: раньше уже в мае наступало тепло и так до сентября — тепло, иной раз жарко.

— Однажды я Первого мая искупался, помню, сразу после демонстрации. Ребят набегало, кто-то уже разнаготился и тоже к воде подскакивает. Один ты на берегу. В толстом свитере, еще и шарфик на шее. Мамочка над тобой тряслась...

Хозяин курил, шурился с полуулыбкой и видел что-то свое.

— Я Вальке стихи посвящал, — сказал он вроде бы не к месту. — «Да разве об этом расскажешь, в какие ты годы жила...»

— «Какая безмерная тяжесть на плечи твои легла», — с дурашливым пафосом подхватил собеседник. — Из учебника.

— Ну да, я к Исаковскому и свое что-то приписывал, теперь не вспомнить. У него про женщину, мученицу войны, а я — где свое, где чужое — все Вале посвящаю. А Валя — совсем еще девочка. Нам ведь лет по тринадцать было...

— Побольше было, — не согласился гость и почему-то засмеялся. — И все-то мама тебя за ручку водила. И все-то берегла: мороженого не кушай, босиком не ходи!

— Мать у меня хлопотливая была. Такой и до смерти оставалась... Я уже седьмой заканчивал, а мать провожать шла почти до самой школы. Как бы хулиганы не задрались.

— А тебя, кажется, поколачивали.

Задумавшись, хозяин промолчал. Он как будто припоминал: поколачивали или нет?

— Может, и поколачивали! — сказал он весело, с вызовом. — В то лето вы все почему-то взъелись на меня, пришлось отсиживаться в ограде... Но как-то побежал на Летьягинскую, знал, что вы за реку пошли, воровать в огородах. И только я в переулок — Валька навстречу. Как сегодня, помню: я, говорю, еще вернусь! Вроде, как рыцарь, своей даме клянется.

— А помнишь Фараона? Тоже влюбленный ходил, никого близко к ней не подпускал. Мне однажды нос разбил. Все его боялись. А лет через десять — я уже в армии отслужил, уже в Нижнем Тагиле три года отработал — в отпуске, в Городке, встречаемся у Булата. Обтерханный, глазки мигают. Помнишь, говорю, нос мне разбил? Держи удар! У меня к тому времени разряд по боксу.

— И ты...

— Да нет. Однако напугал шибко. — Гость замолчал и долго с гримасами на лице, тер себе колени. У него, как видно, мозжили суставы, сбивали речь, и какая-нибудь новая мысль неосознанно сводилась к болезням. — А я, бывало, как вспомню тебя, то обязательно вижу с шарфиком на шее... Тебе, кажется, гланды хотели вырезать...

— Гланды? Да, я часто простужался. — Он словно урок отвечал и дурачился перед учителем: — Гланды, лаванды, ну, еще и шаланды... А знаешь, в то лето я так и не ходил больше на Летьягинскую и Вальку не видел. Да, может, и не хотел, не знаю. А потом наступила зима... снега белейшие, морозные скрипы окружают тебя со всех сторон, и воздух ровно бы голубой, каким бывает лед на реке. И вот как-то в библиотеке встречаю Ваю. Стала перед библиотечаршей, сняла шаль. Голова обвязана платком и такая маленькая, маленькая... Болела, ее постригли наголо, волосы едва начали отрастать. Господи, как защемило у меня сердце! Ведь вот она, думаю, ходит в школу, а там над нею, может быть, смеются.

— Понятно. Красивые были волосы — и вдруг стриженная.

— Такая жалость, такая боль, словно это моя сестра. И вот что я тогда почувствовал — что-то взрослое, я и сейчас не могу объяснить. Что вот миновала какая-то пора в жизни, прошла, нельзя вернуть.

— Стихов не читал? «В какие ты годы жила...»

— Не помню. Нет, не читал. Разве проветрить комнату?

Он поднялся и открыл было форточку, но полыхнуло такой сыростью и смрадом, таким нехорошим гулом, будто машины и люди ругались между собой, он тут же затворил упрямую под ветром створку.

— Погодка! — опять пожаловался гость. — Мне бы раньше с этим переездом... — И опять взялся натирать колени, и опять болезненные гримасы замельтешили на его лице. Мысли тоже сбивались и мельтешили. — Да, теперь Валя в другом государстве и навряд ли когда-нибудь вернется.

— Может, и там жизнь наладится. Но вот когда?

— Когда рак на горе свистнет! — выкрикнул Сергей и захохотал так громко, что обоим стало ясно: они порядком запьянели.

Как это бывает с дюжими, степенными людьми, Сергей вдруг застеснялся своей выходки и, похоже, отрезвел даже. Но и это ему не понравилось, он тут же налил себе сполна и залпом выпил. И взялся досказывать:

— Она посидела, посидела: не дождусь, говорит, учительницу, а мне еще в сад ехать. Помидоры, мол, собрала, перцы, а не вывезла. Ладно, говорю, я вас свожу...

— Вас? — сперва засмеялся хозяин. — Ты так и сказал?! — И покачал головой, качнулись и плечи, шаль сползла на пол.

— Она ж меня не помнит, так она сказала. Ладно, говорю, гараж у меня вон под окнами, а вы, как соберетесь, на угол выходите. Ушла. Я выезжаю. Потом, это, жду... жду. Так и не пришла.

— Может, внука не могла одного оставить.

— А может, подумала чего, — усмехнулся гость. — Однако зачем она мне, такая старушка?

Рустик хотел что-то ответить, но поперхнулся, замахал руками. Затем проговорил с влажным хрипом в голосе:

— Разве так можно... на вы!

— Я ведь у нее спрашиваю: кого помнишь? Ну вот, например, Серегу? Нет, говорит, не вспомню. — Он обиженно пожал плечами и потом говорил уже с каким-то страдальческим подъемом: — Каждый божий день ну прямо у нее перед окнами бухали в футбол! Я же такие финтифанты накручивал, и такая пыль вставала, никого не видишь... пьяный, счаст-

ливый, вон ворота — бей! У меня с левой — какой был удар! У Шаманихи свинью насмерть зашиб...

— Да уж!

— Ну ладно, меня не помнит... она ведь так и сказала: не помню. Э-э, мало ли чего — потеря памяти, старческое слабоумие, черт побери!

— Это ты зря.

— А я повторю: черт побери! Вот почему именно тебя сразу вспомнила?

— Не знаю, — смущенно хохотнул хозяин, но было заметно, что ему грустно. — Сережа, — просительно сказал он, — разве обязательно надо злиться?

Его собеседник не ответил и махнул рукой в сторону окна. А там!.. Снег теперь не падал медленными хлопьями, а словно кто-то его швырял и при этом злобно присвистывал, как хулиган. Твердая морозная крупа секла по стеклам с резким сухим шуршанием.

Приятели смотрели, качали головой, как будто им было стыдно за капризную и неожиданно озлившуюся природу.

г. Челябинск

Вячеслав Саломатин

Иду по жизни прямиком

Сударыня

Засела в душе как заноза досада.
Её ли одну и поныне ношу...
Сударыня, что вы? О прошлом не надо!
Позвольте, я чудо хоть раз совершу?!
Вокзалы. Попутчики. Автомобили.
И что-то менять на ходу ни к чему.
Простите, сударыня, вы уронили,
Позвольте, я вашу звезду подниму?!
Дороги. Потери. Совсем и не тайна,
Что все свои беды ловлю на лету...
Наверное, вы обронили случайно, —
Позвольте, я вашу верну красоту?!

Жар-птица

Доля и недоля. Где-то между
Ворошу былое, сам не свой:
Я ищу надежду, как одежду
В полынье искупанный — нагой.
Холодны и сумеречны дали.
Потому в душе такой бедлам!
Без надежды мне дойти едва ли
До того, что снится по ночам.
Счастье. Эту сказочную птицу
Повезёт — и на небе найду...
Ну, а что ещё-то можетниться
Тем, кто верит в глупую звезду?

Глухомань

Что пела мне когда-то мать?
Спешил куда? И где мой пыл?
Меня не надо забывать:
Я сам себя давно забыл.
Но глухомань постиг вполне.
И бью баклуши наповал!
Что вспоминать сегодня мне:
Как всё, забывшись, растерял?
«Люблю!» — шептали мне... Не буду
Судить: я — смертный человек.
Но никогда не позабуду
Того, что не было вовек!

Голос

Мой путь — в пыли. И пахнет дымом:
Но повторить его готов.
«Люби и будешь сам любимым!» —
Не позабуду этих слов.
И вновь: «Мужайся, если трудно,
Да не коверкай душу злом!»
И я по-детски безрассудно
Иду по жизни прямиком.
И только на одно в обиде:
На то, что много раз во сне
Я слышал голос и не видел,
Кто говорит всё это мне...

г. Коркино

Сашка

Моему другу и коллеге Александру Михайловичу Маслову

Сашка живет в большом городе, но летом отдыхает у бабушки в деревне. Бабушка уже старенькая, а хозяйство-то у нее большое: огород, баня, куры, кролики, кот Васька. У бабушки даже конь есть, ну, то есть был. Сашка коня кормил, поил, гулять его выводил. А еще любил он проскакать на конике с ветерком по деревне. Только этой зимой бабуля захворала, пришлось коня соседу отдать.

Сосед-то за конем всю зиму и весну ухаживал, так конь и остался у него. Сашка только на улице подходит к коню; поздоровается, погладит его, потреплет по гриве. Кататься-то теперь ему на коне нельзя — чужой теперь конь-то. У Сашки душа, конечно, не на месте, коника жалко, а что поделаешь? Ни-че-го! Такова, брат, жизнь.

Но и без коня у Сашки каждый день делом занят: вот, насос сработал — бабушка радуется: теперь воду можно насосом качать; заборы починил — опять бабуле хорошо. А тут как-то мама с бабушкой решили в гараже прибраться — давненько туда никто не заглядывал, — а помощник-то главный кто? Ясное дело — Сашка. Он, как только гараж открыл, так и ахнул: под завалами и старыми ненужными вещами стоял, а, точнее сказать, лежал старенький мотоцикл. У Сашки дух перехватило от волнения:

— Ух, ты, мотоцикл! — и давай быстрехонько к нему пробираться: одно — из гаража выносит, другое — по полкам раскладывает, третье на костер готовит. Мать с бабушкой уже и не рады своей затее.

— На кой он тебе сдался этот мотоцикл? Дед жив был, да на нем уже не ездил, все хотел на металлолом сдать, — ворчит бабушка.

— А я его почию, — весело парирует Сашка. Бабушка на это только рукой махнула и ушла в дом.

— Возьму и почию! Вот увидите, — эти слова он бурчит почти неслышно, потому что обиделся и на бабушку, и на маму. А сам уже вытягивает мотик из гаража.

Сашка был совсем маленьким, когда умер дед, но про мотоцикл знал. И все хотел на нем самостоятельно покататься, но не умел, да и времени на это не было — у бабушки-то наездами. А в городе про мотик он и не вспоминал, то учеба в школе, в техникуме, потом работа, а теперь уже и учеба в университете. Не успевалось все как-то. А сегодня такое счастье на Сашку свалилось!

Но женщины про Сашкино счастье никак не могли понять.

— Саша, да отстань ты от мотоцикла, — уговаривает мама.

— Дешевле новый купить, чем старье ремонтировать, — поддержал отец. Но Санька-то — упертый, если что задумает — непременно сделает. Это у него от деда, наверное.

Второй день сидит Сашка с мотоциклом, по частям его разобрал. Каждую детальку почистил, продул, смазал. Сидит третий день. Сидит, пытит — собирает, значит, мотик. А только не тут-то было собрать: стар больно железный коник-то. Детали для него — не в раз достанешь. Но работу доделать надо. И решил Сашка, новые запчасти купить.

За материальной помощью ни к кому из родичей обращаться не стал — гордый. Из отпусковых заначку взял, поехал в город, накупил всего, чего не хватало — дороговато только вышли детали-то. Да и ладно.

Еще три дня Сашка без обеда и ужина работал, но коника железного починил-таки. И так ему хорошо было от своей работы! Сидит он, счастливый, возле мотика своего, и никак поверить не может, что все получилось.

— Эх, — думает Сашка, — Сейчас прокачусь! Сел на мотоцикл, торжественно ухватил руль, отжал сцепление, дрыгнул по заводилке:

— Дрыг-дыг-дыг-дыг-дыг! — радостно заурчал мотор. У Сашки даже в глазах потемнело от счастья. Он набрал побольше воздуха в легкие, улыбнулся, дал газу и отпустил сцепление — мотоцикл взревел и... Только сейчас Сашка понял, что мотоцикл-то он никогда раньше не водил. Машину — приходилось, а мотик — никогда. Но было уже поздно. Отремонтированный «Иж» резко рванул, встал на дыбы и со всего маху врезался в забор соседского палисадника, развалив его в щепки. Хорошо еще, что соседская девчонка Настя успе-

ла отскочить в сторону. Сашка только краем глаза увидел, как она с ехидством покрутила пальцем у виска и скрылась на крыльце своего дома.

«Да, — подумал Сашка, — работы прибавилось».

До конца дня незадачливый байкер чинил соседский забор.

Утром следующего дня Сашка, не позавтракав, поспешил в гараж. Он еще ночью сообразил, что, если прицепить к мотоциклу коляску, то управляться с ним будет легче.

— Э-э-эх! Пр-р-рокачусь! — ликовал Сашка, прикрепив коляску. Он гордо похлопал по люльке, и, не без удовольствия, дрыгнул по заводилке — мотоцикл завелся с полоборота.

— Ишь, ты, — улыбнулся Сашка, — вспоминая вчерашний день. Преодолевая волнение, он неспеша выжал сцепление, аккуратно включил передачу, подгазовал и отпустил сцепление. Нет, не резко, но мотоцикл ожил и как ужаленный конь резко рванул в гору. Сашка от неожиданности обалдел. Он ведь еще не успел оседлать железного коня, а тот на всей скорости тащил седока по деревенской улице. Сашка, кое-как удерживая руль, бежал за мотоциклом, выкрикивая ругательные слова. Железный конь летел вперед. Сашкины длинные ноги уже не касались земли, со стороны казалось, что он летит за мотоциклом. Наконец, оседлал. Но сбросить скорость ему никак не удавалось, да и некогда уже было — навстречу, пыля во все колеса, мчалась легковушка. Сашка попытался развернуть мотоцикл, но руль заклинило. Новоиспеченный байкер сразу понял сложность ситуации. Он всем корпусом навалился на мотоцикл, стараясь отвернуть в сторону. Но не рассчитал крутизны поворота и на всей скорости так и въехал, нет, влетел, словом, врюхался в местную болотину.

Эх! Сашка! Бедный мой Сашка! Бледный, взъерошенный, ничего не соображающий, он сидел на мотоцикле, но мотоцикла не было видно.

Обошлось.

Сердце моего друга билось часто-часто.

Но сейчас-то он точно знал, как надо ездить на мотоцикле.

— Вот я дурак, ну, дурак! Надо же было плавно отпустить сцепление! — корил он себя, но вдруг осознал, что находится в болоте.

Весь следующий час Сашка пытался вытащить мотоцикл. Он и выталкивать его, и тянул, но мотик, наглухо засев в болотине, никак не поддавался. В конце концов, Сашка сообразил, что можно позвать на помощь дядьку — у того трактор.

— Идрит-мадрит, Етерный бабай! — не переставая, ругался дядька Вася, подъехав к болотине.

— Ты как утопил-то мотоцикл, а?!

— Кто тебя, дубина, ездить-то учил?! А?!

— Не умеешь — не берись!

Дядька не переставая, костерил племянника. Непереводимые с русского на русский словечки разлетались по округе. А Сашка молчал. Он прикрепил канат к мотоциклу и, не поднимая головы, махнул дядьке рукой, тяни, мол.

Сашку душила обида. И обида эта была не оттого, что он так нелепо врюхался в болотину, а от того, что не спрятаться ему от грубых дядькиных злопыхательств. А еще оттого, что, вытянув мотоцикл, дядька даже руки не подал племяннику.

Сашка, собрав все силы, больше двух часов молча тараканил мотоцикл до дому, зная, что, во что бы то ни стало, завтра вычистит коника до блеска и с ветерком промчится по деревне.

г. Еманжелинск

11 января 2014 года исполнилось 55 лет поэту и прозаику Татьяне Аверкиной.

Поздравляем нашего активного автора с юбилеем,
желаем крепкого здоровья и творческих успехов!

Оказалось всё гораздо проще

Половодье

Бурлит село, всю реку ревёт в овраге
Взбесившаяся талая вода.
И брага подпевает ей во фляге,
Поскольку скоро празднеств череда.

Бетонный мост снесён наполовину —
Нет связи с внешним миром. Вот дурдом —
С утра не подступиться к магазину,
Хотя на полках — покати шаром.

И мама в сотый раз крахмалит скатерть,
Пока соседка говорит о том,
Что крашеные яйца председатель
Колхоза дома кушает тайком.

Что так себя вести не слишком честно,
Что разразит его священный гром.
Я слушаю — мне страшно интересно —
Я жертвую галантно сладким сном.

***

Поочередно становлюсь на пятки —
Так меньше раскалённый жжёт песок.
Сжимаю зубы — будет всё в порядке,
Осталось только потерпеть чуток.

И в продолжение безрассудных штук,
Как будто насаждают мне «на хвост»,
Иду по полю, где число колючек
Гораздо больше, чем на небе звёзд.

Прокладываю босиком фарватер,
Попутно, в абсолютной тишине,
Пацанский демонстрирую характер,
Лишь пот холодный льётся по спине.

Десяток глаз — придирчивых и строгих
Усердно контролирует мой путь —
Дорос ли до команды «босоногих»?
Туда за ломоть хлеба не берут.

***

Когда остатки поделили поровну —
Достали стратегический запас.
Паленой водкой падший ангел ворону
Выклёвывает печень — третий глаз.

Со стороны — солидная компания —
Не то, что в подворотнях алкаши.
И сторож выпроваживать из здания
Тандем на свежий воздух не спешит.

На дружеской волне, собравшись с силами,
Они о чём-то важном говорят.
При этом так размахивают крыльями,
Что, кажется, немного и взлетят.

Сметут преграды, скроются за тучею,
Где обитает тишь да благодать.
Им нужен компас — третий
в данном случае —
Дорогу до калитки показать.

***

Оказалось всё гораздо проще,
Чем я мог себе предположить —
Наугад поставил жирный прочерк
И спокойно продолжаю жить.

Копошусь в завалах, честь по чести,
Не скрываю, что на берегу
Поменять вердикт, поставив крестик,
Я одним движением могу!

г. Коркино

Инна Александрова

Танго с Метлой

Пашка встречался с ней каждое утро. По дороге в школу он срезал путь через детскую площадку. И каждое утро, выбегая из-за угла дома на тротуар, он натыкался на нее. Метла летела ему навстречу, и Пашка шаркался к стене, опасаясь, что в своем стремительном полете она снесет его, закружит чернотой широких рукавов. Он панически боялся этого черного широкого пальто, висевшего на ней, как на палке. Этот страх, вернее тошнотворная неприязнь появилась после их первой встречи. Тогда, месяца полтора назад, он увидел ее по дороге в школу. Она была похожа на вешалку: высокая и невероятно худая. Венчала вешалку удивительная причёска: соломенные волосы, стриженные под каре, разлетались при

быстрой ходьбе и лохматились, напоминая дворничихину метлу. Это он потом вспомнил, как именно выглядела Метла. А в тот момент Пашка даже не успел сообразить, что произошло. Он как всегда бежал через детскую площадку, и вдруг — удар обо что-то черное и мягкое, пряный запах майских березовых листьев (сентябрь, какие листья?!) и... Сильные руки отстранили его от черного пальто, пахнущего свежей зеленью. Соломенная челка, смеющийся взгляд и... уродливо сползшая к уголку рта улыбка. От этой улыбки Пашку чуть не стошнило, потому что очень уж она напоминала гримасу из фильма ужасов.

Пашка отшатнулся: угораздило же врезаться в незнакомую тетку! Буркнув на ходу, «Извините», Пашка помчался дальше. С тех пор он каждое утро видел Метлу. Кличка тетке очень подходила. Изуродованные губы делали ее похожей на Бабу-Ягу. Вдобавок черное пальто, широкие рукава, стремительная походка — чем вам не Баба-Яга на метле? Пашка каждое утро боялся врезаться в нее еще раз и увидеть вблизи корявые губы, стянутые в улыбку. Он пытался раньше выходить из дома, но это было трудно. Вставать в таком случае надо раньше, а Пашке даже пяти минут драгоценного сна было жалко — спал до последнего. Он выбегал из дома минут за десять до звонка на урок, и всегда наткнулся на Метлу. Вот и сегодня он вывернул из-за угла и увидел ее. Она улыбнулась ему, как старому знакомому, а у Пашки неприятно екнуло где-то под желудком. «У-у-у, Метелка!», — ругнулся про себя Пашка и свернул на школьную тропинку.

Школьный коридор напоминал станцию метро: все гудело, двигалось, делилось на потоки, по законам расписания растекаясь по классам. Бросив куртку гардеробщице, Пашка помчался по коридору. У доски с расписанием, приказами и прочей информацией он заметил одноклассницу Людку. Людочку — так, презрительно стянув губки в трубочку, называли ее девчонки из их класса. А для всех пацанов она была Людка, потому что никогда не носила юбок и платьев, играла в баскетбол, ходила в секцию бокса и лабала на гитаре. И песни она пела совсем не девчачьи. С Людкой можно было поспорить — у нее на все был свой ответ и свое мнение, никогда не совпадавшее с мнением других. С ней можно было обсудить новую компьютерную игру — Людка особенно разбиралась в стратегях. Короче, она была полной противоположностью одноклассницам, обсуждавшим косметику и разглядывающим на переменах глянцевого журналы с красавицами на обложках.

— Привет!

— Привет! — поздоровались на кулачках.

— Пойдешь? — Людка ткнула пальцем в розовый листок, призывающий «...девушек и юношей 8—9-х классов посетить занятия танцевальной студии "Ритм"».

— Делать мне нечего? — хмыкнул Пашка. — Я уже сюда записался, — он постучал по объявлению о занятиях фотошколы. — Мне батя и фотик купил, зеркальный. Сказал, если я четверть нормально закончу, объектив покрупче прикупит.

Больше им поговорить не удалось — рывкнул звонок, и начался напряженный школьный день. После уроков Пашка надеялся увидеть Людку в раздевалке, но неожиданно столкнулся с Метлой. Она шла по коридору без черного пальто, просто в джинсах и футболке. А Пашка мчался в раздевалку за курткой и чуть не сбил с ног тощую тетку с соломенными волосами. Сначала он не понял, кто это, но оглянулся и увидел знакомую полугримасу-полуулыбку. Пашка даже удивиться не успел. И только на школьном крыльце его осенило: чего это Метла в школу приперлась? Хотя... Может у нее тут брат учится или сестра. Да нет, похожих монстров в школьных коридорах он не встречал. Пашка отбросил мысли о странной тетке и помчался домой опробовать новый «Nikon».

Неделя прошла спокойно, если не считать того, что Метла стала встречаться Пашке в два раза чаще. Утром, по дороге в школу, и после уроков около раздевалки. Вот прямо как по расписанию! Пашка чертыхался про себя, кивал головой в ответ на ее неизменную улыбку и не мог избавиться от неприязни. Ну, вот чего она улыбается? Знакомого нашел что ли? Будто не знает, что у нее улыбка кривая! И вообще не улыбка, а ухмылка.

А в субботу произошло нечто из ряда вон. В фотошколе ребятам дали задание — снять рассвет. В принципе дело не к спеху, снимки можно было недели через две принести. Но в пятницу вечером тучи, неделю висевшие над городом, развеялись, и субботнее утро обещало быть замечательным. Поэтому Пашка встал пораньше и отправился в парк. Если сфотографировать березовые ветки на фоне встающего солнца, то здоровский снимок получится. Позевывая, он шагал по парковым дорожкам туда, где росла высоченная береза. Там рядом есть еще оранжевый клен и огненно-красная рябина. Пашка это место дня два назад приметил, когда сидел с ребятами на скамейке, щелкал семечки и пел песни под Людкину гитару.

Пашка вытащил «никон», на ходу проверяя настройки. Так, сейчас посмотреть в видеискатель... Пашка замер. Между деревьями летала Метла. Она так носилась от скамейки к клену и обратно, что казалось, будто она впрямь летает. Вскидывая руки, она как будто взмахивала крыльями. И эти черные рукава... Пашка застыл на месте. Чего это с ней?

А Метла кружилась на маленькой полянке, под ногами у нее вихрились листья. Потом цепенела в немой мольбе, прижав руки к груди и глядя в небо. Потом снова взмах руками и сразу — плечи, кисти вниз, будто их сломали. Жуть. Черная птица с поломанными крыльями. И снова — комок силы, снова мчится в невидимом полете. Во чумовая! С катушек слетела! Пашка вспомнил про «никон». Прикольно будет эту свихнутую снять и в Интернет выложить.

Пашка защелкал затвором. Фотоаппарат стрелял очередями, а Метла все буйствовала. И вдруг как будто споткнулась. Охнула, опустилась бессильно на скамейку и до Пашки долетели сдавленные рыдания. Нет, точно чокнулась! Чего воет-то? Пашка переступил затекшими ногами и тут... Треснула ветка. Метла вздрогнула, вскочила, вглядываясь в кусты. Стремительно отерла рукавом глаза. Пашка даже дышать перестал.

В парке было тихо, только синицы весело пересвистывались в кустах. Метла успокоилась и принялась собирать листья. Пятясь, Пашка отошел на центральную дорожку и зашагал к воротам. Ничего себе встретил рассвет. Вместо солнца в березах — чокнутая Метла. А как же задание? Это теперь еще одно утро тратить? Снова в такую рань вставать и в парк тащиться? Ну, уж нет!

Пашка развернулся и, громко насвистывая, пошел обратно. Навстречу шла Метла. Она шла медленно и осторожно, неестественно выпрямившись, будто была хрустальной вазой и боялась разбиться. В руках у Метлы был огромный букет кленовых листьев. Она издали увидела Пашку и зарылась лицом в багряно-желтый ворох. Но вдруг решительно опустила букет, прижала его к груди и пошла прямо на Пашку.

Пашка злорадно нажал кнопку «On», и когда Метла с ним поравнялась, скинул фотоаппарат. Затвор щелкнул в тот момент, когда Метла, как всегда, улыбнулась Пашке. Как хорошему знакомому. Своей жутковатой улыбкой. И он ее снял! Почти в упор! Кривые губы и уродливую улыбку. Ну, Метелка, будет тебе подарочек в Интернете! Довольный собой, отправился щелкать солнечный шар в березовых ветвях.

В воскресенье отец утащил Пашку на дачу — «приусадебное хозяйство» надо было готовить к зиме. И потому скинутые на комп фотки разобрать было некогда. Только в понедельник утром Пашка вспомнил про задание, скинул три «березовые» фотки на флешку и помчался в школу.

В школе его ждало такое событие! Людка явилась в класс в юбке!!! Ничего себе переворот в классной жизни! Девчонки про журналы забыли — собирались стайками на переменах, стреляли глазами в Людкину сторону и о чем-то шептались по углам, и посмеивались время от времени ехидным смехом. Людка краснела, бледнела, но упорно делала вид, что ничего не происходит. Пашка не понимал, что это с Людкой творится. Случись девчонкам не так взглянуть в ее сторону еще вчера, летели бы от них пух и перья в разные стороны. А сегодня... Да, странно это все. А еще Пашку поразило то, что после уроков он увидел Людку в коридоре вместе с Метлой! Они шли и что-то обсуждали. Метла как-то плавно махала руками, а Людка пятилась перед ней, и в глазах у нее было такое... такое... Короче, таких глаз Пашка у одноклассницы еще никогда не видел. Людкино поведение настолько заинтриговало Пашку, что он решил за ней проследить. Завтра.

Утро в школе началось как обычно, если не считать того, что Людка опять явилась в юбке. За парту она теперь усаживалась осторожно, не плюхалась на стул, как еще позавчера, когда была в джинсах. По коридору ходила степенно, не мчалась семимильными шагами. Да, и поздоровалась не как всегда. Если раньше — на кулачках, то сегодня просто протянула руку, и Пашке пришлось слегка пожать ее маленькую ладошку. Что еще изменилось в Людке, Пашка не мог объяснить, и от этого еще больше хотел разобраться в произошедших переменах.

После уроков он увидел Людку опять вместе с Метлой. Что у них может быть общего? Пашка сделал вид, что направляется в раздевалку, а сам только чуть задержался у входа и снова шагнул в коридор. Людка с Метлой направлялись к спортзалу. Держась у самой стены, Пашка пошел за ними.

В спортзале было тихо, а вот из тренерской раздевалки доносилась негромкая музыка. Пашка подкрался к двери и заглянул в замочную скважину. Ничего себе картина! Людку

обнимал долговязый Валерик из параллельного «В». А Метла невозмутимо за этим наблюдала, да еще и командовала:

— Руку на талии смелее держи! Теперь наклон и поворот!

По ее команде Людка рухнула Валерке на колено, потом стремительно вскочила и непостижим образом описала пируэт под Валеркиной рукой.

— Хорошо! Уже на что-то похоже. Пошли в спортзал, сейчас все ребята соберутся. Надо музыку подготовить, — скомандовала Метла.

Пашка рванулся от дверей, одним прыжком проскочил спортзал и очутился у стены в коридоре. Мимо, весело гомоня, шли ребята и девчонки.

— Сегодня у нас что — вальс или снова танго? — до Пашки долетел негромкий разговор.

— Не знаю. Никогда не угадаешь, что у Варвары на уме.

Ага, и имечко подходящее — впору ворону так называть. Черную и лохматую. Бабе-Яге обе нужны: и Метла, и ворона. Пашка усмехнулся про себя и, забрав куртку из раздевалки, вышел на улицу. Направился к воротам, но... Неодолимая сила потянула Пашку к заднему крыльцу. Пашке почему-то нестерпимо захотелось еще раз увидеть Людку. И он, пройдя по заднему двору, влез на козырек подсобки и заглянул в окно спортзала. Там разворачивалось действие, захватившее Пашку на целых полчаса. Три ряда парней и девчонок двигались в такт неслышной Пашке музыке. Они то отбивали ритм в ладоши, то принимались приотпывать невероятно быстро, четко поворачиваясь, иногда подпрыгивая как в балете. Пашка помнит «Лебединое озеро», на которое их водили еще в пятом классе. Тогда ему было смешно смотреть, как взрослые дяди и тети дрыгают ногами и скачут как кузнечики. Сейчас же его удивляло, что Людка так высоко тянет носочек, взлетает невесомой пушинкой и тает в Валеркиных руках. Пашка даже не заметил, когда парни и девчата разделились на пары, и Людка оказалась рядом с Валеркой. Они танцевали, а Пашка смотрел сквозь стекло и жутко завидовал Валерке, который пока еще неловко, но вполне уверенно держал руку у Людки на талии. И вдруг Пашка поймал на себе удивленный взгляд — какая-то девчонка сквозь стекло ошарашено смотрела прямо на Пашку, показывая на него рукой. Все танцоры как один повернули головы в Пашкину сторону, и он ссыпался с козырька, зацепившись карманом за кусок арматуры.

На следующее утро Людка ждала его около раздевалки.

— Ну что, папарацци, все вчера высмотрел, или сегодня опять на козырек залезешь? — насмешливо спросила она.

— А что, нельзя?

— Да можно. Только в спортзале скамейка есть, Варвара говорит, что на ней удобнее. И теплее, чем на улице, и атмосферу почувствовать можно. Так что заходи, ежели интерес проснется. — И, закинув за спину сиреневый рюкзак, она так улыбнулась Пашке, что сомнений насчет того, заходить после уроков в спортзал или нет, не осталось никаких.

Пролетела вторая четверть. Девчонки перестали судачить по Людкиному поводу: подумав — джинсы на юбку поменяла. А вот Пашке не нравились перемены, произошедшие с одноклассницей. Она все больше отдалялась от прежних друзей: ее все реже можно было вытащить в парк, она стала пропускать тренировки по баскетболу, и все чаще Людку можно было увидеть с Метлой. Метла оказалась вовсе не теткой, а молодой девушкой. Старше и страшнее делала ее эта так пугавшая Пашку улыбка. А вот чем эта девушка с соломенными волосами так привлекла Людку, Пашка никак не мог понять. Неужели танцами?

Ни одну из репетиций студии Людка не пропустила, в отличие от баскетбольных тренировок. Три раза в неделю «ритмовцы» собирались в спортзале. Пашка иногда тоже ходил на репетиции: танцевать он не решился, а смотреть Варвара не запрещала. С начала года ребята кое-чему научились, и на новогодний бал студия «Ритм» представила танцевальную программу. Хотя какую программу — три танца, которые успели подготовить с сентября. Но директор школы был в восторге и предложил ребятам поучаствовать в городском конкурсе бального танца. Ребята согласились. А для Варвары предстоящее выступление было чем-то вроде дипломной работы — она училась на хореографа. Репетиции шли теперь каждый день. Варвара как с ума сошла — гоняла ребят по три-четыре часа подряд. Да они и не сопротивлялись — очень уж хотелось ритмовцам увидеть концерт балета «Тодес», а победители конкурса в награду получали билеты на концерт.

После уроков в спортзале шла изнурительная работа: разминка, станок и самое сложное — танго. Пашке казалось, что танцуют «ритмовцы» просто замечательно: ребята в па-

рах делали все точно под музыку, движения их стали уверенными, парни и девушки словно летали по залу — Пашке не надоедало на них смотреть. Он так и не начал танцевать, зато на каждом занятии увлеченно щелкал затвором, снимая танцоров. И почему-то чаще всего на его снимках оказывалась запечатленной Людка: с взлохмаченной челкой, с капельками пота на лбу, вскинувшая руки, стремительно летящая, в повороте. Разная, но почти всегда с улыбкой. «Красивая» — тихонько вздыхал Пашка, просматривая скинутые на комп фотки.

А вот Варвара все больше становилась похожей на Бабу Ягу: нервничала, злилась, кричала.

— Ярче движения! Чувства где?! Танец — это чувства! Особенно — танго. Зритель увидеть должен и любовь, и страсть, и ненависть временами.

На одной из репетиций она не выдержала, подскочила к Валерке.

— Смотрите, как должно быть!

Как завороченные, ребята смотрели на разворачивающуюся перед ними картину: между Варварой и Валеркой разгорелась настоящая битва. Варвара была то нежной и ласковой, поддавалась Валерке, подчинялась ему, то вдруг начинала танцевать так, как будто Валерка был в чем-то виноват. Варвара яростно наступала на него стремительно, рывками. На последних аккордах она резко прогнулась назад, опираясь на носочек вытянутой до предела ноги. Валерка подхватил ее, собираясь плавным движением вывести из наклона, а Варвара вдруг охнула, осела у него на руках, и они с Валеркой с грохотом посыпались на пол.

Валерка тут же вскочил, а вот Варвара корчилась на полу, от боли закусывая губы, на прокушенных местах адела кровь. Варвара не кричала, но о том, как ей больно, видно было по крупным каплям пота, выступившим на лбу. Ребята молча сгрудились около Варвары. Людка бросилась к рюкзаку и через секунду уже звонила в «Скорую». Пашка стянул с себя свитер и неловко подсунил Варваре под голову. Она так и лежала на полу, трогать ее с места было страшно: губы у нее посинели, она не реагировала на то, что творится вокруг, только стонала жутко. Валерка сидел на корточках, обводил ребят полоумным взглядом и все твердил: — Я не виноват... Она сама... Я же ее крепко держал... И что теперь будет, а?

Скорая приехала через десять минут. Десять бесконечных минут отчаяния, боли и страха. Все это время Людка держала Варвару за руку. Даже когда Варвару выносили на носилках, Людка шла рядом. И в машину она села, и в больницу поехала. Сгрудившись стайкой, как потрепанные воробьи, ритмовцы долго стояли у школы. Давно разошлись все любопытные, дворник вышел с метлой.

«Надо же — с метлой» — подумал Пашка. «А мы теперь что — без Метлы?»

— Ну все, ребята. Давай по домам, — выдохнул Пашка, и ребята потянулись к школьным воротам.

Утром Пашка бежал через двор с нетерпением — ему хотелось скорее увидеть угол дома и летящую навстречу Метлу. Но чуда не произошло — тропинка была пуста.

Холодок зашевелился у Пашки в животе, когда он узнал, что Людка не пришла в школу. Уроки тянулись, как резина, и после каждой перемены тревога все нарастала и нарастала. Потому что на каждой перемене Пашка звонил Людке, но из трубки несло автоматическое «аппарат абонента выключен или...».

Ближе к вечеру Пашка решил и вышел из дома. На скамейке около Людкиного подъезда сидели девчонки из студии.

— Привет! А вы уже отрепетировали? А Людка где? — у Пашки совсем нехорошо заныло под ложечкой, когда он увидел покрасневшие девчоночьи глаза и носы. Девчонки зашмыгали, а Иришка Безуголова, Пашкина соседка по лестничной клетке, взывала тоненько, рвущейся гитарной струной резанув по сердцу.

— Не будет больше репетиций, — прошелестела Ольга Решетова. Ольга лучше всех танцевала вальс. — А Люда... Она Варвариной маме помогает к похоронам готовиться.

— К-к-к... чему?

Людка появилась в школе только после выходных. На Варвариних похоронах Пашка стоял с ней рядом. Он видел, как Людка кусала губы, как девчонки суетливо перебирали платочки, то и дело поднося их к глазам. Парни из студии тоже пришли, стояли группой в стороне, только Валерки среди них не было. Валерка приходил к Варвариной маме на следующий день после трагедии в спортзале, пытался объяснить, что он ни в чем не виноват. Да он и в самом деле не был виноват. Виновата оказалась сама Варвара. Людка звонила Решетовой из больницы, и сквозь слезы рассказала, чем Варвара делилась с ней в последнее время. Ну а то, что знают две девчонки, знает и весь свет.

Так вот, по Людкиным словам выходило, что Варвара еще осенью почувствовала, что ходит по самому краю, и что времени у нее осталось совсем мало. Потому и злилась, и кричала, и похожа стала на Бабу-Ягу своей какой-то злой неудержимостью. А на краю она оказалась три года назад, тогда же и время свое растратила в одном глупом порыве...

...Влюбленная в музыку, в движения и в красавца Сергея, Варвара просто летала на репетициях студии бального танца. Их пара была самой талантливой. Варвара — стремительная, эмоциональная, танцевала как жила. Сергей — надежный, уравновешенный, бесконечно терпеливый. Они не раз побеждали в разных конкурсах, турнирах и фестивалях, этой парой любовались и зрители, и многочисленные жюри.

Три года назад Сергей и Варвара завоевали на очередном фестивале золотой кубок. Стоя на пьедестале, Варвара впала в какую-то необъяснимую эйфорию. В восторге она готова была зацеловать партнера, сыпала остротами и шутками по поводу соперников. После церемонии награждения выделяла па на гранитных перилах театральной лестницы. Да так, что постовой, дежуривший у входа в театр, где проходил конкурс, сделал ей замечание. Замечание сделал ей и Сергей: в тот день Варвара сама вела машину и выкручивала руль так, чтобы легковушка выписывала на трассе пируэты:

— Смотри, она у меня тоже танцует!

На замечание Сергея о поведении на дороге Варвара надулась и вжала газ до отказа. Они мчались по пустой трассе, и Варвара представляла себя одинокой птицей, летящей навстречу облакам. Сергей молчал. Варвара дулась и жала на газ. Вот ведь гусь домашний, сам не растрясется, и она ползать должна! Ну и ползай себе! А она — стремительная одинокая птица, рвущаяся к облакам. Обиженная и ужасно гордая, она не заметила фуру, вылетевшую на них из-за поворота. Вернее, заметила, попыталась даже затормозить, но машину закрутило и бросило под колеса грузовика...

Первое время после выписки из больницы Варвара не могла смотреть на себя в зеркало: лицо было изуродовано. К уродливой улыбке она потом привыкла. Труднее было привыкнуть к мысли, что танцевать она больше не будет — что-то внутри у Варвары сломалось и в любой момент могло отказать. Врачи просили ее быть очень осторожной, не давать организму больших нагрузок. Медики говорили, что она вообще чудом встала на ноги. А вот Сергей на ноги после той аварии не встал.

Мать Сергея долго не пускала Варвару в свой дом. Только Варвара каждый день приходила и стояла под окном его спальни. Каждый день, в одно и то же время, в любую погоду. Однажды Сергея вывезли из подъезда в инвалидной коляске, и он сам подъехал к Варваре. С того дня они снова были вместе: бесконечно виноватая Варвара и безгранично терпеливый Сергей. Варвара ежедневно ходила с ним на прогулки, выходные они проводили вместе и ни в разговорах, ни в ежедневных делах ничем не напоминали друг другу о роковом событии. Варвара даже кубок тот злосчастный выбросила.

Вот только танцы из своей жизни Варвара выбросить не могла.

Дома она постоянно слушала музыку, под которую они танцевали с Сергеем, следила за всеми конкурсами и состязаниями по спортивным и бальным танцам, стремительными росчерками карандаша рисовала в альбоме танцующие пары. Постепенно рисунки стали складываться в хореографические композиции, Варвара придумывала новые и новые танцы. В прошлом году она начала учиться на хореографа. Птица со сломанными крыльями пыталась расправить их вновь и вот...

В школьном коридоре у доски объявлений кучкой стояли «ритмовцы». Розовый листок с расписанием занятий студии и надписью «До конкурса осталось 10 дней» снять никто не решался. Завуч, мимоходом глянув на ребят, сняла его и повесила на это место объявление о педсовете. После уроков Пашка по привычке свернул к спортзалу. Все «ритмовцы» были здесь. С Людкиного телефона тихо звучало танго. Заговорить о чем-нибудь никто не решался, уйти первым никто не осмеливался. Просто стояли, молчали.

— Так и знала, что вас здесь найду, — завуч, простучав по коридору каблучками, подошла к ребятам. — Пройдите в кабинет директора, он вас ждет.

— Всех?

— Если хотите, то можете все зайти.

У директорского стола тоже стояли молча.

— Ребята, тут такое дело. Мы на педсовете посоветовались и решили вам вот что предложить. Вы ведь полгода занимались, многому научились, танец на конкурс почти готов. Может, выступите вне зачета, ну, чтобы работа зря не пропала? На прошлой неделе я уже и костюмы для вашего выступления заказал, сегодня должны привезти...

Людка, всхлипнув, выскочила из кабинета, за ней потянулись ребята. Пашка выходил последним, директор нервно постукивал карандашом по столу.

Ночью Пашке снилась Метла. В своем черном пальто она кружилась на оранжевых листьях. Остановилась, улыбнулась Пашке кривой улыбкой. Вдруг вместо Варвары появился Валерка. Усмехнулся нагло, ткнул в Пашку пальцем и, прищурился глазами, спросил:

— Что? Не танцуешь? И Людка теперь не будет! А ребята с тебя пример возьмут, и тоже танцевать не будут!

Проснулся Пашка с тяжелой головой и плохим настроением. Сел за компьютер и вывел на печать всего одно предложение. А на большой перемене на доске объявлений появился розовый листок с надписью «До конкурса осталось 6 дней».

— Обалдел? Какой конкурс?! Какие шесть дней?! — Ритмовцы после уроков налетели на Пашку около спортзала. Пришли все, кроме Людки. Пашка видел, что читала объявление. А вот смотри-ка, не пришла...

— У нас что, новый тренер появился?

— А самим слабо? Без няньки никак? Оленька, носочек тяни, Вова голову поверни! А сами на что? Полгода прыгали, а толку?! Будто без Варвары ничего не можете! Да настоящие танцоры за полгода балет танцевать начнут! А вы танго не можете?!

— А ты попробуй сначала свою Людочку сагитируй, — Безуглова шагнула на Пашку. — Это она у нас солистка. А мы что, мы — подтанцовка. Иришка поправила сползшую с плеча сумку и, оттолкнув Пашку, пошла к раздевалке. Девчонки пошагали за ней, парни извинялись, улыбались натянуто, пожимали плечами — мол, что с них возьмешь — и тоже тянулись на выход. Валерка уходил последним.

— Пока, Пашок. Ты насчет конкурса не заморачивайся. Кто ж знал, что так выйдет?

— Да ладно, выйдет... А если бы иначе вышло? Если б Метла просто с ангиной слегла, вы бы тоже стухли?

— Метла это кто?

— Да Варвара, кто же еще. Она когда по осени в черном пальто летала, на метлу была похожа — тощая как палка и лохматая.

— Подходящее прозвище — Метла, — Валерка почесал макушку, улыбнулся слегка. Потом посерьезнел и вздохнул:

— С ангиной — это другое дело, с ангиной Варвара нас бы дождала, она бы и больная нас гоняла до потери пульса.

У Валерки в кармане запел мобильник. Валерка его вытащил, буркнул в трубку: «Иду уже» и пошагал к раздевалке. Оглянулся на ходу:

— Слышь, а ты с Людкой все же поговори. Может, и впрямь — вне конкурса? Если она «за», то и я не против.

Вечером Пашка набрал Людкин номер. После долгих гудков в трубке раздалось тихое «Слушаю».

— Люд, поговорить надо.

— Про конкурс? Даже слышать не хочу.

— Не, про фотки. Нам задание дали, для портрета модель нужна. Что-то я к другим девчонкам не айда, может, ты поможешь?

— А что делать-то надо?

— Да совсем ничего — постоять, посидеть около дерева какого-нибудь. Давай через полчаса у парка встретимся.

Через полчаса Пашка был на месте. Людка появилась еще минут через двадцать. Хмурая, с синевой под глазами, про таких говорят — как тень.

— Может, не надо меня моделью? На кого я сейчас похожа?

— На мокрую ворону, вот на кого. Варвара бы увидела, не танго бы с тобой репетировала, а польку призраков разучивала.

Людка сморщилась как от зубной боли и полезла в карман. Вытащить носовой платок Пашка ей не дал.

— Пошли, чего покажу, — и потащил Людку к скамейке около рябины. Снега в кустах было не много, а на укромной полянке он и вовсе был утоптан любителями укрыться от посторонних глаз.

— Я тут по осени видал кое-что. Зацени.

Людка осторожно присела на скамью. Пашка отдал ей «никон» и закрыл глаза. Он вспоминал, как Варвара летала по кленовым листьям, пытался повторить движения. Сначала

ла так: от скамейки к клену, обратно. Встала. Руки вверх, к небу. На носочках по кругу, снова руки вверх — как крылья у птицы, вниз, как будто крылья сломались. Пашка остановился и открыл глаза.

— Кажись так.

Людка очумело смотрела на него, она даже встала со скамейки, готовая рвануть по парковой аллее подальше от сумасшедшего одноклассника.

— Ты это... Не подумай чего... Это Метла, тьфу, Варвара тут по осени скакала.

— Кто? Какая Метла? Чего скакала? — Людка ничего не могла понять, пока Пашка не рассказал ей про воскресный день в начале сентября.

Людка слушала, затаив дыхание.

— Это она новый танец придумывала, — выдохнула она, когда Пашка закончил говорить.

— Представляешь, она же каждый день жила как последний. Она же три года по самому краешку ходила и все равно на чудо надеялась. Знаешь, сколько у нее танцев придумано? Целый шкаф фигурами, рисунками, схемами завален, — Людкины глаза наполнились слезами, Пашка подумал, что сейчас слезы прольются, и он уже никогда не увидит прежнюю Людку: задиристую, стремительную, мчащуюся семимильными шагами по школьному коридору или бацающую на гитаре. Выльется прежняя Людка на землю солеными каплями и не найти ее потом.

— Вот-вот. Она-то надеялась, танцы придумывала, а вы танго одно выучить не могли. Одно слово — чайники, — Пашка взял фотоаппарат и пошел к центральной аллее.

— Сам ты чайник! — Людка догнала его, схватила его за рукав. Пашка выдернул руку из цепких девчачьих пальцев, остановился. В Людкиных глазах плескалась злость. «Пусть уж лучше злость, чем тихие слезы», — подумал Пашка.

— Ты у станка стоял хоть разок?! — орала Людка. — У тебя ноги болели так, что по лестнице подниматься не можешь? Ты-то чего в танцах смыслишь?! Сидел на скамейке, кнопочки нажимал!

— Точно, нажимал. Поэтому у меня на фотках Варвара танцует. Как живая. А у вас? Закопали и все? Чайники и есть...

В этот вечер Пашка долго не мог уснуть. Ворочался. Закрывал глаза и видел Метлу, стремительно шагающую по школьной тропинке. Сквозь дрему слышал танго, и Варвара вскидывала руки под ярко-оранжевым кленом. Наконец Пашка не выдержал, встал и включил компьютер. Он нашел папку с осенними фотографиями и почти до утра возился с анимацией.

Утром с фотографии на доске объявлений смотрела на ребят Варвара. Смеющиеся глаза за ярко-оранжевым букетом кленовых листьев. И улыбка уже не казалась уродливой — просто тень от рябиновой кисти так легла. «До конкурса осталось 5 дней! Репетиция — после пятого урока!» — розовые объявления красовались на всех кабинетах, где учились ритмовцы.

После пятого урока первый этаж школы дрожал от громовых раскатов музыки. Кто бы мог подумать, что у Валерки в друзьях лучший диджей города! А каких трудов стоило Пашке с Валеркой уговорить директора школы на такую авантюру! Зато эффект был — полный улет! Старшеклассники толпились около спортзала, те, кто успел, заняли места на скамейках в зале. Все перешептывались, переговаривались, пытались узнать, что это за раслабуха среди учебной недели. Ритмовцы толпились у тренерской, ошарашенно смотрели на происходящее. Пашка нервничал: если Людка сейчас не придет, то грош цена их затее. Он нервничал и поглядывал на Костика. А вот Костик — диджей Costa — чувствовал себя как рыба в воде. Пританцовывал, подкручивал на пульте какие-то рычажки, улыбался и вскидывал на Пашку озорные глаза.

Толпа в коридоре зашевелилась, расступилась, и в спортзале появился директор школы. Он подошел к пульту, взял микрофон и, прокашлявшись, заговорил.

— Ребята! У нас есть замечательный коллектив. Его выступление вы видели на новогоднем балу. Студия «Ритм» долго готовилась к городскому конкурсу, но... Сегодня я попрошу танцоров выступить перед вами с конкурсным танцем. Это будет их последнее выступление, потому что искать педагога в конце учебного года... Сами понимаете. А сейчас... Борис Петрович, несите костюмы.

В зал вплыл школьный завхоз. В руках у него искрилось, переливалось темно-вишневое облако. Облако уплыло в тренерскую раздевалку.

— Ну что ж, мы ждем? — Директор вернул микрофон на место и сел на скамейку. Кости врубил музыку, собравшиеся в зале начали аплодировать в ритм.

Танцоры переговаривались, переглядывались, растерянно смотрели на зрителей и на директора школы. А директор хлопал вместе со всеми, и жестом приглашал в центр зала. «Ритмовцы» потянулись в раздевалку. А Пашка все смотрел на толпу в коридоре — может, Людка уже на подходе? Из коридора ввалился Валерка, посмотрел на Пашку растерянно и руками развел, мол — нету, делать чего? Пашка не знал, что делать, только карман толстовки теребил отчаянно и ждал, ждал, ждал. Из раздевалки стали выходить «ритмовцы». Ох, как они выглядели в новых костюмах! Пашка даже глаза зажмурил от восторга. А когда открыл, увидел Людку. Она стояла в толпе и непонимающим взглядом обводила строй «ритмовцев». Пашка стал яростно махать рукой Костику, и тот врубил танго. Валерка, так и не успев переодеться, подскочил к Людке и повел ее в круг.

Начало танца ребята скомкали: Пашка забирал у Людки рюкзак. А потом... Потом было все: радость, любовь, страсть и ненависть временами. А еще были слезы. После того, как музыка стихла. Сначала — нескольких секунд полной тишины. А потом толпа учеников взорвалась аплодисментами, а Людка ревела белугой. Пашка улыбался: вот теперь Людка не выльется со слезами. Раз уж вышла перед всеми и выступила, значит, будут и тренировки по баскетболу, и песни под гитару, и новые стратегические.

Директор протянул Людке свой носовой платок, приобнял и сказал в микрофон:

— Молодцы. Классно танцевали. А вот костюмы жалко. Может, покажем их всему городу?

Р. С.: Через пять дней на сцене городского дворца культуры стояли «ритмовцы» в искрящихся темно-вишневых костюмах. После безупречно исполненного танго зал аплодировал. С экрана над сценой улыбалась из кленовых листьев Варвара. Улыбалась Людка с огромным букетом в руках — директор школы вручил, сказав, что третье место — тоже хорошо. Сидя на третьем ряду, улыбался Пашка: анимация с Варварой получилась классно. Классно получилось и танго — танго с Метлой!

г. Катав-Ивановск

Хакима

«Не было бы счастья...»

Посвящая всем одиноким Галинам, как обещала

Холодным февральским вечером Галина возвращалась с работы. На своей остановке она сошла с автобуса. Домой идти не хотелось, уже год на фабрике не дают зарплату, и каждый вечер свекровь встречает её словами:

— А, дармоедка пришла, уж и не знаю, сколько мы тебя можем кормить.

Галина заставляет себя переставлять ноги в сторону дома. Семнадцатилетней девчонкой выскочила замуж за Владислава, без ума влюбилась в красивого высокого парня, сама тоже статная красивая, под стать Владиславу, на восхищение окружающим сложилась светлая красивая пара.

Отслуживший в армии Владислав чувствовал себя сильным, уверенным, верил, что всегда сумеет защитить любимую от любых житейских бурь и невзгод. Когда привёл Галину домой и объявил, что женится на ней, мать Владислава, вырастившая одна единственного сына, чуть сознание не потеряла, узнав, что Галина детдомовская.

О такой ли партии для сына мечтала она, это её красотулечка ненаглядный, богатырь, Иван-царевич из сказки, кусочек сердца её, достойный, по крайней мере, руки дочери английской королевы, приводит в дом детдомовку беспштанную, да, тут точно с ума сойдёшь.

— Вон, вон из моего дома, — прохрипела она, хватаясь за горло. Галина выскочила на улицу, мать схватила Владислава за рукав. — Ты почему не сказал мне, что жениться хочешь, у меня давно уже лежит список дочерей богатых и начальников.

— Мать, ты что с ума сошла? Я люблю её!

— Люблю! Придумал! Как можно любить детдомовку, да за тебя любая из этих, — потрясла списком Зинаида Фёдоровна, — бегом побежит, ты только помани пальцем.

А её ноги, пока я жива, здесь не будет, — топнула ногой Зинаида Фёдоровна.

— Ну, её ноги не будет и моей не будет, — хлопнул дверями Владислав.

Галина тогда уже работала на швейной фабрике, проворная, всё успевающая девочка, пришлась по душе коллективу.

Владислав догнал её:

— Не плачь, я с тобой не расстанусь никогда.

Фабрика сыграла им комсомольско-молодёжную свадьбу, выделили комнату в общежитии, и как бы наметилась счастливая жизнь.

Через месяц объявилась Зинаида Фёдоровна, покаялась, повинилась, позвала домой:

— Что я враг своему сыну, дом у меня большой, будем жить вместе.

Сладким голосом пела Зинаида Фёдоровна.

— Ой ли, — покачала головой вахтёрша баба Маруся, повидавшая на своём веку и горького и солёного, и сладкого, да вот только сладкого почему-то было чуть-чуть, может сладкое просто быстро забывается, а горечь торчит комом всю жизнь, отравляя радость приходящих дней. Как бы там ни было, баба Маруся каждого человека видела насквозь и ни разу ещё не ошиблась.

— Чует моё сердце, нахлебаешься ты, девонька, нахлебаешься.

— Слава сказал, что он в обиду меня не даст.

— Э-э, — махнула рукой баба Маруся, — жизнь покажет.

Шестнадцать лет пролетели, как один миг, родила двоих детей, сейчас сыну четырнадцать лет, дочери двенадцать. Как только дети окрепли ножками, Зинаида Фёдоровна ни к одному из них не подпустила Галину.

— Я сама, твоё дело чтобы был порядок везде, — сад, огород, дом, всё легло на её плечи, — а Славик и так на работе устаёт, пусть отдохнёт. Так и пошло: мыть, стирать, белить, копать — это была её обязанность. Владислав первое время пробовал заступаться, помогать. Зинаида Фёдоровна, уперев руки в бока, начинала буквально орать:

— Где это видано, чтобы мужик бабью работу делал, сама как лошадь делает, вон Михаил тебя просил зайти, что-то у него дома со светом не ладно.

Так потихоньку Зинаида Фёдоровна отбила сына, к детям не подпускала, следила за уроками, ходила на родительские собрания, когда учителя спрашивали маму, презрительно отвечала:

— Что она понимает в воспитании, думаете их в детдоме чему-нибудь учат, сама уж буду воспитывать.

Зинаида Фёдоровна нигде и никогда не забывала напомнить, что вот взяли детдомовку в семью, осчастливили. Когда дети подросли, Зинаида Фёдоровна каждый год стала ездить с детьми отдыхать на Чёрное море. А Галине говорила: дома работы много, ты должна ещё спасибо сказать, что мы тебя, беспштанную, в дом приняли. Так, постепенно, Галина в доме стала непонятно кем. Да и дети к ней привыкли так же относиться, есть и ладно, холодильник скажем или дверь в доме нужны? Нужны, как без них? Никак. Так и к Галине относились, не замечали, но пользовались. Так пролетели шестнадцать лет и Галина незаметно превратилась в какое-то бессловесное создание, которое знает одно: работать, работать, чтобы дома не упрекали, на фабрике побольше заработать, чтобы опять дома не попрекали куском хлеба. А тут перестройка, на фабрике уже год, второй пошёл, как не дают зарплату и Галина кроме слов «дармоедка, сидишь на нашей шее», ничего другого не слышала. «Вон, ешь, что осталось, да не забудь убрать посуду.»

Холодно, Галина поёжилась, идти все равно некуда. Галина позвонила в дверь, обычно дверь молча открывали дети, иногда муж, но сегодня за дверями шла непонятная перебранка, потом властный голос свекрови заставил всех замолчать:

— Хватит! Хватит сказала, пусть идёт куда хочет!

Дверь открылась, свекровь вышла к Галине:

— Вот твои документы, пошла отсюда, хватит моему сыну век заедать, наконец-то он встретил достойную по себе пару.

Пока до Галины доходил смысл сказанных свекровью слов, двери захлопнулись, слышно как скрипят ключи в замках, со скрежетом задвигаются задвижки, и — ВСЁ. И — ТИШИНА. И — ХОЛОД. «Всё — всё!» — кричал и выл, где-то далеко внутри маленький сжатый комочек, давно онемевшая душа не в состоянии даже проанализировать происшедшее. Галина долго стояла перед дверями, потом вернулась на остановку, она не ослепла — нет, но она ничего и никого не видела. Автобусы подходили, открывались двери, кто-то сходил, кто-то сажился, вот уже и автобусы всё реже и реже подъезжают на остановку, Галина как

держала в руках документы так и сидела на скамеечке, свет от ярко горевшей рядом на столбе лампочки хорошо освещал останковку и ясно было видно, что у неё в руках паспорт и ещё какие-то бумаги.

— Что замерзать будем?

Галина повернула голову в сторону прозвучавшего голоса.

— Вижу, выгнали из дома. — Галина промолчала. — Извиняюсь, может просто попросили.

Не дождавшись ответа, продолжил:

— Вот что, умирать нам ещё рано, тут недалеко живёт бабка, мать моего друга, осенью я ей целую машину дров бесплатно привёз, никуда не денется, пустит переночевать, утро вечера мудренее, так говорят старики, завтра будет видно, что и как. Да, меня тоже попросили из дома, — почесал затылок мужчина.

Галина продолжала молчать.

— Вставай, пошли, наверно, уже минус тридцать.

Так больной просыпается к жизни, когда вдруг видит рядом человека, которому ещё хуже, ещё больнее, вот и Дмитрий, так звали, мужчину, словно проснулся, увидев человека, которому ещё хуже, чем ему.

— Вставай, вставай, пошли!

Галина, молча встала, она привыкла подчиняться.

— Ну пошли, ты говорить-то умеешь? — оглянулся он на неё, она опять молча кивнула головой. Как новорождённый птенец бежит за всем, что движется, так и Галина бездумно топала за незнакомцем, думать или что-то решать она была просто не в состоянии. Шли недолго, Дмитрий позвонил в ворота:

— Кто там? Что нужно?

— Татьяна Карповна, это я — Дима, помните, я вам осенью машину дров привёз, мне переночевать бы, я был у Александра, а он с семьёй куда-то уехал.

— Помню, конечно помню. Ты один?

— Нет, не один.

— Домой не пуцу, вон идите во времянку, ничего, истопите тепло будет, знаешь где дрова лежат.

Татьяне Карповне, или, в простонародье, просто Таньке Карповне, некогда было интересоваться с кем пришёл Дмитрий, по телевизору шёл очередной сериал «Богатые тоже плачут», и она, чуть не плача, уговаривала Луиса Альберто обратить внимание на страдания Марианны.

— Натопишь, быстро нагреется, тем более не один, — вполголоса добавила Татьяна Карповна.

— И на том спасибо.

— Ворота запири, а то сейчас развелось всяких бездомных.

И Татьяна Карповна ушла в дом, задвигая все запоры за собой, ворча, что вот ходят не вовремя, до них ли сейчас, когда Марианне так плохо.

Печка во времянке оказалась действительно чудесной, маленький домик хоть и стоял с осени не топлённым, моментально нагрелся, нашёлся чайник, железные кружки и горсточка сухарей. Дмитрий сходил на колонку за водой.

— Вот и чай готов, — как можно бодрее произнёс он, — правда, заварки нет, а вот мы сейчас вишню заварим, отрывая листья от пучка высушенных веток.

Галина, молча выпила горячий чай с сухарями и как сидела в старом кресле, так там и уснула, укрывшись своим пальто или сделала вид что уснула. Дмитрий снял с гвоздя старую фуфайку, положил под голову и прилёг на топчан, хорошо хоть топчан был сколочен на всю ширину времянки, есть куда протянуть ноги.

Не спалось, какой уж тут сон. Перед глазами прошла вся его долгая недолгая жизнь. Вот он, деревенский мальчишка, приезжает в город, поступает в автошколу, учится на механика-электрика. На танцах знакомится с Ольгой, широкоплечий статный с копной рыхлых кудрявых волос, он сразу приглянулся Ольге. Верховодившая над подружками Ольга, предупредила их: «Этот мой, даже близко не подходите.» Белокурая от природы Ольга с соблазнительными ямочками на щеках понравилась Дмитрию. Она очень быстро окрутила его и объявила, что они женятся.

— Я сказала предкам, что выхожу замуж и сегодня приеду домой с женихом, поехали, они ждут.

— Но... — попробовал возразить Дима.

— Никаких но, — засмеялась Ольга, — мы любим друг друга, что тянуть резинку.

Дмитрий застонал, повернулся на бок, тогда ещё надо было подумать, не соглашаться сразу. Не дала Ольга времени подумать, боялась упустить такого красавца с умопомрачительными серыми глазами. Она уже представляла себе, как будут они ходить в гости с ним, на вечера, на праздники и как все подружки будут завидовать, дальше этих мечтаний почему-то у неё фантазия не срабатывала. Что сейчас жалеть о том, что во время не было сделано. Надо было остановиться, взять тайм-аут, оглядеться. Да когда оглядываться, если гормоны с ушей сыпятся, и Ольга, в отличие от подруг, лучше, красивее одета, всегда весёлая радостная, нет — некогда было думать. Она быстро родила двоих детей погодков, сейчас сыну тринадцать, а дочери двенадцать лет. Жили у родителей Ольги, они не захотели отпускать их отдельно; единственную ненаглядную — нет и нет. Как не уговаривал Дмитрий Ольгу уйти и жить самостоятельно, не смог. Ольга только смеялась:

— Ну ты что! смотри, уйдёшь — готово, придёшь — готово, папа много зарабатывает, мама дома, мы с тобой будем зарабатывать, лучше не бывает, будем жить как короли.

Захотелось курить, но ни денег ни сигарет, открыл глаза, здесь конечно даже дранного окурка не найдёшь.

Попробовал лежать с закрытыми глазами, нет — сон не шёл. Недолгим была сытная весёлая жизнь, через пять лет неожиданно умер отец Ольги, пришлось подзатыгнуть пояса. Дмитрий стал брать дополнительные работы, но наверно не зря говорят в народе, что честным трудом не построишь палат белокаменных. А тут ещё перестройка, всё стало непонятным, военный завод, работающий по передовым технологиям, оказался нерентабельным, и его закрыли. Оставили только лучших специалистов, на всякий случай, а вдруг сверху придёт директива начать работу, простых рабочих-то можно найти, а вот специалистов с, так сказать, золотыми руками пойти, найди, среди таких специалистов оказался и Дмитрий. Завод стал переходить из рук в руки. Было непонятно, как у вчерашнего никчёмного инженеришки, или у директора третьесортной бани оказались деньги на покупку крупного военного завода принадлежащего государству. Всё стало непонятным. Дома скандал за скандалом Ольга трясла перед ним норковой шубой: «Второй год хожу в этой шубе, весь город надо мной смеётся, ты когданибудь начнёшь приносить деньги!» Дмитрий пробовал оправдываться, что он ходит на работу, что может вот-вот начнут платить.

— Он ходит на работу, — издевательским тоном высказывалась Ольга, — люди заводы, фабрики покупают, а он на работу ходит.

Вскоре Ольга устроилась на рынок главным бухгалтером, дома появились деньги, бесконечно стали меняться наряды, дорогие украшения. Ольга часто стала возвращаться в подпитии или звонила и говорила, что остаётся ночевать у подруги, если он брал трубку, голос также звучал с издевательским акцентом: «Не волнуйся за меня, я у подруги заночую».

Дети сначала радовались новым вещам, игрушкам после уже когда пьяненькая мама протягивала очередной подарок, вежливо благодарили и старались быстрее скрыться в своих комнатах. Дмитрий больше молчал, чтобы не слышать в очередной раз: «Скажи спасибо, что я тебя содержу, что ты ещё не роешься в мусорных баках».

И вот итог: сегодня он здесь, без денег, без крыши над головой, бомж, одним словом, когда сунули в руки документы, он механически открыл паспорт, посмотрел прописку, оказалось выписан ещё месяц назад.

Дмитрий поднялся, чтобы подкинуть дрова в печку, поправил съехавшее пальто на незнакомой женщине, усмехнулся вот ещё одна несчастная с документами в руках. И тут в голове чётко прозвучали слова жены: «Скажи спасибо, что ещё не роешься в мусорных баках».

«Нет! Врёшь, не дождёшься, чтобы я рылся в мусорных баках».

«Дождусь Александра, поговорю с ним, он мне сколько раз говорил, что ты там ходишь на этот завод, строишь из себя патриота, дождёшься, жена выгонит из дома». Дождался, Александр как в воду смотрел.

Они с Александром учились в одной группе, как-то легко подружались и все годы учёбы были не разлей вода. Когда Ольга закрутила Дмитрия, и он сказал Александру, что они с Ольгой женятся:

— Не знай, не знай, — почесал затылок Александр, — я тебе в этом деле не советчик, но с такой, я бы не стал строить жизнь на всю жизнь. Да и не любишь ты её, только сам ещё не понял.

Понял Дмитрий, да только поздно, сын успел родиться, а следом и дочка. Понял ещё, что Ольга никогда не любила его, он такой красивый обаятельный нужен был ей, как фон, как красивая рамка для портрета. Приняв твёрдое решение, что поговорит с Александром, посоветуется, как дальше жить и чем заниматься, чтобы уж совсем не оказаться за бортом бурлящей кипящей без конца меняющейся жизни, Дмитрий крепко уснул. Проснулся от скрипа открывающейся двери, женщина собиралась выйти:

- Ты куда?
- На работу.
- Где работаешь?
- На швейной фабрике.
- А что так рано?
- Далеко идти.

Дмитрий поднялся, ему тоже далековато идти. Пока печку протопил, чтобы чай согреть заглянула хозяйка:

— Почто один, ты же говорил, что с товарищем? — Татьяна Карповна родом была с Волги, где в говоре больше окают и она любое слово с буквой «о» произносила с ударением.

— Ушёл товарищ на работу.
— А ты сам-то работаешь?
— Да на заводе. Татьяна Карповна, можно, и сегодня я сюда вернусь, пока мне некуда идти. Не знаете, когда Александр вернётся?

— Приходи, а Саша за товаром уехал, завтра обещался вернуться, а Светлану с детьми отправил в дом отдыха, пока сам в поездке пусть отдохнёт, ей тоже хватает и забот и переживаний.

Татьяне Карповне нравился друг сына, спокойный вежливый, безотказный в работе, умеющий всё делать: что телевизор починить или скамейку сколотить. Она своему Саше всегда говорила: «Вот видишь, у Димы руки растут с нужного места, а ты...»

- Обижаешь, мать, я тоже всё умею делать.
- Умеешь, знаю, что умеешь. Только вот всё завтраками кормишь.

* * *

Александр, выросший в спокойной заботе, где семья живёт заодно, никто на себя одеяло не перетягивает, у каждого свои обязанности по дому, вырос уверенным в себе человеком, который реально умел видеть любую ситуацию и просчитывать варианты выхода из создавшегося положения. Сестра и брат Александра жили в Калининграде, брат стал военным. «Вас и Родину кто-то должен защищать», — заявил он, а однажды, когда в отпуск приехал с другом, тот отказался уезжать без Любоньки. Когда осталось три дня до отъезда и вся семья собралась за столом, он громко произнёс: «Можно слово сказать».

— Можно, — пряча усмешку, согласно кивнул отец, — как откажешь человеку с таким громким поставленным командирским голосом, говори.

— Извините, это от волнения, — потише добавил: — Я прошу Любу стать моей женой! Все головы за столом повернулись к Любе, та смутилась, покраснела:

- Мама, — как-то жалобно произнесла она, повернувшись к матери.
- Что мама? Не меня же замуж зовут.

Люба опустила голову, притихшая семья ждала её ответа на открыто поставленную просьбу, кто-то ждал улыбаясь, а кто то с волнением, боясь услышать отказ.

Люба встала из-за стола:

— Можно, я подумаю.

— Можно, думай дочка, тебе жить, радость делить и горе делить, если «да», то всю жизнь, думай, дочка, думай, военный человек — это тебе не слесарь на заводе, — произнёс отец.

— Только недолго, пожалуйста, три дня осталось, я без тебя не хочу уезжать, — совсем тихо прозвучал голос будущего командира.

После обеда, видимо мать переговорив с отцом, зашла в комнату дочери. Люба сидела перед окном и смотрела на сад, небольшой сад вокруг дома, который на удивление соседям всегда хорошо плодоносил.

- Что думаешь, дочка?

— Мама, а как же любовь?

— Любонька, если у тебя на сердце кто-то есть, тебя же никто не неволит.

— Нет у меня никого, я ещё не встретила человека, с кем бы хотела жизнь жить. — Мама, скажи ему, что я завтра отвечу.

Так дочь у Татьяны Карповны неожиданно для себя и своей семьи без особых хлопот оказалась замужем и не разу не пожалела о том, что ответила согласием человеку, у которого на первом месте служба.

Умер муж Татьяны Карповны. Когда умирал, наказал ей:

— Таня, ты сильно не горюй, никто не остаётся вечно жить на земле, все уходят, кто раньше кто позже, живи радостно за себя и за меня.

Татьяне Карповне действительно жилось легко без особых забот, осталась она обеспеченной, пенсии хватало, рядом заботливые сноха и сын. Видимо на неё повлияло, освободившееся время, которое она не знала чем заполнить и из добродушной приветливой тётки, она постепенно превращалась в хитроватую каверзную бабку, которой до всего было дело, кто с кем живёт, как живёт и где что берёт, и куда кладёт. И она из Татьяны Карповны, постепенно становилась Танькой Карповной, а может, это просто возраст.

Вот с такой бабкой сейчас разговаривал Дмитрий

Вечером, когда Дмитрий вернулся с завода, на топчане лежали две подушки, два стареньких одеяла. На столике полбулки хлеба немного заварки и баночка яблочного варенья. Затопил печку, чайник вскипел, а женщины всё не было: «Может, домой вернулась. Вряд ли, когда вот так на ночь выставляют из дома, да ещё с документами, обратно уже не пустят. Может к знакомым или к родным ушла? Если бы они у неё были, то она бы ещё ночью пошла».

Во время рекламы, когда Распутин подмигивал со дна бутылки, заглянула Танька Карповна:

— Что товарищ, ещё не появился?

— Нет, не пришла ещё.

— Так это женщина, — прищурилась Танька Карповна.

— Да, я сидел на остановке, она и подошла с документами, ну сидит, сидит, меня же тоже как раз выставили с документами.

— Откуда ты знаешь, что с документами?

— Так она их в руках держала, а паспорт сверху лежал, на остановке же светло.

— Значит, она где-то рядом живёт, — сделала вывод Танька Карповна, — а как её зовут?

— Я не спросил.

— Ну, ты странный, я тебе скажу, ночью приводишь человека, это в наше то время, не зная, кто это, что это, а вдруг бы убила!

— Татьяна Карповна, да бросьте вы, она сама-то, как полуживая, видимо, для неё это было полной неожиданностью.

— Ну, если это всё так, как ты говоришь, то она действительно живёт где-то рядом, кто же это может быть... — задумчиво проговорила Татьяна Карповна.

Дмитрий молча пожал плечами:

— Пойду, посмотрю, может этот человек на остановке стоит, она просто могла не запомнить ваш дом.

Татьяна Карповна, забыв, что по ящику идёт любимый сериал, что Эстер вот уже какую серию не может разродиться, пошла за Дмитрием. Время уже позднее, холодно, морозы никак не спадают, врагу не пожелаешь остаться без крыши в такой лютой холод. На остановке кто-то маячил, Дмитрий направился туда, Татьяна Карповна, кутаясь в свою телогрейку, осталась возле ворот. Жизнь иногда преподносит такое, куда там всем заокеанским мыльным операм, красавица Ольга на замечание Татьяны Карповны: «Что ты мол, девонька, семью свою ломаешь, у вас же дети». «Что дети! что дети! не маленькие вырастут, если этот нёха не умеет деньги зарабатывать, приходится самой зарабатывать!»

«Что-то ты ни тем местом, это делаешь». «Вот это, Танька Карповна, не твоё дело!» — тогда круто оборвала её Ольга.

Татьяна Карповна вздохнула, говорил же Александр Дмитрию: «Не торопись, подумай». Не подумал.

Дмитрий возвращался не один, следом за ним шла женщина, когда близко подошли, Татьяна Карповна ахнула про себя: «Батюшки мои! Да это же сноха Зинаиды Фёдоровны, ну дела, ну дела!»

У Татьяны Карповны хватило такта не задавать вопросы. Она молча махнула рукой и ушла к себе.

— Как тебя зовут?

— Галина.

— Что сразу не пришла?

— Я не помнила, где была и не знала, можно ли ещё прийти.

— Что совсем некуда идти?

Галина молча покачала головой. Волосы, давно потерявшие свой блеск, даже чистые лежали паклями на голове, посеревшая кожа, в глазах кроме тупой усталости — ничего, про женскую какую бы ни было привлекательность и мысли не могло возникнуть, для Дмитрия — это был просто несчастный человек, попавший в такую же беду, как он сам.

* * *

Утром кое как дождавшись, когда «квартиранты» уйдут на работу, Татьяна Карповна заметалась, под каким предлогом сходить к Зинаиде Фёдоровне, чтобы узнать все подробности: что и как, и почему. Зная, что к Зинаиде, просто так ни на какой кривой кобыле не подъедешь, должен был быть основательный предлог, чтобы прийти, уж больно высокого мнения о себе была Зинаида.

«Что же придумать-то, что же придумать», — вся озабоченная Татьяна Карповна ходила по дому, зачем-то открыла шифоньер, постояла перед ним отошла. Ещё походила по дому: «Да у меня же отрез есть», — вспомнила, как не раз просила Зинаиду Фёдоровну, чтобы её сноха сшила ей то платье, то халат. Отрез оказался небольшим, что из этого можно сшить наволочку, две выйдет. Скажет: «Наволочку и сама можешь настрочить», — значит, попрошу фартук. Надо к чаю что-нибудь взять. Быстренько нашлёпав пирожков, Татьяна Карповна направилась к Зинаиде Фёдоровне, благо, жили недалеко и пирожки не успеют остыть.

Зинаида Фёдоровна неожиданной гостье как бы и не обрадовалась, но, зная за собой грех, видимо, совесть ещё окончательно не покинула свою хозяйку, и понимая, что вскоре всё всплывёт наружу, надо было прикрыться какой-нибудь правдоподобной историей, а эту правдоподобную историю люди должны были узнать от кого-то левого человека и приход Таньки Карповны был очень кстати.

— Проходи, проходи, Танька, что тебе дома не сидится в такой холод?

— Да сегодня, слава богу, потеплело, а я думаю, дай-ка пирожки настряпаю, смотрю, у меня фартук весь износился, пока пирожки стряпала, надумала твою сношеньку попросить мне фартучек настрочить. Больно уж сшитые ею вещи аккуратные да красивые получаются, да и пирожков горяченьких прихватила, чаю попьём, поболтаем, — сунув Зинаиде свёрток с пирожками и отрезом, всё это Танька Карповна успела сказать, пока раздевалась и вешала свою одежду.

— Проходи, проходи, Таня, сейчас чай поставлю.

— Ребятишки что, в школе?

— В школе, где им ещё быть, всё самой приходится заботиться, эта наша беспштанная неблагодарная загуляла, — разливая чай по чашкам, рассказывала Зинаида, первое что пришло на ум.

Видя, как недоверчиво вытягивается лицо у гостьи, махнула рукой:

— Что думаешь, путёвого нашла, да алкаш какой-то, сколько раз их вместе видела, ну знаешь, даже в ум не пришло, что она таскается, был бы путёвый, не так было бы обидно моему Славику.

Посидела, молча и не дождавшись никаких вопросов от Татьяны, продолжила с жаром:

— Нет, Танька сама посуди, что ей, плохо жилось в нашей семье, пришла без ничего, дом — полная чаша, муж — красавец, считай, на руках её носил. — Татьяна кивнула головой, мол знаю, что носил и как носил, Зинаида, вдохновлённая этим согласным кивком, продолжила: — Мы с ней и говорили, и ругали её, просили бросить это негодное занятие.

— А она что? — прервала её Татьяна.

— Да ни в какую, Славик уж пригрозил её выгнать из дома, а на днях уж сам застал её целующейся где-то в подворотне, ну и не выдержал, выгнал.

— И где она сейчас? — поинтересовалась Татьяна.

— А кто её знает, ушла, наверно, к своему алкашу, а куда она ещё может пойти, так что, Танька, фартука тебе не будет.

— Да ладно, такая беда, куплю на рынке готовый, уж больно мне нравилось, как она шьёт и скроит — лишнего не отрежет и сошьёт — любо-дорого смотреть, словно в модельном доме.

— Да, иногда негодным людишкам бог тоже в таланте не отказывает.

«Да-а, у человека совсем нет совести, ещё и бога вспомнила», — про себя подумала Татьяна Карповна.

— Ладно, Зинаида, ты сильно уж не переживай, я думаю, Слава долго не будет один, он у тебя парень видный.

— Я надеюсь, Таня, я надеюсь, что мой Славик, наконец, будет счастливым.

Зинаида закрыла ворота в полной уверенности, что эта недалёкая умом Танька расскажет всем, какая у неё сноха гулёна, и народ уж не будет так строго судить её ненаглядного сына. Тем более у него любовь с дочкой самого главы города и Зинаида Фёдоровна жила, смакуя в мечтах, как она станет сватьей самому главе и соседи с завистью будут судачит, как ей повезло.

Татьяна Карповна медленно шла домой, она так глубоко погрузилась в свои мысли, что вернее было бы сказать, что это тело Татьяны Карповны направлялось в сторону своего дома, то есть это ноги помнили, где они живут и несли её домой, опомнилась, когда остановилась возле своей калитки.

«Люди всё-таки странно устроены, вокруг себя они видят всё и всех, знают, кто косою, кто кривой, кто не так живёт, а себя не видят и уверенны, что вот про них-то уж точно никто ничего дурного не может сказать, потому что не знает. Да все мы на виду, все мы живём, как под стеклянным колпаком, ничего не скроешь всё со временем становится известным». — Так это посещение подтолкнуло Татьяну Карповну на философское размышление. Она постояла перед своей калиткой, нет, она не могла зайти домой и сидеть дома с такой новостью, тем более об этом кроме неё никто не знает. И даже не занося домой отрез, развернулась и решительно пошустрила на другую улицу к своей подруге Надюшке.

* * *

Надюшка, одних лет с ней, вместе ходили в школу, выросли, дружно бегали на танцы, только вот жизнь у каждого человека складывалась своя. Надюшка быстро набегала себе дочку, которая после окончания института, вышла замуж за какого-то иностранца и уехала с ним не то во Францию, не то в Ирландию. Приезжала редко, но каждый месяц регулярно приходили переводы на кругленькую сумму. Сама Надюшка так и не была замужем, когда разговор заходил о замужестве, в ответ говорила: «Стирать вонючие носки и слышать, какая ты дрянь, нет и нет». Кругленькую же сумму делила пополам, одну половину откладывала, а на вторую половину покупала продукты: крупы, сахар, в которых детдом в этот момент нуждался, но ни разу не дала деньгами. Весной и осенью брала с собой директора детдома, и они группами водили детей в магазин покупать обувь. Сама же, отработав положенный срок в горячем цеху, рано ушла на пенсию, получала хорошую пенсию, как бы особой нужды с финансами у неё не было.

Однажды, когда Надюшка дома изнывала от безделья, заглянула к ней соседка:

— Надя, поторгуй сегодня за меня на базаре, у меня тут халявный транспорт организовался, за товаром и съездить-то хочется, и место на рынке терять неохота.

— А как? Я не умею.

— На каждой вещи цена указана, и девчата помогут разложить товар.

Так Надюшка оказалась на рынке, и заразилась больше того не торговлей, а этой базарной суетой, где все про всех всё знают, с удовольствием торговала чем попало, ей было без разницы, что продавать, иногда соседи приносили что-нибудь из ненужных вещей, иногда сама заходила к знакомым:

— Давайте продам, что у вас есть ненужного, всяко копейка в дом.

Надюшке не то чтобы нравилось торговать, вот это суета базарная, бесконечный поток людей, она быстро научилась видеть и понимать, кто есть кто. Кто скупердай, кто ротозей, сколько раз видела, как щипачи вытаскивали деньги у зазевавшихся покупателей, но ни разу не вмешалась, не её это дело. Зато Надюшка знала всё, что творится в городе, что творится чуть ли не в каждой отдельно взятой семье, имея хорошую память, она была просто кладёзь информации.

Татьяна Карповна зашла в магазин купила конфет, постояла, докупила чекушку, нет-нет, да собирались они выпить по рюмочке, поболтать, новостями поделиться, но сегодня у

Татьяны Карповны на душе был какой то раздрай, она себе-то не могла объяснить, чего ей больше хочется: то ли поплакать, то ли посмеяться.

Середина недели, Надюшка была дома, удивлённо спросила:

— Ты что это такая?

— Такая, такая, будешь тут, — не то говорила, не то ворчала Татьяна Карповна, не дожидаясь приглашения раздеться или пройти, уже вешала одежду.

Надюшка пошла ставить чай, увидев выставленную на стол чекушку, удивлённо спросила:

— А это зачем? Что за праздник?

— Сейчас расскажу, сама скажешь, наливай.

И Татьяна Карповна с пятого на десятое, прибавляя свои рассуждения, свои домыслы рассказала про прошедшие вечера и как она сегодня ходила к Зинаиде, — тьфу как бы сплюнула она, — её и Фёдоровной-то не хочется называть.

— Ну и ну.

— Вот и я говорю: ну и ну. И что теперь?

— Ты у меня спрашиваешь?

— А у кого спросить? Ты же знаешь Галину, мне её жалко, мне её всегда было жалко, не могут же они жить у меня во времянке.

Надюшка, которая терпеть не могла пьянки и на дух не выносила пьяниц, даже не заметила, что сама открыла чекушку и разлила водку.

— Вот что: Галину я знаю и Диму знаю, хорошие люди, помочь надо ребятам.

— Надо, надо, — согласилась Татьяна Карповна.

— А Слава-то, с дочерью главы роман крутит.

— М-м-м, а я и думаю, с чего это Зинаида турнула Галину, она что, думает бога за бороду поймала, или что дочка главы за ней полы будет мыть. Ха.

— Давай выпьем за Диму и Галину, может, они со своей судьбой, наконец-то встретились.

— Может, ещё? — поднимая опустевшую чекушку, спросила Татьяна Карповна.

— Нет, хватит. Вот что, у твоей снохи после бабушки квартира осталась, она же пустая стоит.

— Да пустая, всё я поняла тебя, Саша со Светланой будут дома, поговорю, они Диме не откажут.

— А я поговорю с Димой, если он сумеет Галине помочь выстоять, он такую жар-птицу получит, что его Ольга от зависти умрёт.

— А дети?

— А дети к ним сами придут, вот увидишь.

Умиrotворённая Татьяна Карповна не спеша шагала к своему дому: «Да, судьба интересная штука. "Судьба играет с человеком, она обманчива всегда, то вознесёт тебя высоко, то в бездну бросит без следа"», — вспомнились ей строчки из старой песни.

* * *

Александр со Светланой легко согласились отдать бабушкину квартиру, с тем, что Дима расплатится, когда у него будут деньги. Единственное условие было, что он туда берёт с собой Галину.

— А куда я её оставляю, оклемается, пусть сама решает: где ей быть.

— Там есть всё для начала: и телевизор, и холодильник, мы оттуда ничего не взяли, своего барахла хватает, это всё ваше, что не нужно, можете выбросить, — сказала Светлана.

— Ещё вот что: там у бабушки гараж набит всяким хламом, я тебе советую, вычисти и сделай авторемонтную мастерскую. Думаю, что ты наконец-то созрел для самостоятельной жизни. Клиентов у тебя будет, хоть отбавляй, оформи частное предпринимательство я тебе помогу.

Александр со Светланой взяли ключи:

— Ну что, с богом, пошли, примешь жильё.

Однокомнатная квартира: диван с прямой спинкой, обитый чёрным дермантином, широкая старинная кровать с матрасом на пружинах, чёрно-белый телевизор, небольшая кухня и холодильник «Юрюзань», стандарт в общем.

— Ну как? Смотри, даже телефон есть! — Александр с улыбкой смотрел на Диму.

— По сравнению с времянкой Татьяны Карповны, просто рай земной.

— С вас пятнадцать тысяч, отдашь, когда сможешь, а завтра Светлана свободна, отпроситесь оба с работы, пойдёте, пропишитесь, заберёте домовую книгу. Всё, живите, поставьте себя счастливыми, получится у вас семья, будем дружить семьями.

Когда Светлана с Александром ушли, Дмитрий ещё раз обошёл квартиру, открыл шкаф. Шкаф был битком набит мешочками разного размера: крупы, сахар, мука. Да, наши бабушки не жили без запаса, неизвестно, что завтрашний день готовит, то разлука, то война, но всегда радостно и дружно строили светлое будущее; достроились.

Дмитрий позвонил Александру:

— Тут полный шкаф продуктов...

Взявшая трубку Светлана ответила:

— Дима, мы же сказали, всё что в доме, это ваше, у нас всё есть, давайте обустраивайтесь.

К концу рабочего дня Дмитрий пошёл на фабрику, встречать Галину. Галина, увидев его, вся сжалась:

«Куда идти?» — растерянно оглянулась назад, уверенная, что отказано даже в этой временной крыше и Дмитрий пришёл сообщить ей об этом.

— Я за тобой, у нас теперь есть квартира, — «У нас, у нас», — эхом отозвалось внутри Галины, — квартира однокомнатная, — продолжил Дима, — пока поживём, а что дальше — видно будет, жизнь покажет.

Жизнь — мудрый учитель, только к концу жизни, когда подходит время подбивать итоги, начинаешь понимать фразу «что посеешь, то и пожнёшь». Дмитрий вздохнул про себя: в молодости ни ума, ни времени не хватает, а в старости сил.

— Видишь, как удобно и тебе на работу близко, и мне не так далеко. Покажи-ка мне паспорт, думаю что ты тоже выписана.

Галина, не заглядывая в паспорт, протянула его Дмитрию. — Так я и думал, завтра пойдём, пропишемся здесь.

Дмитрий устроился на диване, Галине досталась кровать. Через дня два, как бы мимоходом, заглянули Надюшка с Татьяной Карповной.

— Ну как вы тут устроились? Да мимо шли думаю, как там мои крестники поживают и Надюшке говорю давай заглянем, нам, старикам, все равно делать нечего.

Хотя в действительности это Татьяна Карповна уговорила Надюшку сходить к ним. Любопытство не порок.

Галина поставила чай, извинилась, что стол бедный и что продукты остались от прежней хозяйки. Надюшка обошла маленькую квартирку, заглянула во все углы, постояла перед швейной машинкой, задумчиво барабаня по ней пальцами, потом открыла шкаф, встроенный в стенку, позвала Галину:

— Иди сюда, ты сюда заглядывала?

— Нет.

— Видишь сколько отрезков здесь, насколько я знаю, Александр со Светланой вам сказали, что отсюда ничего не возьмут.

Галина согласно кивнула головой, Надюшка закрыла шкаф, подошла к швейной машинке:

— Работает?

— Да.

— Но... — Галине хотелось сказать, что это не её вещи, но она вовремя прикусила свой язык, сколько же можно человеку твердить, что всё что здесь теперь принадлежит им с Димой.

— Так вот, нашей мужских трусов и принеси мне, я их на базаре продам, нигде нет мужских трусов, люди без конца спрашивают, и шей всяких размеров, не гони один и тот же размер.

— Но тут очень мало тёмных отрезков.

— Шей цветные, ещё как будут разбирать. Вам за квартиру надо расплачиваться, а зарплату ни на заводе у Димы, ни у тебя на фабрике не дают.

Галина с Димой с головой ушли в работу, днём на фабрике и на заводе, после работы Галина садилась за швейную машинку, а Дмитрий освобождал гараж, переделывая его в авторемонтную мастерскую, объявления уже дали и люди подъезжали или приходили договариваться о ремонте, зажигание наладить или какой лёгкий ремонт, Дмитрий тут же брался сделать на улице, пока ещё помещение не готово.

Деньги, которые стали приходиться откладывать, чтобы быстрее расплатиться за квартиру. Дома между собой разговаривали мало, в основном говорил Дмитрий, а Галина ещё не вышедшая из затвердевшего внутреннего онемения, просто соглашалась с ним: «Ладно. Хорошо. Пусть так будет».

Как-то после работы к гаражу подъехала чёрная «Волга»:

— Шеф, зажигание наладишь?

Дмитрий, вытирая руки ветошью, подошёл к машине.

— Зайка, ну что там? — Капризно-жеманный голос, богато одетая молодая женщина вышла из машины, — ну что, будет делать?

— Сейчас посмотрим, что у вас.

Работы оказалось немного. Женщина бросила деньги: «Сдачи не надо, Зайка, поехали».

Мужчина посадил женщину в машину, закрыл дверь, сам шагнул к Дмитрию. Только что энергично двигавшийся молодой здоровый мужчина на глазах превратился в бледного больного человека, и это больное существо, медленно шло к Дмитрию. С одной стороны ни в бога, ни в чёрта не верившему Дмитрию захотелось перекреститься: «Свят, свят! Чур, меня!» А с другой стороны он успел узнать мужа Галины. Владислав близко подошёл к Дмитрию и скорее выдохнул, чем произнёс: «Как она?» И такой холодной тоской окатил Дмитрия этот вопрос, что он почувствовал, как тело покрывается гусиной кожей и как собака, чудом не утонувшая в ледяной проруби, встряхнулся.

— Жива.

— Береги её, пожалуйста, береги.

— Зайка, ну что ты там!

— Иду, иду, — обернулся, махнул рукой, — а взгляд загнанного зверя, который знает выхода для него нет и уже не будет.

Дмитрий закрыл гараж, сегодня он просто не мог больше работать. Приготовил кушать и стал ждать Галину с работы, её всё не было. Час прошёл, второй прошёл — она не возвращалась, может, случилось что-то, позвонил на фабрику, телефон не отвечал, по времени рабочий день давно уже кончился. Решил сходить до фабрики. Галину увидел издали, она без движения стояла наискосок от школы.

— Что случилось, Галина?

Она повернулась на его голос. «Боже, что за день сегодня!» — мелькнула мысль. Эта была маска: остановившийся взгляд и стянутая на лице кожа.

— Что, что случилось? — он впервые схватил её за плечи и потряс, чтобы привести в чувство.

— Они увидели меня и ушли по другим дворам, — полусшёпотом произнесла она.

— Кто они?

— Дети. Мои дети.

— Понял, пошли домой, там разберёмся.

Галина шла, шатаясь, как пьяная, Дмитрий хотел взять её под руку, она отказалась:

— Я сама.

Он немного отстал и наверно впервые за время совместного пребывания, посмотрел на неё со стороны. Облезлая кроличья шапка на голове, пальто — наверно, Зинаида Фёдоровна носила ещё в девичестве, тряпичные старые бурки на ногах.

— Н-да-а. — Рука сама собой потянулась почесать затылок. — Н-н-да-а.

Почему-то перед глазами встала Ольга, трясущая перед ним норковой шубой: «Второй год хожу в этой шубе, весь город надо мной смеётся».

Дома снял с Галины пальто.

— Иди в ванну, тебе надо прогреться, да не закрывайся, а то решишь ещё утопиться.

— Мне только вот этой проблемы ещё не хватало, — проворчал, чтобы Галина не слышала.

— Я ужин согрею, — сказал громко, — потом про детей поговорим.

Пока ужин грелся, а Галина была в ванной, позвонил Светлане.

— Светлана, ты завтра занята?

— Нет, а что случилось?

— У нас тут немного денег скопилось, на квартиру собирали.

— И что?

— Не могла бы ты завтра пройтись с Галиной по магазинам, одеть надо её. Думаю, со мной она стесняться будет, да и не понимаю я в этих женских вещах ничего.

— А что ей надо купить?

— Всё, от носков до пальто, от комнатных тапочек до дорогого вечернего платья.

— Подожди, тут Саша с тобой хочет поговорить.

— Что, проснулся? Мы со Светланой давно ждём, когда же ты глаза откроешь. Что это тебя натолкнуло?

— Она, видимо, со своими детьми хотела встретиться, а те увидели её, и ушли по другим дворам, и вот она ни живая и ни мёртвая.

— Ладно, завтра субботный день, Светлана пройдёт с ней по магазинам, если денег вдруг не хватит, мы добавим.

Дмитрий постучался в ванную:

— Ты жива, может, помочь?

— Нет, я выхожу.

Бледная, как стена, осунувшееся лицо: «Краше в гроб кладут», — подумал Дмитрий.

— Ужинать будешь?

— Нет, — помотала головой Галина, направляясь к кровати.

— Хорошо, но таблетку и стакан горячего чая выпьешь.

Разве заледеневшую душу и сердце может отогреть ванна. Никакая ванна сейчас не смогла бы её согреть, очередной жизненный удар выбил из неё остатки сил. Она даже не почувствовала, что пьёт почти кипяток. Дмитрий принёс ещё одно одеяло, укутал её:

— Спи, завтра будем решать, как быть с детьми, обещаю тебе, что и твои, и мои дети сами придут к нам, и будут всю жизнь рядом с нами.

На другой день, благо, была суббота, пришла Светлана. Дмитрий спросил Галину:

— Галина, ты действительно хочешь, чтобы дети твои сами пришли к тебе?

— Да.

— Вот деньги, это мы с тобой заработали, сейчас со Светланой пройдёшься по магазинам и оденешься, Светлана поможет тебе выбрать наряды, у неё хороший вкус.

— Но а как, квартира?

— Я договорился, они подождут.

Когда Светлана с Галиной вернулись с покупками, у них уже сидели Надюшка с Татьяной Карповной:

— Вот, проходили мимо, да и решили заглянуть, а вас и дома нет, оказывается, Дима сказал:

— Они по магазинам пошли, ну, мы и решили дождаться, интересно же нам посмотреть, что вы купите, да и обед приготовили, что без дела-то сидеть.

Диму отправили на улицу:

— Иди-ка дорогой, сходи в свой гараж, а Галина нам покажет всё, что они купили.

Галина, конечно, была вся в смущении, такого внимания к собственной персоне и чтобы люди пришли именно к ней, из-за неё, лично для неё, это событие было чуть ли не вселенского масштаба. Когда перемерили все наряды, а бабки перещупали все тряпки, поцокали языками, поохали, что с каждым днём всё дорожает, сели чай пить.

Первой разговор начала Татьяна Карповна:

— Галя, что мы хотим тебе сказать, — повернулась в сторону Надюшки, та согласно кивнула головой, — вот теперь, когда ты хорошо, можно сказать, богато, одета, к тебе пойдут твои дети, они у тебя будут просить денег. Вот сейчас у вас есть деньги?

Смущённая Галина посмотрела на вернувшегося Дмитрия, тот почесал затылок и отрицательно помотала головой. Галина тоже, молча, помотала головой.

— Ну, это для вас не проблема, вы оба стараетесь, тобой сшитые вещи моментально расходятся, у Димы тоже появился приработок, так что тут мы не видим проблему. Проблема у вас появится тогда, когда вы своим детям начнёте просто так давать деньги. Оплачивать питание, давать на мороженное, покупать обувь, да мало ли на что нужны деньги и чем дальше, тем больше и больше они с вас будут ТРЕБОВАТЬ, — слово требовать Татьяна Карповна произнесла с нажимом. Надюшка опять согласно кивнула головой.

— Вам понятно? Но если вы не хотите, чтобы ваши дети пришли к вам жить, поступайте, как знаете.

— Но, — в один голос произнесли Дмитрий с Галиной.

— Что но?

— А если Зинаида Фёдоровна подаст на алименты? — сказала Галина тихо.

— Не подаст, за это не бойся, увидев тебя, хорошо одетую, может побегать, тебе нервы потрепать, но на алименты не подаст, она же не совсем дура, тоже понимает, «чъё сало кошка съела», просто детей выгонит и всё, а её Славик ей дулю покажет. И куда пойдут дети? Они придут к вам, вот и всё.

— Дима, Галина, постарайтесь выдержать характер, даже на мороженное не давайте, — это уже негромко Надюшка вступила в разговор.

Странно, однако часто тихий голос на человека действует намного сильнее любого крика.

Дмитрий с Галиной согласно кивнули, пообещали, что так и сделают.

Утром Галина собиралась на работу, Дмитрий со скрытой улыбкой наблюдал за ней:

— Что ищешь?

— Да одежду свою.

— Какую свою одежду? А это не твоя одежда?

— Да мне как-то неловко.

— Кончилась старая жизнь, Галина, все твои старые тряпки я вчера унёс в мусорку.

— Но как же я пойду, — растерянно посмотрела на Дмитрия Галина.

— Очень просто, так и пойдёшь во всё новое. Ничего, начинай привыкать, что ты красивая сильная женщина.

Когда Галина ушла, Дмитрий подошёл к окну и посмотрел вслед, Галина шла, наклонив голову.

«Бедная, наверно, идёт и думает, что весь город пялится на неё. Хотя в основном никому ни до кого дела нет, каждый занят своими проблемами». Он был прав, Галина внутри вся сжалась, ей казалось, что действительно все смотрят на неё. Ещё неизвестно что товарки по цеху скажут, но девочки на работе отнеслись к ней с пониманием. Увидев её в обнове, они окружили её, повертели:

— Наконец-то вернулась наша красавица, молодец, утёрла ты нос своей свекрови.

Татьяна Карповна с Надюшкой были правы, как-то возвращаясь после работы домой Галина услышала:

— Мама.

«Дочка», — про себя выдохнула она.

— Здравствуй, доченька, — обняла она её, — как я соскучилась по вас.

— Мама, прости, — это сын подошёл.

Галина обняла обоих, как она не сдерживалась, слёзы сами текли и текли по щекам.

— Конечно, конечно я не сержусь на вас, жизнь такая сложная штука.

— Пойдёмте на скамейку, посидим, поговорим, вы мне расскажите, как вы без меня живёте, как бабушка?

— Бабушка ругается, теперь говорит, что это мы — дармоеды и сказала, чтобы ты дала денег нам на содержание.

— А папа что? Не может дать?

— Папа, когда приходил, она ему вроде начала говорить, а он ей ответил: «Что хотела, то и получила».

— И ещё он сказал: «Я люблю Галю, а ты всю мою жизнь искалечила». И ещё он сказал: «Я уезжаю, и не ищи меня, и не надейся на меня». А бабушка говорит: «А дети?»

А папа: «Ты же у нас великий воспитатель, вот корми, воспитывай, теперь тебе никто слова не скажет!»

— Мама, ты обратно вернёшься? Без тебя так плохо, дома не убрано, бабушка совсем не умеет готовить.

И тут Галина просто там, где-то внутри себя услышала негромкий голос Надюшки: «Хочешь, чтобы твои дети были с тобой, не соглашайся ни на какие уступки».

— Я подумаю, а денег у меня нет, на работе всё ещё не дают зарплату.

На другой день Зинаида Фёдоровна ждала Галину возле фабрики, вышедшие вместе с ней девочки шёпотом проговорили:

— Ну, держись, не уступай, сейчас будет петь.

— Галина, здравствуй.

— Здравствуйте.

— Галина, вернись домой, — Зинаида Фёдоровна схватилась за рукав пальто Галины.

— А я не уходила из дома, — дальше Галина не стала продолжать.

— Прости, — «Ого-го, оказывается, какие слова знаем», подумала Галина, — ты вернёшься, и Славик вернётся.

Видя молчание Галины, продолжила:

— Он же любит тебя.

«Любит, любит», — эхом отозвалось, где то далеко в голове. Галина усмехнулась:

— Не знаю, не знаю.

— Любит, любит, сам сказал, — убирая свои руки от пальто Галины, уже уверенная, что это простушка на всё согласна, лишь бы быть рядом с её ненаглядным Славиком.

Галина некоторое время, молча смотрела на свою свекровь:

— Я его не люблю, и мне без разницы, вернётся он или не вернётся, где он, с кем он и что с ним происходит, вы мне оба осточертели до тошноты. Ясно?

— Я на тебя в суд подам, будешь мне алименты платить на содержание детей.

— Подавай.

— Будешь платить! Будешь! Скажи спасибо, что мы тебя бесштанную в семью взяли, из тебя человека сделали, — кричала вслед уходящей Галине Зинаида Фёдоровна.

— Спасибо.

Через день, вечером дети Галины стояли на пороге:

— Бабушка выгнала.

Через две недели, когда Дмитрий поздно вернулся с работы, за столом сидели и его дочка с сыном:

— Что случилось? — спросил, увидев синяк под глазом сына.

— Мамин хахаль приставал к ней, — махнул головой в сторону сестрёнки.

— А мама что?

— Она сказала, что сама виновата, и ещё сказала, что мы ей надоели, идите и живите с отцом.

— Ну что ж, утро вечера мудренее, завтра всё и обсудим. Спать; мальчики на полу в прихожей, девочки на полу в горнице, я на диване, мать на кровати. Возражения есть? Возражений нет.

Дмитрий почти всю ночь не спал, ворочался, сказать легко: и твои, и мои дети сами придут. Вот они пришли, и что дальше?

Надо одевать, кормить, это ведь не один ребёнок, их же четверо, да ещё возраст такой глаз да глаз нужен, не то беды не оберёшься, надо же ещё, чтобы они в жизни с правильного пути не сбились. Как быть? Как быть? И что делать? Извечный вопрос в России. Дмитрий понял, что вот он здесь сейчас за всех в ответе.

Какой капитан, такая и команда. Или? Каков поп, таков и приход.

Когда он Александру рассказал про дела свои семейные, тот долго смеялся:

— Ну и что смешного?

— А мне не смешно, мне просто весело, ну, брат, не было ни гроша и вдруг алтын. Раз! и многодетный папаша. Слушай, а вам там не тесно?

— Спрашиваешь? Конечно, тесно.

— Надо что-то придумать, не можете же вы жить как килька в бочке.

Вечером, когда вся семья собралась за столом, Дмитрий, понимая всю сложившуюся ситуацию, произнёс целую речь.

— Мы с матерью по воле случая оказались под одной крышей, теперь вы тоже оказались с нами, под этой же крышей. Как жить будем? — Дмитрий выдержал паузу, — что молчите? Не знаете? Хорошо. Тогда знаю я? Денег у нас нет, зарплату ни на заводе, ни на фабрике не дают, чтобы заработать на жизнь, я после работы ремонтирую машины, а мать шьёт. А так как никто из вас сразу с нами не пошли, я не считаю, что мы с матерью обязаны вас стопроцентно обеспечивать. Красивые модные тряпки нужны, компьютеры, мобильники нужны, а ещё главное: кушать каждый день охота. Здесь старший я, и пока мы все живём под одной крышей и вы ещё не стали самостоятельными, будете делать, как я скажу. Приходите из школы, обедаете и за уроки, уроки сделаны, мальчики в гараж ко мне, девочки к матери шить.

— Но машинка только одна, — подала голос одна из девочек.

— Ничего, там ещё и резать надо да, кстати, и что-то делать научитесь, в жизни пригодится. Так все поняли, если кому не нравится такой расклад, может прямо сейчас встать и уйти. Задерживать никто никого не будет. Одежда и прочие нужные вещи каждому будут

покупаться по мере необходимости. И это решать будем все вместе, так же на семейном совете. Понятно сказал?

Так и повелось: школа, уроки, автомастерская отца. Машинка: трусы, фартуки. Воскресенье выходной.

Говорят, когда твои действия честны и правильны, само окружение приходит на помощь.

Как-то через месяц, после ужина к ним постучались:

— Заходите, открыто.

— Вот идём и думаем, можно, нельзя, — пришли соседи с огромным тортом. — Вы не против чая с тортом? Да и у нас к вам разговор есть.

Конечно, торт был встречен радостными возгласами, давненько такого удовольствия у них не было.

— Дело такое, — начала соседка, поглядев на мужа, муж кивнул головой, мол, говори, разрешаю. — Андрея отправляют за границу работать, у него контракт на пять лет, понятно, что мы едим со всей семьёй, и у нас к вам просьба-предложение. У нас четырёхкомнатная квартира, нам не хочется терять квартиру и без присмотра оставлять тоже не хочется, и мы хотели бы вас просить пожить пока в нашей квартире, вам же все равно здесь тесно, — как-то несмело закончила свою речь соседка оглядывая комнату.

После некоторого молчания Дмитрий, в сторону которого смотрели все, сказал:

— Это так неожиданно, я даже не буду говорить, что мы подумаем, я думаю, что мы все согласны.

Дружное громкое «Ур-ра-а!» было достаточным подтверждением его словам.

— Только вот такая просьба, пожалуйста, что считаете ценным, уберите.

— Конечно, конечно, останутся шкафы, диваны, кровати, телевизор, холодильник. Мы думаем, что, когда вернёмся, всё будем брать новое.

Через месяц соседи уехали, обрадованная донельзя детвора, кинулась занимать комнаты, хотя до этого уже успели между собой договориться, кто в какой будет жить.

Тут же у детей на дверях появились разрисованные листочки «Без стука не входить».

За ужином, теперь уже в большой кухне, Дмитрий сказал, что распорядок жизни не меняется, что у девчат тоже появилась своя мастерская.

— Мама, давай будем шить сарафаны и купальники, а то мы одни трусы да фартуки гоним.

— Хорошо, — согласилась Галина.

— А мы уже и журналы купили, и выкройки посмотрели.

— Хорошо, показывайте, Дима, нам надо ещё одну или даже две швейные машинки.

— Будет. Будем жить дружно, трудиться, всё у нас будет.

Да, жизнь такая штука, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, а если и найдёшь, то ещё и неизвестно, как оно в будущем отзовется.

Уйский район

Людмила Карнахова

В каждой бабе два начала

***

Я супермодный раскрою журнал
и раскрою дорогой матерьял.
— Повод какой? — Да совсем никакого,
мне всё едино в сиротских оковах,
но март на носу, весна на носу,
я вспомню о всех и визит нанесу!
И все с обожаньем да завистью белой:
клёвый прикид на фигуре дебелий!
Очнусь, как проснусь, как «Воскресе Христос»,
а ты шепчешь мне:
— Какой чёрт ты принёс?

***

Я живу в 2-комнатной квартире,
Нам просторно с сыном и котом.
Ждём гостей — и первой прикатила,
У которой 3-этажный дом.
Одарила нас задорным смехом
И цены немислимой вином,
Поделилась сказочным успехом:
Очень повезло ей с мужиком.
В свете звёзд, зрачков, иллюминаций
Вспомнили о самом дорогом —
Словно пролистали иллюстраций

С надписью на иностранном том.
На рассвете распрощалась Света,
(рано на работу... дети... дом...) —
Дочь Алтая, дама полусвета,
Профиль: ласточка с одним крылом.

Елене Камбуровой

Журавлёнок детства отлетал
Над семьёй несобранных опят,
Ваша жизнь отныне — Артпортал
С номером дарёным «35».

Через воды, трубы и огонь,
Через смерть — пожалуйста к бессмертью;
Жизнь, ты не дарённый Трое конь,
По другим канонам её смерти!

Наша юность — с Вашей, Еленок:
Книги, песни, капает из крана,
Тени полдня, прихоти дорог, —
От Москвы до самых до окраин.

И в ДэКа ЖЭДэ, где мой сынок
Слушал ранний Ваш репертуар,
Всё твердил: ну, надо же — 7 нот,
А какой неповторимый дар.

***

Руда моя: металл и шлак,
Бездействие и действие...
От всех земных и прочих благ
Я отреклась до детства.
О жажда страшная: узнать
Всё! Про исток, про устье...
(За труд положенный дензнак
Пообещали устно.)
К иным мирам
Пытливый мозг
Направил своё действие,
К ним возведя незримый мост,
Куда мне дальше деться?
...Сплошное лицедейство.

***

О, милый Диктор Вековечный,
Наложь мне на уста печать:
Я, таракашик Твой запечный,
Частиц элементарных часть, —
То скрип саней, то топот конский
Ловлю сквозь реактивный звук —
С далёким миром хорохорский
Сердец творящих перестук.

... Чьи удила и чьё удило
И в старый год и новый год?
Но Рождества звезда всходила,
И святки праздновал народ.
И обрастали былью тайны
К разгадкам путая следы,
Молоденькую регент Таню
Экзаменуя по соль-ди-...
— В начале ж было Слово!
— Но прежде: Света дивный Дар!
Старо открытые знания «Новых»,
Прост переизданный словарь.
А вот 6-ой ковчезек Ноя
С орбиты найден: вот и царь
Канонизирован в святые —
Как вы сложны, дела простые!
Как в этих мигах быстротечных
Понять хоть что-то, Некто Вечный?

***

Не я возводила храмы,
Не я выкупала пленных,
Для спонсоров русской драмы
Не шила одежд нетленных.
Всего-то лишь: оказалась
Не там, где мне было можно!
Всего-то — среди вас — казалось:
Могу быть неосторожной.
Сниму-ка с себя все долги
(не я ведь вершитель судеб),
Пойду окупнуся в Волге,
Пока меня волки судят.
.....
...Своей-то судьбы — вершитель:
Хочу — хохочу, хочу — вою,
За Вас, страны моей житель,
Сердце отдам с головою!

Сон

Мне посвятили стих!
Значит, не так я плох?
Гул одиночества стих,
В доме светло и тепло.

И проводили в сад,
Где заполнял мне чек
Громадина из громад
Маленький человек

Не деньги дарил, а власть
Во всём быть самим собой —
И звёздные карты в масть
Сошлись над моей судьбой...

Двери

Дверь в подъезде под квартирой Веры,
Вера в трансе: «Мне ножом по сердцу
эти двери!»
Скрип и скрежет, стук и треск —
И с соседями я в споре — вот мой крест...»
...Что ж ты так плачешь, бедная дверца,
Плачешь и плачешь, а Вере не верится,
Что не назло ей скрипят твои петли,
Им всё едино: плакать ли, петь ли...
Доброе дело сделала б, Вера, —
Смазала маслом старые двери,
И не корила соседей своих,
А просто на чай позвала хоть двоих.

***

В каждой бабе два начала:
инь и ян (она и он).
Инь во мне всю жизнь молчало,
Ян не знал, что может он.
И котировалась «рохля»
в разных рыхленьких мозгах,
и сердился Лёва Рахлис:
«Ты держи судьбу в руках!»
Неоткрывшийся, накрылся
эзотерики курсив,
и летало «я» на крыльях —
ни красива, ни красив.
Моё женское начало,
не умевшее реветь,
головой, мудря, качало
в белых брючках под ремень.
Дух мужской, судьбу итожа,
весь оплавился... но всех
покорил мой иглокожий
над самой собою смех.

***

Разучусь я сетовать на житиё-битьё,
Выберу на «сотовом» сотое «аллэ!»
Больше не пиратствуй в доме моём тишь,
Процветай и здравствуй здоровый наш малыш!
Покоряй, крылатый, дивной жизни высь,
Ангел дарит латы — промыслу дивись!
В прадедов ты мастью, гены неплохи,
Но пиши про счастье счастливые стихи.
И с насущным хлебом и высоким лбом
Славен в шёлке неба будь в раю земном.
...Как-нибудь, на сотовом
среди тысячи «аллэ!»
вслушайся, не сетуя,
в далёкое-моё...

***

Последний дождь и первый листопад
И каждый день под августовским небом
Любила так! Да, не единым хлебом
Жила и я, особо — в звездопад...

***

Мечта: на заимке, рады — взаимно!
А вышло: займы всё у рока — зайки,
И дни убегают, успеть бы за ними
Без дури заушной...

***

Ад — в человеке? Человека — в ад!
— Что же ты добротам Божиим был не рад?
Весь заплесневелый: и душа, и кости,
Не находишь к раю ни лествину, ни мостик...
г. Челябинск

Виктор Родин

Крах операции «Снежинка»

Повесть

Ураган, пронесшийся ночью пятнадцатого сентября, принес много бед. Посносил крыши домов, оставил без электричества Металлургический район, выкорчевал деревья, перевернул около сотни машин, выбросил на берег прогулочный катер горожан, превратил в тряпки уличные растяжки и многое другое. Все было бы в рамках, стихия есть стихия, ничего не попишешь, если бы не одно обстоятельство. Ураган выбросил еще кое-что, чему был свидетель всего один человек.

Произошло это уже не на Миассе, а на городском водохранилище, если говорить точнее, на пляже, рядом с гидросооружением, у дамбы, то бишь. Когда это случилось, ураган шел на убыль, было еще темно, но чувствовалось, что рассвет уже близок. В лесочке у пляжа сонно и неуверенно заговорили птицы, потянуло зыбким влажным ветерком.

Один человек... Он сидел в «Ситроене», скрытом в лесочке от посторонних глаз и всматривался в расстилающуюся перед ним панораму водоема. Этакий бычок, с волосами, собранными на затылке. Внезапно он подался вперед. Его внимание привлекли прозрачные, в рост человека, шары, появившиеся на воде. Три штуки. Было такое впечатление, что они

или вынырнули из-под воды или свалились с небес. Увлекаемые слабеющими на глазах волнами, шары начали приближаться к берегу. Внутри них что-то темнело. При ближайшем рассмотрении в них можно было разглядеть человеческие фигуры, опустившиеся на колени и держащиеся за петли на внутренних поверхностях шаров. Это были обнаженные женщины.

Водитель реагировал на непонятное появление следующим образом. Выбрался из «Ситроена», держа в руках целлофановые пакеты, внутри которых что-то лежало. Увязая в мокром песке, заспешил к кромке воды.

И тут взошло солнце. Его восход был стремителен. Рассвет длился всего несколько минут, и безоблачный день пришел на смену ночным страхам и мраку. Светило не мешкая протянуло к людям свои огненные щупальца, наполнив все вокруг красным. И пузыри исчезли, словно их никогда не было. Издавая испуганные вопли, красотики забарахтались в воде. Испуг их был напрасным. Вода доходила по грудь. Коснувшись дна, женщины умолкли, и стали выходить на берег, прикрывая причинные места, где их ждал стыдливо глядевший вбок водитель с пакетами. Когда вышедшие приняли пакеты, он крикнул громко: «Снежана, с прибытием!» и стремглав поскакал обратно к бензиновому агрегату, где опять затаился в его внутренностях. Незнакомки действовали споро. Находиться на утреннем холоде — удовольствие ниже среднего. Облачились в длинные летние плащи, после чего подошли к машине. Одна из женщин заметно отличалась от двух других. Тем, что была старше, лет сорока с небольшим и полновата, когда ее спутницам было не больше двадцати. Осиние талии, длинные, от зубов, ноги. Это ее приветствовал владелец автомобиля.

Снежана распахнула дверцу «Ситроена», указав девицам, чтобы они садились на заднее сидение.

— Привет, Оскар, привет, — сказала она, усаживаясь рядом с водителем. — Давно ждешь? Надеюсь, все было спокойно? Тебя не видели?

— Бог миловал. С дамбы меня не рассмотреть. А это и есть твои телохранители? — сказал Оскар, смотря в зеркало заднего обзора. — Ты же хотела мужиков.

— Можешь говорить свободно. Они ни бэ ни мэ по-нашему. А что касается мужчин-охранников... Я тут подумала... Будут глаза мозолить в отличие от этих... Кто их заподозрит.

— Что ж, логично. Только, насколько я помню, ты говорила об одном.

— Кашу маслом не испортишь. Они, знаешь, откуда? Из «Зондербюро-13». Во как! Суперменши из суперменш. Ну чего стоишь? Давай, дяденька, дуй.

«Ситроен» чихнул, развернулся и поехал в направлении гидротехнического сооружения. Там он, рыча, выбрался на асфальт, после чего покатила по все также пустынной магистрали в сторону поселка АМЗ и Северо-Запада.

Девчущки на проверку оказались премилыми созданиями. В их возрасте ровесницы надменны, гонористы, а эти как девочки-подростки. Им все было интересно. Вертели головками, всматриваясь то на покрытый туманом противоположный берег рукотворного моря с одинокой лодкой, то на полуубранные сады по правую сторону дамбы, то еще на всяко разное. Эмоции так и бродили по их свеженьким мордочкам. И при этом они щебетали как птички.

Компания ехала недолго. Минут через двадцать остановились в живописном месте, у городского бора близ карьера, в котором еще в начале прошлого века били камень. Здесь проходила магистраль, связывающая Город с другими населенными пунктами области. Тут же стоял поселок, но поселок людей, у которых водились гроши, и не маленькие. Строения здесь были штучные, то в испанском, то в викторианском, то еще в бог весть каком стиле. Жилище, подле которого Оскар остановился, выпадало из общей благонамеренности. Двухэтажный, своей задней стеной врезающийся в холм, дом походил на декорацию из фантастического фильма о будущем. Крышу покрывали солнечные батареи, из-за чего становилось ясно, что чете не нужно будет тратиться на уголь для печного отопления. С веранды открывался великолепный вид на уходящий за горизонт сосновый бор.

— Приехали, — сказала Снежана Андреевна по-немецки, выбираясь с водителем наружу. — Ваша обитель, девчонки. Жить будете в бельэтаже. По документам вы студентки-заочницы, приехали к далеким родственникам. Зовут вас Глаша и Даша. Поживите недельку, осмотритесь, ждите прибытия Хохряковых. Вот документы, деньги. А теперь давайте пройдем внутрь убежища. Друг мой, отмыкайте запоры.

Воспитанницы гитлеровского режима никогда не видели и не знали подобной роскоши. Поэтому были ошеломлены. На первом этаже, куда они вошли, было три комнаты,

ванная с душем и сверкающая чистотой кухня из белой эмали и хрома, с вделанным в стенку телевизором и микроволновой печью. Самым привлекательным помещением была довольно просторная гостиная, занимающая в отличие от других комнат оба этажа, с широким панорамным окном, глянцевитыми балками на потолке, деревянной лестницей ведущей в верхние комнаты — спальни, и выложенным пробкой полом. В большом камине — грубо отесанные белые камни — были заготовлены сосновые дрова. У одной стены стоял сервант, на другой висели головы пантеры, медведя, дикой кошки, лося с рогами, чучела шук размером с собаку и гигантской форели. Пол был устлан медвежьими и тигровыми шкурами с оскаленными мордами. Чуть поодаль за дверью находился бассейн и теннисный корт.

Девчонки взирали на это богатство с округленными от восторга глазами.

— Надо немножко прибраться, — озабоченно продолжала Белоног, — пыль вытереть, окна помыть. Вашим молодым мускулам — раз плюнуть. Бог в помощь, красавицы.

Тут она хлопнула себя по лбу и призналась, что стала склеротической идиоткой. А как же русский язык? Им же нужно в лабораторию. К вечеру девушки будут не только знать его, но и щеголять классическим произношением. Да и сведения о второй половине двадцатого века и об начале нового миллениума... Тоже ведь нужно вложить им в голову.

— Давайте обратно в колесницу, — распорядилась Белоног. — А чтоб не узнали, где располагается моя волшебная келья, вам нужно заснуть. А ну живо в сон в машине, эсэсовки!

2. Из отчета специального сотрудника стратегической разведки СССР «Дятла» от 17 мая 1945 г.

Я был у себя уже часа два, когда Гитлер вновь затребовал меня к себе. Ординарец прибежал. Удивленный, я по привычке глянул на часы — было около двух часов полудня — и направился за посыльным. Вышагивая подземными коридорами и хлюпая прорвавшейся водой, я строил догадки, зачем понадобился бывшему ефрейтору. Все ведь обговорили. Что он еще надумал?

Подземный штаб, где мы находились, представлял собою несколько соединенных друг с другом подземных галерей, располагающихся на глубине восьми метров под пятиметровым железобетонным покрытием. Попастъ туда можно было по лестнице из тридцати семи ступеней. Однако основная часть подземного комплекса находилась на уровне двадцати пяти ступеней, а толщина бетонного покрытия не превышала трех метров. Поэтому из — за бомбежки в проходах на стенах появились трещины, а уровень вылившейся на пол из лопнувших труб воды, достигал нескольких сантиметров.

Раздавшийся над головой взрыв просыпал на меня штукатурку. Даже показалось, что я услышала пулеметную очередь. Ерунда, подумал я, стряхивая фуражку, быть не может. А стреляют наши ребята здорово. Бомбят тоже.

Шагая, я не мог не отдать должное золотым рукам немецких рабочих, построивших это чудо инженерной мысли, фюрербункер. Еще в январе тут ничего не было, стояли только посты охраны: Зверь из бездны скрывался в Волчьем Логове в Восточной Пруссии. А сейчас? Народом кишмя кишит, после его переселения сюда. Вдоль по стенам лестниц толпились гвардейцы СС, во многих комнатах располагались молодые парни из личного штандарта Гитлера, все как один гигантского роста, блондины с голубыми глазами, как предписывал Устав СС. Часть помещений были завалены ящиками с шампанским, лососиной, икрой, ветчиной, креветками и еще невесть чем. На проходящих мимо офицеров парни не обращали внимания. Хорошо, что меня не игнорировали. Вскакивали, вытягивали руки в нацистском приветствии. Многие из них спали, ели, громко смеялись, тишина соблюдалась лишь возле покоев диктатора.

Последнее пристанище Адольфа состояло из комнат Фюрера и Евы, конференц-зала с приемной и ванной. Другие помещения на этаже были отданы Геббельсам и хирургу доктору Штумпфеггеру. Жена Геббельса и их шесть детей располагались в нижней части. Здесь также находились комнаты расстрелянного Фегелейна, зятя Гитлера, представителей трех родов войск, коменданта рейхканцелярии бригаденфюрера Монтке и обслуживающего персонала. Бункер охраняли около шестисот солдат.

Двое дюжих эсэсовцев, стоящие у входа в покои супругов Гитлер, узнали меня и посторонились. Я отдал им свой «Вальтер» и вошел логово Навуходносора XX века. Первое, что я увидел, была узкая спина его хозяина. Современный Аттила оживленно беседовал с неизвестной женщиной. Ева стояла рядом и внимала. Всех женщин, находящихся на остро-

ве блаженных, как я бывало именовал бункер, я хорошо знал, эту же видел впервые. Откуда она взялась?

Щелкнув каблуками, я сказал Гитлеру, что жду его распоряжений. Рейхсканцлер обернулся, извинился перед незнакомкой и двинулся мне навстречу. Мне стало не по себе. Чтоб Мировой зверь подходил сам, это не лезло ни в какие рамки. Обычно он ждал, чтоб к нему подходили. Обомлел я еще по одной причине. Прежнего Адольфа не существовало. Передо мной стоял не ветхий старик с провалившимся, как у Вольтера, ртом, прижатый к земле возрастом, с трясущейся рукой. Нет. Это был прежний садист и губитель миллионов — энергичный, улыбающийся, в голубых очах лукавые чертики. Казалось, его распирает огромная радость. Было понятно, что тут произошло нечто невероятное. Только что? Единственное, что могло вернуть его в прежнее состояние — прорыв армии Венка. Или смерть Сталина. Как он ликовал, когда хозяин Америки Рузвельт почил в бозе. Не дай Бог, что с Иосифом Виссарионовичем произошло, содрогнулся я. Только не это!

Зверь схватил меня за руку и сказал неизвестной, что я его единственный сподвижник, что он ждет не дождется меня. Он уже успел переодеться. Как баба, честное слово. В данный момент на нем был его подчеркнуто скромный серый партийный китель с неизменным Железным крестом 1-го класса, золотым партийным значком и знаком за ранение. Он сказал, что хочет познакомить меня с его спасительницей, которую providение послало ему с Евой. Только мне он может доверить эту тайну. Другие предали его. Боров Геринг, Гиммлер, Фегелейн — будь они все прокляты! Его гостя Снежана Андреевна Белоног беретесь выволить их из этой западни, в которую мы все угодили.

— Да, — спохватился он. — Фрау Белоног, позвольте представить вам...

И назвал меня. Я поцеловал прохладную руку женщины, пахнущую ландышем, и подумал: она что, русская? Из эмигрантов? Как тут оказалась? Но нагружать голову было некогда.

Русской можно было дать от силы лет сорок — сорок три. А может и меньше. Всегда путаюсь в женском возрасте. Она пребывала в невообразимо чудовищном наряде. В мужских брюках и таком же пиджаке. Ну и чучело! Фигура у ней была подстать наряду. Грузный живот, фантастических размеров бюст, короткие ноги. К тому же она была одноглазой. Траурная повязка по диагонали пересекала ее лицо. Единственный глаз взирал на меня с явным неодобрением, что было само по себе удивительно. Женщины относились к моей персоне подобострастно. До сей поры мне была известна всего одна только женщина, не скрывающая ко мне неприязни — Ева. «Веселая вдова», как я именовал ее внутри себя. Боюсь ошибиться, но мне показалась, что русская узнала меня. Но откуда? Я редко мелькаю в кинохронике, на митингах, съездах.

На этом знакомства не кончились. В квартире оказалось еще одно действующее лицо — мужчина. Друг фрау Белоног — Оскар Зипуненко. Еще одно чучело. Метр с кепкой, а туда же в любовники. Такой лысый, что, кажется, что у него отроду не было волос. Под бритву стриженный. Мы пожали друг другу руки. Невесть откуда свалившаяся на мою голову парочка возбуждала любопытство. Гитлер заговорил снова. Бодро возвестил, что приходящая неподходящее место для разговоров, Их лучше вести в гостиной. Он видит, что я умираю от любопытства.

Дамочка запротестовала. Глупцу понятно, не захотел, чтобы слуга сатаны делился со мной. Сказала, поглядывая на меня, что лучше не делать этого. Чрезмерное количество не подключенных к предприятию, увеличивает риск утечки информации.

Диктатор игнорировал ее. Он никогда и никого не слушал. Шевельнул слабо кистью руки и произнес, что из этих стен еще ничего не уходило. Я его друг и должен быть в курсе того, что скоро произойдет с ним и Евой.

И тут «Веселой вдове» стало плохо. Она, одетая в свое любимое длинное, наглухо застегнутое платье черного шелка, с бриллиантовой заколкой в волосах, с золотой цепочкой, с подвеской из топаза прижала руки груди и, как сноп, повалилась в кресло. На тонком запястье блеснули золотые часы с алмазами. Диктатор отчаянно крикнул: «Эви, что с тобой?» и бросился перед ней на колени. От своих людей мне было известно, что жена Гитлера страдает от болей в сердце и раскаивается в том, что долгое время принимала прописанные личным врачом Зверя доктором Морелем успокоительные таблетки. Издав горловой писк, канцлер начал тормошить это болезненное создание.

Царедворец я опытный и потому тоже принял участие в приведении «Веселой вдовы» в чувство. Белоног с Оскаром тоже не отставали... Вскоре Еве стало лучше, она поднялась, поправила платье и с усилием произнесла, что все хорошо и она благодарит всех.

Я в упор смотрел на нее. Она всегда нравилась мне. Может, увезти ее в Москву? Я вздохнул и отказался от своего намерения. Нет, нельзя. Товарищ Сталин не поймет.

Вздыхнув еще раз, я напомнил служителю дьявола, что он собирался что-то сказать и добавил, что если, конечно, фрау Гитлер не против. Адольф рассеянно произнес: «Да-да», оставил жену в покое и сделал легкий реверанс в сторону молчащей Белоног, после чего сказал, что Снежана Андреевна с Оскаром прибыли к нам из будущего. Из России двадцать первого века. Ей-ей.

— Точно, — подтвердила русская, — из две тысячи тринадцатого года.

Я так и опешил. Майн готт, да они в этом ирреальном мире с ума посходили? Что теперь будет?

Адольф снисходительно улыбался. Всегда отличался дьявольской проницательностью.

— Кажется, я думал, — сказал он мне, — что фюрер решил рассудка? Это было бы так просто. Но нет, он в полном здравии и твердой памяти.

— Да, партайгеноссе, — продолжал он. — Снежана Андреевна научилась укрощать время. Вот и прилетела сюда. Уверяет, что моя поклонница. С отрочества якобы хотела меня с женой выволить из беды. Операцию по спасению она назвала «Снежинкой». Потому что когда собиралась лететь к нам, шел хороший мартовский снежок, и дети лепили из него снежных баб. Представляете? Хочет спасти нас от растерзания русскими ордами. О мой добрый гений, Снежана Андреевна! Как же я там отдохну от тошнотворного занятия, называемого политикой, будь она проклята! Чтоб я еще занялся ею — никогда!

Русской не понравилось словцо «якобы». Было видно, что она собиралась возразить, но я закрыл ей рот вопросом: «Где велосипед?» У Герберта Уэллса машина для переброски материальных тел имела сходство с велосипедом. У нее тоже?

Фрау тут же забыла об обиде. Иронично хмыкнула и сказала, что не стоит пугать литературное произведение с реальностью. Уж если на то пошло, ее транспортное средство вовсе не машина.

Сейчас она выговаривала слова с таким славянским акцентом, что мне приходилось делать фирменное усилие, чтобы понять ее. Тогда я набрался духу и попросил Гитлера стать ее комментатором. Тот охотно согласился и начал говорить. По его словам дело было так.

— После того как я ушел, как ушли Юнге, Кристиан*, фрау Марциани** прошло около часа. Гитлер с Евой сидели и считали сколько снарядов и бомб упало на несчастную немецкую землю. И тут послышался непонятный скрежет в конференц-зале. Будто сказочный дракон лапой по металлу провел. И тогда Ева отправилась посмотреть источник звука. Что? Нет, никакого страха. Драконов не существует, да и они у себя дома...

Тут «Веселая вдова» перехватила инициативу, и сказала, что увидела в конференц-зале сидящую у стола с оперативными картами женщину. Еву чуть удар не хватил. Кто такая? Откуда взялась? Тут же секретные карты. А незнакомка поднимается с места, здоровается, просит прощение за незваное вторжение, и говорит, что суть ее дела настолько серьезна, что она позволила себе явиться без приглашения. И улыбается добро так.

Тут и Гитлер в зале появляется. Выслушали они незнакомку, узнали с какой целью она появилась в подземном штабе, и, знаете, поверили ей. Мысль сменить подземное существование на жизнь в России грядущего века показалось им здравой. Ну, не то чтоб по душе, это громко сказано, а приемлемой. Адольф только спросил, как он будет там жить с его внешностью. Она-де всем известна. Путешественница успокоила его. Изменит ее, вложит в голову знания в объеме университета и, как апофеоз своей доброты, подарит им особняк в личное пользование.

Естественно, был задан вопрос, ради чего фрау Белоног так расстаралась для них. Уходить от ответа Снежана Андреевна не стала. Объяснила, что разочаровалась в рыночных отношениях. Ее страна пытается построить капитализм. Бесполезно. Во-первых, не дадут, да и двух сотен лет у России нет, как было в Европе. Что касается социализма, то он исчерпал себя, доказал несостоятельность. Посаженное в землю вверх корнями дерево расти не будет. Из сказанного что тогда получается? Что наступает время прослойки меж капитализмом и социализмом. То есть национал-социализма, который подспудно зреет в каждом народе. А то что первый блин комом, это ни страшно. Так всегда бывает. У них, в XXI веке, национал-

* Юнге, Кристиан — секретарши Гитлера.

** Фрау Марциани — диет-сестра.

социализм растет и развивается. Так что им в России будет комфортно и свободно. Он будет писать свои акварели, Ева держать дом.

Меня мутило. Я не знал, как вести себя. Диктатор всегда отличался трезвым умом, несмотря на завихрения, вроде Шамбалы, тайных знаний и прочего. Выяснилось, Гитлеры успели познакомиться с удостоверением личности Белоног. Она не самозванка. Тогда выходило... Тогда выходило, что она действительно прибыла по их души. Невероятно! И еще я подумал, что не дал бы им уйти от возмездия, будь у меня сейчас оружие. Собственной бы жизнью пожертвовал, но не дал бы.

С кипящей головой я брякнул фрау, чтоб она забрала и меня, чего ей стоит. Зверю из бездны это не понравилось. Сказал, что мне суждено продолжить борьбу, возглавить партию в его отсутствие. Уже приказ подписан. Да и свободных мест в машине нет. Так что, пусть я не настаиваю... И тогда я опомнился. Мне стало стыдно, что я чуть не сделался дезертиром. Иосиф Виссарионович за предателя еще почитает, опасно подумал я и снова попросил фрау показать мне эту чудо-машину. Будь что будет, но я приведу ее в негодность. Белоног пожал плечами: нет проблем. И попросила Адольфа быть Вергилием, то есть провести меня в их спальню. Средство там. А еще лучше пойти туда всем вместе.

Гитлер был сегодня очень послушен. «Веселая вдова» взяла его под руку, и они двинулись к себе, мы за ними. В дверях спальни все мы остановились. Подобного, уверен, никому не приходилось. Из пола, как из волшебной лампы Аладдина, вверх тянулось нечто похожее на студень. Субстанция такая. «Студень» достигал потолка. Он слегка колыхался, будто его обдувало ветерком.

Голос у Белоног стал торжественным. Она молвила, что представляет нам так называемую машину времени и чтоб мы ее не опасались. Можем даже коснуться хронокара, если хотим.

С этими словами она вошла в субстанцию и сразу показалась обратно. Никаких следов «желе» на ней видно не было. Ничего себе. Как в сказке!

— Привыкли, понимаешь, — усмехнулась она, — что средства транспортировки обязаны быть материальными. С прискорбием сообщаю, что это не так. Не стоит мыслить стереотипами, господа, жизнь многограннее, учтите это.

Все, сказал я себе. Как там, в Апокалипсисе... «Прежняя земля и небо миновали?» Забыл. Одно теперь знаю. Прежнему миру уже не бывать, какие же дела можно вершить при помощи этой субстанции? Она должна принадлежать советскому народу. А что фрау действует автономно от руководства Советского Союза — несомненно. Кто бы ей разрешил пускаться в столь сомнительное путешествие? Нашлись бы более подходящие люди для этой цели. А тут трах-бах, явилась, не запылелась, как говорят у нас.

— Кстати, мой фюрер, — обратилась фрау к Гитлеру. — В целях вашей безопасности у нас я привлекла двух ваших девиц из особо подготовленных. Даша и Глаша. Не забывайте об этом.

— Вы кто по специальности? — спросил я, ожидая, что она назовет что-то серьезное, связанное, к примеру, с ядерной физикой, астрономией, астрофизикой или еще с чем-нибудь экстраординарным. — Кем работаете?

На лицо фрау легла тень. Достаточно мимолетная, но мне удалось зафиксировать ее.

— Я-то? Имею отношение к автомобильной промышленности. Ага.

Я почему-то решил, что Белоног конструирует новые модели. Только почему она стесняется своего дела?

— Понимаю. А как вышли на?.. — ткнул я пальцем на «желе».

— Да, — заторопился сын сатаны. — Я тоже собирался узнать да не успел... Как?

Словоохотливость фрау мне претила. Ведь не девочка, должна понимать, что можно болтать, а что нет. Может, задумала что? С ней надо держать ухо востро.

— Как?

— Случайно, — призналась Белоног. — Поражаюсь, как наши высоколобые прохлопали это явление. Смотрели да не видели. Это ведь проще простого. Под носом находилось. Руку стоило только протянуть. А перемещаюсь я так. Делаю разрез во времени и, как скальпель во плоти, проникаю куда мне надо. В частности к вам.

— Напоминает русского доктора Филиппова, — вмешался Зверь. — Читал о нем. Человек случайно коснулся проблемы электрической передачи волны взрыва на расстоянии и решение ему — скак. Как снег на голову. Чуете, какое это было изобретение? Доктор еще отметил, что способ изумительно прост и дешев. Если бы он у меня был, я бы за месяц по-

ставил гниющий мир на колени. А ему — пожалте. Самое главное, что до сей поры никто не приблизился к решению проблемы. Вот как бывает...

— Вроде за это его и убили? — нахмурилась фрау.

Я бы и дальше задавал вопросы, но она, посмотревши на часы, объявила, что им пора в путь. В четыре они стартуют. Мне до смерти хотелось поглядеть как это произойдет, и я надеялся, что мне разрешат присутствовать при отбытии. И тут фрау сказала вот еще что, умное надо признать. Заметила, что пропажа супругов может быть расценено победителями как чудо. Этого нельзя допустить. Достаточно, что Фюрера и так именуют аватарой, т. е. воплощением божества в смертном существе ради решения определенной задачи. Для этого она задумала вот что...

С этими словами Снежана подошла в лежащей в углу куче тряпья и откинула простыню. Нашим взорам открылись два трупа. Это были Адольф с Евой, одетые в такую же одежду, которая была на них в эту минуту. На виске у двойника Гитлера зияла рана, размером в мелкую монету, а сам он был в крови. Я содрогнулся.

— Клоны, — непонятно произнесла Белоног. — Искусственно выращенные существа без головного мозга. Я создала их исключительно для инсценировки самоубийства, не то обман рискует раскрыться. А так сожгут их, и вся недолга...

— Скажите, профессор, — сам не зная, почему, обратился я так к гостю из будущего, — тогда вы знаете, что произойдет после вашего... гм... отбытия? Мне ответили, что отчасти. Кто может поручиться, что события развивались именно так, как писали в будущем книги? Писателям верить — последнее дело. Бумагомаратели есть бумагомаратели. Заглядывание в будущее носит название временного парадокса, и оно опасно.

Сердце у меня колотилось. Преступник ускользал от наказания. Да и с поломкой машины я поспешил. Не представлял, что можно было у ней сломать. Я был близок к тому, чтоб вцепиться Адолфу в глотку и рвать его, что я собирался сделать миллион раз, но товарищ Сталин запретил мне даже думать об этом. У него были свои виды на Гитлера. Пока тот стоял у руля, союзники и СССР были едины, а вдруг у власти встанет такой человек, вроде Германа Геринга, что наши отношения рухнут, как плохо спроектированный мост? Вот это и было страшно. И тут я заметил, что любовник фрау Белоног пристально изучает мое лицо и держит руку в кармане. Верно, я всегда плохо владел лицом. Мне тысячу раз говорили, что намерения отчетливо читаются у меня на лице. Сейчас видимо тоже. Смерти я не страшился. Если с Адольфом ничего не вышло, так хоть сведения об хронокаре дойдут до наших. Во что бы ни стало, донесу!

Гитлер попрощался со мною. Только теперь мне стала понятна роль Оскара. После отбытия четы, я должен был выйти в коридор, чтобы он, заgrimировав клоны и придав им необходимые позы, смог выстрелить в потолок, избавив меня от подозрений, что это я лишил жизни современного Навуходносора. Глупость какая. Я же безоружный, как сумел бы? Именно готовящаяся стрельба и вызывал опасения у фрау. Она тревожилась, что ворвавшись сюда, советские солдаты обратят внимание на отсутствие разлетевшихся мозгов, заподозрят инсценировку. Друг Оскар категорически был не согласен с ней. Уверял, что в горячке боя солдатам не до кровавых пятен на стенах. В его словах был резон. Что касается меня, то мне отводилась следующая роль: войти в покои с камердинером Фюрера Линге и первому зафиксировать смерть диктатора.

Затаив дыхание, я и Оскар смотрели на то, как Ева с Адольфом входили в «студень». Белоног последовала за ними. Оскар громко икнул, когда из грязевого болота донесся прощальный наказ Зверя:

— Берегите Партию, геноссе!

Белоног уже наполовину вошла в машину, когда в спину ей вонзился мой запоздалый вопрос:

— В какой год летите, фрау Снежана? Вы так и не сказали. В какой?

То, что называлось субстанцией, легко взмыло в воздух и начало исчезать прямо на глазах. Уже став полупрозрачной, русская обернулась и крикнула:

— В две тысячи одиннадцатый, в первое января!

И они пропали. Мы с Зипуненко остались одни. В спальне все имело прежний вид. Не осталось ни запаха, ни пятен грязи. Я одарил по — прежнему безмолвного Оскара недружелюбным взглядом и первым двинулся в направлении выхода. На этом мой отчет можно считать законченным. Дальше все было так, как предсказывала фрау. Я вышел незаметно из апартаментов и остановился у двери, словно только что подошел к ним. Когда раздал-

ся выстрел, на самом деле первым со мной оказался Линге. Мгновенно собралась толпа, и я распахнул металлические створки двери, по привычке бросив взгляд на часы. Стрелки показывали две минуты пятого. Потерянно стоял Геббельс с женой, генералы Бургдорф и Кребс, руководитель гитлерюнгена Аксман, Герда Кристиан, Констанция Морциарли, десятки незнакомых офицеров. Все жадно глядели на поверженного кумира. Тот сидел, откинувшись на спинку софы. У правой его ноги лежал «Вальтер» калибра 7,65, а на маленьком письменном столике рядом с неповрежденной ампулой яда был еще один пистолет, той же системы из которой и был произведен роковой выстрел. В зале стоял острый и кислый запах пороха.

Рядом со слугой дьявола подобрал ноги, застыла «Веселая вдова». Ее «смерть» отдавала комизмом. Ева была мокрая. Дело было обставлено так, что она в конвульсиях случайно опрокинула на стоящий столик графин с водой, заставляя зрителей брезгливо морщиться. Ее губы были такого цвета, какими они становятся после принятия цианида — фиолетовато-синие. Оскар был неплохим гримером. Дело свое он знал. На ковре валялась надломленная ампула, похожая на тюбик губной помады. Еще на столике стояла фотография матери Адольфа. Никто не сомневался, что он покончил с собой, глядя на нее. Все знали, как Гитлер трепетно относился к ней.

Штумпфергер, лечащий врач Аттилы нашего века, с несчастным видом констатировал смерть. Я подал Линге заготовленное одеяло, тот растелил его на полу и завернул в него холодное тело своего хозяина. Потом я взял на руки фальшивую Еву и передал ее Кемпке, водителю Адольфа, после чего перечисленные в сопровождении эсэсовцев направились к запасному выходу Острова блаженных. Из-под чересчур короткого одеяла торчали ноги Зверя в черных брюках и такого цвета носках и ботинках...

Что было дальше хорошо известно. Афера Белоног удалась. Никто ничего не заподозрил, ни немцы, ни наши. Двойники были сожжены и завалены землей. Последнюю ночь я провел у себя, а утром, крадучись, перешел в расположение частей Красной Армии известным мне способом.

Дополнение.

Снимать фрау и Оскара при помощи микросъемки я не стал. Мне показалось, что они не в своем истинном облике. Кто, посудите сами, пойдет, что называется на дело, если есть возможность побыть в приобретенном? Дураков нету. А посему нечего тратить драгоценную пленку. И еще. Прошу обратить внимания на мои предположения. Мне, кажется, фамилии Белоног и Зипуненко не соответствуют действительности. Кроме того я так и не сумел установить их фамилии, какие они будут носить ТАМ, в будущем. Активировать их я не решился. Мне показалось это невозможным, у диктатора звериное чутье».

На последнем листе доклада поперек листа стояла размашистая роспись фиолетовыми чернилами: «С подлинным верно. Мартин Борман».

* * *

Стоило Глаше спуститься со второго этажа и начать подтирать пол в главной гостиной, как Хохряков отложил книгу и начал бросать в сторону девушки пыльные взгляды. Только она, увлеченная делом, не замечала их. Или не хотела замечать. Тогда Максимилиан избрал другую тактику. Когда домработница подошла совсем близко и повернулась к нему спиной, Хохряков подкрался к ней и обнял ее за груди. Ощущение девственных холмиков было таким сладостным, что на лице у него разлилось блаженство, и он застонал.

— Что? — вздрогнула Глаша. — Что такое?

— Уже неделя, — плохо владея собой, выдохнул Максимилиан, — я соскучился. Идем на диванчик, Глашенька.

— О чем вы, господин Хохряков? Я не понимаю.

— Как о чем, Глашенька? Любви хочется. Любви, чистой как небо, большой, как океан.

— Алла Фаустовна сейчас придет.

— Что ты, что ты! Она надолго ушла. Будь хорошей девочкой, соглашайся. Ведь ты украла мое сердце, сама знаешь...

— Ах, господин Хохряков, господин Хохряков, — вздохнула девушка, поворачиваясь к нему лицом. — Кто вам откажет, если у вас такая харизма... Будь по-вашему.

Грехопадение хозяина и домработницы было долгим. Когда они насытились друг другом, Глаша вытерла ногу и, как ни в чем ни бывало, продолжила уборку. Что касается Мак-

симилиана, то он вновь потянулся к книге. Но ему не читалось. Хохряков закурил, заложил руку за голову и стал пускать дым в потолок. Их связь началась, вспыхнула, как пожар, действительно неделю назад, когда они с Евой стали обладателями этого дома. Белоног не обманула их, действительно сделала этот царский подарок. Как они с Аллой Фаустовной радовались! Бегали с этажа на этаж, спускались в подвал, заглядывали в гараж, где радовал их глаза новехонький БМВ, любовались бассейном, теннисным кортом. Им, привыкшим к бетонному подземелью, было радостно, что коттедж находится в лесной зоне, рядом с внушительным карьером, в котором удильщики ловят рыбу, и что вокруг не очень много соседей. В доме они и встретились с уже живущими на втором этаже служанками. Но Максимилиана обмануть было трудно. Ага, студентки, насмешливо думал он, ну как же, как же... Ну, Белоног, чертова перечница! Подсунула нам телохранительниц, будто нам что-то угрожает. А Глафира ничего, надо признать. Глаша действительно запала ему на душу сразу. Высокая, светлая, грудастая со вздернутым носиком. Ноги у ней были просто класс. Электрический свет отражался. В первый день при входе в одну комнату, Хохряков шел без жены — Алла Фаустовна где-то задержалась — замешкался, пропустив Дашу, и идущая следом Глаша была вынуждена остановиться. Не мудрствуя лукаво, Максимилиан, жарко обнял ее, думая, что ерепениться она не будет. Прислуга знает свое место. На святой Руси никогда не считалась зазорным иметь прислужниц в полюбовницах и здорово все-таки быть относительно молодым и иметь могучую мужскую силу. А что он услышал в ответ? Невероятное. Девушки, оказывается, были из их времени, и потому Глаша назвала его Фюрером. Мол, что вы делаете? Разве так можно? Максимилиан был немало удивлен ее словами. Все дело в том, что уже позабыл слова Снежаны Андреевны там, в бункере. Даже под таким соусом он не отказался немного потискать ее, а на следующий день Глаша уже была его, что называется, одалиской.

Так и началась жизнь Хохряковых в незнакомом мире. Несколько дней они отдыхали, никуда не выходя, только спали и ели. Постоянно названивала Белоног, спрашивала как дела, Алла Фаустовна отвечала, что все прекрасно и без конца благодарила ее. В конце недели Снежана Андреевна вывезла их в городской бор. Стояла третья неделя сентября, было еще тепло, даже жарко, и время они провели прекрасно. Жгли костер, пекли картошку, пели. Алла Фаустовна призналась, что давно мечтала о таком проведении времени. А то все фюрербункер, фюрербункер...

Телефонный звонок разбудил задремавшего было Максимилиана. Звонила Алла Фаустовна... Глаши уже не было. Жена пребывала не в настроении. Это было понятно по голосу. Опять ничего не вытанцовывалось с работой.

— В одном месте прямо заявили: «Гони монету», — жаловалась она, — возьмем. А без барашка в бумажке — шалишь. Проклятый капитализм! Нянечкой в детсадик уже не устроиться. Старая, говорят. Тридцать три — и старая! А что, Глафира уже все сделала, что ей велели?

— Ушла. Да и хрен бы с этой взяткой. Заплатила бы, да и дело с концом. Что, денег, что ль нет? Как у собаки блох. А вообще, конечно, непорядок. Где еще за поступление на работу платят? У нас в Рейхе ничего подобного не было. Заплати завтра, чтоб Снежана отстала.

— Ладно. А то она действительно пристала как банный лист. Работайте, и все тут. Мы что, сюда перебрались, чтоб рыночным отношениям способствовать? Эх, Россия!

Стоило Алле Фаустовне вернуться домой, как засобирался Хохряков. Нужно местную школу проведать. Тоже насчет места. Обещали, как только их преподаватель русского языка и литературы уйдет на пенсию, Максимилиана примут на его место. По всем признакам все сроки вышли, старик уже на заслуженном отдыхе. Хохряков чувствовал это, и решил напомнить о себе сам. Он попросил жену сходить с ним. С некоторых пор он начал испытывать дискомфорт в хождении одному. Как создатель бессмертного романа «Мастер и Маргарита». Возраст, что вы хотите.

— Спасибо, находилась, — отказалась Алла Фаустовна, узнав, куда он намеревается идти. — Иди, иди. Большой уже дяденька, сам справишься.

Хохряков попил кофе, оделся, и вышел из дома. До школы можно было добраться на автобусе или на машине, но он предпочитал, где можно передвигаться, как он говорил, пешком. Любил двигаться. Движение, как всем известно, это жизнь. А ему еще всего четвертый десяток. Это там, в Германии, ему было пятьдесят шесть, и он не забыл состояния старческой немощности, хотя какая это была, к чертям, старость! Больной был, вот и вся петрушка. Повторения той поры Максимилиану не хотелось.

Даша увязалась за ним. Куда бы Хохряковы не шли, их всегда сопровождали. Или обе или одна, когда вторая была занята. Девчонки хорошо исполняли свои обязанности: глаза не мозолили. Шли или ехали в непосредственной близости. Вот Даша и ехала за Максимилианом на машине. Он сделал вид, что не видит ее.

Шел Хохряков быстро. Ночью просыпался хороший снег, и все было в чистом белом саване. Даша не спеша следовала за ним. Максимилиан усмехнулся. Горничная думает, что ее не видят. Ну, давай, давай, следи.

Год отсчитывал последние, что называется, горячие денечки. В воздухе, хотя это абсолютно невозможно, отчетливо пахло новогодними елками и пихтой. Минут через пять энергичной ходьбы Максимилиан оказался в предместье — широкое шоссе перерезали унылые улочки из двухэтажных зданий протянувшимися вдоль мостовых почерневшими стволами засыхающих деревьев. Строения тут были тихие, пришибленные, все в полосах грязи, давно не знающие ремонта, переулки закопченные, кривые. Поневоле на ум приходило, что тут шабашили бесы или прошел войной Мамай. Бывая здесь, Хохряков неизменно заглядывал в небольшой полуподвальный магазинчик книги. Но сейчас с ним произошло из рук выходящее явление. Впервые ему не захотелось зайти туда. Максимилиан был немало поражен этим обстоятельством. Что это с ним, в смятении спрашивал он себя, почему? Он, который в Германии не пропускал ни одного магазина, тут сдал позиции? Чудные дела твои, Господи!

Верно, даже тут, в России Хохрякова трудно было оторвать от книжных полок и развалов. Он неутомимо разыскивал такие прочно забытые раритеты, как «Война невидимок» Н. Шпанова, «Приключения майора Пронина», «Медную пуговицу» Л. Овалова, «Щупальцы спрута», «Таких щадить нельзя». Сказать, что у него низкий вкус, было нельзя. Вместе с ушедшей в прошлое подобной макулатурой он разыскивал еще Хлебникова в зифовском издании и «Рисунки старых мастеров» А. Сидорова, довоенного выпуска. Увлечение макулатурой несомненно было побочным эффектом Белоноговского эксперимента. Советскую литературу 1960—70-х годов Максимилиан знал так, что ставил в тупик профессионалов. Взять хотя случай с известнейшим в Городе писателем, явившемся за внучкой и столкнувшимся с ним, пришедшим насчет работы в школу. Они разговорились о книгах, и Хохряков озадачил писателя, спросив, в каком еще произведении солидного юмориста выведен Остап Бендер, тот самый ильфпетровский. Состарившийся, но исполнивший свою голубую мечту об оправдании. Писатель только моргал и виновато покашливал. Максимилиан, конечно, понимал, что поступает неразумно, что не стоит бравировать знаниями, но в тот день в нем взял верх Гитлер, человек без образования, нахватавшийся в жизни верхушек и не переваривающий людей с образованием, и у него не было сил справиться с эти выскочкой.

Как и писатель, Хохряков сейчас только посопел и обошел стороной книжный магазин, словно это был чумной барак. Ему осталось перейти шоссе, для того чтобы войти в широкий школьный двор, когда он слышал какофонию музыкальных звуков, доносившуюся из подвала одного из домов: там находился зал атлетической гимнастики завода. Ранее Максимилиан проходил мимо, а сейчас почему-то не спускал глаз с расположенных вровень с поверхностью земли окон. В них мелькали фигуры молодежи. Для взрослых время было раннее. Они тренировались после шести.

Дело в том, что Хохряков с недавних пор загорелся мечтой поднимать тяжести, но стеснялся своего желания. Казалось, что он старый для бодибилдинга. Все началось с того, что он прочел биографию Арнольда Шварценеггера и навсегда увлекся его судьбой, силой духа. Мало того, пересмотрел свое отношение к спорту и физической культуре. Теперь он не хихикал над людьми, как раньше над своим личным архитектором Шпеером, не советовал бы им, как тому, сбросить с ног «доски», как в ту пору называл лыжи и пойти ногами. Конечно, он мог бы попросить Белоног одарить его мышцами, она бы сумела, но Максимилиану хотелось самому вырастить их, взять и стать Гераклом. Да и это неразумно. Обратят внимание. Как это: не было ни гроша, а вдруг алтын. Ни в одно сообщество атлетов не примут. За ростом объемов знаете, как следят ревниво? Нет, нет, это исключено. А вот получится самому или не получится, это второй вопрос. Зато хоть мускулы малость, подправит. Глядеть ведь не хочется.

Хохряков перебежал дорогу, пешеходных переходов тут не существовало, поднялся по нечищенным ступенькам на крыльцо и навалился на массивную дверь школы. Он всегда спрашивал себя, как в внутрь попадают малыши-первоклашки. Ручки у них тоненькие, силы никакой...

Максимилиану повезло. Директор был на месте. Когда Хохряков зашел к нему в кабинет и приветливо поздоровался, она оторвалась от бумаг и широко улыбнулась ему.

Начало было многообещающим. И Максимилиан пустил коня в галоп. Напомнил ей, что ему обещали принять на должность преподавателя русского языка и литературы, как только Сильвестр Сергеевич выйдет на пенсию. Он ждал звонка, все сроки прошли, не дождался и решил напомнить о себе сам. Директор ответила, что она не забыла, Сильвестр Сергеевич только что уволился, за Хохряковым собирались послать домой, а он опередил всех. В общем, пусть пишет заявление, он им подходит. В оставшиеся до Нового года дни нужно пройти медкомиссию и оформиться, а с конца зимних каникул приступать к непосредственным обязанностям.

Максимилиан был очень доволен, когда покидал учебное заведение. Он уже шел обратно, был у «Атланта», когда сделал вид, что только что увидел Дашу и махнул ей рукой, чтоб подъехала. Телохранильница послушалась. Указывая на окна зала, Хохряков сказал, что в свою бытность в Рейхе у него была одна знакомая. Жена тяжелоатлета Макса Шмелинга. И когда он встречался с ними, то мучительно завидовал богатырскому сложению ее мужа. Но тренировки ненавидел. А теперь сказал себе, что хватит лентяйничать. Он идет записываться в силачи.

Девушка выразила сомнение в правильности выбора. Насколько ей известно, Шмелинг боксером был и потому господину Хохрякову нужно в бокс, а не в атлетическую гимнастику. Максимилиан усмехнулся и сказал, сходя по скользким ступеням вниз:

— Ничего не нужно! До бокса Шмелинг гантелями, милочка, увлекался. Знай это!

* * *

В вестибюле контрразведчик стряхнул снег с дубленки, отряхнул шапочку и вошел в дверь, рядом с которой висела золотая табличка «Областная писательская организация». За дверью был широкий тамбур еще с тремя дверями. Чекист уверенно взялся за ручку одной из них и оказался в темноватой комнате с безграмотными картинами на стенах и наряженной елкой в углу. Контрразведчик уверенно обвел взором творческий коллектив, сидящий за длинным столом, покрытом зеленой скатертью. Прозаиков было человек двадцать. Примерно еще столько, сидело вдоль стен, утонув по плечи в креслах. Они напряженно слушали невысокого лохматого человека с большой бородой, похожей на ту, что носили «ваньки» — возчики лет так сто пятьдесят назад. Борода имела одну особенность. Была поделена на две части. Извозчик читал вслух компьютерную распечатку. Несколько пар глаз скользнули равнодушно по вошедшему, и тотчас забыли о его существовании. Ими безраздельно владело произведение.

Увидев сотрудника органов, руководитель замолчал, но тот жестом показал, чтобы он не отвлекался. Освобождаться от одежды ФСБ-шник не стал. Только расстегнул дубленку, снял головной убор и, сев на свободное место у двери, стал ждать.

«Поговорим, — с выражением читал руководитель клуба. — С Люшкой нужно еще погугарить, с Подсолнухом. Давай так поступим. Я с Шуриком свяжусь, а ты с Люшкой, годится? Вот и ладушки. Помануть Квартал сам бог велел. И вот еще что, Витя. Совсем упустил из виду...»

Работник органов окинул взглядом собрание. Почти все студийцы были ему знакомы. Эндокринолог с женой, эссэист Александр, эстонец, подающий большие надежды, как поэт, Васятка с матерью, Алевтина, пенсионерка Галина и проч., проч...

Председатель клуба закончил читать, пригладил восставшие от возбуждения волосы на голове, после чего поглядел на фээсбэшника, выказывая всем своим видом, что готов выйти в холл. Чекист опять сделал ему знак, чтобы он не спешил.

— Забавно, — произнесли в креслах. — Автор написал плохую, но занятную вещь. Имеет смысл зачитать всю повесть, а не одну главу.

Стол запротестовал. Повесть чересчур велика. Эдак они несколько воскресений убухают. Знакомиться лучше в частном порядке.

— Да, но какой язык! — забилась в экстазе пенсионерка Зухра. — Федор прямо на глазах растет. Сцена на пляже выше всяческих похвал. Нам бы так писать!

— Хватила! — презрительно отозвался студиец с усами, как у гайдука. — Язык как язык. У наших друзей на Западе существует такое выражение: «Вагонная литература». У немцев — дорожная литература. Так вот, сей опус подходит под эти определения. По-английски: «Пакет бук». Автору, будь моя воля, я бы запретил не только ходить сюда,

но вообще брать в руки перо. Это надо же придумать: двуглавое животное в холодильнике. Фуй! Маразм!

На свете масса людей, ставящих ни в грош Гоголя, Свифта, Булгакова и еже с ними. Такого не бывает, считали они, чтоб Нос по Санкт-Петербургу разгуливал, или чтоб сатана в Москве проживал. Они сторонники таких рассказов и повестей, где все ясно, чтоб все было понятно, как на ладони. Сын мать убил, дворник собачку утопил, директор принимает школу к 1 сентября и все такое. Автор повести Федор Баталов считал, что подобные сюжеты не имеют ничего общего с литературой. Литература, это когда ты узнаешь что-то новое, которое делает читателя лучше, заставляет думать, а тут... Перепевы старого.

К счастью, к нему это не относилось. Федор умел думать и потому касался в своих работах таких тем, которые говорили о его боли за страну. От несправедливого обвинения он, как спрут, покрылся разноцветными пятнами и стал сжимать и разжимать свои пудовые кулаки. Ведь жалость в мире литературы неведома. Глава литобъединения был извещен об этом и сердито прикрикнул на участника вооруженного сопротивления против турецкого ига, требуя, чтобы он говорил по существу, а не как, по его мнению, следует писать и не писать.

— А мне бы хотелось все же узнать, как будут развиваться события дальше, Юра, — не сдавалась Зухра. — И что за чудище сидит в холодильнике. Нешаблонный сюжет, что ни говори. Лично мне нравится.

Гайдук Юра ринулся было в схватку, но руководитель студии рассердился и поставил его на место: объявил перерыв. И вместе с чекистом прошел в пустую комнату секретаря писательской организации, где им никто не мог помешать.

— Увы! — сразу сказал руководитель чекисту, и борода его волшебным способом снова соединилась в единое целое. — Ничего нового сообщить не могу. Новеньких нету. Не иду, и вправду время литературы ушло? Если так, то обидно.

Сотрудник госбезопасности как мог, упокоил потерявшего почву под ногами литературного волка. Дальше оставаться в литературном клубе было бессмысленно. Руководитель расписался у него в особом журнале, и они обратно пошли в комнату заседаний. За время их отсутствия от деловой обстановки в ней ничего не осталось. Пропали подшивки газет на столе, картины, фикусы на подоконниках, записные книжки, рукописи, авторучки, все, что указывало на принадлежность собравшихся к избранному виду деятельности. Казалось, даже люди стали другими. Женщины красочными бабочками порхали у стола, который тоже стал другим, купеческим, кичившимся своим достатком. Мужчины могуче курили в коридоре у золотой таблички.

— Понимаю, — сказал добродушно чекист. — Банкет? Обмываете выпуск книги? Дело хорошее.

Начальник объединения сказал: «Ага» и добавил, что это тот, кто на Федора бочку катил. Книжку виршей издал.

— Пять лет на сносах был, разродиться не мог, — рассказывал он. — Все созрел. Зато других охаивать мастер, что ты! — Любого в грязи вываляет, наш Мензура Заила. Знаете, какое название дал своей книжонке? «My dear завод». «Мой дорогой завод». Какие это вирши из названия видно. Будто из глухих тридцатых человек выпрыгнул.

Сотрудник покивал головой и вышел из писдома. Снег на улице шел по-прежнему. Разглядев начальника, водитель машины завел двигатель.

— Мимо? — посочувствовал он, когда чекист забрался внутрь.

Контрразведчик фыркнул. Автомобиль слегка присел на задние колеса, после чего медленно покотился по улице, вливаясь в общество себе подобных. Зашуршав, город стал наваливаться на сотрудника органов.

Ехать было им несколько кварталов. Вскоре сотрудник ФСБ входил во Дворец культуры. Кивнув дежурному, он прошел по пустынному у коридору и по мраморной лестнице с чугунными завитушками поднялся на второй этаж. Мягкий ковер скрадывал шаги. Умопомрачительных размеров картина о строительстве чего-то огромного, украшала стену, рядом с которой имела дверь с малоприметной надписью «Художественное ателье». В эту дверь и вошел чекист. В отличии от темпераментных последователей Гомера, Овидия и К^о тут царил благоговейная тишина. Мастера творили. Выражение лиц у всех были возвышенные, серьезные. Возрастной ценз у рисовальщиков был разный: от двадцатилетних до фитилеобразного мужичка, лет тридцати. Они запечатлевали на бумаге широкоплечего старика с усами а-ля Чапай. Или Буденный. Дедок, казалось, не дышал. Смирно сидел, по-

ложа колоссальные кисти рук, коими впору давить волков, на острые колени. В углах комнаты стояли безглазые слепки с древнегреческих оригиналов, в виде олимпийских богов. Комната была хорошо освещена, большое, в полстены, окно тщательно завешано. Рисование требовало постоянного освещения. В другой комнате трудилась совсем юная поросль, изображающая кухонную утварь. Третья была плотно затворена. На ручке двери болталась бирка с надписью по-английски «Не беспокоить!» Сотрудник ФСБ поискал взглядом Петровича. Того нигде не было видно. Чекист подошел к фителеобразному и шепотом спросил его, почему не видит руководителя ателье. Тот оторвал затуманенные глаза от натурщика и также шепотом ответил, что Владимир Петрович со старшими воспитанниками пишет обнаженную натуру.

— Там, — могучая рука указала в направлении третьей комнаты.

— И долго они еще там будут ?

— Почем я знаю? Минут тридцать — час, скорей всего. Недавно начали.

Пока фээсбешник ждал, он успел посмотреть рисунки, висящие на станах в рамочках и паспорту, как самые профессионально изображенные. Он не разбирался в искусстве, но даже ему работы показались далекими от совершенств, не несшие на себе печати талантливости. Было непонятно, на что ребята рассчитывают. С фителеобразным все понятно, а вот эти? Ну, ходят они сюда еще год-два, наберутся опыта, что дальше? Начнут поступать в художественные заведения. В лучшем случае, естественно. Там еще пять или шесть лет. Когда окончат, им будет около тридцати. И все. В этом возрасте начинать карьеру художника поздно. Что касается девиц, то они забросят творчество лет в двадцать пять. Замужество, пеленки-распашонки. Так и получится, что еще одно поколение окажется пустоцветом. Сколько их уже было, этих пустоцветов...

К счастью, чекист ждал недолго. Таинственная дверь растворилась и из нее в кольце читателей вышел руководитель кружка — маленький, юркий, похожий на боцмана, человек с безумными глазами непризнанного гения. Заметив постороннего, он поморгал, вспоминая, после чего направился к нему, еще издали протягивая руку.

Сей «боцман» добросовестно относился к возложенным на него обязанностям. Вернувшись обратно в комнату, он предостерегающе потыкал пальцем в ширму, где одевалась натурщица, и суфлерским голосом стал рассказывать, что за время их последней встречи в ателье пришел всего один новенький — шофер Заборский. Товарищ чекист только что его видел. Но он явно не тот, кого разыскивают органы. Ему точно не шестьдесят с половиной, как требуется органам.

Чекисту только и осталось, что незаметно вздохнуть. Как и литератора, он заставил «Боцмана» расписаться, после чего покинул гостеприимный Дворец. В управлении он отчитался о проделанной за день работе и стал свободным, как ветер. В холостяцкую квартиру ему не хотелось ехать и потому он отправился в «Атлант», тем более, что сегодня был его день. Он любил это заведение, как отцы любят своих отпрысков. Любовь объяснялась просто. Это он вместе с другими энтузиастами создал клуб из заброшенного подвала. Месил цемент, заказывал токарям гантели и штанги, помогал сварщикам варить тренировочные станки, ругался с пожарником насчет деревянной облицовки стен бани. Даже теперь, когда тут многое обветшало, пришло в негодность, чекист ни за что бы, не променял свое производство на богатые клубы в центре Города, на никелированные штанги и гантели фитнес-клубов. Предательство ему претило.

Когда он приехал в секцию, почти вся команда была в сборе. Всякий раз заходя в «Атлант», сотрудника контрразведки охватывало чувство восторженности. Ощущая свою силу и испытывая восторг, непоколебимую уверенность, что никогда не бросит своего увлечения, он выходил из раздевалки и начинал разминаться. Среди горячего сырого воздуха, среди воплей магнитофона покрытые мышцами мужчины стонали и кряхтели в битве с древними снарядами. До боли в мускулах состязались они с массивными железными чушками, выжимали громадные гантели, после чего бросали их на пол.

Сотруднику тайной службы всегда было жалко живущих над ними. Изю дня в день грохот, грохот, грохот. А там люди пожилые, сам видел. Однако пока в спорткомитет завода жалоб на творившееся в подвале безобразие не поступало.

Чекист всегда начинал тренировку с жима штанги лежа. Вот и теперь, дождавшись, когда Женька — Гладильная доска закончит упражнение, быстро поставил разминочный вес и лег на его место. После четвертого подхода он заметил нового культуриста, который в положении сидя, вздымал гантель из-за спины. Что атлет только что начал посещать тре-

нажерный зал, было видно, по той неуклюжести, с которой он жал вес. Давно тренирующиеся жмут гантели как-то иначе, с некоторой грацией, что ли. Они познакомились. Новенький, плотный здоровяк, назвался Максимилианом и стал внимательно слушать советы контрразведчика. После двух с половиной часов усиленного манипулирования тяжестями, чекист сказал себе: «Будя» и направился в бассейн. Почти сразу за ним закончил тренировку и Максимилиан. Через полчаса они оба гоняли чай в комнате хозяина клуба Романцева и довольно поглядывали друг на друга. Постепенно к ним стали присоединяться и другие качки.

Чекист заканчивал уже третий стакан, когда один из атлетов со словами: « Ты просил» подал ему книгу журнального формата. Книга содержала в себе подробное описание тренировок учителя Шварценеггера Джо Вайдера. ФСБ-шник жадно схватил ее. Давно хотел почитать.

— Спасибо, Слава. Недельку подержу, ты не против?

(Продолжение следует)

г. Челябинск

Любовь Дубкова Забывтой музыкой венчальной

Кредитный рай

*Плачу́ и пла́чу, пла́чу и плачу́.
Какое там — тут не до разговоров.
Монетку между пальцами кручу,
Я расплачусь, но видимо не скоро.
...Расплачусь, и, конечно, расплачусь...*

Каринэ Гаспарян

В моих руках не заячья капуста,
А самые обычные рубли.
Но терминал с проворностью мангуста
Хватает единицы и нули.

Купюры оседают в лапах зверя,
Прощально издавая жалкий хруст.
Ах, как могла я дьяволу поверить,
Мой кошелёк теперь стабильно пуст!

Понуро жду я будущей зарплаты.
Но через месяц прилетит дракон,
Дыхнёт огнём, посмотрит бесновато —
Забуду весь культурный лексикон!

Пошлю подальше чёртовы кредиты,
Подступит едко к горлу тошнота!
Все банки — многорукие бандиты!
Полжизни улетает в никуда!

Зато живу в квартире, не в сарае,
И руль в моих руках от Chevrolet.
Не о таком ли я мечтала рае?
Наверное. Да только счастья нет...

Однажды в апреле...

Натянута сетка над городом строгим,
Стекают по каплям в кювет небеса.
Бредёт по бетонке рысак хромоногий,
Мечтая хотя бы о горсти овса.

Когда-то он был молодым и в фаворе,
Раздроблено эхо счастливых времён.
Моргающий жёлтый глазок светофора
Сигналит бедняге, что мир разделён:

На красных и белых, на лето и зиму,
На старых и новых, на минус и плюс,
На дерзких, спокойных, бесстрашных,
ранимых,
На резвых коней и таких развалюх...

...Отпущен на волю в промозглом апреле —
Иди на четыре, а хочешь на сто!
И вот, в лошадиное сердце расстрелян,
Он в шоке стоит среди поющих авто.

Ведь он не собака, чтоб к стае прибиться,
Таких же бездомных и брошенных псов.
Не надо быть самым крутым ясновидцем,
Чтоб выдать палитру возможных концов.

Старушка-«копейка», попавшая в пробку,
Спросила: — Что, милый, приблизился
кнут?

Мне тоже на свалку, теряю сноровку,
Под пресс и в плавилку — известный
маршрут.

И нас, стариков, от такого итога,
Ничто не спасёт, ни пророк и ни бог.
Пока под твоими ногами дорога —
Шагай, дорогой! Тут мотор и заглох...

И конь, под миганье цветов светофорных,
Хрипя, со слезами, упал на капот!
Их вместе сгрузили на автоплатформу...
И первой грозой взревел небосвод!

Закатное

Крылом Жар-птицы озарилась просинь,
И засверкали, словно в ожерельях,
Оранж берёз и ретро-бронза сосен!
Но в пасти огнедышащего зверя —
В закатном жерле — исчезают перья,
Волнуя что-то в левом подреберье...

В невероятных цветосочетаньях
Мерцает срез осеннего мотива!
И, сдерживая сердца трепыханье,
Я открываю око объектива,
Учитывая свет и перспективу,
Внощу ежесекундно коррективы.

Давлю на газ, догнать пытаюсь солнце,
Бросаю руль, жужжит затвор бесстрастно!
Не сразу замечаю незнакомца,
Махающего палочкой матрасной,
Хозяйкой на дороге полновластной,
В полосках, отрезвляюще-контрастных!

Поспешно птица опустилась ниже,
Потухли самоцветы на макушках,
На горизонте небо землю лижет,
А лейтенант в мальчишечьих веснушках
Идёт к разгорячённой легковушке,
И это, я скажу вам, не игрушки!

Потребуется права за скорость ветра,
За вспышки, ослепляющие встречных,
Напомнит о ремне авторитетно,
Взглянув на локон, вьющийся беспечно,
Составит протокол бесчеловечно.
А мой закат привычно канет в вечность...

Развод

Развод не панацея,
А лишь паллиатив.
Стреляющий прицельно
И нет альтернатив.

Ведь всё уже свершилось,
Слова попали в цель.

Железо раскрошилось,
А ты остался цел.

В моей же оболочке
Теперь труха и пыль.
На грани мёртвой точки,
Без флага и ветрил,

Без якоря и вёсел,
Без карты и руля
Плыву я мимо вёсен,
Плыву... без корабля!

Затягивает льдами
Фарватер узкий мой.
Забывая богами,
Даю я круг штрафной.

Вдруг слева вижу прорубь,
А в ней какой-то гном!
Да это ты, мой голубь,
Болтаешься бревном!

*

Морали нет, пожалуй,
Какая тут мораль...
Обоих больно жалит
Палящая спираль!

В стае нет мне места

Листья под ногами,
как термобумага факса —
пожухли, растаял цвет.
Птицы-оригами,
не требуя сатисфакций,
заоблачный взяли след.

В стае нет мне места,
Брожу вампиршей полночи,
Напившись мёртвой воды.
Брошена невеста,
Аэродром заболочен,
И с крыльями нелады.

Жду несмело утра,
Надеюсь на мудрость неба,
Дарующего тепло.
Только очень смутно,
Скулит и бунтует немо,
Надломленное ребро.

Дождиком искусан,
Рассвет потирает плечи,
Мобильник сыграл подъём.
Луч, глупыш безусый,
Погожего дня предтечей,
Приветствует окоём.

* * *

Ноябрь, а дождь почти что летний,
Обряд прощания вершит,
Переливаясь сложноцветно,
Стекло мережками расшив.

Я выхожу под эти струи,
В промокший до макушки мир,
Ловлю дождинок поцелуи,
И отзвуки притихших лир.

При погружении в стихию
Негромких, тонких партитур,
Не замечаю аритмию
И перепад температур.

Забывтой музыкой венчальной
В моей душе отображён
Тот дождь, итогово-печальный,
Позднеосенним миражом.

Когда сапфирами снежинок
Засеребрят зимы клавир,
Уйду тропинками слезинок,
Укутываясь в кашемир...

Я — мимо...

Я знаю —
Нет завтра.
Слёз мая
Кто автор?

Кто дышит
В лоб смертью?
Быть выше
Мне смель ли?

Свет белый —
Путь к солнцу.
След мелок,
Нить рвётся...

Вне храма...
Без грима...
Жизнь — прямо,
Я — мимо...

Моя степь

Хочется выдуть
Ветром степным
Сердца печали.
Криками выйдут
Часом ночным,
Мрак истончая.

Бисером мелким
Росы зари
Явятся свету.
Алые стрелки,
Степь обагрив,
Сыплются сверху.

Тихо шаманя,
В травы войду,
Душу врачую.
В нежном тумане
Горе-беду
С корнем корчую.

Солнца глазница
Цвет янтаря
Всюду вкрапляет.
Заколосится
Шёлк ковыля,
Боль преломляя!

г. Челябинск

Виктор Ружин

Короткие рассказы

Парторг

Павел Редькин видный мужик, и об этом он в уме держит. Прохаживается по улице не просто так, а чтобы женские взгляды обласкали его статную фигуру, глядишь, и позвонки разглядятся и живинкой глаза засветятся.

И в этот раз он вышел на прогулку, чтобы отвлечься от пещерной коммуналки, от этого кирпичного кишачего тараканника, где всё что-то стучит и ползает. Где вначале всё делают, а уж потом, только опомнившись, царапая голову, изумляются наделанному. Где каждый не прочь подsunуть эдакую каверзу другому, и чем солонее, тем лучше. И где не жилище это вовсе, а пристанище мыкающихся недругов, и горестно тому, кто не может забыться там, в дикой пляске.

В кожаном пальто и шляпе Редькин в полном приличии, чувствует себя гордо и независимо, свободен от всей этой мирской суеты. Природа не поскупилась на творчество, изваяла Редькина складным мужиком. Холодно и брезгливо глядит он на мерзкий мир, который сторбился в вечных заботах. Семья хомутом сжимает его свободу. А в прогулке глотнёшь свежих впечатлений и развеешься, а ежели, ещё и через магазин пойдёшь, то и совсем в забытье откинешься, уйдёшь далеко-далеко, где не тревожат тебя звуки, не волнуют краски, где только единственная глухонемота, твоя ласковая любовница. И на сей раз, он пошёл через магазин.

Выпивохи быстро подобрали к нему ключик. Этот народец на изобретения горазд. И тут Редькин был замечен и приглашён в общество.

— Редькин, ты кашу-косорыловку кушал? — обратился Тараскин к Павлу.

— А что за каша?

— Что за каша! А вот така каша. Берёшь варёной картошки, мелко её нарежашь, потом туда кефира наливашь и винцом сдабривашь. Перемешал всё и кушаешь, и, понимаешь, от этого месива аж пасть кособочит. А ежели туда ещё и водки опрокинешь, то тогда совсем с ног сшибает. Хошь с ног сшибиться?

— Ну, ты бы сразу так бы и брал быка за рога. А то сдалека начал. А нам где такой кашей угощаться, мы не просвещённые, где нам до такого образования, да нам, неучам, ладно и по-мужицки, пойдёт каша и из топора, не до хорошего. За то, как сорокоградусной осветишься, слюной закусишь, рукавом утрёшься, и смотришь, в праздник влетел.

После этакого красноречия они сбросились на троих, чтобы выпить да щекотку-стерву утомонить. За углом магазина первым взял в руки бутылку мужик-эпилептик. Перед тем как пить он произнёс стишок:

Эх, да страна наша могучая,
В гопаке кипучая,
Осиною заквашена,
Дубиною уважена.

И поболтав бутылку, подняв, он опрокинул её, открыв рот, чтобы выпить свою долю из горлышка, как тут с ним случилась трясучка. Водка в бутылке заиграла штормом. В припадке он повалился по стенке навзничь, и родимая, с такой натяжкой оплаченная, вырвалась на простор мимо ртов. Тараскин, изловчившись, выхватил из трясущихся рук бутылку и мигом заглотил драгоценные остатки. Утёршись, он сердито бросил пустую бутылку возле бьющегося и реверансом пошёл прочь.

Паша смотрит то на припадочного, то на пустую бутылку. От растерянности он на какое-то время окаменел. Но, собравшись с духом, кинулся вдогонку Тараскину:

— Ну, ты чё в галоп погнал? Мать вашу! Артисты! Комедь взметнули и убегаешь! Я даже в ладошки не успел хлопнуть. Мне чё, теперь, ангелом порхать прикажешь? Во рту ни росинки!

— Зачем порхать, мышью ползай. Вот, отгадай загадку. Кто такой торговец паром?

— Ну, парторг!

— О, молодец! Точно! Вот тебе и карты в руки, напусти парку густенько, да погоречей — чем жарче, тем игра будет слаще. Счас пойдём тогда ко мне, и с моей бабой комедь будешь ломать. Ты мужик приличный, далеко заметный, и при шляпе, и в кожаном пальте. Ну, вылитый парторг. Вот и расфуфырься им. И раскрутим мы её на выпивку. У неё бражонка где-то завсегда прячется. Как порог переступнём, я тебя сразу парторгом и отпрапорую. Только ты в бога мать-перемать не круши, а по ихнему, по партожьему трепись.

— Но, а как без матушки-то?

— Как, как? Никак! В три господя не горлань, а тюльку гони и всё. Вон он, товарищ парторг, как слюнями брызжет. Враки поёт про райские гущи коммунизма и не морщится. Глаза округлит, не моргая, словно лик на иконе истину пророчит. Вдохновенно обрабатывает свой кусок с маслом. Вот и ты вдохни искусства, отработай свою рюмку. Общим, в этом манере и пляши. Да, смотри, крендель какой не выкинь. Лады?

— Лады-то, лады, да только я не соловей и в политике — ни бу, ни му, ни кукареку.

— Ничё, чё-нибудь накукарекаешь. Главню, громче голоси, горластый петух завсегда слышнее. Смотришь, пирушка у нас с тобой и закрутится.

Как только заговорщики захлопнули за собой дверь, Тараскин сразу взял быка за рога, стал окручивать жену, не давая ей опомниться, и, пока она не пришла в себя, представил ей

скороиспечённого парторга. Редькин, сняв шляпу, схватил обеими руками руку Тарасихи и стал её трясти, сдавливая по-шахтёрски, как сдавливал лопату. Так сильно руку Тараскиной никто не тряс и не жал. «Здоровый парторг», — заключила она. — А мой мужик квёлый, одни только уши торчат». Паша-парторг, потирая руки, стал осматриваться. «Вроде должно дело закрутиться», — мозгует он.

Тарасиха — баба проворная, быстро сообразила на стол. Тараскин даже не успел уловить, хотя и следил. Как? Из какого угла? Из какого тайника выскочила брага на стол? Чёрт, проморгал, всё ж таки!

— Садитесь, люди добрые — добродушно широко заулыбалась жена.

«Ну, слава богу, кажись, клюнула», — взбодрился Редькин и, как бы нехотя, неспеша, не обнаруживая своего желанья, как делают порядочные люди, сел. Стали выпивать. Пьют, а на ум Редькину ни что не идёт. Молчит, пьёт и закусывает, закусывает и пьёт, посматривая на Тарасиху, для приличия улыбаясь. Тараскин под столом пинает Редькина, намекая о политике. А у того, как назло, язык тяжёлый стал, как свинец. Тужится он, тужится, а слова не лезут, хоть тресни. Смотрит он на Тарасиху боязливо, глазами бы всё разъяснил, а язык как чужой, не слушается — и всё. Тараскин сильнее стал пинать Редькина, до боли. Разваливается компания.

— Чёрт, парторг хренов! — не вытерпел Тараскин, и сам пошёл.

— Ну, чё там про политику слышно?

Больно стало Редькину, что-то даже хрустнуло. И тут сразу ему пришёл в голову Хрущёв.

— Ну чё, чё!? Никитка — нашенский мужик, ясно дело. Да и кузькиной матери — коreshok тоже.

— И всё?

— Почему, всё. Кажись, наперёд всё проглядывает. Звонкий лапоток. Вон как дуру гонит под фанфары! Навернось, под какой-нибудь нас финт то и подгонит. Раз так пудрой мозги порошок.

— И всё?

— Как всё? Нет, скоро коммунизм будет, японский бох, — вспомнил Редькин, — будем, как сыр в масле купаться. Водка рекой будет течь, а закусывать будем кукурузиной, мать твою, закукурузимся в лепёшку. И, наконец, объявится, кажись, мечта наша: «златые горы и реки полные вина». Лежмя будем пить, да прикусывать сладкими кисельными берегами. Не житуха будет, а сказка! Пей — не хочу! Ешь от пуза, не жалея! Пускай лучше брюхо лопнет от счастья свалившегося!

Расковало, наконец, Редькина, вышел он из оцепенения и даже, подмигнув Тарасихе, запел:

— Улица, улица, ты брат пьяна...

...А, наливай, брат,

На-ли-ва-ай, на-ли-ва-ай.

Всё до капли

Вы-пи-ва-ай, вы-пи-ва-ай...

...Вино, вино,

Вино, вино,

Оно на радость

Нам дано...

...По рюмочке, по маленькой

Налей, браток, налей!

По рюмочке, по маленькой,

Чем поят лошаде-е-е-ей...

Тут заглянул сосед, Тарасиха к нему:

— Кольша, весёлый у вас парторг!

— Этот-то? Да, какой он парторг! У него, кроме лопаты, в руках ничего не бывает.

— А кто это?

— Да это, Пашка Редькин, проходчик.

Тарасиха молча подошла и размашисто смазала мужу по морде.

— Пройдохи, а! Говоришь, лошадей поят, улица пьяная? — повернулась она к Редькину.
— Ну ладно, пожалуй, пошёл я, — засобирался Редькин.
— Нет, сиди, товарищ парторг, — положила она руку на плечо Редькина, — ты настоящий парторг.
Редькин гордо молчал.
— Парторг, парторг, я вижу, вылитый парторг. Эх, пировать, так пировать! Пой, парторг — плясать будем!

Свет в серебряной ложке

Однажды Бычкову выпал необычный серый в крапинку день. Поехал он с большим начальством на базу отдыха новую подстанцию включать.

До базы ехали на небольшом автобусе, сто вёрст пылили. В автобус набилось одно начальство, а из рабочих-то — один Бычков. Всю дорогу надрывался автобусишка, начальство-то тяжёлое, лёгких-то — только он.

Приехав на базу, Бычков важно обошёл трансформаторную подстанцию. С очень ответственным делом собрал электрическую схему. Ну, словом, решительно ввёл её в рабочее состояние. А начальство табунится, галдит, ждёт праздника, чтобы выплеснуться в радости. Их привлекает этот край переливающимся изумрудом кудрявой заросли, где хорошо отдаваться пьяной балагури. А включение новой подстанции есть сопутствующий случай расслабиться баловством и убежать в млеющую страну за блаженством.

И как серьёзно, с достоинством Бычков подстанцию включил, оно «Ура!» закричало. И тут всё и началось. Начальство весёлое бодро к столу побежало, каждому хочется занять самое лучшее место. Оказывается, стол-то тот их давно ждёт. Чинно они расселись за него, забыв Бычкова.

Пока тот умывался, на открытой террасе рюмки уже зазвенели. К умывающемуся подошёл сторож и молча подвёл Бычкова к компании; потеснив начальство, усадил того за стол. Сторожу, видать, всех нужнее свет на базе. Глядит Бычков, а в этой мужской компании только одна женщина. Она здесь главный столоначальник, как он потом понял, и воеводит столом, искусно его накрыв. А это бухгалтерша Бардакова Анжела Пантелеевна сюда для этого и послана.

Сидит Бычков, скромничает. А как захмелевшее начальство стало от стола отходить покурить — он, конечно, тут, в их отсутствии и подналёт на красивые рюмочки. Опрокидывает да закусывает аппетитно. Смотрит, а у бухгалтерши улыбка с лица сошла. Её строгий взгляд говорит: «Как смел этот сесть? Да он непрошенный, и незнакомый, и не начальник». И страшным кинжальным взором она Бычкова насквозь пропарывает. Готова уничтожить. Посуду от него убирает: серебряную ложку забрала, вазу серебряную на другой конец стола отодвинула. Лицо её стало деревянным, словно наспех тёсаное топором.

Анжела Пантелеевна — пончиковой внешности, правда, слишком пережаренная, но с финтифлюшечными серёжками — густая забава для начальства. Как захотят выпить, так к ней толпой и валят. Она с широким лицом, с пудельской причёской, хлебосольная, улыбкой уваживает нужных людей и этой забавой себе место и должность отработала. Она не то, что с коварными намерениями, а просто, мягко стелет, но жёстко хватает. Знает где слезу пустить, где зубами цокнуть. Вся экономическая глубина Анжелы Пантелеевны пришла к выводу, что первые воры, конечно, это сами сторожа и люди, плохо умытые. И свою эту хлёсткую безошибочную мысль она уважала.

Между собой начальство смеётся над Анжелой Пантелеевной, называет её «Ананаса Панталоновна». Стол для Анжелы Пантелеевны есть ребёночек, она матерью ухаживает за ним и любит его. Она ревностно, почти безрассудно, следит за ним и ненужные соринки смахивает. Начальство, зная Анжелину слабость, мучает её нарядным столом. И застолье преследует её с упрямым постоянством. Постоянство это изматывает Анжелу Пантелеевну.

Она бы с удовольствием променяла застолья на ребёночка и семью, но нет у неё времени на такую роскошь, она живёт в согласии только с дебетом и кредитом.

И в постели Анжела Пантелеевна давится злостью на весь мир за свою жизнь, уготованную для пьянки. От застолий её уже тошнит, но бросить это она не в силах, пуповиной крепко повязана с начальственной развлекухой. Пуповина всё сильнее её горло сжимает и меркнет свет, а руки не могут выпустить должность и серебро.

Но она ждёт, что через место и серебро всё равно отхватит своего принца. А к ней всё приходит и приходит во сне Бычков, простой мужичишка, обнимает её, целует и ведёт жить в построенный дом.

Жареное счастье

Что-то гложет Морошкина, что-то он хочет, а что — никак не поймет. И всё это (что-то) вьётся вокруг него и не дается, сбивает с толку. Что он в толк никак не возьмет. И, прохаживаясь поздно вечером, между прочим, загнал чужого телёнка в свой сарай. Сказать, что он это сделал случайно — нельзя, и преднамеренно — тоже нельзя. Какая-то необъяснимая внутренняя сила двигала им, а он ей только не сопротивлялся. Захотелось ему обмануться: «Бог подкинул ему телёночка». И он настойчиво убедил себя в этом. Попадись в это время под руку родная мать, он бы и её загнал в сарай и мускулом бы не дрогнул. И когда теленок оказался в его сарае, он почувствовал себя высоко-высоко, на седьмом небе.

Жене тоже передалось его высокое счастье. В разговоре с ней, как телёнка обратить в мясо, сошлись на том, что это дело должен изладить Митяй, по прозвищу Глухарь. Карты ему не раскрывать, пригласить, как вроде бы, попить. Он, полудурок, не поймет, на выпивку горазд. А мясо будет вкуснее, когда чужой режет. Морошкин, на радостях, еще горячку напорет, испортит свежатинку и пропадет весь смак. Рука не по циркулю, не резал, а свежатинки ох как охота. И умиротворенные улеглись. Жена как легла, так сразу и уснула. А Морошкин не может уснуть. Видится ему свежее жареное с луком мясо, парящие струйки нос щекочут.

Вспомнилось ему детство. Как отец осенью по снегу режет скотину, а он из большой сковороды ест жареную с луком кровь.

Приободрённая, жена легко поднялась утром с постели и, светящаяся счастьем, сбегала за Глухарем. Тот, быстро сообразил, что лёгкая наживка сама в руки лезет, можно и пирушку сорвать. Он наточил нож и, придя, не успевши перешагнуть порог, перво-наперво справился:

— Магарыч готов?

— Кому што, а вшивому баня, да будет тебе, будет тебе магарыч, не томись, — хлестнула бойко жена.

— Тогда пошли, — махнул он рукой Морошкину.

Свалили теленка.

— Держи! — скомандовал Глухарь. Морошкин кинулся держать.

— Да не меня держи, держи телёнка.

Быстро Глухарь управился, протёр нож о шкуру телёнка.

— Вот теперь и пировать можно, со свежатинкой, — расположено произнес Глухарь.

Пока мылись, да Глухарь шершавой рукой приглаживал упрямые волосы, жена, изжарив мясо, кликнула.

— Седовайте за стол.

Глухарь ест да пьет, пьет да ест. Морошкины смотрят, глаза округляются, в висках молоточком стучит и стучит все сильнее и сильнее. Глухарь протер масляные губы рукой.

— А че мало нажарили? Давай жарь еще, скупердяи!

— Смотри-ка, разбежался-то как, на дармовщинку-то! Ты, мастер жрать-то! — не стерпел Морошкин.

— К хорошей гулянке должна и хороша закуска, стало быть!

У Морошкина внутри все закипело и что-то заговорило.

— Аха, держи рот шире, гулянку нашел. Да ты мастак на чужое-то.

Глухарь остановился, с силой проглотил кусок мяса, чуть не застрявший в горле, и оторпело стал смотреть то на Морошкина, то на Морошкину.

— Нужно и честь знать, это же не бык, а телёночек всего-то навсего, — наседал Морошкин.

— Во, жмоты!

Тут врезалась жена.

— На чужой каравай рот-то не разевай!

— Да этот каравай-то не ваш вовсе, он сворованный.

— А ты че, за руку нас поймал?

— А че вас ловить, у вас на морде все написано.

— Да ты посмотри-ка, что творится-то, ты че спятил, да купленный теленок-то, купленный.

— Да вы купите, слупите.

Тут жену совсем прорвало.

— Ты что, по себе судишь? Ты сам-то кто? Уж чья бы корова мычала, а твоя-то бы уж молчала. Спишь ведь и во сне видишь, где бы чё стянуть. Все соседские сараи прошёл. Вон тебе дверь, вон те порог, и поминай, как звали! — жена указала рукой на дверь.

Глухарь, поднявшись, пнул табурет.

— На жареном счастье далеко не уедите! Мыши! — выпалил он, и, повернувшись, хлопнул дверью, вышел. Зло, плюнув на морошкин двор, он, ворча, направился к себе.

— Хоть бы был кто, а то пень с ушами. Распинайся-то тут ещё перед ним. Перебьётся! — не унимались Морошкины.

— Ты смотри-ка, вить черви, а такую птицу из себя раздули. Вот, попировал, так попировал! Забодай меня комар! Знал бы, так не вырезал бы желчный пузырь, пускай бы горечью подавились! — Шёл Глухарь, мотая головой, и всё плевался и плевался.

Пришёл домой. Жена к нему.

— Ну что ты за хозяин, телёнок-то наш пропал. Второй день уж как нету, а тебе лишь бы пить.

Ком к горлу подкатил у Глухаря. «Так это что творится-то? Это значить, он своим телёнком-то закусил? Вот это Морошкины, так Морошкины. Далеко уехали!» И Глухарю не до плевания стало.

г. Копейск

Анатолий Кухтурский

Зюраткульский лось (современная легенда)

Этот миф, легенда иль преданье
Наших дней поведаёт о том,
Как бродил в просторах мирозданья
Звездный лось, космический фантом*.

Великан с ветвистыми рогами,
Тучным телом, мощной головой
Мерил исполинскими шагами
Беспредельный хаос мировой.

Под ногами путались кометы,
Распустив пушистые хвосты,
Метеоры как анахореты**
Пробирались в бездну пустоты.

Рдели в даях звездные соцветья,
Осыпая звездную пыльцу,
Медленно текли тысячелетья,
Повинуясь высшему творцу.

Лось бродил среди галактик где-то
В ледяном безмолвии равнин.
И случилось: с голубой планетой
Встретился однажды исполин.

И она его заморозила
Синью вод и зеленью лесов,
Навсегда спокойствия лишила
Щебетаньем птичьих голосов.

И тогда почувствовал Сохатый
Всем своим могучим существом,
Что брести всю жизнь в ночи куда-то
Он устал в пространстве мировом,

Что пора б ему уже на отдых
Где-нибудь укрыться в стороне
И что темный лес и горный воздух
Подожли б для этого вполне.

А Земля — та самая обитель,
Где и лес, и воздух, и вода,
И спустился наземь небожитель,
Чтобы здесь остаться навсегда.

Но и по Земле еще порядком
Побродить Сохатому пришлось.
И однажды к озеру Зюраткуль
Каменистой тропкой вышел Лось.

Ветерок играл в древесных кронах,
Тихо гасли волны на песке,
Сосны разбрелись вокруг на склонах,
Слышалась кукушка вдалеке.

* Фантом — призрак.

** Анахорет — отшельник, пустынный.

Было так спокойно и уютно
И решил усталый великан,
Что сыскать пристойней место трудно,
Здесь устроит он последний стан.

Где, поднявшись на высокий гребень,
В глухомани сумрачных лесов
Будет наблюдать ночами в небе
За Стрельцом со сворой Гончих псов,

За красавцем пылким Орионом,
В обществе блистательных Плеяд,
За коварным злобным Скорпионом.
Спрятавшим в хвосте смертельный яд.

А захочет, как порой бывало,
Может небом мысленно пройти
Близ Большой Медведицы и Малой
По ухабам Млечного пути

Иль на берегу под звездопадом
Вспоминать о прошлом иногда.
Есть в преклонном возрасте отрада —
Ворошить прошедшие года.

Так остался Лось в горах Урала.
Много ль, мало пробежало лет,
И однажды в валунах и скалах
Отыскался великана след.

Выложенный камнем контур зверя
В обрамленьи сосен и берез,
Породил немало суеверий,
Задал людям не один вопрос.

Кто он, в самом деле, одинок ли
И в какие сотворен века
Планетарный каменный геоглиф
С тайной, неразгаданной пока?

с. Чудиново

Лев Молчанов

Георгиевский кавалер

Предисловие

Девяносто девять лет прошло с того августа 1914 года, когда мир рухнул в кровавую круговерть Первой мировой войны. Никто из живущих в то время миллионов людей в России, Германии, Франции, Сербии, Австро-Венгрии и во многих других странах на разных континентах земного шара даже не подозревали, во что выльется безумный выстрел в Сараево социалиста Принципа, убившего принца Фердинанда.

Гигантский Молох войны крушил миллионы людей, калеча и убивая их, стирая с лица земли целые государства, а затем, приустав, выплеснул из своей утробы целую серию революций, которые в корне изменили весь мир. Мне, родившемуся в теперь уже далёком 1948 послевоенном году, наверное, просто повезло прожить своё детство в Чесме, в доме моего деда Леонида Демьяновича Мальцева, участника Первой мировой войны, героя Гражданской войны.

Война для деда и его однополчан началась в Восточной Пруссии, где армия генерала Самсонова начала стремительное наступление на германцев. В результате бездарных действий генерала Ренненкампа, командовавшего второй русской армией, действующей в Восточной Пруссии, армия генерала Самсонова попала в окружение. И почти вся погибла вместе командующим. Дед же, в составе сводного отряда сумел пробиться с боями к своим, избежав бесславной гибели или позорного плена. Испытал на себе первые газовые атаки немцев. Получил отравление, но выжил. Участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве.

Пережил Февральскую революцию в окопах, воевал с немцами до конца, пока Троцкий не распустил армию. Лозунг Льва Троцкого: «Ни войны — ни мира!» и последовавший вслед за ним позорный Брестский мир выкинул десятки тысяч солдат и офицеров в глубины необъятной России, к родным очагам. А здесь их ждали не покой и мирная жизнь, а поднятая на дыбы, голодная, холодная, доведённая до отчаяния и озверения агитаторами всех мастей, обезумевшая Родина, без царя и отечества. Не все слои населения с радостью приняли известие об Октябрьской революции, свершившейся в Петрограде.

Вскоре в России вспыхнула кровавая Гражданская война. В ней не было правых и виноватых, каждый бился за свою Россию. За свой строй, за свои порядки. За Учредительное собрание, за Советскую власть, За Бога, Царя и Отечество, за Анархию — мать порядка.

Мой дед лично знал братьев Кашириных, был активным участником Гражданской войны, метался со своим эскадром по бескрайним просторам России. Гонял басмачей в

Средней Азии, белые банды в районе Екатеринбургa, Камышлова, Елани и вернулся домой только в 1922 году. Весь израненный. Но живой.

В семейных архивах не сохранилось ни одной фотографии, где бы мой дед был в форме и с оружием. Видимо, все компрометирующие документы, связанные с Первой мировой и Гражданской войнами были им заранее уничтожены. Слишком много боевых друзей и товарищей попало в ряды врагов народа. События 1937 года и ряда последующих лет подтверждают мои догадки. И всё же тюрьмы ему не удалось избежать. Он был арестован во время Великой Отечественной войны за то, что разрешил брать хлеб, ушедший под снег, своим колхозникам, будучи председателем колхоза в Черноборке Чесменского района. Через полгода его выпустили за недоказанностью вины.

Моё детство попало на время развенчания Вождя всех народов, великого полководца, генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина, на время Хрущёвской оттепели.

И мне, юному любителю истории нашей страны, дед сумел рассказать некоторые страницы своего боевого прошлого. Через много лет его воспоминания легли в основу повести «Георгиевский кавалер». В то же время и чуть позднее, мне удалось дружески побеседовать и со многими, тогда ещё живыми, участниками тех грозных революционных и контрреволюционных событий. Это Угличин Александр Иванович, Романов Александр Михайлович, Попова Агафья Демьяновна, Васильев Сергей Александрович, Мальцева Васса Андрияновна, Щёлокова Матрёна Семёновна, Щёлокова Александра Ивановна, Мальцев Павел Демьянович. У каждого из них была своя судьба и жизнь, связанная с этими великими и грозными событиями.

По большому счёту, и это подтверждает памятник Чапаеву Василию Ивановичу и стала за ним, с именами героев-красногвардейцев, поставленный в селе Чесма, основная масса казаков станиц Чесменской, Таругинской, Березиновской, Бородиновской, посёлков Ново-Еткульского, Углицкого, Порт-Артурского, Московского и многих других ушла к атаману Александру Ильичу Дутову. А в станицах, посёлках и хуторах расположенных на территории трёх отделов Оренбургского казачьего войска в 1917 году проживало 533 тысячи казачьего населения, не считая иногородних. И 27 тысяч казаков могли в любую минуту встать в боевой строй. Это с их помощью и с их большим участием в 1918 году была свергнута Советская власть на Южном Урале.

Гражданская война раскалённым паровым катком прокатилась сначала по Сибири, Дальнему Востоку, Уралу и Поволжью, а затем развернулась в обратную сторону и пошла крушить всё на своём пути, вплоть до Китая, Монголии и Тихого океана.

Она прошла по каждой семье. Никто не сумел отсидеться дома, кто добровольно, по убеждениям, кто по мобилизации, но все казаки и иногородние, купцы и мещане, дворяне и крестьяне, все слои населения, включая интеллигенцию, приняли участие в этой кровавой круговерти. Или были свидетелями и очевидцами, а чаще всего и участниками этих грозных событий.

Когда я начал работать над своей повестью, никого из участников тех пламенных лет уже не было в живых.

Большую помощь мне оказали работники Троицкого, Верхнеуральского и Чесменского музеев. Они любезно предоставили в моё распоряжение фонды музеев, запасники, фотографии тех лет, воспоминания участников тех событий, книги и публикации о Гражданской войне.

Глава 1. В подворотне

84-летний Сергей Ефимович Колесников сидел на завалинке во дворе своего дома и думал: «Куда эти сорванцы подевались? Говорил им, играйте в горнице или на дворе, а я полежу на печке, косточки погрею. Люблю после хлебов, что Люба печёт, погреться! Не пропадать же теплу зазря! (Люба, внучка деда Сергея, была ему и нянькой и дялькой. Она его и кормила, и обшивала, и ухаживала, когда ему нездоровилось. А он за её сорванцами смотрел, в меру своих сил.) Сейчас она на ферме коров заканчивает доить, что я ей скажу про этих бандитов!» А бандиты: Ванька 8 лет и Колька 9 лет, в это время на лужайке перед домом примерялись с соседскими пацанами в футбол играть. И от дома недалеко, в случае чего можно сбегать за дедом посмотреть. (Мамка строго наказывала его одного не оставлять, а то наделает чего-нибудь.) Прощлый раз убежали они на речку окунуться только разок, а он надумал дрова колоть, а сам колун то в руках удержать не может! Три полена расколол и

сидит, плачет! Досталось за его обиды и Кольке, и Ваньке. «Надо было деда отвлечь, в игру какую-нибудь поиграть!» — мать учила и ремнём наказывала.

«А ловко мы деда обманули! Мамка ворота на замок закрыла, чтобы не убежали. Дед заснул на печке, храпит, заливаясь — до обеда спать будет, а мы подворотню убрали, да и были таковы! Вот поиграем в футбол и домой, мамка то ничего и не узнает!»

Дед встал с завалинки, пошёл к воротам: «Неприменно удрали на речку раков ловить, уши отдеру сорванцам! Хоть бы сказали черти окаянные!» Дерг! А ворота то закрыты! «Интересно, они со мной что, в шпионов играть надумали? Пойду поищу в огороде!» И тут до его ушей донёлся дикий вопль: «Гол! Я гол забил» — «Ванька орёт!» — сразу опознал любимый голос дед. «Значит, они в футбол играть удрали, а меня не взяли! Я тоже в футбол хочу играть!» — ворчал Сергей Ефимович и всё думал, как они вылезли-то. Знал он, что ворота тесовые, высокие, заборы сын сам делал крепкие, дыр и проломов нет, где они могли пролезть, сорванцы конопатые? Догадался, когда споткнулся об подворотнюю доску. «Понятно! Ну, тут и я вылезу и в футбол с ними поиграю!» Дед воровато оглянулся на дом, хотя и знал, что там никого нет. Сергей Ефимович встал на корячки и полез в подворотню. Трава была мягкая на той стороне. Трава-мурава. Голова, руки, плечи пролезли, а зад застрял и ни туда, ни сюда. «Не надо было подштанники одевать! Это всё Люба — береги поясницу, береги поясницу! Я бы сейчас как ящерка шмыг на ту сторону и был таков!» (Дед уже впадал в детство. Иногда ему казалось, что и он молод, что ему не то десять, не то двенадцать лет. И хотелось бежать по траве-мураве, орать во всё горло что-то озорное, дёргать девчонок за косички. Да мало ли что взбредёт в голову в этом розовом мире, созданном воображением. Но что-то в голове щёлкало и он возвращался в свои восемьдесят четыре года, в немощь, болезни, вечные заботы взрослых и всех дедов: посмотреть за внуками, накормить кур, замести двор, сварить похлёбку на всю растущую, орущую и работающую семью, да мало ли ещё забот и дел на этой грешной Земле.)

Попытался Сергей Ефимович вылезти задом обратно во двор, но тут застряла голова. Она не могла или не хотела лезть назад, а положить её боком к земле у него не хватало ума. Тогда он разозлился и с песней «Вставай, проклятьем заклеимённый», как танк пополз вперёд и окончательно застрял в области крестца.

Дети носились по большой поляне, пиная футбол, дико кричали, и никто не видел, что в подворотне лежит и плачет их друг и наставник, любимый дедушка Сергуня (как они его ласково называли за глаза)

На счастье домой бежала уже с дойки Люба. Сначала она увидела носящихся по поляне расхристанных футболистов. Сердце у неё ворохнулось: «Где дед? Куда они его дели?» Она выбежала на середину поляны и тут же узнала, что он спит на печке. «Ну ладно тогда, а то бы я вам задала перцу, сорванцы!» — пригрозила Люба и быстрым шагом отправилась домой. «Кормить надо футболистов и деда, муж-то в поле поест» И тут она увидела в подворотне лысую голову старого обожаемого деда, который, глядя на неё детскими голубыми глазами беззвучно плакал. «Дедуня! Ты как сюда залез?» — запричитала Любаша. Голова ещё раз попыталась вытащить из подворотни своё брненное тело и прошептала: «Я, внучка, хотел сорванцов догнать, да застрял, а они, паразиты, и не слышат моих стонов, орут: “Гол! Гол!” Аж в ушах звенит!» — «Как же тебя вытащить, сердечный мой, ворота открывать, голову раздавим, придётся тебе потерпеть, я подкоп делать буду, а правнуки тебя поить молочком станут пока.»

Вся уличная команда футболистов уже стояла кучей за её спиной и сопела, смахивая пот со лба. «Развлекайте деда, молочком поите, стихи рассказывайте, танцуйте, ироды проклятые, а я за ломом да лопатой побегу!» Дети окружили голову деда Сергуни и начали её развлекать. Гладить, поить, стихи читать. А Любаша, засучив рукава, на другой стороне ворот откапывала туловище, делая траншейку. Вскоре дед почувствовал, что голове стало легче, ворота её уже не давили. А через двадцать минут бригада голопузых озорников дружно вытянула его за ноги во двор. «Спасибо, ребятки, освободили от германского плена», — прошептал старый вояка и, взятый под руки правнуками, пошатываясь поплёлся на диван, прося не трогать бандитов за их побег. «Сам я виноват, Любушка, нечего было лезть в подворотню, надо было взять сверло, насверлить дырок в воротах и смотреть в них, как в бинокль. Всю улицу под наблюдением можно было взять. Я сейчас отдохну, и после обеда здесь командный пункт оборудовать буду. А ты, Люба, сходи завтра в клуб, — командовал дед. — У заведующего Петьки мегафон есть. Я буду в щёлки смотреть и в мегафон мальцами командовать!» «Ну, старый, придумал! От твоих команд все бабки в погреб на трёх улицах

попряпчутся, да ещё милицию вызовут. Дохулиганишься! — прокомментировала деловое предложение Сергея Ефимовича Любаша. — Ну выдумщик! И так вся деревня неделю хохотать будет над твоим сидением в подворотне».

Деда Сергея в деревне любили за весёлый нрав, за шутки. Ещё десять лет назад, в семьдесят четыре года, он как-то ухитрился незаметно подойти к двум молодайкам, которые у забора целый час деревенские новости друг другу рассказывали, забыв о делах, и ухватил одну за икру ноги. То-то визгу было! Одна, с перепуту думала, что её, бедняжку, собака бешенная укусила, а другая, что с первой вдрут ни с того, ни с сего приступ эпилепсии начался.

Глава 2. Санькина заява

Прошло две недели. Как-то вечером, когда вся семья была в сборе, пришёл Любин брат Санька, весь расфуфыренный, и с порога заявил, что он срочную службу отслужил, нагулялся и надумал жениться на Нине Карповой из соседней деревни.

Дед Сергей сразу спросил: «Это не Карпова Ивана правнучка будет младшая?» — «Она, дед, она», — ответил правнук весь надутый от гордости, что он сам надумал жениться и никто ему не указ. — «Ну, Иван человек добрый был, и дети его все порядочные, так что это хорошая родня будет, я разрешаю», — дал своё резюме старый казак. И тут же добавил: «А кто сватать поедет? Я не могу, старый уже!» А самому хотелось, и решил он уже, что наденет свой старый мундир, который Люба в сундуке хранит. Кресты и медали нацепит, и на тройке поедут они всей роднёй сватать, всем на зависть и на загляденье.

Решали долго, кто да на чём поедет, что с собой брать, да как разговоры вести, да когда свадьбу играть, да где молодым жить. Под этот шум дед забрался на печь, чтобы лучше слышать, да и уснул. Сквозь сон слышал, вроде, что к обеду сватать поедут, да так и не понял до конца, завтра или послезавтра это всё будет.

Глава 3. ЧОН (Части Особого Назначения) (Сентябрь 1921 года.)

Спал дед Серёга долго, печка была тёплая, что та молодайка, к которой он прижимался в 1921 году, когда банды гоняли в степях Зауралья и в хуторе ночевали всем эскадроном. Снилось она ему в ночной рубашке, с ямочками на щеках и всё шептала: «Оставайся, казаче, сколько можно воевать? Пора уже остановиться, хватит кровь проливать и свою, и чужую, да нашу же русскую, не вражью германскую.» А он, дурак, ей про революционную сознательность говорил, про светлое будущее всего человечества и обещал приехать, забрать её в свою станицу на чесменскую землю, потом, когда банды разобьют, да не пришлось.

Утром, как снег на голову, ударила банда сабель в триста, рубились и во дворах, и в хатах. При первых выстрелах Сергуня успел на коня вскочить, двух бандитов, что во двор ворвались, развалил шашкой, а третий снял его с коня маузером.

Упал Сергей под ноги коня и в горячке заполз-таки в сарай, да тут и сознание потерял. Очнулся от дыма, что ел глаза. Хутор горел. От банды отбились только потому, что Петька, помешанный на своём «максиме», всегда спать ложился с ним и всегда в неожиданных местах. Вот и в этот раз он с закадычным дружкой своим Алфёровым затащил-таки пулемёт на чердак самого богатого дома, который стоял в центре на пригорке, с него видно было и всю улицу, и весь хутор, и окрестные балочки, как на ладони. Когда банда со свистом и улюлюканьем, сняв часовых, ворвалась на хутор, они с Олегом Алфёровым, не торопясь, но очень быстро, как на ученьях, выбили чердачное окно и ударили в упор по лаве бандитов. Нет ничего страшнее внезапного удара по противнику, который уже чувствует в зубах сладкую радость победы.

«Максим» буквально за секунды снёс самый центр лавы. Первые всадники, не попавшие под страшный удар свинцовой метели, рубились на улицах и во дворах с пришедшими в себя «чоновцами», а задние, повернув коней, стали отступать под жёстким прицельным огнём Петькиного пулемёта, теряя убитых и раненых и на улице, и в поле. Везде их доставали свинцовые струи, сшибая на землю кого на время, а кого и навсегда.

Выполз Сергей из горящего сарая, когда было всё кончено. Товарищи перевязали его, понесли на тачанку и тут сказали Сергею, что хозяйка, где он так хорошо ночь провёл, кра-

савица его кареглазая, кинулась его спасать, когда увидела, как он с коня валится, да тут на крыльце и нашла её шальная бандитская пуля.

Глава 4. Сватовство (Август 1970 года)

В двенадцать часов дня Сергей Ефимович в казацком мундире с крестами и медалями, в сапогах и в фуражке с лакированным козырьком сидел в переднем углу и ждал сватов (всю свою родню), а никого не было, ни Любы, ни правнуков, ни родни.

В три часа дня дед умаялся и залез на печь, при этом уже сапоги и фуражку снял. «Куда они запропастились, заразы?» — думал он.

К шести часам вечера дед Сергей понял, что его позабыли взять на праздник, и так обидно ему стало, что слёзы сами стали навёртываться на глаза.

В семь часов вечера застучали ноги на крыльце, входная дверь распахнулась, и в горницу с грохотом ввалилась молодая, брызжущая здоровьем толпа, шумом и смехом омоловив избу. Ярко вспыхнул свет (дед сидел в потёмках на печке, свесив ноги). Люба, которая замешкалась на крыльце, первая поняла состояние любимца. Она, сразу растолкав всех, кинулась к нему и, быстро обняв его за седую голову, стала шептать ему на ухо: «Дедуня, ты спал так сладко, что я не решилась тебя будить, а на сватовстве все решили, что ты будешь сидеть рядом с женихом, а потом уже все мы, как ты прикажешь!» Дед оттаял: «Ладно уж, я ехать-то и не хотел, ну, рассказывайте, как сватали?» — «Хорошо сватали, и родня хорошая, а свадьбу будем играть на седьмое ноября, пусть у дедуни будет двойной праздник: и революция, и свадьба. А жить молодые будут в городе, туда настроились. Нина-то у них в медицинском институте учится».

Правнуки тем временем разделись и молча штурмовали печь, причём каждый что-то держал в кульках-пакетиках, поэтому лезть им было трудно, но они с помощью дядек благополучно приземлились за спиной деда, и тут же начали его толкать, щипать и что-то ему шептать в оба уха. Люба, временами бросая тревожные взгляды на деда, быстро накрывала на стол. Дед обиделся в душе, кормить его надо, сердечного, да и всю эту ораву сватов, одним словом, родню.

На столе, как по мановению волшебной палочки, появились солёные грибочки, политые сметаной, из печки выскочил большой чугунный горшок с томлённой курицей в картошке, из холодильника — холодец, жареная рыба. Люба быстро разрешила кендюх (брюшина свинины с прослойками мяса, поперченная, посоленная, с лавровым листом и запечённая в газовой духовке) и, наконец, несколько бутылок «столичной» водки с капельками воды (только что из холодильника). — «Ну, всё, хлеба нарежу, и всех за стол посажу», — думала хозяйка.

А Ванька и Колька делились с дедом своими сокровищами, которые они захватили во время сватовства. В кульках у них были шоколадные конфеты «Буревестник», две мандаринки, хворост (из теста делают геометрические фигурки, нарезают их в двух местах, выворачивают концы фигуры, опускают их в кипящий жир и варят несколько минут) «Деда! — шептал Ванька, — «Это мне главная сваха дала для тебя и меня. Деда, а это мне ихний дед, главный в доме, надавал и в гости приглашал, говорил, что вот отдадим Нинку замуж, тебя женить будем, и невесту мне уже показывал», — бормотал Колька. — «Ну и как она?» — спросил дед Сергуня — «Да так-то симпатичная, но уж больно косички тонкие, как хвостики у крысы». — «Ну, ты даёшь! Косички-то вырастут!» — успокаивал дед. — «А зовут-то как?» — «Олесеи! — тихо прошептал внук и шмыгнул носом. — Глазки голубые, и губки фантиком, и ямочки на щеках, как у нашей мамы». — «Ну, коли так, женимся!» — решил дед, и они дружно захрустели хворостом.

В это время Любаша дала команду садиться за столы. Деда бережно свели с печи и посадили в передний угол, рядом уселись внуки, ну а дальше вся родня и, гульба началась. Первый тост сказал дед: «Зачин сделали. Сватовство провели. Теперь свадьбу сыграть так надо, чтобы людям в глаза смотреть было не стыдно. От вас всё зависит! Чтобы вели себя достойно, не напивались, скандалов не устраивали, чтобы стол был полон всего, вот как сейчас, и веселья побольше!» После второго тоста, сказанного Любой, дед раздухарился и потребовал балалайку. Родня, которой две рюмки легли на подготовленную почву (на сватовстве-то они тоже не чаи гоняли), дружно деда поддержала. Лихо начал дед Сергей выводить коленца, а потом подмигнув озорным помолодевшим взглядом и выдал первую частушку:

Ты, сорока-белобока,
Научи меня летать,
Не высоко, не далёко,
А прямо к милой на кровать.

Топится, топится в огороде баня,
Женится, женится наш красавчик Саня,
Не топись, не топись в огороде баня,
Не женись, не женись, наш милёнок Саня!

И пошли летать над столом частушки, смеша и радуя людей.

Веселье разливалось рекой над праздничным столом. Вот кто-то из родни уже достал баян и поплыли над столом казацкие и современные песни, а дед и внуки тихо встали и вышли из застолья. «Деда, пойдём на печку, оттуда хорошо видно и слышно», — тянули Ванька и Колька деда за руки. Сергей Ефимович брал печь на приступ, как крепость. Внуки, которые туда взлетели по специальным приступкам-нишам, кряхтя, тащили деда за руки вверх и затащили-таки с горем пополам. Сверху обзор был великолепный. Стол, поющая родня, пританцовывающий от избытка чувств баянист. Всё было видно, как на ладони. Но тут в голове у деда Сергуни что-то щёлкнуло и ему стало казаться, что он молод, и пора, давно пора и ему завести суженую, вон их сколько ходит молодых да красивых. Стал дед об этом говорить внукам, а они его поддержали: «Женись, дед!» — зашептали ему с двух сторон, и это переполнило чашу его терпения. Горько ему стало и обидно, что никто не хочет понять его, все заняты своими делами, всем весело на этом свете, и от этих мыслей из глаз его потекли слёзы. Внуки, увидев в этом интересном разговоре такой неожиданный поворот, сразу и громко, в голос, заревели.

Рёв на секунду перекрыл шум и гам веселья. Наступила гулкая тишина. Все замерли с открытыми ртами и уставились на печь. Первой опомнилась Любаша. Она побежала к ним, прицыкнула на мальцов и тут увидела, как из глаз деду ни тихо льются слёзы. «Деда, ты-то что плачешь? Тебя-то кто посмел обидеть?» — спросила она, глядя на него снизу вверх влюблёнными глазами. И тут дед выдал очередной прикол:

«Да! Саньку-то женить надумали! Свататься ездили, а меня даже не взяли! А я тоже жениться хочу! Надоело на печке сидеть, с мальцами играть! Пора уж и мне жениться! Вон Колька ездил на сватовство и то девчонку присмотрел себе, а я то чем хуже»

Родня сидела тихо с открытыми ртами. При этих словах кто-то упал со скамьи, кто-то зажал рот руками, и дружный хохот потряс избу до основания. Люба не растерялась и закричала: «А ну-ка, замолчите, ироды!» В ответ слышалось только бульканье, хрип и слёзы, которые вылетали в разные стороны из глаз пирующих. «Деда! Не обращай внимания на придурков! Женим мы тебя и Кольку, вот только свадьбу отведём Санькину, а ты на свадьбе себе невесту пока присмотришь, Колька-то нашёл уже на ком жениться, а ты ещё нет!» — «Ну ладно, Любушка, договорились, я покуда подожду, две свадьбы сразу играть трудновато будет», — подытожил сказанное ранее Сергей Ефимович и успокоился.

Через час гульба закончилась. Люба мыла посуду, дед и внуки чем-то шуршали на печи. «Старый, что малый, — думала хозяйка, — Совсем в детство впадает дедуля! Жениться надумал! Ну, теперь неделю деревня хохотать будет. А я его всё равно люблю, старого забияку».

Глава 5. Разгром (18 июля 1918г. г Троицк)

Дед Сергуня лежал на печи, которую Люба протопила вчера ранним утром, и думал. Старость не радость, вот и свадьбу отвели, и молодые уже восемь месяцев в городе живут, а для меня всё как один миг пролетело. Болезни вот только донимают. В груди тяжесть, будто жаба там поселилась и давит, давит. То отпустит, то сожмёт так, что и ходить-то трудно, задыхаюсь. Внуки вот только радуют, как няньки около меня выются, ни на шаг не отстают. Отвлекают, растут сорванцы. Всё пристают, расскажи да расскажи о Гражданской войне, о братьях Кашириных, об атамане Дутове. А Кольке всего любопытней, за что крест георгиевский я получил. Не понимают мальцы, что этот крест ещё с первой империалистической

войны на груди красуется. Надо будет им и вправду всё рассказать, а то умру, и не узнают правнуки, как мы Советскую власть завоёвывали, как с белыми дрались, за что умирали, как нам пришлось против своих отцов-командиров, с которыми с германцами воевали вместе, друг-друга в бою спасая, биться не на жизнь, а на смерть!

Где сейчас удалой старшина Войсконцев, мой командир, с которым в 1918 году в бою под Троицком, у татарского кладбища, что у водонапорной башни, лоб в лоб пришлось столкнуться. Выстрелил я тогда из трёхлинейки, сорвал погон с его плеча, не узнал в горячке боя своего боевого командира, а он меня узнал, рука с наганом дрогнула, пуля фуражку сбила, по волосам чиркнула. А вскоре и до рукопашной дошло. Дрались уже в центре города, возле Мечети. От штыка юнкерского я ушёл, выстрелом в упор свалил бородача-казака и получил прикладом по голове. Очнулся в каменном амбаре во дворе купеческого дома. Руки были свободны, голова гудела, а вокруг лежали мои товарищи, которых смерть пока стороной обошла, да неизвестно, что лучше, или в бою пасть на глазах у товарищей, или в плен попасть да погибнуть в застенках. «А уйти можно? Как стены-то?» — спросил я красногвардейцев. — «Да, пробовали, всё камень, на века строил, гад купец этот амбар, а дверь кованная и часовой стоит. Не побежишь! Да ты, Сергуня, не робей, они нас долго мурыжить не будут, сегодня же суд офицерский устроят, а если на распыл, то сейчас надо хоть камень какой найти, попробуем из-под расстрела уйти. Чай, в городе стрелять не будут, да и днём поопасаются. А ночью, да если договоримся, можно напасть на конвой, а там кому пове- зёт!», — тихо сказал Федя Соколов, друг и поселник, тоже попавший в плен.

Дверь распахнулась и в амбар влетел, получив удар прикладом в спину, ещё один пленник, весь в крови. — «Ну, что там делается?» — спрашивали его товарищи, поднимая с пола. — «Разбили нас. Когда меня вязали и били, есаул сказал, что красным из города не вый- ти. Семь тысяч чехов и белых мышеловку захлопнули и всех вырежут, кто с оружием будет пойман. Город, фактически, они уже взяли. Наши, все кто уцелел в этой ночной и утренней бойне, и прорвался сквозь густые цепи белых, уходят через мост Уйский на Верхнеуральск. Со всех окон домов, чердаков по ним бьют осмелевшие и озверевшие от безнаказанности купцы и гимназисты, юнкера и скрывающиеся до прихода белых офицеры. Многие пали от этих подлых выстрелов в спину, из-за угла. Белочехи наступают непрерывно, захватывая квартал за кварталом, улицу за улицей и убивая всех попадающих им на пути красногвардейцев по улицам города. Я сам видел, как они расстреляли не успевших уйти видных коммунистов, руководителей города, товарищей Апельбаума, Дмитриеву, Иванова. В разных концах горо- да длительное время продолжалась беспорядочная стрельба. Это казаки, белочехи добивали отдельные группки красноармейцев, не успевших прорваться за реку Уй. Их искали по черда- кам и подвалам, в глухих дворах и переулках и убивали непокорившихся, расстреливали или вели на допрос, сдавшихся в плен, в надежде на пощаду. Только в Пассаже купеческом взвод красных мадьяр засел и сдаваться не желает. Вдалеке слышались залпы. — «Идёт настоящий бой», — подумал я. — Кто у них командир?» — спросил раненый комиссар в разорванном кожане. — «У них командир взвода весёлый такой мадьяр, Михаил Шандор прозывается. Ког- да меня сюда вели, из Пассажа пение слышалось. Красиво пели, за душу хватало». — «А что пели?» — спросил кто-то из пленных — «Интернационал. Не по-нашему пели, да так звонко и задорно, что казаки зубами от злости скрипели!» — ответил паренёк.

Я знал Михая. Весельчак в кругу друзей, он свирепел в бою, был расчетлив, решения принимал быстро и всегда удачно. — «Позиции у него в Пассаже отличные», — подумал я (три этажа, обзор широкий, долго они занозой в центре города будут). Если Томин с Карта- шовым соберут людей в кулак, остановят в панике бегущие части, ударят с правого берега Уя, взвод красных мадьяр Михая сослужит им хорошую службу, ведь они держат под точ- ным прицельным огнём весь центр Троицка. А если нет, кончают их казаки и юнкера. Они в ловушке, и выхода у них нет, им сквозь цепи белочехов, юнкеров и казаков не просочиться. А положили они белых у Пассажа уже немало. Пощады не будет, да и сдаваться Шандор не пожелает. Бойцы у него — кадровые солдаты, прошедшие первую империалистическую войну, в него верят, и пойдут за ним до конца.

Стрельба в центре всё усиливалась, а затем вдруг смолкла. В амбаре воцарилась тиши- на. — «Всё, нет мадьяр, кончили бяляки Михая и его ребят!» — тихо сказал Федя Соколов. Кто-то в углу стал быстро и мелко креститься. Неведомым смертным духом пахло от две- рей на красногвардейцев. Ужас сковал у многих сердца.

Дверь с противным скрипом открылась, зашли два казака и повели первого пленного на допрос. Через полчаса вывели второго, а первого не вернули. — «Ну что ж, — сказал Фе-

дор Соколов, — всё ясно, пора прощаться! Может быть, переводят в другое место, а может сразу к Духорину на приём». (Генерала Духорина, главнокомандующего Западным фронтом, солдаты и матросы отряда Крыленко, зверски убили у штабного вагона в Могилёве, где была ставка главнокомандующего.) Вскоре настал и мой черёд. Вывели во двор, а там в саду стол накрыт зелёным сукном, сидят пять офицеров, а в центре старшина Войсковец восседает во всей красе. Вся грудь, как иконостас, орденами украшена. Да я и так знаю, что он орёл!

— Ну, здравствуй, однополчанин! Как ты к краснопузым попал? По мобилизации или уже в большевики записался? Что тебе землицы нашей казацкой мало показалось, решил её крестьянам да рабочим отдать, а родину германцам, которым Ленин пол-России уже отдал в Бресте? Что молчишь?» — спросил старшина. — «Виноват, ваше высокоблагородие! Бес попутал!» — ответил я.

— Господа! Перед вами Сергей Колесников, георгиевский кавалер, мой однополчанин. Умён, храбр, но запутался, время смуты, в голове, как и в России, бардак! Что делать с ним будем, господа! Из-за стола встал капитан-артиллерист, судя по погонам. «Я думаю, зная нашего председателя трибунала, оставить этого казачка на его усмотрение. Войсковой старшина сам его судьбу решит по совести. А мы его решение поддержим. Отвести в мой дом, приставить часового до окончания работы трибунала!» — скомандовал Пётр Иванович и меня увели в соседний дом, затолкали в чулан, закрыли на крючок, в сенцах ходил часовой, напевая песню:

Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой...

Часа через три за стеной слышались крики, удары прикладов, проклятья (стена там была каменная трёхметровая), раздались залпы, затем одиночные выстрелы и опустилась тишина. Всё! Нет моих друзей, а теперь моя очередь. Судорожно я стал шарить в темноте, ища что-нибудь, чем было бы хоть одного гада убить, но кроме рухляди, тряпок, каких-то горшков под руки ничего не попадалось.

Раздались шаги, дверь распахнулась, на пороге стоял Пётр Иванович, за ним часовой. «Ну-с, голубчик, настал твой черёд, не глупи, а то Васька быстро тебя на штык оденет. Выходи. Прошу в горницу. Отобедаем и за компанию твою судьбу решим». Пётр Иванович взял меня за руку, жёстко, но вежливо повёл в горницу (как друга ведёт, изгаляется). Стол был накрыт на две персоны. Часовому он приказал стоять за дверью. «Ну что же, — подумал я, — пощады ждать не приходится, так хоть поем напоследок со своим губителем. Сели за стол. Закуска была отменная. Графин водки стоял в центре. Старшина налил рюмки — «Боишься? — спросил в упор. — «Нет! — ответил я. — Чему бывать, того не миновать!» — «Ну что же, за это и выпьем! Я не люблю долгов. В 1914 году ты спас меня от германского плена, сейчас моя очередь. Вечером я тебя выведу за линию постов, поскачешь домой, а там сам решай, с нами, за святую Русь, или с большевиками, за Совпедию, но помни, второй раз не пощажу! А лучше переходи к нам, ведь ты присягу давал Царю и Отечеству. Кавалер, не какая-то шелупонь краснопузая! Бери пример с командира взвода вашей батареи поручика Улиткина Тимофея. Взят красными по мобилизации в полк Степана Разина к Томину. Воевал с нами. Вошёл в доверие к «товарищам», выбрал момент и вчера вечером, объезжая секреты в районе Токаревки, ушёл к нам с двумя казаками. Да не просто ушёл, а привёз пароли и всю вашу диспозицию. Мы воспользовались этим, без единого выстрела вырезали ваши сторожевые заставы, ночью в темноте подошли к окраинам города. Накануне, как нам стало известно, ваш начальник гарнизона Сугаков отдал приказ о возвращении с позиций Николаевской дружины, разрешил им ночевать по квартирам. Бойцы полка Степана Разина расседлали коней, пехота семнадцатого Уральского полка решила мыться в бане. А ночь была тёмная. Вот и застали вас голых в бане, да в подштанниках в тёплых постелях троицких красавиц. Сонных половину вырубил, пока Карташов опомнился и к татарскому кладбищу мадьяр, да верных казаков кинул. Ну и Ловчиков там же был. И, знаешь, Ловчикова Семёна Илларионовича мы взяли в бою, да мои ротозеи его не узнали. Он свои регалии, португеею, маузер, кожанку в бане оставил, в исподнем воевал, вот его за простого краснозадого и приняли, в подвал вместе с пленными бросили! А он в голову легко раненый, перевязанный, волчара серый, затеял там драку, орал, что его по ошибке в плен взяли, что он Клястинской дружины казак, и краснопузые его в городе ранили, а бе-

лочеи не разобрались, да в подвал и бросили. Ну, наши олухи его и выпустили. Выпусти волка из клетки, что будет? Ушёл Семён сквозь все посты, как вода сквозь щели уходит А ведь он, как наша контрразведка докладывает, только за пятнадцать дней весны побывал в восьми станицах и взял там четырёста тридцать три добровольца-казака! Эх, поговорить бы с ним за этим столом без оружия, за чаркой, может быть, как тебя на путь истинный повернул бы казака. Жалко таких расстреливать, талантлив Семён Илларионович, далеко мог бы пойти, а так пропадёт вместе с накипью этой безумной революции! А ты, за какую власть драться надумал, за ту, что сотрёт с лица земли казачье сословие, отберёт казацкую землю и волю, построит, как тут кричал перед расстрелом комиссар пленный, светлое будущее, и нищий раб станет свободным и счастливым! Да не будет этого никогда! Наступит смутное время резни и всеобщего горя. Да и не позволим мы, русские люди, править жидам, да комиссарам на святой Руси. Против большевиков поднялась вся Европа, церковь за нас, мы калённым железом выжжем эту пену революции и построим новую обновлённую Россию. А твоих «товарищей», серую, заблудшую, обманутую большевистскими бреднями кучку пленных мы публично расстреляли в назидание и для страха всем мечтающим о «немецком коммунизме Маркса и Ленина». И поверь мне России сейчас нужен кнут и виселицы, чтобы привести быдло в порядок, чтобы рабочий работал, а не митинговал, чтобы крестьянин сеял, пахал, а не жёл и грабил помещичьи усадьбы, чтобы наши дети не плакали на пепелищах родовых усадеб, у растерзанных трупов своих родителей, а жили достойно в неге и радости. И мы огнём и мечом сотрём в порошок коммуны и совпеды, на фонарных столбах перевешиваем немецких шпионов, продавших в Бресте Россию, и наступит мир и порядок на нашей земле. А ты думай! Сейчас свободен. Побудь во дворе. Здесь ты в безопасности. Город взяли с большими потерями. Казаки обозлены, ищут по чердакам и сараям красных да комиссаров, попадёшь под горячую руку, не пожалеют

Вышел я из горницы во двор, сел на скамеечку в саду, где недавно судьба свинцом решила участь моих товарищей, и стал думать. С кем я дальше пойду. Белые прут по всем направлениям. Нет моих друзей. И прав вроде войсковой старшина, мне-то и при царе вроде почёт должен быть. Георгиевский кавалер. Земля она и раньше нам царём была дадена. Свобода, да на черта мне эта свобода, когда брат идёт на брата, и русский русскому же кишки на штык наматывает. Голова кругом пошла от этих мыслей. Чудом уцелел. Прав он, второго такого случая не будет. Наступил вечер, а вместе с ним пришло и решение. Если удастся вырваться из Троицка, если сдержит слово войсковой старшина, поскачу в станицу, брошу саблю и винтовку на чердак и начну новую жизнь, мирную, пахать да сеять, косить да урожай убирать, женюсь на какой-нибудь казачке-красавице, а они пусть сами разбираются, то ли с царём жить, то ли большевиков слушать. А я больше воевать не намерен.

Вот и ночь наступила. Вышел на крыльцо Пётр Иванович, подозвал меня и подаёт мне погоны. — «Пришей! — говорит, — Быстро!» Ординарцу приказал двух коней оседлать и у крыльца поставить. «Оружие я тебе не дам, а за заставы выведу. Вот возьми еды на дорогу», — и он протянул мне сумку. Через пятнадцать минут мы выехали из купеческого двора и рысью поехали к водонапорной башне, что стояла на окраине города у татарского кладбища. Несколько раз нас останавливали патрули, но после сказанного пароля, а чаще, видя золотые погоны, да, видимо, и зная его высокоблагородие, отдавали честь и беспрепятственно пропускали дальше. Вот и кончились заставы и секреты. Отцепил Пётр Иванович свою саблю, отдал мне. — «Негоже казаку в ночь, да безоружному скакать! При случае отдашь, а вообще-то бери на память! Ну, думай, казаче, и помни, судьба два раза может и не улыбнуться! Прощай!» Повернулся и ускакал, а я тихо поехал в ночь, прислушиваясь к ночной жизни. Рассвет застал меня в двадцати километрах от Троицка. Выбрал я балочку, что вела к реке Ую, стреножил коня, вздремнул пару часов, и степью, перелесками стал пробираться к своей станице. Далеко за полночь подъезжал я к дому. Непокойно было на улицах. На главной Атаманской слышались пьяные голоса, а здесь в переулках, при моём приближении шарахались в темноту чьи-то тени. Похоже, был пожар, подумал я, увидев через несколько дворов свежее дымящееся пепелище, там, где стоял раньше дом Фёдора Соколова.

В тревожной тишине слышался тихий плач. Подъехав ближе, увидел я соседскую девочку-подростка Василису, которая сидела на лавочке и горько плакала. — «Что случилось, Васютка? — спросил я. «Серёженька, беги! Тебя ищут! И убить хотят! В станине дутовцы, утром пришли. Совет арестовали. Судить в Троицк отправили. Дома большевиков, кричал на сходе офицер, сжечь, семьи из казачьего сословия с позором выгнать! И сожгли.

Поп Гаврила список подал тех, кто к Томину в Троицк подался. И ты в том списке есть. Хотели и твой двор запалить, да соседи не дали. Кричали все, что он георгиевский кавалер. Он давно у Дутова уже! Вот возвратится, что тогда мы ему скажем? Ну и оставили, пока ты не объявишься. Беги, люгуют дутовцы. А Гаврила непременно тебя сдаст. Да и не больно они разбираются. Мобилизацию объявили. Казаков трёх возрастов берут. А кто не хочет, шомполами учат на площади перед церковью, прилюдно.

«Да, — подумал я, — отсидишься тут, будешь сеять да пахать. Дадут тебе мирной жизнью насладиться, как же! В Троицке товарищей положили. Здесь дома жгут, а комитетчиков, если в Троицк отравили, там быстро резолюцию офицеры свинцом выведут. Похоже, год 1918 будет кровавый, тут одними флагами над правлением не отделаешься. А ведь меня два раза за двое суток спасал мой георгиевский крест. Куда денутся мои старики, если не казаки, а юнкера, придут завтра в станицу. Сожгут к едреней фене, оставят дедов с голоду помирать на улице. Сейчас домой проберусь, со стариками попрощаюсь, харч на дальнюю дорогу соберу и к братьям Кашириным подамся. Больше некуда, не прятаться же по чердакам, да и не город это, быстро найдут. Там, в Верхнеуральске, ещё стоит Советская власть!»

— Нельзя тебе домой! — вновь заплакала Василиса. — К вам атаман на постой казаков определил и с ними офицера.

Действительно, погорячился я и как кур в ошип попал бы прямо в лапы к офицеру. Ну, Васса, выручай, неси еду, надо мне по темноте из станицы выбираться. Девушка быстро унеслась в ночь, а я затаился в темноте переулка вместе со своим конём. Вскоре покрасневшая от быстрого бега Василиса появилась передо мной, в руках она несла сумку с продуктами:

— Уходи по реке Туеткану, там дутовцы секретов не ставили, я телёнка до вечера пасла на выгоне, всё высмотрела.

— Ну, спасибо, Васютка, — обнял я её, — может увидимся ещё, дедов навести, скажи жив, здоров я, кланяюсь им и ухожу в Верхнеуральск к братьям Кашириным. Долгая это война будет. Русский на русского идёт, и пощады здесь не жди. Кровь пролитая требует мщения. А мне из этой огненной круговерти уже не вырваться. С красными до конца пойду, новую счастливую жизнь будем строить, когда золотопогонников прогоним.

— А сам-то ты кто? — говорит Василиса и показывает на мои погоны.

— Розовый, пока при погонах, а в душе с большевиками, доберусь до них, красным стану, — засмеялся я и тронул коня под уздцы.

Из Чесмы выбрался тихо, без проблем, здесь меня каждая собака знает, каждый камешек руками перещупал. Вскоре Чесменский бор раскрыл мне свои объятия. Через три дня я уже был в Верхнеуральске, куда стекались все уцелевшие и разбитые отряды красных бойцов. Здесь под руководством братьев Кашириных их ставили в строй, формируя новые боеспособные части, готовые драться с дутовцами и чехословаками.

Полыхало над Южным Уралом кровавое зарево Гражданской войны...

Обученные, с детства вскормленные пашкой, сросшиеся со своими конями, бились и умирали здесь на родной земле казаки, отстаивая каждый свою правду, свою Родину, свой идеал России. И в каждом лагере противников были свои ораторы и комиссары, свои отцы-командиры, свои герои, свой долг, своя честь и своё право выбора. Много было и негодяев, граблящих и убивающих ради наживы, карьеры, фанатизма. Много было и таких, кто волей судьбы попал в это кровавое месиво и уже не мог из него выбраться....

Кто знал, что уезжая из родной станицы в 1918 году ненадолго, на месяц, от силы на два, пока не подавим восстание атамана Дутова и мятеж чехословаков, я ухожу надолго и только в 1921 году открою двери отчего дома, обниму своих поседевших стариков-родителей, приласкаю взрослых уже младших братьев и сестру.

Глава 6.

Прорыв

(Август 1914 год. Восточная Пруссия)

Раздумья деда вмиг прервало дикое, визжащее, размалёванное красной тушью, всё в петушиных перьях существо, ворвавшееся в горницу, от крика которого у Сергуни заняло в поясице. Всё, кончилась спокойная жизнь! Внуки в индейцев играть начали. Вслед за Орлиным пером, который уже сидел под столом, в дом ворвался ковбой Джон с дедовой двустволкой. Мать честная, а если сын её не разрядил, шарахнет ковбой, как в фильмах учат, и поедем мы с Колькой к генералу Духонину в гости. «Стоять, голопузые! — диким, лет сорок не оравшим командирским голосом скомандовал Сергей Ефимович. — Ружьё к

ноге! Смирно!» От его команды ковбой замер как вкопанный. Орлиное перо тоже вскочил, ударился теменем об стол и с рёвом упал на половик, что лежал под столом. Дед, как молодой, соскочил с кровати, схватил ружьё, разломил его, одного мига хватило понять, что два ствола заряжены мелкой картечью. — «Вот балбес! Сколько можно повторять! Сходил на охоту, разряди ружьё, убери патроны в патронташ, спрячь ружьё, мальцы ведь растут, их к оружию магнитом тянет, кровь ведь наша, казацкая. Секундное дело разрядить!» Вынул он два тяжёлых патрона, тускло блеснувших в его руках, и спрятал их в карман брюк. Глянул ещё раз в пустые глазницы дула, пусто. «Ну и слава богу!». Внуки смотрели на него широко раскрытыми глазами. Слёзы у Коляна миготом высохли. Поняли пацаны, что со смертью в жмурки играли. Но и дети ещё, нет смысла ругать, потом поймут, когда подрастут. А сыну такую дам выволочку, на всю жизнь запомнит этот урок.

Внуки обступили Сергея с двух сторон. «Ты, дед, нас не наказывай, мы не знали, что оно заряжено, а как внутрь заглянуть, спросить побоялись, думали, что ты не разрешишь с ним нам поиграть. Деда, а где ты так командовать научился? И с ружьём обращаться как с игрушкой?» — спрашивали они — «А это всё война, ребятушки, она, проклятая, и не тому научит. В крови это у нас казаков, шашка, ружьё, песня да команды, и всё для того, чтобы Родину защищать». — «Деда, ты давно обещал рассказать, за что получил георгиевский крест, вон он какой красивый. А ты дай нам его поносить по очереди, все мальчишки от зависти позеленеют». — «Пора, ребятушки, пора про крест рассказать, а то умру и не узнаете ничего». Дед сел на диван, поставил двустоволку между ног, опёрся об ствол руками и стал рассказывать:

«Жили мы в могучем царстве-государстве Российской империи. Правил нами царь Николай II. А мы, казаки, ему верой и правдой служили, потому что присягу на верность давали. А в мире, как и сейчас, не всё гладко было, все государства друг на друга злость копили, а больше всех Австрия да Германия от этой злости раздувались. Да и силу за собой чувствовали немалую. И хотелось им у других народов землицу и богатства отобрать, чтобы ещё лучше австрияки и немцы жили, а другие бы на них батрачили. Армию они собрали могучую, и всё ждали, кто им повод даст драку начать, да и всех победить. А тут австрийского эрцгерцога Фердинанда революционеры в Сербии взяли и убили. Австро-Венгрия на Сербию и напала. Сербия же, наши братья-славяне, к царю за помощью обратились, царь ещё только думать начал, а уж немцы нам войну объявили. И началась первая мировая война. С той стороны Германия, Австро-Венгрия, Турция да Болгария, а за нас Франция, Англия, а потом ещё желающих поучаствовать в этой драке добавилось: и Италия, и Япония, и Румыния, и США в эту мировую войну ввязались. К концу войны тридцать восемь стран там друг друга мутузили, а когда кончили воевать, подсчитали потери, то и вышло, что десять миллионов людей убили, да двадцать миллионов покалечили.

А мы в это время семьёй на покосах были. Сено хорошее уродилось, да и хлеба наливались на диво. Сердце радовалось. Отец мечтал мне дом строить начать, виды на хлеба хорошие были. Смотрим, скачет нарочный в станицу с красным флажком на пике. Отец побледнел: «Война, сынок!» — «С кем?», — кричим. «С Германией-й-й!!!» Вот и кончилась мирная жизнь. Свернули мы табор, казаки на конях в станицу поскакали, а бабы да ребятушки к вечеру подтянулись. Проводы, гульба, прощание, и вот я на своём Орлике через неделю уже ехал в столыпинских вагонах на фронт.

И попали мы, казаки, в Восточную Пруссию. Лихо начали наши генералы Самсонов да Реннекампф там наступать и шли мы сквозь Пруссию, как нож сквозь масло. А немцы спешно отступали, кое-где, правда, были бои, но мы клином как штыком пол-Пруссии пропороли. В покинутом немецком городке Найденбурге брали казачки в магазинах, домах и лавках всякое барахло, набивали свои походные торбы, а я взял только в магазине серебряные часы, сухие галеты (типа наших сухарей) да подходящей ткани кусок, чтобы было из чего портянки на смену сделать.

Ещё два дня смело шли дивизии и корпуса армии Самсонова вперёд, сбивая немецкие части, беря пленных и населённые пункты. А немцы скрытно, по хорошим шоссе и железной дороге, перебрасывали на фланги наступающих свежие и отдохнувшие части. И ударив с двух сторон, захлопнули армию генерала Самсонова в огромный мешок, завязав в громадном Грюнфлисском лесу его горловину. Окружённые, без отставших обозов, голодные, почти без боеприпасов, отдельные части сумели прорвать кольцо окружения и выйти к своим. Бездарный генерал Клюев сдал тридцать тысяч не войск, а растерянных, потерявших веру в победу людей. Генерал Самсонов застрелился в Грюнфлисском лесу, когда по-

нял, что потерял и управление армией и армию, да и честь тоже. Ну, а мы, сбивая заслоны немцев, прорывались на восток, теряя коней, друзей, и чем ближе были наши, тем сильнее были бои и всё больше потери. И осталось нас горстка на опушке Грюнфлиссского леса, впереди была деревушка Модлькен, к ней шло шоссе, по которому сновали мотоциклеты, автомобили, а за ним поле и нейтральная земля и где-то там, наши. Отряд, который был сколочен из солдат, офицеров, казаков разных частей, был небольшой, но боеспособный. Злость и вера вела нас на прорыв. Ждали темноту. Впереди, наверняка, были пулемёты немцев и, возможно, батареи. Из казаков я знал только есаула Войсконцева, сухого, стройного, прямо вьющегося в седле, лицо литое, чуб кудрявится из-под фуражки. Скалит зубы есаул: «Эх, станишники, попьём немецкой кровушки, а за полем уже Россия!» Вот за ним и буду держаться! С таким не пропадёшь!

В полночь стали продвигаться к последним деревьям и по тихой команде, набирая скорость, беззвучно пошли вперёд. И когда до шоссе осталось метров сто, внезапно всё страшно осветилось. Свет был фосфорически-белый, какой-то безумно яркий. И все замерли. Немцы, светившие нам в лицо, тоже растерялись — так близко мы были. Звонко крикнул Войсконцев: « По прожектору пли!» А винтовки у нас заряжены и патрон уже в патроннике, и в эту яркую, как солнце, мишень, всей своей злостью и яростью выстрелил отряд, и он вдруг погас, исчез. Стало очень темно. А немцы вдруг опомнились и ударили в темноту из пулемётов. «Вперёд и ура, братцы!» — крикнул есаул и мы пошли на прорыв. Пули, чавкая, входили в наши тела, но мы шли налётом вперёд, шоссе я уже проскочил и тут услышал, как заржал смертельно раненый конь есаула и повалился на землю, подминая под себя офицера. Соскочил я с Орлика, крикнул ему: «Ложись!» — а сам побежал к Войсконцеву и вытащил его раненого из-под умирающего коня. Донёс я его до Орлика, посадил в седло, вскочил сзади и понёс нас мой верный товарищ в поле, подальше от пуль и верной смерти, или плена. Рядом скакали и бежали мои товарищи, а немцы, хоть и вслепую лупили нам вслед из пулемётов и многих бойцов отряда не досчитались мы на рассвете.

К вечеру вышли мы в расположение наших частей. За час до этого потерял сознание от потери крови есаул Войсконцев и стал сползать с Орлика. Отряд остановился. Я принёс ему воды с ближайшего родника (много здесь болот, родников, озёр и сосновых лесов), побрызгал лицо, расстегнул офицерский френч, охладить грудь хотел водичкой и увидел обмотанное на груди офицера знамя полка. А тут и он очнулся: “Вперёд! Вперёд! Скорее к своим!” — скомандовал он. Вот за это, за спасение офицера в бою, за спасение чести и знамени полка, я и получил георгиевский крест».

— Да, дед! Повезло тебе! Вот мы с Колькой вырастем, и тоже на войну пойдём, и нас наградят. То-то будут мальчишки и девчонки завидовать.

— Глупые вы ещё у меня! Нам никакой войны не надо. Ну, если только нападут на нас враги, тогда, конечно, все казаки снова за оружие возьмутся. А так я считаю, лучше плохой мир, чем хорошая война. Сколько моих погодков осталось навечно молодыми в этой проклятой Восточной Пруссии?! И могил-то их никто никогда не узнает и не навестит. Давно уж их матери, все слёзы выплакав, лежат на родных погостах, а невесты стали дряхлыми старухами, так и не дождавшись своих суженных. И детей-то у них своих не было, и внуков-то они не нянчили, и в жизни-то ничего не успели повидать! А вы говорите, война! Война хороша богатому, да если он за тридевять земель от неё на пляже лежит и на крови и слезах людей простых миллионы зарабатывает, как американцы, которые в первую мировую войну вступили аж в 1917 году, всё рассчитав, как раз когда все воюющие ухайдакались до кровавых соплей, и победный пирог вместо России получили.

— Ты, дед, не горюй, мы славными казаками будем. Вот подучишь нас, да в армию сходим, а там, если полезут враги, мы им нюшки-то разобьём!

— Ну и славно, вояки конопатые! Идите огород поливать, всё матери меньше работы по дому останется, — сказал дед.

Глава 7 (Последняя)

Прошло ещё три месяца. Люба, мывшая пол в горнице, бросала тревожные взгляды на печь, на которой вот уже неделю почти не слезая, спал дед Сергуня. «Ест плохо, во сне вскрикивает, команды отдаёт, всё воюет старый солдат!» — думала она. Мальцы только его на этом свете и поддерживают, всё спрашивают, тискают, крутятся у него в ногах, а он отвлекается и о своих болячках забывает на время. Но не жилец дедушка, вон и черты у него

заострились, и под глазами синие страшные мешки, да и сам как-то потух. Нет былого задора. Устал жить, наверно. Да тут мы со своими проблемами да заботами жить ему мешаем. Надо его больше отвлекать. Может его в гости свозить в Березиновку, к родне? Нам праздник, и деду развлечение. А то так и затухнет в тоске. Всё ему не интересно на этом свете».

Домыв пол, она деловито вошла в горницу, где высунув языки от усердия, делали уроки наследники за большим старинным круглым столом. Подойдя к ним близко, Люба тихо на ухо сказала Кольке: «Завтра, если сегодня не будете озорничать, поедем к родне в Березиновку и деда как главного повезём, пусть порадуетя». Ванька и Колька при этих словах соскочили со стульев и только раскрыли рот, чтобы завывать боевым индейским кличем, как увидели строгое лицо матери и её пальчик, который приказывал им молчать. «Дед-то спит, ироды!» — прошептала она. Всё поняли мальцы, сделали серьёзные лица и как старички на цыпочках отправились проверить, а спит деда-то или нет. Надо же ему новость-то рассказать! Ну и полезли на печь, да Колька Ваньку толкнул, тот сорвался и ногой въехал в пустую доёнку, которая стояла на скамейке, доёнка сорвалась и вместе с Ванькой с грохотом рухнула на кошку, которая лежала на домотканом круглом половичке. Та с перепугу заорала, будто её режут и царапнула летуна за руку, а Ванька, ударившись об скамейку и об доёнку, взвыл на всю избу. От такого шума и мёртвый проснётся, дед соскочил, ударил ногой Кольку, который только собирался устроиться у него в ногах, и Колька начал головокружительное падение вниз с раскрытым ртом и выпученными глазами. Тут дед изловчился и на глазах прибежавшей на этот дикий гам Любы, схватил летуна за шиворот в последний момент его падения. Наступила секундная пауза и полная тишина. Кошка сидела уже на столе, Ванька лежал на полу и смотрел вверх на печь, на которой как бог Саваоф восседал дед, держа в вытянутой руке Кольку, Люба со сложенными на груди руками смотрела на чудом спасенного с квадратными глазами и открытым ртом наследника. Ещё секунда, и внук очутился в глубине печной лежанки.

«Поспать не дадут, оболтусы! — закричала хозяйка, — Всех на уши поставят, кошке и той, бедной, покоя нет, куда бы вас сплавить хоть на денёк, да пожить в тишине спокойно!» — «Да ладно, Любаша, не ворчи на мальцов, я и не спал уже, а у них дело ко мне какое-то важное». А в это время Колька деда за шею обняв, что-то ему шептал на ухо. А Ванька, позабыв о недавнем головокружительном падении, уже штурмовал печь по специально сделанным в ней нишам-карманам.

Ясное, но уже нежаркое солнце стояло высоко на прозрачном небе. Над селом, лесами, полями раскинулась предосенняя, ничем не нарушаемая тишина, такая, что только летучие паутинки в полном безветрии медленно летели непонятно какими потоками воздуха поднимаемые, прозрачными нитями вдаль, и медленно садились, опутывая прозрачной сетью траву, кустарники, деревья. Жёлтые листья, изредка срываясь с ветвей, тихо падали вниз, не относимые ветром. Бабье лето было в разгаре. Как-то так хорошо всё сложилось в этот тихий субботний день. И мальцы рано из школы прибежали, и муж Никита трактор свой в МТМ загнал на ремонт, да сегодня пораньше ушёл, да и у меня законный отгул, думала Люба, собирая и наряжая семью в гости. Дед, тот как штык с утра готов, сидит в парадном углу во всей красе. Гостинцев надо взять, ведь не каждый день в гости-то ездим. Ну вот вроде и всё. Никита уже «Москвич» из гаража выгнал. Всё, пора ехать. И поехали. А через пятьдесят минут всё семейство чинно входило в тесовые ворота березиновской родни, где их радостно встречали родные и близкие люди. Стол был накрыт.

Иван Леонтьевич, хозяин дома, подхватил Сергея Ефимовича и торжественно посадил его в красный угол горницы. Все остальные расселись по интересам, ближе к тем, с кем давно не виделись, с кем хочется подольше пообщаться, послушать новости, о своих радостях, да бедах поговорить. Чинно и неторопливо пошли разговоры за столами, полилась водочка по рюмочкам и жилам казаков и казачек, а тут и до песен дело дошло. Под эти раздольные, за душу захватывающие песни, тихонько встал из-за стола Сергей Ефимович и вышел в сад, где под яблоней с наливными яблоками в тени раскидистых ветвей, стояла скамейка для отдыха после трудов праведных. И правда, здесь было уютно и хорошо. Летали пчёлы, рядом стояло два улья, солнце уже садилось. Было тихо, и никто не мешал сесть и подумать обо всём, что было, и ещё будет на этой грешной земле. Сергей сел, вытянул ноги, подставил лицо ласковым лучам заходящего солнца и закрыл глаза. И как-то на мгновение ушёл из этой жизни, как провалился в сон или в видение. И увидел себя молодым на Орлике, вороном скакуне, играющим под ним на зелёном лугу. Утреннее солнце сверкало с нежно-голубого безоблачного неба. Оно освещало изумрудный зацветающий

луг, который тянется до горизонта. Ударил Сергуня коня шпорами и понёсся он куда-то вперёд по траве-мураве, вскачь, без оглядки. И никто не видел, как уходила душа Сергея на искрящемся солнце, на вороном коне по ковыльной степи, по зелёной траве, в небесную синь вечного заката. Только чуть-чуть дёрнулась седая голова и тихо пошла алая кровь с правой стороны губ.

Через два дня хоронило Сергея Ефимовича всё село. Люба, внуки, вся родня шли за гробом, который несли на руках от самого дома до развёрнутой могилы. Люба шла и плакала, думая, что никогда не видеть ей больше своего любимого дедушки, который любил её больше своих детей. Много хороших слов сквозь слёзы услышала она от односельчан перед развёрнутой могилкой. А когда красный гроб осторожно опустили вниз, в эту жуткую бездонную яму, она услышала, как, ударяясь о крышку гроба земля, видела, как гроб стали засыпать люди, проходя цепочкой около развёрнутой могилы, кидая горстями землю. И вот уже виден один краешек, ещё две-три горсти земли и гроб скрылся совсем. У Любы чуть сердце не разорвалось от горя. А солнце так приветливо озаряло стоящие вдалеке деревья, как будто говорило: «Не плачь, Люба! Ему хорошо там на небесах, и он всегда будет с вами, только вы его уже никогда не увидите...»

Над могилой вырос холмик свежей земли. В изголовье поставили памятник со звездой. Дед был неверующий и просил детей поставить, когда умрёт, над могилой звезду ему, как тем друзьям, с которыми он воевал и которых хоронил после боёв с беляками.

А потом в колхозной столовой были поминки. И тут, подавая блюда, сменяя тарелки, наливая водку в гранёные стаканы, услышала Люба ещё одну историю про своего любимого дедушку. «Пять лет назад, — рассказывал соседям по столу Пётр Сычёв, — сидел я в конторе у председателя, решал производственные вопросы. (В тот год была засуха и туго было с кормами.) «Помню, помню это ужасное лето, дома на подворье ни клочка сена, — вспомнила Люба. — Ходила я к председателю на поклон, говорила ему. Никита механизатор хороший, я тоже в передовиках хожу, на ферме с утра и до вечера урабатываюсь. Дай сена, Олег Васильевич, хоть две тонны, корову ведь нечем кормить, не на одной соломе же её держать, кормилицу. А он мне в ответ: «А ты не держи её, Любовь Дмитриевна! Время тяжёлое. С кормами туго, нам бы общественный скот весь сохранить, да молочка больше государству дать, вот и старайся на производстве. А Бурёнку свою зарежь, а деньги на двухпроцентную книжку положи. Через год, если дожди пройдут, сена заготовим прилично, с книжки денежки снимать с процентами, и корову где-нибудь купишь». При этих словах заботливого председателя слёзы так и брызнули из глаз Любы. Бросила она своё заявление на стол ему, и, не помня себя, вся в слезах, прибежала домой и все свои обиды деду рассказала. А он молча оделся, нацепил все свои награды и ушёл куда-то. А к вечеру к дому привезли две арбы, да не две, а четыре тонны отличного сена дал председатель. Люба его потом благодарил при всех, а он смущённо так улыбался и глаза прятал. Всё это сразу вспомнила Люба и стала внимательно слушать Петра. «Вдруг дверь распахнулась, — продолжал тот, — и в контору вошёл Сергей Ефимович, прямой, весь в орденах и крест георгиевский на самом видном месте. Опираясь на палочку, он подошёл вплотную к столу Олега Васильевича и без дипломатических ужимок, не как проситель, как мы все ходим, в упор его спрашивает: «Ты почему людям в глаза плюёшь, почему так ведёшь себя, будто ты здесь барин, а мы все твои холопы?» «Кто ты такой? — взвился сразу Олег Васильевич. — Вон из кабинета (понял он, хоть и пришлый был, что это Любин дед пришёл с ним разбираться). Будут тут ходить всякие деды, права качать, кому дать, а кому не дать сена! Это мне решать, меня на это место Советская власть поставила!» «Ах ты, гад недобитый! Я Советскую власть на Урале ставил и защищал, когда тебя, сопляка, и на свете не было, а ты меня же ей упрекает будешь! Зарублю на месте контру!» — сильным командирским голосом заорал на председателя колхоза старый казак, да как хрястнет по столу своей клюшкой! Графин с водой на две части разлетелся. Олег Васильевич со стула соскочил: «Милицию вызову!» — завопил и бежать из кабинета, а Сергей Ефимович за ним с клюшкой, и два раза достал ей его таки по широкой спине и толстой заднице.

«Я тебе покажу милицию! Таких, как ты, говнюков, к стенке ставить надо, чтобы Советскую власть не позорили и были слугами народа, а не барами над ним! Не для того мы кровь проливали, ставя коммуны да Советы, чтобы всякая гниль над нашими внуками изгалялась!»

Добежал Олег Васильевич до своего «УАЗика», вскочил в него и улетел с колхозного двора, только его и видели. А мы все стояли как столбы вкопанные. Никто при нас так с

начальством не разговаривал. А вечером начали с сеновала, по указу председателя, сено людям развозить.

Так помянем Сергея Ефимовича, красного казака и командира нашего, пусть пухом будет ему земля и светлая ему память!» — закончил свой рассказ Пётр и все посмотрели друг другу в глаза и молча выпили.

«Светлая ему память,
Светлая ему память», —

так и звенело в ушах у Любы.

Библиография

1. Гражданская война и становление Советской власти на Южном Урале : в 4 кн. / сост. А. Н. Беликов. 1989.
2. Апрельков, А. В. Судьбы казацкие / А. В. Апрельков, Л. А. Попов. — Челябинск, 2002.
3. Ганин, А. В.. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1841—1945 года : биографический справочник / А. В. Ганин, В. Г. Семёнов. — М. : Русское Зарубежье, 2007.
4. Беликов, А. Н. Из истории Чесменского района : очерки краеведа / А. Н. Беликов. Челябинск, 1993.
5. Скобёлкин, Е. И. Возвращаясь к прошлому / Е. И. Скобёлкин, И. В. Шамсутдинов. — Троицк : ТЕМП, 1993.
6. Топер, И. С. Парусит революции стяг / И. С. Топер. — М. : Молодая гвардия, 1971.

Павел Хрипко

Батюшка

Каждый по-своему жизнь тропит. Один живет исключительно для себя, другой почему-то о других печется. Таких, правда, немного сыщется ныне, но они есть и это, быть может, лучшие из людей земли.

В тот год мне часто приходилось торопиться к самой первой электричке и я наблюдал редкое зрелище.

Раннее, еще не прояснившееся январское утро. Уличные фонари недовольно помаргивают от бешеного ветра. Поземка легкими «па» пропархивает скользкие места и кружит вальсы в подветренных закоулках. Безлюдно. Редкие прохожие, пурхаясь в сугробах, оставляют за собой рваные борозды. А неподалеку от остановки с роскошным названием «Очарование», у торца крайней пятиэтажки, в затишке, подпирая стену, кучкуются какие-то расплывчатые тени. Враждебностью от них не веет, наоборот, в их облике что-то жалкое, унылое, безнадежное.

Приглядевшись, я понял, что это люди «дна», от которых мы часто отворачиваемся, пытаемся не замечать их. Да и они, «отверженные», стараются не попадаться нам на глаза, не раздражать внимание «нормальных» людей. А здесь их целая дюжина. «Что же привело их, неорганизованных и необязательных, сюда в такую рань?» — думал я.

Но вскоре все выяснилось.

Из дома напротив вышел крупный бородатый мужчина в долгополом одеянии, сверху для тепла пальто с барашковым воротником. При появлении бородача произошло необычное оживление. Группа разномастных полупризраков вдруг выстроилась в шеренгу, сняла шапки и стала неумело креститься.

«Батюшка, благослови...» — слышались робкие возгласы. Священник, пытливо вглядываясь в глаза каждого бедолаги, о чем-то строго спрашивал, увещевал, журил и, сунув руку в карман, что-то подавал в протянутые руки, и, перекрестив, переходил к следующему.

Враз повеселевшие горемыки, получив милостыню, разбившись на пары-тройки, протопали мимо мигающего рекламой игрового зала, некоторые останавливались, дурачились, не зайти ли, поохотали зычно, раскованно и скрылись во дворах.

А через дорогу у киоска поджидают еще с десяток горюнов. Стоят густо, но эти совсем уж никудышные, есть и пожилые, некоторые с палочками, одежда самая затрапезная.

Подходит батюшка. Называет одного по имени: «Алексей!» Тот низко кланяется, крестится, стыдясь, протягивает руку и чуть слышно шепчет: «У матери эпилепсия, да она и не ходит...». Рядом женщина в платке, в длинной шубе с проплешинами, кривя рот в стыдливой полуулыбке, жалуется на свои распухшие ноги и тоже тянет руку. Но вот и эта партия просящих, получив благословение и подавание, рассеивается удовлетворенная.

А из-за киоска появляется еще один проситель. Крупный малый лет сорока, с проводочной корзинкой на колесиках. Лицо опухшее, но невозмутимо спокойное, без тени добобострастия. Лесть его натуре, видимо, противна, и просить для него — мука. Но деваться некуда, положение, вероятно, безвыходное.

Он сдергивает шапку, машет рукой перед лбом, будто мух отгоняет и гудит басом: «Как здоровье, отец, как дела?» И, не ожидая ответа, басит: «У меня. Вот, беда, батя, большая беда... Женка пропадает... помоги, если можешь».

Священник оглядывает его внушительную фигуру, негромко чему-то наставляет. Тот согласно кивает головой, прячет деньги и уходит в вихревую темь.

Следом подходит невзрачный мужичонка в прорванных, очевидно, со свалки, матерчатых сапогах, в коротенькой, на мальчика, курточке и в раздерганном, похожем на грачиное гнездо, треухе.

Лик темный, то ли зимний загар, то ли давно не мылся. Сдергивает малахай, быстро крестится и протягивает руку. Батюшка что-то дает ему и, перекрестив, отходит. Мужичок нудно бормочет: «Токо вот на работу взяли, на испытание, — и вдруг громко объявляет, — а мне и на автобус надо». Получает еще и, довольный, скрывается.

Всю эту сцену молча наблюдают ожидающие автобуса пассажиры. Наконец подходит рейсовый, до вокзала. В салоне начинается бурная дискуссия. Прорвало.

— Такое происходит каждый Божий день! — взрывается женщина в дубленке. — Его ждут на всем пути следования, от дома до самой церкви. И со службы идет, а там опять эта свора. И калеками недужными их не назовешь. А он все, что есть в карманах, раздает.

Ей вторит благообразная на вид, в песцовой шапке пожилая дама:

— Давать надо только немощным, а не поощрять всякую пьянь, всё равно пропьют. Наблюдала я из окна. Один и тот же мужик всё в мусорке рылся, еду искал. Пожалела я его, стала булку в пакете рядом на дерево вешать. Ему понравилось. Стал каждое утро приходить, как в магазин. Потом встречаю его на улице, а он в дымину пьяный, лыка не вяжет, ну я и перестала давать.

— А что творится около церквей, — вмешивается в разговор женщина в вязаной шапочке, — раз видела, целая семья нищих побирается. Парень лет тридцати и молодка с ребеночком, да еще и курят оба. И не совестно им. Ить здоровье, молодые.

— Да у них мафия своя, нищенская, все организовано, — вздыхает седой мужчина с папочкой, — они в воротах в две шеренги выстраиваются и каждый руку тянет. Идешь в храм, как сквозь строй. И немощных старушек там не увидишь.

— Естественно, помогать надо немощным, — забасил с переднего сиденья солидный пассажир в дубленке, с кожаной папкой, — да как быть с этой категорией опустившихся бродяг? Они же все хронические алкоголики, бездомные, больные. За себя постоять не могут, не умеют, да и не хотят. Как-то вот выпали из обоймы государственной опеки.

— Вот-вот, выпали из опеки, — ввязывается вновь в разговор женщина в шапочке, — ничего у них нет: ни пенсии, ни пособий, ни жилья, как хочешь, так и живи. Обездоленная часть России. А батюшка один им государство заменяет. Они порой ползком добираются, чтоб с ним встренуться. Знают, батюшка не откажет им в трудную минуту, а она у них каждый день. И ведь многие осуждают священника, считают его странным, чудаковатым. А вот если б все поступали так же, может, меньше стало бы несчастных».

Вскоре все сошли на конечной остановке и беседа прервалась, но надолго застряла в памяти.

В Божий храм я захоживаю редко, но священник этот был мне знаком и ранее. Он крестил моих внуков, да и дороги наши частенько пересекались. Внешность его была примечательна. При хорошем росте, широченная прямоволосая борода до середины груди и мощные плечи. Остроконечная черная шапка, похожая на шлем, под прямолинейными бровями внимательные карие глаза. От него веяло спокойствием и строгой сдержанностью, что невольно заставляло собраться. При общении с ним нападала какая-то необоримая робость. Но стоило ему заговорить, а он охотно шел на сближение, барьер закрытости вмиг

улетучивался. Открывался совсем другой человек, чистосердечный, расположенный к собеседнику, внимательный слушатель.

— Батюшка, вас же нищие обирают, зачем вы им всё отдаете, — как-то попенял я ему.

— Да мне хватает. Одеть, обусть есть чего, а на остальное пенсии достаёт.

— Ну, а как у вас со здоровьем? — спрашиваю.

— А оно, как у машины, пока ездит, терпимо, а разбирать начнешь и все полетело.

Сравнение с механизмом несколько озадачило меня, но не оттолкнуло. Я все пытался понять причины его бескорыстного поведения. Ну не чудачество же, не только долг священника руководили невероятными поступками этого великого славянина.

Случайно я узнал некоторые факты его жизни. Леонид, мой добрый знакомый, рассказывал.

«Работал я тогда в местной автоколонне, водителем. Однажды везли мы важный груз издалека, из Сибири, от самого Байкала. Я на «ЗИЛе». А февраль, дорогу переметывает, кое-где и буксовать приходится. Оставалось каких-то пара сотен километров, решили без ночевки, чтоб к утру быть дома.

Среди водил я был самый молодой, отчаянный, только что отслужил, сзади тащиться не любил, шел первым, ну, может быть, хотел уважение заслужить. Выжимал из своего «Ильи» последнее, дорогу торил, все переметы — мои. А машинёшка не новая, только из ремонта. На одном из поворотов мой «Илья» вдруг пошел юзом — заклинило колесо. Ладно, тормоза не подвели, а то бы улетел в кювет. Вылез из кабины. Все подъехали, остановились. Бригадир подошел, похмыкал: «Ну что с тобой делать? На буксире тащить нельзя. В поле машину не бросишь, груз ценный. Ты тут подремли маленько, мы приедем и сразу техпомощь тебе вышлем».

Ну что делать? Согласился. А ветер встречный, да еще с морозцем, лицо обжигает. Грузовики все мимо проезжают, домой торопятся, в тепло домашнее, к щам горячим, да к жене под бочок.

Невольно считаю проходящие машины: семнадцатая, восемнадцатая, а последняя вдруг съезжает на обочину и останавливается. Выходит водила, лицо незнакомое. Я тогда еще новичок, мало кого знал. «Давай посмотрим, — говорит, — что там у тебя случилось». Посмотрели. Работы часа на три, но темно и глаза поземкой, как песком забивает. «Ничё, — говорит, — будем делать». Переноску подвесили, кошомку на стылую землю кинули, поддомкратили. Он мне свои гайки отдал, мои где-то в сутолоке затерялись. Пока отвернули прикипевшие гайки, пока разобрали, пока выколотили подшипник, пока всё собрали, начало светать, а стужа не унимается, полущубки и те колом стоят. Он под мышки пальцы сует: закоченели. Выехали, и с первыми лучами солнца заявили на базу. А там выяснилось: техпомощь могла только к обеду поспеть. Механик дежурный приболел, да и суббота была, банный день. Вряд ли бы я тогда уцелел. Столько часов на холоде не выдержат. Горючку бы сжег, да и каюк. Железная кабина остывает быстро.

А спас меня вот этот самый батюшка, он тогда водителем работал. Руки свои не поберег, все в ссадинах, да еще пообморозил, гайки-то свои он мне отдал. С тех пор я за него куда хочешь: в огонь и в воду... Таких людей я больше не встречал».

г. Троицк

Каринэ Гаспарян

Люди, похожие на богов

* * *

Сказала мне сегодня, улыбаясь,
И отдавая стопочку стихов,
Соседка из далекого Сибая:
«А почему здесь нету про любовь?»
Метафор и сравнений много сложных,
Но не везде присутствует размер.
На Пушкина, сказала, не похоже —
Соседка судит вышшею из мер.

Она тонка, отзывчива, сердечна,
Её уроков дети в школе ждут,
Но всем своим разумным, добрым, вечным
Перечеркнула мой напрасный труд.
Я не хочу быть на него похожей,
Хотелось, осмелев, ей прокричать.
Мы пили чай, был день такой пригожий,
И я сдержалась, чтобы промолчать.

* * *

От этих скелетов в шкафу
В груди расправляются крылья.
И не очевидное, был ли я,
И — снос во вторую графу.
А в легких — вишневый компот,
И вдох посему невозможен,
Но сбивчиво путь мой изложен,
И воздуха требует рот.
О вы, чей невольно покой
Из памяти вызвав наружу,
Я больше уже не нарушу,
Махните оттуда рукой.
Актриса немного кино,
И ты, управляющий банком,
И ты, дорогая крестьянка,
Откройте скорее окно.
Я в вашем, нет, в нашем шкафу,
Фигурой почти неизвестной,
Займу свое скромное место,
Опять пропуская графу.

* * *

Когда-нибудь в далеком далеке,
Положим, это будет зимним утром,
Приду я наконец-то належке,
Повеселевшей, легкою и мудрой.
И в этом синем-синем далеке,
Представим: остановлена вопросом,
Читаю по руке и по реке,
Река течет, наверно, это осень.
Но время в этом зыбком далеке
Течет быстрее, чем в этом лунном мире.
И я не удержусь на лепестке,
Весна запрет зеленые квартиры.
В счастливом этом, теплом далеке,
Ушла, как и пришла, допустим, летом
Уже своя, уже накоротке.
Я задержусь, прости меня, с ответом.

* * *

Разбегутся курицы —
За ночь не поймать.
Будут дети улицы
До утра гулять.
И клевать из лужицы
Звездочек пшено.
Кутаясь, на курицу
Я смотрю в окно.

* * *

Люди, похожие на богов,
Ходят мимо по улицам.
Мы все ищем любовь,
Лед растопив целуемся.
Боги, похожие на людей,
Никогда не встречаются.
Но у наших детей
Их глаза получают.

* * *

Несу тебя, как коромысло,
Иду под горку, чуть дыша.
Прогнулось тело и повисло,
И в ведрах плещется душа.
Несу устало эту ношу,
И запрокинуто лицо.
Не бойся, я тебя не брошу,
Пока не вскинусь на крыльцо.
Утру лицо, присевши, платом,
Увижу синь и бирюзу.
Я не монетку в час расплаты —
В траву я уроню слезу.
А завтра снова с коромыслом,
Идти под горку, не спеша.
Несу, не ведая я смысла,
И в ведрах плещется душа.

г. Миасс

Владимир Иванов

По следам молний

По следам молний

Утром на бугре рядом с неплюевской дорогой уже махал крыльями и поскрипывал одинокий ветряк. Что скрипит в брюхе у этого деревянного, обшитого тесом, с поворачивающейся, с четырьмя крыльями, головой великана, ребятишек не интересовало. Задрав кудлатые головы, смотрели на крылья.

— Вот бы прицепиться за задний борт, как за полторку. Повиснуть на руках. Пролететь один круг в небесах и отцепиться, — предложил Толька.

— Куда тебе, коротышка! Не дотянешься с земли. Даже с лошади. Видишь лестницу возле больших круглых камней? Её надо подставить и верёвку привязать с лестницы заранее, когда мельница остановится. Поддается соблазну долговязый Шурка.

— Вот ты с Андреем подставишь и подержишь ее. А я ухвачусь без веревки.

— Не буду держать. Потом отвечай за тебя, — отнекивается Андрей.

— Трус, трус! — показывая рукой на Андрея, кричит Толик.

— Сам ты кролик и врун. Стрекочешь, как сорока. А с разбега боишься в омут прыгнуть.

— Спорим! Зацеплюсь.

— Сначала в воду с обрыва прыгни на водопаде.

— Зацеплюсь? спорим! — еще громче насеждает Толик.

— Кто кричит да спорит го-шки не стоит.

— Напросишься, вмажу!

— Фигушки! Чья бы корова мычала, а твоя молчала. И Андрей, покручивая кулачком, показывает трехпальцевую комбинацию.

Видя, что вот-вот начнется потасовка, ввязался высокорослый Шурка.

— Перестаньте пацаны. Обоим сопатки начищу. И задирихе и не спустихе.

Идут, спорят. В потрепанных серых штанах на двух пуговицах и заправленных рубашках. Заплатки на коленях и локтях. На ногах у Шурика зашнурованы старенькие ботинки, а у остальных поношенные брезентовые тапки, сшитые местным чеботарем из распущенной транспортной ленты. Самая завидущая одежда у Шурика. Она хоть и не видела утюга, но свежестиранная. И заплатки пришиты не наживульку, а прострочены на машинке. Они не овальные, а правильной четырехугольной формы с рубчиками по краям со всех сторон. Толику и Андрею шуркины заплатки нравятся. К тому же он сильнее их, хоть и долговязый.

Идут, спорят. Размахивая руками, кто левой, кто правой. Потому что в другой у каждого мешочек-котомка с бутылкой молока, заткнутой газетной пробкой, краюха серого хлеба, на обед. Две-три сырых картошки.

От мельницы дорога повела немного наискосок. Влево и вниз к деревянному мосту с перилами над узенькой речкой Зингейкой со щуками и налимами.

По правую руку по ходу, на крутоватом взлобке, от речки поднимается невысокий редкий березник. Он шелестит ветками и листьями. Ветерок треплет не стриженные волосы пацанов. Разномастное деревенское стадо в десятка два голов разбрелось по взлобку. Не торопясь пощипывают молодую зелень. Ближняя буренка, захватив шершавым языком траву, отщипывает ее зубами, чуть поворачивая и поднимая морду. Потом начинает жевать. Смотрит на ребяташек, на дорогу, и деревню на другой стороне речки, разлившейся в широкий пруд. Ребятам показалось что она готовится улизнуть, убежать из стада.

— Маруська, Маруська! — окликнул её из-за березы пастушок ровесник с высокой каурой кобылы. И корова вернулась в стадо.

— Ему повезло. С утра до вечера в седле, — заметил Андрей, увидев мальчишку.

— Коров от нечего делать, как собак, учит, — согласился Шурик.

— А мы ноги мучим, за пять верст на прополку, чтобы потом с батеи на покос билет получить. Миновали добротный мост с земляными насыпями к нему с обеих берегов. Подошли к родниковому колодцу, в темно-красном, от времени деревянном окладе, с вытекающим ручейком, чтобы посмотреть на мелких, с пол-мизинчика рыбок, похожих на ёршиков. На спинках у них вместо плавников, несколько бугорочков, с чуть выступающими иголочками. По одной на каждом. Прибыв на место, к маленькому, огороженному жердями питомнику, спрятали бутылки в речке, чтобы не проквасить молоко. Началась кропотливая, надоедливая, и нудная работа. Установили в пакет стеклянные рамы. И принялись полоть. Осторожно пальчиками выдергивали сорняки, оставляя в чуть заглубленных парниковых грядах побег. В одних березовые, в других сосновые. Добродушный лесник проверял. Но, не дай бог, выдернуть березку или сосну. А они мелкие. Прячутся в траве.

У лесника по другую сторону джабыкского проселка, на пустыре, изба. Кордон. На потемневшей крыше во весь скат, из бересты прибит его номер, из трех цифр. Чтобы было видно летчику из «кукурузника».

На обед собирались у речки. Разводили костер. Пекли картошку. Опустошив сумки и бутылки, бултыхались и плескались в воде. А потом руками ловили скользких налимов. Для этого прудили речку земляными пластами между, кем то вбитыми в дно, кольями. Когда-то между ними, какой-то рыбак сделал плетень. Лесник укрепил его остатки пластами земли, оставив один промежуток, куда ставил морду — ловушку, сплетенную из ивовых прутьев. Когда морды не было, пацаны закладывали это место пластами, и ниже по обмелевшему руслу собирали налимов.

На этот раз рыбалка сорвалась. Разразилась страшная гроза. Все вокруг потемнело. Очень громко, как карьерные взрывы над головой грохотал гром. Прошел ливень. Промок-

шие насквозь, до нитки, работнички прибежали к леснику. Он достал тетрадь, записал их и отпустил домой.

Возвращаясь, не доходя до моста, увидели, что ветряк не крутится. В березнике, по косягу, вместо привычного стада, собралось несколько человек. Подошли и увидели жуткую картину. Пастушок, их ровесник, лежит зарытым в свежевскопанную и взрыхленную граблями черную грядку. Видна только светловолосая голова с открытыми в небо глазами. Рядом, на левом боку — огромная дохлая каурая кобыла. От седлового железного кольца под брюшину, уходит обожженный след — опаленная молнией змейка. В сторонке — две лопаты и грабли. Ребятишки обошли вокруг грядки и лошади. Посмотрели в голубые глаза пастушка. Знакомых, кроме мельника, не было. От него узнали, что свежая земля заберет электричество, и пастушок очнется. Его только оглушило. Ребята поверили. Потому что никто не плакал. (Родители о случившемся еще не знали.)

Шурка, подмигнув Тольке, приоткрыл свою котомку. Там была веревка. И они втроем побежали к мельнице, надеясь привязать ее к нижнему крылу.

Ликбез

Возвратившись из города, Аксюта подошла к трюмо, большому зеркалу, и отпрянула, увидев на нарядном платье страшную чёрную змейку.

— Не проделки ли дьявола? — промелькнула мысль. Поделилась с соседкой. Новость быстро долетела до Белой глинки, соседнего поселка. Приехал главный энергетик, Андрей Федорович. Пружинистой и плавной, слегка приседающей походкой, прошел через когда-то казачий двор, по устланным, вровень с землей, гранитными плитами. Осмотрел зеркало. Змейка была очень похожа на виденную в детстве на боку убитой молнией лошади. Только эта из сгоревшего или оплавленного зеркального покрытия.

— Тебе Аксюта, повезло. Обошлось без пожара. И хорошо, что дома никого не было. Знаю трагические случаи. Молния угодила в провод и поразила насмерть мужчину, который говорил по телефону. А собеседник на другом конце — цел и невредим. Не в вашей ли деревне, молния ночью ударила в приземленный свинарник, по ту сторону пруда. Крыша рухнула. Хрюшек спасти не удалось, сгорели на пожаре.

Андрей объяснил, что на зеркале не дьявольские проделки, а след молнии. Обрадованная Аксюта неделей позже подарила, прошитое змейкой, но уцелевшее трюмо в школу, как наглядное пособие по физике.

— Нет ничего страшнее грозы не только под деревом, но и на открытой местности. В ровной, как стол, бескрайней степи. Или на открытой озерной или широкой речной глади, где негде укрыться. Перед грозой нужно покинуть эти места. Потому что даже маленькое возвышение над окружающей поверхностью и даже металлические предметы: зонтики, пряжки, инструменты, лодочные уключины и якоря могут стать роковыми, — прощаясь с Аксютой, закончил ликбез энергетик.

Море по колено

Трое друзей на 401-м «Москвиче» возвращались из Магнитки. Через Наваринку, Конезовод. Малиновки, наверно, еще не было. Дорога на Магнитный совхоз — грунтовое шоссе. В основном под уклон. Застала гроза и ливень. Молнии, то с одной стороны то с другой, то спереди то сзади, то ближе то дальше. Яркими вспышками, то оглушительным то раскатистым громом, огненными змеями, разряжаются на буграх. С каждым ударом пожилой водитель бросает баранку. Закрывает лицо и глаза то левой рукой, то правой, согнутой в локте. А то скрещивает предплечья над баранкой, перед лобовым стеклом. А сам пригибается и вдавливаются в сиденье. Потом креститься по-настоящему и что то шепчет.

А молодым бесшабашным студентам смешно. Им море по колено. Они на летних каблуках. Считают, что защищены резиновыми колесами. Закатав выше колен форменные новенькие шевиотовые брюки, толкают по лужам на размокшей дороге «Москвичёнок». Прямого попадания не было. Спасли бугры. Оказывается — не простое дело — проложить безопасную дорогу. А возможно, водитель, вымолил пощаду.

Тайный клад

Уродились грибы. Крепкие, белые. Уложив корзинки и разноцветные пластмассовые ведра с ножами в багажник, уселись втроем в Толькину машину. Направились в лес за Зингейку. Приехали. Ни с того ни с сего начал накрапывать реденький дождь.

— Ранний гость — до обеда, — шутит Анатолий.

Вылезли из машины, осмотрелись. Разойтись не успели. Показалось, дождик усилился. Спрятались опять в машину. Метрах в тридцати, с резким треском, ударила молния.

— В березу попала. Я приметил местечко, — говорит Андрей.

Дождь, как налетел, так и улетел. Втроем подошли к березе. Она оказалась сухой. На ней никаких следов от молнии. Рядом сухая осина. На ней тоже ни ожога ни царапины. А на земле в полуметре, от сухих древесных стволов, круг свежевзрыхленных жухлых листьев, диаметром около тридцати сантиметров.

— Братцы, ведь здесь же клад или какая то аномалия, — вычислил моментально Андрей. Молния бьет в это место, как минимум, уже третий раз. Два сухих дерева рядом, а вокруг все зеленые. Осина в единственном числе. Рядом осин нет. Осина посажена кем то специально как ориентир.

— Давайте раскопаем. В багажнике лопата. Сейчас принесу, — предложил Анатолий.

— Не ходи. Не будем искушать судьбу! Копать не будем, — возразил Александр. Мало ли здесь проходимцев побывало. И великих, и бандюганов. До Тамерлана и позже. Может, там ятаган зарыт. А красные, белые и зеленые. Казачки во главе с Дутовым. Могли не только саблю, но и пулемет зарыть. Не только трехлинейку, а казну спрятать. Да и купцы по округе состоятельные. Может кто и мощну зарыл. А может там лемех от плуга, или топор разбойничий. Или вообще ничего нет. Мы же не археологи и не черные копатели, а технари. Не наше дело — раскопки. Оставим для будущих поколений. Пусть это останется нашей тайной, А она сопоставима с любым кладом, — убедил друзей Александр.

И мужики, разобрав корзины, разошлись по лесу. А мысль о кладе не выходила у каждого из головы.

и. Новогорный

Павел Волченко

Женская логика

Звонок телефона посреди ночи. Вскочил, хватанул трубку, промахнулся, отшиб палец, нашарил пузатое, надрывающееся звоном тело телефона, взял трубку. -Да.

— Приезжай, немедленно приезжай! — орал в трубку Шурик.

— Ты знаешь, который час?

— Что? А... Без разницы! Приезжай!

И все, и короткие гудки. Я нехотя спустил ноги с кровати, сел, протер сонные глаза, глянул на светящийся циферблат часов — полтретьего ночи, самое то, чтобы срываться и лететь на другой конец города. Ну почему я живу не в Питере? Сказал бы, что мосты разведены и всего делов...

Через час дороги и две остановки ДПСников я был на месте: на окраине северо-запада, там, где начинался частный сектор с полагающимися ему покосившимися бревенчатыми домиками, с заборами черными, подпертыми досками, с садовыми участками, вытаращившими по зимнему времени голые ветви яблонь, груш и прочей полезной плодово-ягодной поросли.

Дом Шурика среди прочих можно было запросто вычислить: садовый участок зарос непролазно и даже зимой, с головой засыпанный блестящим хрустким снегом, он выглядел до безобразия неряшливо. Ну и еще, конечно, сам дом: пристрой, ржавый железный хлам наваленный тут и там, антенна спутниковой связи на самодельной сваренной из уголков мачте — деревня в стиле хайтек или стимпанк, кому как больше нравится.

Я вылез из машины, выкурил сигарету и только потом неторопливо пошел к дому. Судя по тому, как засыпало снегом дорожку — Шурик уже с неделю никуда не выходил. Подошел, хотел нажать на пипку прибитого к косяку звонка, но увидел, что дверь открыта. Пожал плечами, прошел в сени, отряхнул с ботинок снег и вошел в дом. Дома у Шурика, как всегда,

пахло канифолью, пылью старых запчастей, остывшими, чуть закисшими, пельменями — хорошо пахло.

— Ты где?

— В комнате, — раздался приглушенный крик, — пожрать что-нибудь захвати.

Я открыл холодильник, в нем было светло, белоснежно и пусто. Взял надкушенный уже сырок типа «Орбита», недопитую полторашку пива и открытую трехлитровку соленых огурцов, где в море рассола, меж водорослей укропа сиротливо плавал один пузатенький огурчик — больше ничего не было.

Шурик паял. Весь он был в канифольном дыму, на высокий его лоб были водружены толстолинзовые бикуляры, стол был завален, пиликал и мигал зеленью кривых экран осциллографа, кругом платы, провода — царство гитенакса и текстолита.

— Привет, — он даже не оглянулся в мою сторону, схватил со стола положенный мною сырок, целиком засунул в рот и, пока жевал, прямо рукой полез в банку выуживать последний огурец, при этом он не забывал продолжать паять и изредка поглядывал на тот самый осциллограф.

— Это что у тебя? — я с интересом подошел поближе, склонился, хотел было опереться о стол, но...

— Не трогай! Тут все под напряжением! — я резко убрал руки.

— Что за агрегат то?

— А, — он все-таки оглянулся на меня, оторвавшись на секунду от пайки, — это сейчас. Подожди.

Он припаял еще один контакт, отложил паяльник, откопал в хламе на столе древнего вида наушники, нахлобучил их и... И ничего. Просто сидел, закрыв глаза. Если бы я его не знал, я бы подумал, что это какой-то наркоман-утырок сидит и балдеет после прихода, благо комплекция соответствует — кожа, кости, сумасшедший взгляд, да еще и растрепанный весь как...

— Если бы я его не знал, я бы подумал, что это какой-то наркоман-утырок... — заговорил Шурик не открывая глаз, — благо, комплекция... Я правда так плохо выгляжу? Хм...

Я молчал, изумленно вытаращившись на Шурика, а он с явным удовольствием говорил за меня всё то, что проносилось у меня в голове:

— Что? Эта хрень читает мысли? Как это может быть?! Да это же... — улыбнулся, — А вот материться не надо, даже в мыслях. Приучайся к хорошему тону и чистоте помыслов.

— Слушай,ними это, а то как-то...

— Ага, как голый стоишь. — Шурик еще раз блаженно улыбнулся, стянул наушники и хряпнул огурцом. — Вкусненько. Ты стакан не принес? Ну ладно.

Он взял банку и в несколько могучих глотков ополовинил плескавшийся в ней рассол. Я, тем временем, ходил из стороны в сторону по небольшой комнате и нервно теребил в руках пачку сигарет. Очень хотелось закурить, но Шурик не курил и не любил, когда курят у него дома.

— Ну? Что скажешь? — спросил он через минуту.

— Не знаю. Гениально, конечно, но... не знаю. Это же... Ты понимаешь, это, — облизнул губы, — этой штуке ходу нельзя давать. Это же всё! Это же если... Я боюсь представить: не так подумал — в тюрьму, секретов никаких, жена — муж, разводы пойдут, друзья до драки. Правда, мысли — это же страшно! Мы не доросли до такого, не доросли еще! Это те, в будущем, благородные, умные, хотя... Какой там — были людьми, людьми и останемся. Шурик... — я страдальчески воззрился на него. — Ты понимаешь это?

— Понимаю и даже знаю, потому тебе и позвонил, а не в патентное побежал. И схема только здесь, — ткнул пальцем на наваленную гору плат и деталей на столе, — и здесь, — указал себе на голову. — Всё.

— Ну а я тебе зачем?

— Да так, поделиться хочется, а ближе тебя у меня никого.

— Маринку бы позвал, — буркнул я зло, припомнив, как одно время Шурик попытался изменить свою жизнь ради девушки — смазливой соседки. Помнится тогда и я, старый друг его, остался не у дел — брезговала она дружбой со мной, и Шурик был вынужден наши встречи проводить в тайном режиме, пряча меня, будто любовницу. Тогда же и платы все, приборы, деталихи перебрались в пыльные и темные кладовые, в комнатах появилась новая мебель, и... А еще она, девушка эта, была дико взбалмошная, непонятная, с резкими и кардинальными переменами настроения — настоящая блондинка! Дело шло к свадьбе,

но приехала мама невесты — будущая теща, и Шурик понял, что его Марина была сверхтолерантна и сверхлиберальна. Свадьба не состоялась, что мы и отпраздновали трехдневным загулом.

— Маринку... — Шурик вздохнул, все же любил он ее, и такую другую, как она: непонятную, не знающую того, что сделает сама же через секунду — найти он просто не мог. Да таких сумасшедших, наверное, и вообще больше в мире не было! Хотя... Если вспомнить мою Лену, которая была такой логичной, такой правильной до того как съехалась со мной и ставшая такой дикой, когда мы стали жить вместе. Может они все такие? Шурик же вздохнул, свинтил пробку с початой полторашки пива, выпил, крикнул, и снова вздохнул.

— Шурик! — Он поднял голову.

— Что?

— А знаешь, что я сейчас придумал?

— Говори, — он отставил бутылку в сторону, пристально уставился на меня.

— Ты знаешь, чего хотят женщины?

— Не понял. Переведи?

— Как думают женщины, женская логика, желания женщины, — выпалил я все разом, — да об этих баб столько мужиков бошки сломало! А твой агрегат...

— А что? — он задумался, бинокюляры, воздвигнутые на лоб, загадочно блеснули в свете лампы. — Если чисто ради интереса.

— Ага.

— Где женщину возьмем? — засуетился он.

— В полчетвертого утра, — вздохнул я. — Сложный вопрос.

Мы замолчали.

— Есть кто? — раздался женский голос, — Шурик, ты дома?

— Марин, ты? — он испуганно уставился на меня.

— Мы в комнате, — подал я голос.

— Только не заходи! — заполошно заорал Шурик, и тут же шепотом спросил: — Как я выгляжу, — хлопнул себя по лбу, видимо, вспомнил прочитанные ранее мои мысли, — ах, да! Задержи ее.

Я кивнул и ринулся задерживать, но, как выяснилось, зря. Она послушно стояла при входе закутанная в шубу, из под подола которой торчали полы домашнего заношенного халата и довершали картину валенки на босу ногу.

— Привет, — глупо сказал я, — как дела?

— Привет. Лучше всех. — ответила она так, будто сейчас не четвертый час утра, будто бы она не стоит в прихожке своего бывшего жениха в таком интересном виде.

— Чего не спишь?

— Не спится. Ты фары забыл выключить, вот я и... — она виновато улыбнулась, спросила невпопад. — Шурик поел?

— Да: сырок и соленый огурец, пива немного, — глупо ответил я.

— Привет, Марин, — я оглянулся: Шурик, вышедший из комнаты, преобразился. Был он в чистых джинсах, а не в трениках, при чистой же синей рубашке и даже растрепанные минуту назад волосы были чуть не в прическу уложены. — Ты что здесь делаешь?

— Да уже все, — она улыбнулась и ему, — пойду уже. Спокойной ночи. Развернулась было, но Шурик, явно через силу, сдавленно сказал:

— Подожди, — она остановилась, обернулась. — Может, чаю? — И тут же мне: — У меня чай есть?

Я пожал плечами:

— В холодильнике точно нет.

Через несколько минут мы расположились в той самой комнате с мыслечитателем на столе. Оказывается за то небольшое время, что было у Шурика он успел не только приодеться, но и чуточку прибраться: диван больше не загромождали потрепанные справочники, ранее разбросанные по полу платы аккуратно скиданы в темный угол, и, в довершении, в неизвестном направлении пропала полторашка пива и трехлитровка из под огурцов.

Чай, который как оказалось все же был на дальней полке кухонного гарнитура, пили молча: Шурик громко прихлебывал, Марина дула на чашку, а я просто грел руки.

— Марина, — начал Шурик неуверенно, вновь громко отхлебнул чаю, она подняла на него вопрошающий взор, — как живешь? А то давно...

— Хорошо, Саш, лучше всех живу. Вот, тоже думаю машину купить, как твою, эту...

— Хонду, — торопливо подсказал я.

— Красенькую. Потом на права выучусь.

Я, промежду делом, пересел поближе к столу, стараясь вести себя потише, подтянул к себе поближе наушники.

— Может сначала на права выучишься? — подал голос Шурка.

— Саш, я уже присмотрела, вдрут купят.

Я незаметно, будто оперевшись головой на руку, приложил наушник к уху и тут же услышал голоса Марины и Шурика. Мысли Шурика были правильные, четкие, логичные, но мысли Марины... Я просто за ними не поспевал.

«Ну и что, другую закажешь» — подумал Шурик и тут же произнес эту же фразу.

«Я знаю, что не смогу выучиться на права, если у меня не будет стимула, а так мне будет жаль потраченных денег, поэтому машину мне нужно купить сейчас, к тому же эта машина, которую я видела в салоне, нравится и мне и вполне подходит Шурику, я помню как он мне показывал ее в журнале и хвалил. Пока я буду учиться на права, я попрошу его чтобы он возил меня, а потом...» — мысли неслись в диком вихре. Все они выстраивались в блестящую логическую цепочку в лучших традициях английского детектива! Не знаю как я успел воспринять этот монолог, куда были вплетены и теща, и Шурик, и настоящая любовь к нему, и привязанности и нечаянные разговоры и прочее и прочее и прочее, и даже я, как помощник и советчик. К концу, когда Марина сказала: «А я хочу сейчас купить», я уже смотрел на нее иначе.

Мигнул свет, прибор на столе пшикнул искрами и откуда-то из под завалов плат заструился тоненький белый дымок, Марина тихо охнула.

— Блин, — выругался Шурик. — Не получится идею проверить.

— Ну и черт с ней, — я положил наушники обратно на стол и сказал Марине: — Правильно, лучше сразу купить — стимул выучиться будет. И Шурка тебе с практикой поможет. Да, Шурка?

— Конечно. — усмехнулся. — Куда я денусь?

Марина улыбнулась мне и подмигнула.

г. Копейск

Валерий Мякушко

Из цикла «Забавные истории»

Я очень люблю иногда, как делать нечего, книжечки читать. Очень, иногда, забавные истории пишут.

В. А. Соллогуб

Встреча космонавта

Всеобщая восторженность физикой и физиками, существовавшая в пятидесятые годы, с началом космических полётов сменилась. Оказывается, мода существует и на серьёзные вещи, а столь же изменчива! Чему виной впечатляющие события. Еще бы! За каких-то десять с небольшим лет после разрушительнейшей войны, убившей и искалечившей миллионы самых здоровых людей нации, страна первой вышла в космос. В Луну, которая до того казалась столь же недосягаемой, как ныне звёзды, а теперь выглядела словно нарисованная на небе мишень, вонзилась советская ракета с вымпелом. Это произошло, помнится, в полночь, однако слышно было и через стены, как в комнатах нашего общежития студентов, несмотря на позднее время, громко кричали «Ура!».

Вокруг Земли на искусственных спутниках летали и возвращались обратно живыми и здоровыми обезьянки и собачки, которых все знали по именам. Шутили, что человек — первый после этих четвероногих. И вот свершилось! В космосе побывал, облетев Землю, космонавт Юрий Гагарин.

По утрам, когда в гостинице начиналась уборка, я уходил в город. Дурацкое положение — изо дня в день болтаешься без дела в ожидании отправления на место работы и не

знаешь, когда это произойдёт — завтра, через неделю или и того больше, и вообще, нужен ли ты кому-нибудь в огромном и закрытом ведомстве на Ордынке. Не имея определённой цели, я спустился в метро и, выйдя где-то около центра столицы, оказался в каком-то дворе среди огромных зданий, потому что выходы из станции частично были перекрыты, как и движение снаружи. Выход со двора на улицу Горького был также перекрыт стоявшим поперёк проезда грузовиком. Люди почему-то пытались перелезть через него, пролезть снизу, чему препятствовали находившиеся по другую его сторону милиционеры.

Общее стремление проникнуть через преграду увлекло меня, и я, видя, что грузовик достаточно высок для того, чтоб пролезть под ним, даже не испачкав светлый свой плащ, согнувшись, полез под кузов. Однако на выходе из-под него в мою шею сверху, словно рогаatina, уперлась жёсткая рука милиционера. Я остановился, не зная, что делать дальше при столь непривычном и грубом обращении представителя власти, и в размышлении уставился на единственное, что можно было обозреть в таком положении — пепельно-синие брюки и начищенные ботинки на широко расставленных ногах блюстителя порядка.

— Оставь его! — сказал другой милиционер, полагая, по-видимому, что я обалдел от сильного сжатия.

Со всех сторон лезли другие люди, и мой милиционер переключился на них, оставив меня. Так я оказался на широченной улице, непривычно просторной без транспорта, поперёк которой перед жиденькой и молчаливой, но настойчиво напиравшей и всё возрастающей толпой, стояла конная милиция. Через громкоговорители, установленные на легкой машине автоинспекции, людей уговаривали разойтись. Но не тут-то было! В каком-то едином порыве толпа напирала, стремясь к какой-то неведомой цели, я зазевался, и меня прижали к груди могучей лошади под верховым, которого снизу мне даже и не было видно.

Лошадь, удивленно косившая ошалелыми глазами на толкущихся под ней наглецов, оказалась, однако, довольно смиренной и, упершись рукой ей в шею, чтоб избежать более тесных объятий, я проскочил дальше. Вокруг бежали те, кому удалось тоже прорваться через милицейский кордон. Какая-то женщина на бегу потеряла туфель и подбирала его, кто-то споткнулся и упал, но тут же вскочил и устремился дальше — туда, где со знаменами и транспарантами шли в направлении Красной площади организованные колонны москвичей.

Заградительные кордоны оказались позади, и мы пристроились к колоннам среди различных к нам людей. Вдоль движения стояли разделительные шеренги солдат, и когда оказывалось, что кто-то из них смотрел в противоположную от меня сторону, я, заранее переместившись к краю, менял ряд, рассчитывая оказаться поближе к трибуне Мавзолея. Благодаря таким манёврам на Красной площади я оказался метрах в пятидесяти от намечаемой цели, за огромным панно с изображением Ленина. Если бы я ещё немного постарался, чтоб оказаться перед ним, то попал бы впоследствии на первые страницы газет и журналов, о чём нетрудно было догадаться заранее. Жаль, конечно, что упустил такую возможность засвидетельствовать документально своё пребывание на площади. Но я был доволен достигнутым. Кроме того, я не представлял ещё даже, зачем здесь все собрались, а спросить молчаливых соседей не решался, чтоб не обнаружилось, что меня сюда никто не приглашал.

Все стояли и ждали. Над площадью пролетел эскортируемый тройками истребителей тяжёлый винтомоторный самолет, которому мы не придали значения. Лишь через достаточно долгое время на трибуне Мавзолея появился Хрущёв, которого до того я уже не раз видел на массовых мероприятиях и даже встречался с ним взглядом, поразившим меня отсутствием отражения видимого объекта, коим был я, чего не бывало в обычных, пусть мимолётных встречах с незнакомыми или рассеянными людьми. С ним рядом находился совсем молодой майор воздушных сил — надо было полагать, Гагарин, — а также другие люди, все в одинаковых тёмных шляпах и пальто — руководители партии и государства, которые с трудом узнавались по известным портретам. За ними следовали военачальники, раскрасившие в золотисто-серый цвет правую сторону трибуны. «Надо же! — обрадовался я. — Попасть на мероприятие, на которое быть приглашённым и мечтать не приходилось».

Начался митинг. Первым довольно пространно выступил Никита Сергеевич, отметивший значение полёта и приоритет страны, в привычной манере жестикующий погрозивший кулаком в сторону Соединенных Штатов — цитадели империализма и антикоммунизма, которые и на сей раз отстали, оставшись позади.

Кратко, по писаному, где отметил свой подвиг, как будто речь шла о ком другом, выступил и Гагарин, и ещё кто-то. Ораторы иной раз призывали народ кричать «Ура!», но

то, что те делали сами охотно и с энтузиазмом, сейчас почему-то подхватывали лениво и кричали, если можно было так сказать, вполсилы, что потом, правда, в радиорепортажах усилили должным образом.

Митинг завершился довольно быстро, и колонны пошли с площади. Тут уж я оказался совсем близко от Мавзолея, в первых рядах, и осмотрел улыбающегося и счастливого первого космонавта с интересом и внимательно.

— Давай, давай! — подбадривали наш энтузиазм операторы телевизионных камер, стоявшие у подножия Мавзолея, что мы перед ними и демонстрировали более охотно.

На выходе с площади, где народ уже расходился, я услышал мимоходом, как, стоя на обочине, какой-то журналист с ходу диктовал другому почти готовый газетный текст:

— ...Свет Гагаринской улыбки озарил планету, и с этого дня жизнь человечества стала отсчитывать новую эру...

А вечером я совершил ту ошибку, которую удалось избежать днём — хотел праздничный салют рассмотреть ещё ближе, чем находился, бросился в метро, однако пока доехал, всё быстро довольно кончилось. Но народное гулянье продолжалось допоздна.

г. Снежинск

Вячеслав Тюнькин

Однoboкие слова

Зима

* * *

Ты посмотри:
Какая красота! —
Обилие мороза, солнца, снега —
Подобие пречистого листа,
Упавшего как отраженье
С неба.

Угомонилась хлёткая метель —
Календарю согласная погода —
Поразложила белую постель...

Но я люблю
Другое время года.

Давно истлел родительский порог...
Кому пенять? —
Вселенский ветер сушит.
Поверь и помни:
Ты не одинок —
Тебя хранят
Твоих потомков души.
Да только плата, в общем, дорога —
Совсем не инвалютного пошиба:
Ни дронуть,
Ни споткнуться,
Ни солгать.
Они проверят.
В том числе —
На вшивость.

* * *

На Господа
Не надо уповать:
Не жди ни благоденствия, ни вечности,
Простая
Детородная кровать —
Есть
Непоколебимость
Человечества!
Всё остальное —
Просто «по нулю».
Войдя, как в прорву, в этот мир бумажный,
Я —
Вечен,
Потому что я
Люблю.
Всё остальное —
Видит Бог —
Не важно.

* * *

Я — поверженный Ангел.
Шальная звезда.
Не дожить до зари — в небеса посмотрите:
Я лечу ниоткуда,
Лечу — в никуда —
Безнадёжно сторающим
Метеоритом.

Мне оваций не надо: не в цирке, не шут —
Я — над бездной —
Сорвавшийся канатоходец.
Я у Господа милости не попрошу,
Мне законы неведомы —
Я — иноходец.

Мириады светил у космических сфер
По безликим орбитам галактики носит.
Я оковы презрел,
Я для вас — Люцифер,
Что в моём переводе звучит:
Светоносец.

Я — низвергнутый Ангел...
Я — просто изгой.
На безумные страсти свой порох истрачу...

Бросьте камень в меня,
Если кто-то другой
Воссиял в небесах моих
Звонче и ярче.

Непонятки

1.

На грядке **лежала**
Огромная
Тыква.
Лежала,
Поскольку **стоять**
Не привыкла.
У тыквы
Спросил муравей-забияка:
— Ответь, лежебока,
А где твоя
Яква?

Задумалась
Тыква,
Скажите на милость,
Ответила:
— **Яква...**
Ещё не родилась.

2.

«На дворе растёт трава,
На траве **лежат** дрова...»
Вот те на! —
Лежат опять:
Просто не на чём **стоять**.
Но тогда под Новый Год
Снег —
Без ног —
Куда
Идёт?

У вагона с краю —
Тамбур,
В огороде —
Топинамбур,
А куда девался
Тутбур?
Или, скажем,
Топивамбур?

Кто придумал
Однава
Однобокие
Слова?

г. Коркино

Ахмет Нуретдинов

***

Не бывает дыма без огня»,
но не оттого сегодня слёзы...
Оскорбили сирого меня
подлые слова житейской прозы.

***

«Старая рубаха ближе к телу» —
Прикипела истина в языцах...
СССР учил уму и делу, и любви...
И влага на ресницах.

***

Записное слово не прокиснет
и живых переживёт при этом...
Графоман, корпя, свечою никнет,
но не назовут его поэтом.

Строфы

***

Благозвучье ретрограда
веет праздностью парада.
Но с парадностью наряда
ты вкушаешь лести яды.

***

Я — богат, я — полиглот, ей-Богу!
Всяк язык таинствен и богат.
Пробираюсь к языкам по слогу,
богатею и богатству рад.

***

Семьдесят — узду свою надели,
восемьдесят — тянут на покой —
Как же вы, ребята, одряхтели,
юные со старческой душой.

***
Герой идёт на амбразуру грудью.
Он истину от плевел отделяет...
Пока живут в народе эти люди,
Народ о них сказания слагает.

***
Я славу женщине пою,
дарующей начало жизни.
От рождества до горькой тризны
я божество боготворю!

Так жить бы надо дальше без обид

***
Подражание Дону Аминару
Белым полем, белым следом,
белым снегом, белым днем
На минутку, между делом
в эти чащи забредем,
Чтоб аукаясь украдкой
затеряться меж стволов,
Чтобы воздух взвесью сладкой
плыл и плыл по верху голов.
Чтобы в рыхлую сутробность
с маху руки опускать
И не пальцами морозность,
а утробой ощущать.
Чтобы плыли пред глазами
то ли грезы, то ли сны,
Чтобы было невозможно
дотянуться до весны...

***
Не стихи — рифмованные строки,
Что скрывать — таланта не дал Бог,
Постигая горькие уроки,
По счетам расплачиваться в срок.
От рутины убежать, пытаться
По сусекам наскрести огня,
Но никак, никак не оторваться
От судьбы, от боли, от себя.

О роли личности...

В Историю стремятся угодить:
Закрывают двери — в окна просочатся,
Талантов нет, в анналах расписаться,
Так на полу хотя бы наследить.

***
Пенсии хватило на неделю.
Я — корвет, сидящий на мели.
Голодом очерченные тени,
подле глаз кругами пролегли.

г. Верхнеуральск

(перевод Виктора КАЛУГИНА)

Инна Карпюк

***
Ночь пронзительна, как стихи
Федерико Гарсиа Лорки.
Тучи, звездные пастухи,
Обглодали луну до корки.
Одиночество, словно мышь
Тихо шлепает к изголовью:
То ли капли стекают с крыш,
То ли я истекаю кровью...

***
Вчера с подругой нас окликнул «Женщины!»,
Подросток, с кем столкнулись на пути,
А мне казалось, на лице ни трещины,
И на фигуре лишнего ни-ни.
Да разве юность вечная обещана?
Так жить бы надо дальше без обид,
Но это неожиданное «женщина»
Вторые сутки сердце берedit.

Звонком тревожным странно вкус меняется,
Как прежде пестрота не тешит взгляд,
И к черному душа, как к свету, тянется,
Как будто вдовий меряет наряд.

***
Сегодня я решила плакать:
Начну по плану ровно в пять
И разведу такую слякоть,
Что всем «колхозом» не собрать.
Коль нет числа моим потерям
Себя резонить не хочу
И репутацию соседям
Не напрягаясь, подмочу.
Пусть смотрят как поток соленый
Течет, сверкая с потолка.
Пусть станет дуб-сосед мореный,
Поднимет крик его жена.

Скандалом душу распотешу,
Пусть дверь выносят — не боюсь...
Звонок. Алло. Прекрасно слышу.
Что делаю сейчас? Смеюсь!

* * *

Кап, кап — звонком звенит капель,
Словесной мутью чувства тают...
А за окном такой апрель —
В перчатках пальцы замерзают...
Еще весны не пробил час,
Еще на солнце снег играет,
А то, что связывало нас,
Течет, слезится, исчезает...

* * *

Слова намеренно игривы,
В дуэте нашем ты — солист,
Но говорит галерки свист,
Что мы с тобой, мой друг,
фальшивы,
Что наш игривый диалог
Не вызывает интереса,
Оркестр ленив, суфлер оглох,
Глуп режиссер,
бездарна пьеса...
г. Миасс

Сергей Калашников

Согласные с несогласными

Потерянный позвоночник

1.

У нас в семье, как в сказке, трое братьев, и все разные. Старший строил БАМ, средний воевал в Афганистане, а я еще ничего существенного не сделал.

Отец три дня в неделю ходит гордый за старших сыновей, в четверг ругает меня, лоботряса, затем зарабатывает рабочую неделю и два дня заслуженно отдыхает.

Бывают дни, когда вся семья устраивает на меня облаву и по очереди учит меня жить, передавая друг другу, как эстафетную палочку. Но ведь я же еще ничего плохого не сделал, и вся моя жизнь основательно организована: зачатие, рождение, детский сад, школа. Я с пониманием хожу с другими «в ногу», если это в разумных пределах, но с таким же удовольствием не забываю повторять: «Не учите меня жить, а лучше помогите материально».

Это, конечно же, расхожая шутка. На самом деле у нас в семье все есть и я, в принципе, недостатка в чем-то не ощущаю. Я, наверное, давно бы уже успокоился и был счастлив, если сумел, наконец-то понять, а чтобы изменилось в мире, если бы меня просто не было, и как мне быть, если я уже есть?

2.

Однажды я проснулся от холода в спине, мне стало вдруг тяжело и пусто. Рыхлый и вялый я встал, но с трудом — странное дело, исчез позвоночник. Захотелось убежать и спрятаться, но, сделав два шага, я повалился грудью на подоконник. Вдруг стало ужасно обидно увидеть за окном стоящие деревья и едущие трамваи. Если бы сумел открыть балкон, то в ту минуту, наверно бы, прыгнул — вялую шею ломать не жалко и не больно, а жить без позвоночника нелепо и страшно.

Доска подоконника врезалась в грудь, неукрепленные ребра давили на сердце, а я стоял, обворовано беспомощный и, честное слово, беззвучно плакал.

Внизу безразлично постукивали трамваи, и деревья по-прежнему стояли как вкопанные, а я ничего существенного в своей жизни еще не сделал и утром опять начнется «облава».

3.

За эти дни я изучил весь потолок. Оказывается, он похож на географическую карту, но никто и не догадывается о таких материках, ведь гораздо спокойнее смотреть под ноги. Родители и братья говорили шепотом, проходя мимо комнаты, где я пытался существовать. Однажды ночью мне подсунули чертежи Дикуля, чтоб я учился жить без спины, и книгу

Островского «Как закалялась сталь». Наивные люди, они не понимают, что можно освоиться с чем-то убитым или попытаться восстановить то, что сломано, но нельзя выстроить то, чего почему-то вдруг не стало.

Отец углубился в записную книжку, пытаюсь выбрать для меня людей, способных на многое. Мать залистала телефонный справочник, братья набегались по поликлиникам и экстрасенсам, но никто из опрошенных не знал, чем мне помочь — они никогда не теряли позвоночника.

4.

Очень мучительно долго помирать, но еще мучительнее не жить, не умирая. Первое время заходили друзья и, словно гриппознику, рассказывали ерунду. Вместе пытались определиться — когда и где я ЕГО потерял, но только ведь я абсолютно не помню, ложился я с НИМ или без НЕГО. Может, он давно обглодан собаками или прееет на городском отвале? Не обращаться же в полицию по такому делу, там это просто примут за розыгрыш и даже могут оштрафовать.

5.

У меня было время вспомнить поэтапно все мои восемнадцать лет, и мне захотелось описать свою жизнь белыми строчками по черной бумаге, но это чуть позже, если получится...

Согласные с несогласными

Внук готовился к экзамену по русскому языку, обложился учебниками и словарями. Его дед, начитавшись центральной и местной прессы, отложил её в сторону и решил приобщиться к занятию внука, поднялся с дивана и подсел к письменному столу. Считая себя умудренным жизнью, дед решил поумничать и взял в руки учебник русского языка. В итоге у деда с внуком получился забавный диалог.

Дед: «Да, знакомая книжка. А знаешь, ведь вся наша жизнь, это, в сущности, книга. У кого толстая, у кого тонкая и с картинками, а люди в ней — слова, буквы, завиточки и прочие закорючки».

Внук: «Как это?»

Дед: «А так. Посуди сам. Имя существительное, это кто, по-твоему?»

Внук: «Не знаю».

Дед: «Это лидер, личность существенная, может начальник, может творец. А имя прилагательное? Это или заместитель, или просто подхалим, но в любом случае приложение к большой личности».

Внук: «А глаголы?»

Дед: «И с глаголами все ясно. Они исполнители. Есть правильные глаголы, а есть неправильные, вроде меня. Еще есть неопределенная форма глагола. Они вроде как не определились, не нашли свое место в жизни. Что-то делают, копошатся, на месте не стоят, а результат непонятен. Почему, скажем, они неправильные? Потому что у них что-то в мозгах неправильно. Я со школы помню, что это глаголы второго спряжения, значит, их с первого раза не запрягли — гнать, дышать, терпеть и видеть и в это время все это ненавидеть, так это только никудышный, неуверенный, сомневающийся, малодушный глагол может, силы в нем нету. Другой на его месте конкретно гонит, дышит, видит, терпит, а если надо ненавидит конкретно и откровенно, повелительные глаголы даже приказывают: гони, дыши, терпи, смотри, в общем, делай что-нибудь реально и результативно. А неопределенные? Или вот еще корень, приставка, окончание. Здесь совсем все просто — корень в каждом человеке должен быть, но не в каждом есть, как и в словах, кстати. Ну, а приставки, это уже те черты характера, которые в течение жизни вокруг корня выросли и развились ему в помощь: хитрость или открытость, мстительность или гуманизм, карьеризм или бескорыстие».

Внук: «А как быть с окончанием?»

Дед: «С окончанием ближе к пенсии будет или еще дальше. Не то делал, не всего добился, не к тому пришел, вот тебе и окончание другое, а вместе с ним и все слово, тобой сказанное, вся твоя жизнь...»

Внук: «Еще ведь суффиксы есть?»

Дед: «А-а, это «очк-ечк»? Так это же черты характера, они и юмористы, и весельчаки, и добряки, славные дружочки, одним словом».

Внук: «Тогда уж давай сюда и знаки препинания».

Дед: «А что? Ты разве в своей жизни еще ни разу не препинался или тебя не припинали? Подожди, напрепинают еще, дай срок. На каждом шагу препинания, обо что-нибудь, да запнешься, на какой-нибудь знак, да налетишь. Психанул или порадовался чему, тут же возле тебя восклицательный знак вырос. Запутался, задумался — вопросительный крючок над тобой завис, а растерялся или утаил чего, промолчал — многоточие тебе за это, чтоб все знали. Вот такая грамматика жизни, парень».

Внук: «Да, интересная наука получается».

Дед: «Неплохая наука, полезная, во всяком случае, да если еще учесть, что одни из нас глухие, а другие звонкие, но почти все при этом, в принципе, со-глас-ны-е! Гласных гораздо меньше. Так вот и живут рядом гласные с несогласными, правильные с неправильными, повелительные с неопределенными, а ты тут “жи-ши” через букву “и” учишь. Ты их хоть через “ы” напиши или через мягкий знак, а люди какими были, такими и останутся. Уже в космос летают, на дно океана опускаются, а как были правильными и неправильными, согласными и несогласными, такими еще долго останутся. Ты в этом сам убедишься и внукам расскажешь — помяни мое стариковское слово».

Пятна на солнце

Мужчины выпивали на троих. У одного из них жена уехала в райцентр по бумажным делам, и мужчины, пользуясь, случаем, по-соседски устроили мальчишник.

Время в таких случаях, да за разговорами, летит незаметно. За окном начало смеркаться. Один из собеседников, отодвинув подшторку, многозначно заметил:

— Время у нас сейчас какое-то непонятное. Вот даже сейчас не поймешь, утро за окном или вечер.

Ему ответил хозяин дома:

— Утром у меня жена в райцентр поехала. Значит, сейчас вечер.

— Логично, — поддержал его третий собеседник, — но время летит быстро, недолго и перепутать, где утро, где вечер.

— А я один раз перепутал, — вернулся в разговор первый, оставив подшторку в покое. — С этими зимними каникулами одна морока. Две недели сплошной дури. Сам себя забудешь. Вот в прошлый Новый год уехала моя жена с ребятами на турбазу на лыжах кататься, а я лыжи со школы не люблю и не поехал с ними. Опять же хозяйство надо соблюдать, за домом следить. На родню не понадеялся, праздники ведь, мало ли... В общем, не поехал, дома остался, ну и как дунул в дуду, что вчера и завтра перепутал. Только по солнцу и соображал. Рассветает, я в сарай, к скотине, а стемнеет, я на диван к телевизору. Дома никого, я дую в дуду день, другой, третий, пустые бутылки перешагиваю. Вот однажды открываю глаза, а на часах полвосьмого. Меня как током ударило — на работу же надо! Соскочил я с дивана, оделся по-быстрому и на работу. Прибегаю, а там все закрыто и вокруг никого. Январь, на улице темень, по селу ни людей, ни машин, и я один на крыльце мерзну. Восемь часов доходит, а никто контору не открывает. Я давай гадать, что же случилось. Может, война или революция какая, а я все проспал с пьяну-то. Девятый час пошел и мороз крепчает. Из меня весь хмель вылетел, и спросить, как назло, не у кого, что же случилось-то в деревне, где весь народ. Смотрю, идет пацан по улице, коньки через плечо. Я к нему, так мол и так, где люди-то, а он мне:

— Как где? Дома сидят, телевизор смотрят, спать готовятся.

— Как спать? Утро ведь...

— Какое утро, дядя. Вечер на дворе, дело к ночи.

А сам сторонится меня, обходит. Покрутил пальцем у виска и деру.

Вот, думаю, допился без семьи-то. Вся деревня перед сном телевизор смотреть наладилась, а я утро с вечером попутал, на работу явился на ночь глядя.

— У меня тоже такое было, только давно уже, — поддержал тему разговора хозяин дома. — Моя жена вторую дочь родила, в райбольнице лежала, а я в деревне отмечал это событие. То ли от радости, что благополучно родила, то ли с расстройства, что опять дочь, а не сын, только вроде тебя, как дунул в дуду в пятницу, и три дня без продыху... Люди какие-

то приходили, слова говорили, а у меня все перепуталось в одном сплошном угаре. Вот открываю глаза, а за окном сумерки, восьмой час на часах. Дочка, что со мной осталась, хоть и старшая, а в ту пору еще в детский сад ходила. Сидит она на полу, в телевизор подглядывает и с куклами играет, а восьмой час доходит. Я как подхватился и давай ее в садик снаряжать, колготки ей натянул, платьишко, кофточку, обул ее, начал пальтишко застегивать, а она меня спрашивает :

— А куда мы идем, папа? Сейчас сказка будет...

— Какая сказка, дочка, мы в садик опаздываем!

— А зачем в садик вечером? Сегодня воскресенье, выходной, в садик не надо...

Сверился я по телепрограмме, по каналам, и точно — вечер. Чуть в детсад девчонку не упер.

— А я по магазину сверился, — заговорил третий сосед, — дети у нас все определились, самостоятельно живут, а мы с женой как два сыча остались. Тяжко бывает, будто не хватает чего, иногда и до ругани доходит. Внуки надолго не спасают, домой уходят, а мы остаемся один на один со своей старостью. Так иногда невмоготу становится, что выпить охота. Как-то в воскресенье, может праздник какой был, приготовила жена обед, да такой убедительный, что нас обоих даже на сон разморило, и такой глубокий сончас получился, что мы как будто в яму провалились. Проснулся я от того, что жена моя по комнате суетится, ворчит чего-то. Смотрю, а она домашний халат сняла и уже по-серьезному наряжается, как на работу. Увидела, что я проснулся и давай мне выговаривать:

— Проспали! Чего молчишь-то? Время полвосьмого! Поднимайся, хватит вытягиваться!

Сижу я на кровати, не проснулся еще, а меня какое-то смутное сомнение беспокоит.

В телевизоре кто-то спорит, на часах дело к восьми подходит, а я никак не могу понять, почему сейчас утро, если сначала вечер должен быть. Жена моя уже глаза себе рисует возле зеркала и говорит:

— Надо же, как день добавился! Еще восьми нет, а светло как днем. Наверное, скоро часы переводить будем.

Подошел я к окошку, чтобы лучше разглядеть насколько день прибавился, а у нас напротив магазин, который в девять открывается. Смотрю, а там покупатели заходят, выходят. Почему так, ведь не время же еще?

Постепенно мы с женой разобрались, что утро с вечером попутали, что сумерки виноваты и на работу пока не надо. Поужинали и сели смотреть вечерние программы по телевизору.

— Это все солнце виновато, — подытожил тот собеседник, что сидел у окна и постоянно тревожил подшторку. — На нем пятна, а у людей в мозгах сдвиги. Солнечная активность, чтоб ее, а у народа крыша едет. Труб.. труб... как их там ? Проберанцы?

— Протуберансы...

— Вот именно! А люди страдают...

— Да что там солнце? Луна вон куда меньше, а смотри, как океан баламутит — то приливы, то отливы...

— И все на людях сказывается.

— А то. Целые народы с ума сходят. Смотри, что в Африке творится или в Азии, а на Кавказе...

— Это тпру.. берансы, не иначе. А кому еще?

Мужики еще разок разлили по-маленькой и традиционно хотели коснуться международного положения и нашей государственной политики, вскользь пройти по московской и местной власти, но к этому времени вернулась хозяйка дома с руками, полными сумок и пакетов, и разогнала теплую кампанию.

Трусы в цветочек

Было это в не столь давние советские времена, когда народному образованию уделялось пристальное внимание, и областные управления образования время от времени по графику собирали директоров городских и сельских школ на курсы повышения квалификации. После занятий приезжие курсисты, в основном, женщины, устремлялись по магазинам областного центра, а мужчины — по кафе и ресторанам. Иногда их пути пересекались.

В одной из общежитских комнат, выделенных на время курсов приезжим директорам, подобралась довольно пестрая, энергичная компания мужиков. Одним из них, юмористам,

хлеба не надо, только дай над кем-нибудь «приколоться», а другим, откровенным бабникам, вырвавшимся на волю, тоже хлеба не надо, только давай...

Один такой ловелас весьма «достал» своих временных соседей по комнате своими ночными похождениями и возвращениями под утро, когда чуткий директорский сон, внезапно прервавшись, уже не восстанавливается.

Сокомнатники решили наказать гуляку. Приглядев группу наиболее активных, авантюрных девчат (если так можно назвать директоров школ), с которыми уже сложились определенные приятельские отношения, заговорщики провели с ними предварительную беседу. По задуманному сценарию в их задачу входило во время занятий изредка оглядываться на неумного ловеласа, делать глазки, а затем перешептываться, похихикивая при этом, словно они знают что-то забавное или увидели что-то очень интимное.

Эти коварные женские взгляды бабник-любитель, конечно, заметил и поначалу отнес их на счет своих неумных талантов, как комплимент и призывы на перспективу, но к окончанию занятий он почувствовал неладное и начал нервничать.

Главный удар его ждал впереди. Женщины своими переглядками сделали свое дело, подготовили почву, а одна из них, самая непосредственная, после занятий тихонько отвела сельского донжуана в сторону и полупшепотом заговорщически спросила, поглядывая по сторонам: «Валера, ты зачем это вчера вечером бегал по общежитию в трусах и в галстук, к женщинам пристаивал?»

Опешивший гуляка сначала в шутку, а затем уже всерьез доказывал, что ничего такого не было, ничего подобного он за собой не помнит. Но его собеседница была настолько искренней и так убедительно разбивала все его оправдательные аргументы, что в душу Валеры уже всерьез закралось нешуточное беспокойство, а вдруг действительно так и было, ведь он вчера к вечеру хорошо «усугубил». Его сознание усиленно противилось женскому «наезду», и вдруг он нащупал гениальный, по его мнению, ход, спросив, а в каких трусах он был.

Он уже торжествовал, предвкушая фиаско шутиливой коллеги-собеседницы, но она была не льком шита, нашлась экспромтом, что ответить: «Ну, какие-какие? Семейные, обыкновенные, пестренькие такие, в цветочек. Я ведь особо не разглядывала, сам понимаешь».

Уже в комнате общежития, после долгого напряженного молчания, Валерий поделился своими переживаниями с коллегами, из последних сил поджимающими трясущиеся от смеха животы.

«Я ведь чувствовал, что что-то не то, что меня разыгрывают, чувствовал какой-то подвох, но когда она сказала, что мои семейники в цветочек, то тут я и спекся — никаких сомнений не осталось. Как теперь на занятия ходить? Хоть уезжай...»

Не учел молодой деревенский учитель, ставший директором малокомплектной школы лишь потому, что был единственным в педколлективе с высшим образованием и с партбилетом, что, благодаря неустанным заботам советского ширпотреба, половина мужиков в стране ходила в трусах в цветочек, кружочек, сеточку-клеточку и полосочку, только разных оттенков, пошитых по одним и тем же однажды и надолго разработанным лекалам. Стилисты и дизайнеры нижнего белья особо не утруждали себя его разнообразием и эстетикой, будучи уверенными, что их продукция вряд ли будет доступна широкому кругу зрителей. Купился парень на мякине, как желторотый воробышка.

Коллеги, чувствуя в какой-то мере свою вину, уговорили Валерия не уезжать, окончить курсы. Валерий после пережитых впечатлений резко поменял ориентацию — не пропускал ни одной лекции, по вечерам сверял с коллегами конспекты, уделял серьезное внимание приобретению методической литературы, т. е. всерьез занялся тем, на что ему были выделены государственные командировочные, повышал именно директорскую, а не какую-то другую квалификацию.

Агроном с «калашом»

В любом уважающем себя и думающем о будущем сельскохозяйственном райцентре есть кузница профессиональных кадров, где готовят для сельхозпредприятий трактористов, комбайнеров, водителей и мотористов-ремонтников.

Есть такое учебное заведение и в нашем степном городке. Начиналось оно еще до Великой Отечественной как школа комбайнеров и за долгие десятилетия не раз меняло, разрастаясь, свой статус и название, но небольшие сельхозугодия, однажды выделенные ему для

практического обучения учащихся, до сих пор остаются в статусе учебного хозяйства с обиходным названием «Учхоз». Многие большие специалисты сельскохозяйственного производства получили здесь первые уроки работы с землей, но как эти поля были учебными, так и остаются как пришкольный участок, где старшие и опытные профессионалы-наставники учат молодежь, а на этом поприще случаются разные ситуации, не только методические и производственные, но нелепые и даже забавные — смотря как к ним относиться. Вот, к примеру, одна из них.

Многие годы и в разных должностях на нашем учхозе работал Юрий Константинович Калашников. Был он и механиком, и кладовщиком, и мастером-наставником, и инструктором по вождению тракторов и комбайнов, но всегда оставался незаменимым помощником, а часто и советчиком для заведующего учхозом. Завучхозом ушел на пенсию, вместо него назначили молодого специалиста, который совершенно не знал и не хотел знать десятилетиями сложившихся в учебном хозяйстве производственных, методических, а главное, агрономических традиций учебного хозяйства, на чем и начал запинаться с первых дней своего назначения.

Учхозовские земли, как пахотные, так и луговые, находятся не в самых благоприятных условиях. На комбайне там особо не разбежишься, да и на тракторе приходится часто вертеться. Поля зажаты лесистыми сопками и оврагами. Один край поля, у опушки леса, быстрее всего по весне освобождается от снега, прогревается и даже начинает подсыхать, а влага с него постепенно сползает через основной массив пашни в низину, где долго стоит лужами или топкой массой, спрятавшейся под высыхающей корочкой земли.

Много техники порвали в таких местах, торопясь отрапортовать об окончании весенне-полевых работ.

Все поля на учхозе были давным-давно пронумерованы, замерены и размежеваны, и если агроном или завучхозом давал механизаторам задания на выполнение каких-либо сельхозработ, то он просто называл номер поля, например, шестое, четвертое или второе, но при этом всегда уточнялось, на какой части поля можно работать, а с какой повременить, чтобы и землю, и технику, и урожай поберечь. Новый завучхозом этого или не знал, или не учитывал и рвался в победители соцсоревнования, отрапортовать, что его хозяйство отсеклось первым в районе.

В конце рабочего дня трактористы, вернувшиеся с полей на учхозную базу и заглушившие технику на стане, сидели кто на скамейках, а кто на приспособленных чурбаках и покуривали в ожидании остальных и служебного автобуса, чтобы вернуться в город. Среди них были не только практиканты, но и опытные механизаторы, приглашенные из ближайшего совхоза для выполнения наиболее ответственных работ. Набралось уже человек десять вместе с завучхозом, который деловито вышагивал на месте парковки автобуса, нервно поглядывая то на часы, то на дорогу с полей.

Из-за перелеска вынырнул «Беларусь» с уляпанным мокрыми комьями земли плугом и вскоре остановился возле завучхозом. Из трактора выпрыгнул молодой парнишка-практикант. Заведующий заговорил с ним.

— Что так долго? Допахал пятое поле?

— Нет, сломался, а с поля меня выгнали.

— Как выгнали? Кто? Я послал тебя пятое поле пахать!

— Агроном выгнал. Подошел с «калашом» и выгнал. Сказал, что здесь не надо пахать.

— Как не надо? Что значит не надо? Кто здесь завучхозом — я или агроном? Тебе скажи пахать, значит, паши.

— Меня не пустили.

— Кто мог не пустить?

— Агроном с «калашом»

— Да мне без разницы, с «калашом» он или с «Макаровым». Сказано, паши, значит, паши!

Надо уточнить, что старшекурсники агролицея, определенные на практику именно на учхоз, успели «окрестить» механика Калашникова «калашом» по аналогии с известным автоматом и его конструктором, агронома — «соломой», а завучхоза — «мякиной», но «мякина» не догадывался, с каким «калашом» вернется с полей «солома», а трактористы все прекрасно поняли и их от двусмысленности фразы «агроном “с калашом”» уже потихоньку начинал разбирать смех, а завучхозом продолжал наседавать на практиканта.

— Почему тебя с поля выгнали?

— Потому, что оно не готово.

— Как не готово? Все вокруг готово, а оно не готово! Там что, снег не растаял? Вокруг подснежники цветут, а оно не готово!

— Снег растаял, но еще сыро. Я сколько мог, вспахал, а дальше меня не пустили, чтобы технику не губить. Разбирайтесь сами! Сейчас агроном с Калашниковым подъедут и все вам конкретно разъяснят.

Смех среди трактористов закипал, внутри уже не держался. Работяги с богатой фантазией уже рисовали в своем воображении как агроном выпрыгивает из своего «УАЗика» и, достав автомат, что-то очень доходчиво и убедительно начинает доказывать заведующему учебным хозяйством, тыча ему дульным срезом «калаша» в грудь. Картинка рисовалась очень забавная, но «мякина» по-прежнему не понимал причин сдержанного смеха трактористов и лишь напряженно смотрел на приближающийся «УАЗик» агронома. Парнишка-тракторист, обернувшись на звук приближающегося внедорожника, торжественно изрек:

— Вот и агроном с Калашниковым едет, сейчас он сразу все растолкует!

Дружный смех трактористов стал ему поддержкой, а неопытный завучхозом начал мяться в лице.

«УАЗик», въехав на базу учхоза, пыльную, тормозя, и остановился. Агроном, сидевший за рулем, вылез из кабины и потянул на себя через сидение водителя какой-то блестящий металлический предмет. Те, кто сидели ближе к «УАЗику», видели, что это была какая-то тятя, потерянная кем-то из неопытных практикантов и подобранная агрономом с механиком, но «мякина» через дверцу внедорожника подробностей не видел и постепенно становился белее белого, действительно ожидая увидеть «АКМ» и готовясь к нелицеприятному разговору через ствол автомата.

Хохот трактористов стал просто неудержимым, когда с места пассажира вышел механик Калашников и встал между агрономом и завучхозом. Подъехавшие ничего не могли понять и стали потихоньку оглядывать себя и друг друга, но в их одежде все было нормально, а трактористы просто надрывались со смеху, побросав окурки, поджимая животы и пряча головы между колен, вытирая слезы.

Силясь перекричать гомерический хохот десятка крепких мужиков, юный тракторист с пятого поля обратился к завучхозом.

— Вот вам и агроном, и Калашников с ним, у них и выясните, почему они меня с поля выпнали, а мое дело маленькое.

Постепенно все разъяснилось, хохот утих, тем более, что вскоре подошел служебный автобус и все участники «автоматной» истории покинули учхоз до утра, но шустрые на язык совхозные трактористы, а с ними и практиканты, кто посмелее, иногда все же подтрунивали над завучхозом:

— «Погоди, вот приедет агроном с Калашниковым, он тебе быстро все растолкует...»

Первое время «мякина» матерился на такие реплики, затем просто отмахивался и постепенно даже научился отшучиваться, но к мнению ветеранов учхоза он стал прислушиваться и, похоже, не жалел об этом.

г. Верхнеуральск

Михаил Авдейчик

Ещё до конечной далёко

Дорога

Ведёт нас дорога в былинку,
Снегов польхают огни.
Качается гулко равнина,
Мчат кони, как быстрые дни.

Сквозное пространство привычно,
В раздолье навьлет летим...
К отчаянью каждый привинчен
Крутыми витками пути.

Беснует пурга окаянно,
Бьёт в небо, как в бубен шаман.
Снег белым бурлит Океаном,
Вершит свое дело зима.

Попробуй сломать непогоду
И вёрсты оставить в степи.
Колочему ветру в угоду
Февраль ни минуты не спит.

И снова бросают ухабы,
Мотает туда и сюда,
И если нащупана слабость,
То вытрясет душу езда.

Ещё до конечной далёко,
А выпала участь одна...
Привязанная к горизонту
Дорога звенит, как струна.

Кариатиды

Растегните ресниц своих черных шнурки,
Распахните очей расшнурованных лапти,
Хватит спать на ходу, дорогие сурки,
И себя за бока недоверчиво лапать.

Посмотрите, как бережно держат портал
В три погибели гнутые кариатиды.
Видеть каждый, и город, и этот квартал
Может все это, но не подаст даже виду.

Им бы надо усталым, сердечным чуть-чуть,
Передав кому-либо огромную тяжесть,
Разогнуться и воздух свободно вдохнуть,
Отдохнуть, на других груз пускай этот ляжет.

И стоят на посмешище, как дураки,
Добровольно бесплатную тащат работу,
Ни подарка, ни ордена, вот чудаки,
Взять обузу такую другим неохота.

Проходящий зевака или полицейай,
Безразлично раззявили зенки знакомо,
Им о нравственности даже не порицай,
Если здесь почитать не привыкли законы.

Туманы

Ходят туманы над полем,
Бродят они за рекой,
Лес ими утренний полон
В розовый час заревой.

Разные были туманы,
Серой стоят пеленой.
Те, что вон там, за домами,
Взор затуманили мой.

В красных — сияние утра,
В синих — свет мира дан...
Я не хочу, чтоб кому-то
Черный достался туман.

Натюрморт

Голод. Папа бьет фашистов,
Наша мама вся в слезах,
В доме пустота и чисто,
Мне пора с печи слезать.

За окном зима бушует,
Зверем бешеным орет.
Вижу на стене большую
Я картину «Натюрморт».

Вишни, яблоки и сливы,
Ярко ягоды горят,
Чувствую себя счастливей,
Тронуть ягоду горазд.

И когда трещат морозы,
Снегу — в человеческий рост,
Натюрморт бы лучше ожил,
Земляничку бы, да в рот.

Война

На Луны священном поле
Не понять, кто за кого,
Брата брат вилами колет
И не может заколоть.

Что они не поделили,
Царство, власть или Луну,
Где ходили по долинам,
По горам, куда я лъну?

И, подобно на Востоке
Ближнем, так друг друга бьет.
Зрит Аллах их бой жестокий,
Не дает обратный ход.

И чего хотят любиться
В битве, кровью залитой?!
Полумесяца дробится
Свет священный, золотой.

Романс

Бежало детство розовой порою,
Стояла мама счастьем у крыльца.
Нас принимали радостно пороги,
И не было ни края, ни конца.

Но годы шли, и мы, того не зная,
Размежевались, свой удел терпя.
Куда ты, улица, нас увела, родная?
Нет никого: ни мамы, ни тебя...

В сплошную мглу протягивая руки,
Зову тебя, ты не услышишь зов.
А у тебя теперь своя округа,
И крепость — дом, закрытый на засов.

Не обивать теперь твоих порогов,
И не мечтать мне больше ни о ком,
Стоять лишь одинокою березой,
Глотая тяжелой грусти горький ком.

Холода

Наступают разом ровно,
Без оглядки, холода,
И готовы к обороне
Всюду веси, города.

Вот уже на страже город,
Заодно с ним и село.
Пробрался мороз за ворот
И кусается зело.

Рубежи мороза круче,
Приступи, хоть свет туши,
Но остуда тела лучше,
Чем колючий лед души.

***

В наше время редко
Греет оптимизм.
С яблоней-соседкой
Веселее жизнь.

Разделяю чувства,
Не делю забот.

Сторожа искусство
Превзошел забор.

Намекает птица
Где-то мне: «Ку-ку!»
Милая сестрица,
Я в самом соку!

***

Река обрезала деревню,
И ходу лесу не дает,
А кругозор привычно прежний
С добавкой мчащихся «Тойот».

На берег выхожу высокий,
Мне веслами далеко грести.
Разговорюсь я вдруг с осокой
И на хандре поставлю крест.

***

Горькая ли редька
Стала я теперь?
Видимся мы редко
В общества тепле.

Камень преткновенья
Мохом весь оброс.
Ставлю откровенно
Я ребром вопрос.

Нет ответа долго,
Нахожусь одна
Изваянем тонким
Между «нет» и «да».

г. Бакал

Люди-маски

Стихи разных лет

Люди-маски

Много на свете людей чудесных,
Но порой я встречала других,
Чья улыбка медоволестная,
Словно маска, скрывала их.

Словом блещут, льют речи красиво,
Мягко ходят, кружат пред тобой,
Сердце жалят, как жгучей крапивой,
Так, что болью пронзает порой.

Их в беседе не сразу узнаешь,
Ведь слова, как пионы цветут,
А на деле ты вдруг понимаешь —
Пышно кактусы выросли тут.

Жизнь у них — лишь одна маскировка,
Ложь да кляузы любят они,
Со своей скорпионьей сноровкой
Травят души и светлые дни.

Я живу!!!

Солнце пряди лучей распускает,
Небо яркой лазурью цветёт —
Новый день в мир окно открывает
И мне бодрость, надежду несёт.

Прочь гоню возрастную усталость,
Вот гантели, двойной массажёр...

Я суставы помну свои малость
И в ногах заведу я мотор.

Вспыхнут планы, дневные задачи,
И дела чередой поплывут.
Я в движенье! Живу!!! Это значит:
Я возьму предстоящий «редут»!

Год Лошади

Зима хозяйкой по земле ступает,
Надев на город белые меха.
Родной мой Снежинск белизной сияет,
Картина эта очень неплоха!

Горят алмазы на деревьях ночью,
А улицы гирляндами цветут,
И в парке ёлку видят все воочью,
Год Лошади встречать мы будем тут!

Пусть Лошадь только счастье нам приносит
И каждому в подарок — звонкий смех!
Достатка в доме у неё попросим,
Добра и мира на земле для всех.

Рыцарь

Был тихий, зимний, серебристый вечер.
Снег. Музыка. Огни и гладь катка...
У парня взгляд лучист, широки плечи,
На лбу два непослушных завитка.

Спросил меня: — Кататься не умеешь?
— Да! — головой кивнула я в ответ.
— Что ж, научу. Держись. Ну, вот смелеешь!
Я помню каждый тот его совет.

С тех пор он по ночам красиво снился,
А наяву витала в облаках...
Так рыцарь у девчонки появился —
Не на коне, а просто на коньках!

Мама

Спасибо, что ты есть, живёшь на свете!
И нет тебя милей, дороже, мама!
Ты нам нужна, как воздух, солнце, ветер,
Как капля драгоценного бальзама!

Года летят, морщинки оставляя,
И в каждой сокровенное таится.
В морщинках скрылась жизнь твоя большая,
Где мёда и полыни есть частицы.

Вся жизнь твоя для нас была примером:
Петь в радости, в беде — не вешать носа,
Любить людей и не терять в них веры,
Решать прямо вставшие вопросы.

Мы и сейчас приходим за советом
К тебе, подружка наша дорогая.
Теплом и лаской глаз твоих согреты,
Как в детстве, снова крылья обретаем.

Декабрь

Лес сегодня заколдован.
В царстве вечного он сна.
Красотою очарован,
Я люблюсь из окна.

Кружевные иглы сосен,
Кудри белые берёз...
Этой ночью иней бросил
К нам на город Дед Мороз.

Всё причудливо белеет,
Тишина ласкает слух.
От природы сказкой веет
И захватывает дух.

Сосульки

С крыш стекали тоненькие струйки.
Утром встал Морозец у ворот.
Где же струйки? Там висят сосульки!
Как морковки, протсятся мне в рот.

Днём лукаво солнышко смеётся,
Слёзно плачут братья — Март, Апрель.
По сосулькам ручейчек вьётся,
И Весне мы отворяем дверь!

Гололёд в городе

Гололёд! Гололёд!
Он скоро нас с ума сведёт.
Я шагнул, как по катку,
Ноги едут по ледку.
Вот прохожий, погляди,
Руками машет впереди.
Удержался, устоял —
Руками он не зря махал.
Из магазина Ира шла,
Фрукты в сумочке несла.
Поскользнулась и упала,
Апельсины растеряла.
Вот выдать всем бы по конькам —
И гололёд не страшен нам!

Одиночество

Во сне я не вижу тебя.
И пусть!
Снедает, душу губя,
Грусть.
Зияет повсюду вокруг
Пустота.
Исчезла разом и вдруг
Красота.
Теперь абсолютно один,
Словно труп.
Я сам себе господин,
Но глуп!
Глупец, что когда-то влюбился
В тебя,
Ведь так ничего не добился,
Любя.
И вот, предо мной все открыты
Пути.
Но только куда без тебя мне
Идти?!

Сонник

Постель одна, но сны-то разные,
То образные, то безобразные.
Хотя во снах моих ты редкий гость,
Но если вдруг — эмоций горсть!
Сегодня, уж в который раз,
Весь день рутина, без прикрас.
Не так-то просто быть вдвоём,
Давай хоть ночью отдохнём,
Посмотрим яркие картинки...
Увы, приснились старые ботинки!

* * *

Возвращаюсь под снегом ночным
Вновь туда, где не будет тебя.
В сердце скрип, лед в глазах, страх мечты
И с собою разлад и борьба.

Не хочу расставаться сейчас,
Через несколько жизней решим.
Говорю все как есть, без прикрас.
Стал моей важной частью Души!!!

С утра мы сонник полистали вновь:
Ботинки означают страстную любовь.
Друг милый, значит, в нашей власти
Восстановить былое счастье!

«Адам и Ева»

Я в райской бухте побывал,
Где море плещется меж скал
И обдаёт морской волной,
Как будто это не со мной.
Как чудно в бухте этой быть,
С дельфином медленно поплыть.
Затем на гребне обернуться,
Прошедшей жизни ужаснуться!
И снова в сказку с восхищеньем,
Преодолев своё смущенье!
В пучине страсти я пропал —
Там нас накрыл девятый вал!..
И снова полные надежды
Мы тонем в счастье, без одежды.
Мы очутимся вновь в раю —
Я без сомненья говорю!

В гармонии со стрессом

Промозглый дождик льёт и льёт,
задёрнув небо пеленой!
Земля отправилась в полёт
от Солнца хилой и больной.
И вновь забудутся печали,
осенних дней тревожный сон,
Воспрянут все, кто заскучали,
и снова буду я влюблён!
Войду в весну я мелким бесом,
прохладным ветром над водой,
Живя в гармонии со стрессом
и окружающей средой!

г. Миасс

Luciana D'elia

«Под снегом ночным»

Уезжаю

Уезжаю я в город ночной,
Оставляя всю боль позади.
Накрываюсь горячей волной,
Ясно слышу твой голос: «Иди...»

Уезжаю, до счастья — бросок.
Ты обнимешь и скажешь: «Я ждал».
В голове мысли льются — песок.
Просто так он бы литься не стал...

Уезжаю. В пути — провода.
Сны красивые, словно знаменья.

Отголоски и тысячи «да».
Этот путь в новый миг приглашенье.

Красива слишком

Красива слишком, чтобы плакать,
Пора быть взрослой и надменной!
Не открывать души всем мякоть.
Быть постоянной-переменной.

Красива слишком, чтоб переживать,
В дом приходите с тоской гремучей.
Впустую теплоту всю отдавать,
Себе не оставляя лучик.

Красива слишком, чтоб одною
Идти по улицам Мадрида.
Удел быть — матерью, женою.
Не посетителем корриды.

Красива... для измен и вздора.
Пусть ветер марта поменяет жизнь.
Я в пять утра открою шторы
И прошепчу себе: «Ну, улыбнись!!!»

Последний фонарь

Мы едем, но не по спиралям,
И курс уже другой — не на закат.
Теряли много, обретали,
Но все мы сделали с тобой не так.

Хотя сейчас к чему то ворошить?
Поступки нам твердили свыше.
Всегда стремились мы красиво жить
И любоваться солнцем с крыши.

Сейчас зима. Мы молча едем
По узким улица знакомым.
Как будто не промчалось время.
Все повторяется и снова...

Ты рядом. Также рядом люди, ночь.
Вдали последний тот фонарь горит.
Дорога змейкой убегает прочь,
И из авто чудесный зимний вид.

Фонарь. А что за поворотом?
Куда свернем буквально через дюйм?
Пытаюсь прошептать я что-то,
Но вдруг звонок... Сорвался поцелуй!

Дежавю

Я оказалась снова здесь
В твоих стальных объятьях крепких.
Непредсказуемы сюжеты,
Но выстрелы Вселенной метки.

Ты обнимаешь и целуешь,
Я задыхаюсь в страсти нежной.
К черте последней вновь подводишь,
Сжимаю руки, как и прежде.

Тогда, в том мае, как давно...
Все повторяется, наверно.
И ты во мне, и все равно
Ты счастлив. Пусть чуть-чуть неверно.

Что жизнь идет не по прямой,
Порывы грешные нужны.
Ты в эту ночь владеешь мной,
И пусть другие видят сны.

Я оказалась снова здесь,
За окнами метели кружат.
Непредсказуемы сюжеты,
Но в этот миг ты очень нужен!

Леди

Я леди! Мне дана особая та власть,
Пленять мужчин и взглядом покорять навеки.
Могу от чувств летать и запросто упасть,
Когда люблю, могу перевернуть и реки.

Я леди! И удел мой согреть сердца,
Весь этот мир потоком света озарять.
Так — испокон веков, так — будет до конца.
Никто не сможет силе противостоять.

Я леди! Наполняю дом тем волшебством,
Особой аурой, любовью, вдохновеньем.
Гармонией, загадочным своим теплом,
В нем сочеталось все: и гордость и смиренья.

Я леди! Да! Любовница, жена и мать.
Стихии все сошлись в порыве вновь едином.
Растить детей, хранить очаг и целовать...
Я Женщина! Желанна и неповторима!!!

Ты послан мне как знак

В момент стремительный столкнулись две звезды...
Меж ними свет родился чудно-дивный.
Неповторимым стало все — миг красоты.
Оттенки чувств не смоят даже ливни.

В момент волнующий — орбитами пересеклись
Планеты две похожие так сильно.
И в новую Вселенную направилась их жизнь.
И их мечты все обрели вдруг крылья.

Подобное случается раз в триста лет
В момент загадочный, невыносимый.
Нашелся сам собой единственный ответ,
Что встреча Богом послана. СПАСИБО!

Лесная тропка

Красиво освещенной фонарями тропочкой лесной
Так странно было возвращаться майским вечером одной.
Тебя искала, поиски мои — весь труд напрасный.
Ты спрятался, и я, томимая огнем прекрасным...
Вдруг оказалась в непонятной бездне сладко-горьких мук.
Куда все попадают, все ведомые шоссе разлук.
Несбыточным наш миг по сути изначально был.
Пересеклись все параллельные прямые бы...
Но с геометрией поспорить сложно, я иду одна
По тропочке лесной, волшебной, с фонарями, и она
Переживанья понимает. Медленнее шаг
Но лишь вперед, хоть без тебя и хоть болит Душа!

г. Челябинск

Рашида Тимкова

Судьба человека

Маленькой девочкой лет десяти стою у самого устья великой реки Камы. Папа держит меня крепко за руку, остерегая близко подойти к берегу. Внизу крутой обрыв. Волны так сильно бьются о берег, подмывая край, что глинистая почва кусками отваливается, падая вниз. Отец рассказывает мне, что, когда он был маленьким мальчиком, берег был значительно дальше от деревни. Теперь берег подошел совсем близко. У меня захватывало дух от панорамы, которую я наблюдала. Для девочки, выросшей в степном поселке, созерцать мощь реки было в диковину. Широко раскрыв глаза, я всматривалась вдаль, пытаюсь увидеть противоположный берег. Но вода плавно переходила в небо. Наверное, так выглядит море, думала я. Погода была ветреной, и огромная волна болтала недалеко рыбацкую лодку, она казалась маленькой щепочкой в водовороте. Но ловкий рыбак, уверенно орудуя веслом, все ближе и ближе приближался к берегу. Наконец он причалил. Мы с отцом прошли к пологому спуску, чтобы встретить рыбака. Дедок достает из лодки огромную рыбину и с гордостью показывает нам. Мои глаза еще больше округлились. Рыбина была с меня ростом. Ее глаз был таким же, как у нашего телка Мишки, благополучно народившегося нынешней зимой. Только рыбина не умела моргать, как это делал телок. Она вообще не моргала, но глаз ее был красным, как у бугая Пашки, когда тот сердился. Наверное, рыба тоже сердилась, думала я. Но вот рыбий глаз спрятался в холщовом мешке и мужчины потащили ее к деревне, встречающей нас яркими красками татарских изб.

Вот и все, что я помню о поездке на Родину отца, деревню Именьково Лаишевского района. Я была поражена богатством и красотой этого края. И тогда я задала отцу вопрос:

»Почему мы живем не здесь, а в голой степи?» Рассказ его был долгим, многого я тогда не поняла, многое забыла. Осознала всю трагедию случившегося, когда отца не стало.

* * *

Валиулины были зажиточными крестьянами. У них был крепкий дом, на подворье овцы, козы, домашняя птица и самая главная кормилица корова. Глава семьи Зиятдин (мой дед) трудился от зари до зари, вместе со своими ребятами. А их было без малого шестеро — двое сыновей и четыре дочки. Никто в семье без дела не сидел. Кто в поле работает, кто младшую нянчит, кто за скотиной ухаживает, кто печь топит, а кто обед готовит — любо посмотреть, как дружно и ладно у них все выходит. Отец мой Валея был тогда в возрасте восьми лет и был третьим ребенком в семье, но из сыновей был старшим. Поэтому и трудиться ему приходилось чуть больше других. Вместе с отцом дед мечтал о покупке лошади. Лошадь для крестьянина имеет большое значение. Сено, дрова подвезти, на рынок съездить, а главное, вспахать можно больше земли. Больше вспахал, больше собрал урожай. Копеечка к копейке сложится. Девчатам обновки купить, мальчишек в школу отправить, жену Гайнель отрезом побаловать... Мало ли. Поднаторились, и, к всеобщей радости, во дворе появилась лошадь. Окрыленные, да счастливые еще старательней работать стали. Но недолго счастливы были. Настали сложные времена.

* * *

После революции Зиятдину и Гайнель государство выделило кусок земли по количеству «ртов» в семье. И стали они законопослушными землепользователями. В двадцать втором году им разрешили использовать труд батраков. Но Зиятдин и Гайнель старались сами управляться с растущим хозяйством, приобщая к труду своих деток. Сдавали государству норму хлеба, чаще за товары, необходимые семье. Выше нормы крестьяне хлеб не сдавали, принимался он по мизерной цене. Выгоднее пустить зерно на фураж и вырастить лишнюю скотинку. В двадцать пятом году случился в стране голод, а на крестьянских подворьях хлеба завалились. И тогда государство приняло решение отобрать хлеб у крестьян силой. В деревнях стало неспокойно. Обозвав зажиточного крестьянина «кулаком», провели раскулачивание. У нашей семьи отобрали все. Даже папин новенький камзол, в котором ходил в школу, одели на соседского мальчика. Кому отдали дом, я не помню, у отца не спросить, нет его с нами...

* * *

Первым сослали Зиятдина на строительство «Беломорканала». На тяжелых работах одежда его быстро пришла в негодность. Ветер пронизывал разгоряченное тело через ломотья, и дед сильно заболел. Провалившись на соломенном топчане, он обессилел, а такой работник Советам был не нужен. Тогда его отпустили на все четыре стороны. Долго не думая, Зиятдин отправился разыскивать семью.

А семья, тем временем, была сослана на строительство Магнитогорска. Отец Валея рассказывал, как посадили их в повозку, и они долго провожали родное село взглядом. Мать Гайнель, смахивая слезы, затянула татарскую песню о родной улице, которую больше никогда не увидит. Дорога была дальней, уставших и чумазных детей Гайнель повела к речке Урал. Искупав каждого в холодной воде, направились на постоянное место жительства. Их поселили в одной палатке вместе с семьей двоюродной сестры. Зима в тот год была суровой. Как ни старались согреться, метели задували в палатку. Заболела младшенькая девочка, не выдержавшая зимовки. Сколько ей было отроду, неизвестно, Гайнель кормила ее еще грудью. К возвращению Зиятдина девочку уже схоронили. Горе, болезнь, голод и душевные страдания сделали свое дело. Вскоре умер и Зиятдин, оставив Гайнель пятерых детей.

Слезы застилали глаза Гайнель, а в голове роились одни мысли: «Как одной поднять детей в нечеловеческих условиях, как жить без любимого мужа и дочери?» А более всего ее мучил вопрос: «За что?» За трудолюбие, за стремление к лучшей жизни разве наказывают? Позднее семья была реабилитирована, но Гайнель не дожидая до этих времен. Да и не нужна ей эта реабилитация, ведь никто не вернет семье две человеческие жизни.

* * *

Вскоре нашу семью переселили в барак для спецпереселенцев. В нем не было перегородок, ими служили чемоданы, сундуки и прочий скарб. Барак был похож на консервную банку, так тесно жили переселенцы. Голод, холод, антисанитария делали свое дело. Вши,

блохи, тараканы заселились вместе с переселенцами. Пояс штанов с внутренней стороны, был всегда облеплен вшами и блохами один к одному, — рассказывал отец. Семья, привыкшая к самостоятельности, скоро переселилась в землянку на Промстрое села Агаповка, которую выкопали всей семьей. От насекомых избавились, но жить было голодно, не хватало одежды. У отца была одна пара валенок на двоих с братом Шавалеем. Кто первый встал, того и валенки. Валея был старше и шустрее, чаще брата был обладателем валенок. От голода и малой подвижности у Шавалея развился рахит. Передвигаться брат не мог. И Валею одному приходилось добывать пропитание голодной семье. Каждый вечер папа ходил на нарвчатские поля, за три километра от дома. Там он собирал замерзшие капустные листья, картошку, оставшиеся после уборки урожая. Уже в темноте, тайком возвращался домой, чтоб не отняли добычу, да и поселок спецпереселенцам покидать было нельзя, их приравнивали к каторжанам. Старшие сестренки готовили похлебку, чуть присыпав мороженые овощи мукой. Ущемляя семью в еде, Гайнель копила деньги на покупку коровы, понимая, что только корова спасет от голода семью. Сколько не старалась, денег все не хватало, пришлось купить теленочка. И этой прибавке в хозяйстве были рады все. Шавалей выздоровел, и братья вместе косили сено, готовили корма, ухаживали за скотиной. Телочка подросла и после отела стала главной кормилицей. Отец до глубокой старости держал корову, она помогла ему поднять и своих трех дочерей, приучить к сельскому труду.

* * *

Жизнь такая штука, летит быстро. Не успела Гайнель оглянуться, а ребята повзрослели, один другого краше. Валея призвали в армию. Как бы он не хотел служить Родине — предательнице, но ничего не поделаешь. Пошел он служить в пехоту. Старался, ничем от других не отличаться. Но после каждого марш-броска Валея покрывался потницей, которая жутко чесалась. Армейский врач, видимо был недостаточно грамотным, принял потницу за чесотку, Валея комиссовал.

И вот семья уж снова в сборе,
Но началась война тут вскоре.
На пять тяжелых, страшных лет
Война затмила белый свет.

Войну пережили все вместе. Ребят на фронт не взяли. Магнитогорск тогда был тылом — победным трудовым горнилом. Уральцы побеждали своим доблестным трудом. Без крепкого тыла не было бы победы. Отец часто повторял, что Великую Отечественную они пережили гораздо легче, чем тридцатые года, хотя в военные годы хватило лиха каждому.

Конечно, отцу всегда тяжело было вспоминать прожитые годы. Как бы не обидела его страна, всегда оставался человеком добрейшей души. У него был замечательный голос, много пел. Был веселым человеком с удивительным чувством юмора. Среди сотрудников, среди соседей, родственников был уважаем. Никто из молодежи даже не подозревал, какой нелегкой судьбой наградила его жизнь. Никогда не жаловался, по жизни шел легко и просто. Вся жизнь прошла в труде, будучи больным и старым, всегда находил себе работу по силам. Умер папа на девяностом году жизни, пятый год его нет с нами. Но память о нем воистину светлая.

с. Агаповка

5 марта 2014 г. исполнилось 65 лет
замечательному поэту и человеку Людмиле Михайловне Карнауховаой.
Поздравляем нашего активного автора с юбилеем,
желаем здоровья, семейного счастья и творческих успехов.

Ольга Шрейнер**Надо чаще смотреть в небо****Шарики счастья**

Уже совсем скоро наступит особый мартовский гам, прозрачные сосульки, пьянящий воздух, оживившийся гомон мелких птиц, синь ясного неба, распахнувшегося до горизонта, с барашками белых облаков.

Весенний воздух — особый, он настоян на долгих ранних зимних сумерках и прорвавшихся сквозь них потоках тепла, на солнечных зайчиках мечты, на зеркальных бликах надежд, оживающих именно весной.

Плача, сосульки напевают капель — гимн весне, пробуждению. И каждому ещё и ещё раз даётся шанс понять, что шарики счастья прячутся не под убогими стакашками уличного напёрсточника, а внутри нас, в позитивном восприятии, в любви к себе и близким. Мы и только мы можем быть волшебниками в своей жизни, откинув прочь раздражение, суету и обиду. Надо чаще смотреть в небо, по сторонам, а не только под ноги, чтобы увидеть окружающую красоту. Надо не доживать, героически перенося все тяготы и проблемы, а жить, сколько бы ни было лет, потому что жизнь прекрасна сама по себе!!!

Неполученное, либо забытое, либо невзятое

Когда жизнь переваливает за вторую половину, тянет в прошлое, и бродишь по нему, словно по любимому парку, где подбираешь красивые шишки, яркие листочки. А в душе таишь надежду, что где-то там таится очень важное неполученное от кого-то послание — код, отыскав который сегодня, сейчас, в какой-то очень необычный день, можно получить путёвку в обитель счастья. Или так далее: ищешь какой-то штришок, пусть это будет ранее не увиденное или просто забытое фото, видео, где мелькают знакомые лица, в том числе и своё, только молодое, а за всем этим — шаг ненадолго в карету времени, где молодость.

Будущее — это игра для юных, где так ярко и важно предвкушение, когда знаешь, что ещё много-много времени у тебя впереди. Но молодость быстротечна, для более зрелых лет будущее уже менее притягательно. Для тех же, кому «за...» будущее скрыто вообще, всё равно, что: «Прогноз погоды на завтра, известен послезавтра».

В старости же, если удастся дожить, хотелось бы сидеть и наслаждаться панорамой своей молодости с высоты своих лет в лучах закатного солнца. Лишь бы не пришлось жалеть, что в тайнике прошлого накопилось неоправданно мало воспоминаний, которые могли бы наполнить и согреть надвигающееся одиночество. Очень жаль, что в жизни часто на многое важное для себя не решаешься, не осмеливаешься, слишком часто говоришь, далее кричишь — нет! А вернуть уже ничего нельзя, кроме глубоко затаённой надежды на неожиданно обнаруженное послание, да и бог знает, что ещё, которое всё расставит по местам, принесёт гармонию.

* * *

Любовь — это готовность положить за человека душу и принять его любого. Ты можешь своего любимого так никогда и не понять, но принятие обязательно, когда ты принимаешь его всегда и всего, разного, в разные моменты его жизни и такого, всякого, прощаешь: больного, злого, раздражённого.

Любовь озаряет душу, ты счастлива, что с ним рядом, счастлива далее тем, что он — есть, где-то ходит по земле, если вы расстались.

За любящую душу, за её готовность отдавать и принимать! За благосклонность судьбы к щемящей незащитности любящей души!!!

* * *

Время своё ни вернуть, ни задержать, ни опередить невозможно. И подарить время — тоже нельзя, но его можно кому-то уделить, с кем-то разделить. Счастье в том, если это с близким, дорогим и любимым!

За любовь, которая даёт нам право и подарить себя своей половинке, и оделить счастьем, и разделить его!!!

Любовь и увлечение, любовь и влюблённость. Всё, что не любовь — лёгкие удовольствие и радость. А от любви помимо счастья — обиды, страдания, муки!!! А они могут у иных заслонить, перечеркнуть все хорошее, всё прекрасное, всё счастливое. Многие и скользят по поверхности жизни, довольствуясь лишь лёгкими и необременительными удовольствиями. Но без риска и глубины чувств не познать пьянящего полёта Мечты, не услышать зов Надежды, не принять Веры, не постигнуть Любви.

Пусть кто-то летает, а кто-то наблюдает за его полётом, кто-то пьёт шампанское, а кому-то остаются только брызги! За Ваш выбор, за Любовь!!!

Исцеление во сне

Однажды во время тяжёлой болезни ко мне пришло исцеление во сне.

Я шла по выгнутой спине несуществующей улицы, где время остановилось, и замерли все звуки. Я двигалась едва касаясь ногами земли, слегка оторвавшись, плавно, как в воде двигая руками и ногами, поплыла между домов на высоте крыш, а потом выше и выше. И только тёмные бойницы окон, неотступно следили за мной, как наконечники стрел.

Я опустилась возле колодца, откинула деревянную крышку и посмотрела на воду, жмурающуюся в глубине теньвыми бликами. В колодце таилось что-то, недоступное моему пониманию, волшебное. Пересилив навалившийся страх, я сбросила вниз деревянное ведро, вытянув его, стала плескать на себя воду, кристально чистую, с плавающими хрусталиками льда. Зачерпнув в пригоршню воды, стала её жадно пить, тут же дыхание преклось от наслаждения чистотой и свежестью, от холода занемели губы, закололо щёки от кристаллов льда.

Проснулась с широко раскинутыми руками, с чувством полёта, радостного освобождения от тягостного, ненужного мне бремени, а на губах, щеках горели ещё уколы от ледяных сосулек из неведомой сказки.

И разве нет в этом мире места для волшебства?

Весенние обострения

Общеизвестно, что весной обострения, у кого болезней, у кого любви, а у кого, соответственно, ревности.

Накануне 8 марта я попала случайно в поле действия такого обострения. В ночь на 7 и 8 мне не давали спать, в 3 часа ночи звонили, спрашивали такси, затем в 4:30 звали какого-то Артёма, приходилось отключать телефон. На вторую ночь я уже поняла, что попала в чьи-то разборки, в такие совпадения я не верю, хотя звонили молодые женщины с разных телефонов. Наконец 8 марта в разгар праздничного застолья я среди других поздравительных посланий получила с небольшим интервалом: «Ты где?», «А в машине хочешь?» Принимая во внимание, что я девушка, кому давно «за ...дцать», это всё звучало довольно комично. Номер был один, я на него перезвонила, мне ответила девушка, слышны были звуки празднования. На мой вопрос, что это за странные послания, она бросила трубку. Много позднее она мне перезвонила, извинилась, пояснила, что спутала номер, у меня есть восемь, а надо было пятёрку набирать среди других цифр. Вот так я стала заложницей чужих страстей. Я, конечно, посочувствовала этой девушке, ведь все мы, хоть раз, да бывали в ситуации, когда теряли любимого. Вот только ищут его все по-разному.

Одна из знакомых, услышав всё это, в упоении стала рассказывать, как её родственница «сохраняет семью». Они с мужем живут в небольшом райцентре в Курганской области, занимают должности. Муж очень красивый и любвеобильный, а жена — плотного телосложения, крупная. Всю свою семейную жизнь она выслеживает мужа, а соперниц бьёт, надеясь этим запугать всю женскую половину посёлка. Однажды она сумела залезть на второй этаж, закрасить краской кухонное окно, затем влезть в спальню и залить всю постель краской в то время, как муж с любовницей, онемев, сидели на кухне. На этот цирк сбежалось полпосёлка. Но её меры помогают мало, видимо, чары мужа сильнее, так как соперниц у неё не убывает.

Не берусь ни судить, ни комментировать, так бывает, кому-то боль, кому-то потеха. В жизни всякое можно испытать и побывать в разных ипостасях. Но народная мудрость гласит, что на чужом несчастье счастья не построишь.

А как думаете вы?

Тайна

В своих мечтах, как и в поисках смысла жизни, как и в чувствах, как и в смерти, каждый человек всегда и безгранично одинок, отвечает за себя и перед собой.

И каждый имеет тайну, которую забирает с собой, печальное и никому не нужное сокровище, ни истратить при жизни, ни сохранить, ни передать во всей целостности его нельзя.

Это целый клубок чувств, эмоций, знаний, опыта, талантов, индивидуальных особенностей, и внешних, и внутренних, нигде и ни в ком не повторимых...

Потерянное поколение

При всей краткости бытия всем без исключения приходится пройти через череду потерь. Единственный человек, с кем роман навсегда — это ты. И себя должно любить, ценить, не унижать и не разменивать. Себя стоит уважать, развивать, чтобы не было скучно — с бою наедине, ведь в конечном итоге — мы все одиноки...

Я работала инспектором по делам несовершеннолетних в начале 1990-х годов, когда начали сказываться последствия «сухого» закона, вот тогда в массовом порядке в наш быт внедрились токсикомания и наркомания. Говорят, что можно ко всему привыкнуть, но не вычеркнуть никогда из памяти детей с целлофановыми пакетами на голове в бессознательном состоянии, они уходили из жизни по всей стране, ввели даже термин «потерянное поколение», и не с кого за них спросить. Строилась новая жизнь, очень многие в неё не могли вписаться, и взрослые, и их дети оказывались на обочине. Не скрою, я не вынесла всего этого, перевелась в следствие. Но в судьбах своих «деток» я принимала участие и много позже.

Одним из них был Вадим, в этом году уже одиннадцать лет, как его нет. Ни токсикоманом, ни наркоманом он не был. Но его родители жестоко обращались с ним, пили, поэтому он бродяжничал. Я его увидела впервые двенадцатилетним в 1990 году, увезла его в детприёмник, где он был, пока искали его скрывшихся родителей.

Потом Вадим жил с матерью и отцом, который был осужден за вовлечение его и старшей дочери в совершение краж. Вадим был свидетелем на этом суде, за что мама не смогла его простить. Позднее подросток был помещён в психиатрическую больницу за склонность к бродяжничеству, откуда я его забрала, привезла на автобусе, поскольку мама не соизволила этого сделать. Какой радостью светилось его лицо, когда он выходил из отделения, и как эта радость померкла при виде меня, он-то думал, что это мама за тем приехала, той надо было его забрать из больницы, по крайней мере, через месяц, а не через год. За это время он поправился, вытянулся, ботинки стали малы, он еле в них передвигался, я доставила его к маме, у которой зимой были выбиты все стёкла.

А позднее она вообще уехала в неизвестном направлении, не взяв его собой. Но к тому времени он подрос, вскоре был зачислен в местный лицей, где я его навещала. Он хорошо учился, только был замкнут, ведь дети жестоки к таким «сиротам».

Потом — армия, откуда он через год был комиссован за попытку суицида, приехал в наш городок, обратился к сотруднице лицея, но после её завлечения, что он уже вне её компетенции, был найден в подъезде с вскрытыми венами и снова помещён в психбольницу. Позднее он совершил ряд краж, в основном продуктов питания, я собрала его на этап, обеспечила необходимым минимумом. Он мне писал и находил силы не жаловаться, рассказывал, что с ним судьба обошлась ещё не столь жестоко, там он познакомился с парнем, у которого мать в детстве сломала руку за то, что тот отказался идти воровать. Вадим не был ни пустым, ни подлым, он был обездоленным, загнанным.

А освободившись, он пришёл ко мне, я тогда была после тяжёлой операции, можно сказать, заново родилась. В первую очередь, я пустила его в ванну помыться, а потом уж мы решали, где ему снимать жильё. Я помогла, даже ввела его в круг своей семьи, Вадим стал другом моего сына, надо сказать, очень преданным. Когда тот служил в армии, он единственный из всех, кто писал ему в течение всего срока службы.

На проводах сына Вадим познакомился с девушкой, которая стала его женой. Он работал чуть ли не сутками, в семье у него родился сын, надо было видеть, как он устраивал своё «гнездо», сам покупал даже шторы, он так старался, часто советовался со мной, у него немало было проблем. Главное, с женой не сложились отношения, она от него уходила, потом возвращалась, и это было бесконечно. В семье жены ему ставилось в вину, что он «безродный».

Однажды Вадим мне сказал, что он как мячик, его бросают, поднимают, потом снова бросают. Изначально его бросит родители, к тому же у него была родовая травма, обусловившая психопатический тип личности, но особой патологии, со слов психиатров, не было. Главная патология была — неблагополучие с детства. Он, как никто другой, нуждался в понимании, в приятии, но — увы. Во время очередной ссоры, жена ушла, а, придя через два дня в их квартиру, увидела в темноте Вадима, удивилась, что он такой высокий, подскочила, обняла и в ужасе отпрянула. Позднее обнаружили на журнальном столике вырезанные буквы, составленные в его последние слова: «Я люблю тебя». Я была первой, кому она позвонила ночью, потом я сообщила о случившемся её родителям. Во время похорон вдова лежала на гробу, рыдала. Теперь растит сына, вылитого Вадима. А у меня из памяти никак не идут его слова о мячике.

Вот, если бы Вадим, как и многие, усвоил бы истину о вечном романе только с самим собой, если бы он умел любить и ценить себя, родимого, такой трагедии бы не случилось.

Я прихожу к нему на могилку и в его лице прошу прощения у всего «потерянного поколения». Он видится мне тем двенадцатилетним мальчиком, светловолосым, голубоглазым в грязном рубище бродяжки, с затнанными, как у волчонка глазами. Пусть земля ему и многим-многим будет пухом.

Играя прибрежной галькой

Немолодая женщина стояла на берегу и заморожено смотрела на набегавшие волны. Они разбивались у её ног, взбивали пену, обдавали её водной взвесью, потом откатывались назад, играя галькой.

Надежда и отчаяние много лет в её жизни поочерёдно накатывались вперед и назад, потом снова вперёд, как эти волны.

Когда-то женщина очень страдала из-за любимого и злилась на него за это. А он, чем больше нёс ей боли, тем больше требовал понимания и сочувствия, сам, будучи неплохим человеком, так запутался, так устал. А потом разом вышел из её жизни, как из остановившейся маршрутки, не оглянувшись и не помахав рукой, наигравшись всласть в «свою самую большую любовь» с вечными словами: «Я не могу без тебя, но».

А она потом, кому-то что-то доказывая, не раз выходила замуж, расходилась, снова выходила, но уже никому и никогда не позволяла себя мучить. Но в сердце саднила заноза — надежда, что Любовь ещё можно достать оттуда, где она хранилась, подсушенная временем, свёрнутая трубочкой, стоит лишь объявиться тому «мучителю», с кем они её аккуратно развернут, разглядят и будут любоваться ею уже до скончания своих дней.

Но годы наплывали, убегали, и случайно узналось, что «мучитель» давно умер, одинокий.

И долго женщина смотрела на воду, и столько неизбывной грусти было в ней...

Зачерпнув полные пригоршни песка и гальки, она веером рассыпала их по воде, окатила градом жемчужных брызг и решительно пошла прочь.

В зеркальном отражении

Мне почему-то интересно делать фото с зеркальным отражением, будь то водная гладь или зеркальная, я стремлюсь уловить объективом отражение солнечных бликов. Конечно, эти фото по-любительски не совершенны, но это моё видение мира.

Задумавшись над этим, я в своих размышлениях пошла дальше. Создание художником своих полотен, поэтических, прозаических, музыкальных, кинематографических — это не что иное, как зеркальное отражение жизни. Оно преломляется через сознание, воображение, своего создателя, пропускается через призму его чувств, эмоций, подсвечивается вымыслом. Отражение происходит по-разному, порой — в гротескном, в пародийном виде,

иногда — в упрощённом, фрагментарном. Насколько объективно, талантливо это происходит, зависит, конечно, от дарования творящего. Но всё это воссоздает реальность во всём её многообразии отражает жизнь, помогает осмыслить её всем тем, кто идёт за нами.

А в этом и есть вклад каждого, будь он — талант или графоман. У последних — отражение даже документальнее, в этих творениях, как в капле воды, как в зеркале, как в янтаре фиксируется жизнь не публичных, а обычных людей со всеми их радостями и горестями. Кроме Чехова, мало кто из маститых так скрупулезно воссоздал образ «маленького человека», а кто, как не он является кирпичиком любого общества.

Разве я не права?

* * *

На прощанье подари мне:

— красную розу, такую же яркую и красивую, как наша любовь, когда она родилась, росла и крепла,

— золотой шар, цветок с ярко-жёлтыми лепестками, цвета нашей любви, когда весь мир казался солнечным от счастья,

— голубую нежную незабудку, которая напомнит небо, в котором мы с тобой когда-то витали,

— фиалку, ведь наша любовь поменяла цвет, когда в её алую кровь ты плеснул чернил измены,

— ромашку, бело-жёлтый цвет сомнения: любит или не любит, то весь мир молочно-бел от слёз, то золотист от счастья,

— белую розу — волшебную розу хрустального сна, цвет забвения.

Негоже в туфлях ходить по снегу

Все события реальны, по желанию героини у персонажей нет имён, описания внешности, ведь они — всего лишь тени из чужого сна...

Май. В малознакомом городе я в туфлях бегу к трамваю по дорожке, присыпанной снегом... Но мне это всего лишь снится.

Когда я работала в одном госучреждении, перед моим окном было обычно много людей, рассматривать их не было возможности. Один мужчина запомнился тем, что по окончании работы с ним, взволнованно спросил, не такая-то ли я, назвав мою бывшую фамилию, чуть её исказив. Я соответственно ответила, что нет. Он нерешительно отошёл, его заслонили другие лица. А после обеда я обнаружила на своём столе исписанный лист бумаги. Я долго с недоумением на него смотрела, хотела выбросить, думала, что это какой-то розыгрыш, но перечитав пару раз, поняла, что это письмо от того мужчины. Оно откинуло меня на много-много лет назад, напомнило о том, о чём я давным-давно забыла.

Я была студенткой, в мае, во время сессии, перед госэкзаменами, я ехала ночным поездом в другой город. Я была на седьмом месяце беременности, а спешила на двухчасовое свидание с мужем (через стекло, по телефону), которого осудили на много лет. В купе моим попутчиком оказался молодой человек. Получилось так, что мы с ним разговорились, иногда такое случается с незнакомыми людьми, которые могут поведать друг другу обо всём, зная, что больше никогда не встретятся. Собственно о себе он мало что рассказывал, упоминал, что женат, но много изложил всяких житейских историй и как-то незаметно выведал всё обо мне. Конечно, я не жаловалась, хотя мало представляла, как дальше жить, ведь моё счастье рухнуло из-за безответственности мужа, это мягко ещё сказано. Мне надо было думать, как воспитывать ребёнка, на помощь родителей было мало надежд, они, по-своему желая мне лучшего, требовали от ребёнка избавиться. Я ехала после ссоры с мамой, это меня очень и очень угнетало. Как я могла отказаться от ребёнка, которого уже любила! Среди ночи в купе к нам кого-то ещё посадили, мы замолчали. А утром мой попутчик неожиданно предложил выйти за него замуж. Я просто остолбенела, а он лихорадочно стал убеждать, что разведётся, будет воспитывать моего ребёнка, как своего. Я отказалась довольно резко, он сразу сник, но предложил свою помощь, я опять отказалась, разрешила только проводить до трамвайной остановки.

Вот об этом он и писал, рассказывал, что хотел меня разыскать, но знал только, из какого я города, моё имя, прежнюю фамилию, которые увидел в паспорте, при проверке билетов проводником. Мой давний попутчик описывал меня в молодости (здесь он меня явно приукрасил), восхищался силой моего характера, писал, что даже завидовал тому «хулигану», к которому я ехала. О себе он указал, что был женат и не раз, но детей нет. Потом он написан, как случайно увидел меня в окне, сначала сомневался, я ли это, ведь я не могла не измениться за эти годы, а когда я кому-то улыбнулась, у него не осталось сомнений, он и спросил меня по прежней фамилии, но я его так и не узнала. Так и не решившись заговорить со мной (сам удивился, отчего такая нерешительность), он оставил мне своё послание с телефоном.

Я сразу не позвонила, ведь не могла даже вспомнить его лица. Но позднее, после тяжелого расставания с человеком, оставившим меня ради другой женщины, я случайно наткнулась на это письмо в ящике стола. Мне вдруг так захотелось узнать продолжение одной рассказанной им истории (я её одну почему-то и запомнила): женщина, узнав об измене мужа, не стала закатывать истерик, даже вида не подала. Она приобрела подержанный автомобиль с помощью отца (в советские времена личные машины были редкостью), с тех пор муж из-под машины не вылезал, забыв обо всём остальном. Мне стало вдруг так важно знать, что же делал тот «ловелас», когда вылез, наконец, из-под машины. Я набрала указанный номер, но ответила женщина. Она долго выпытывала, кто и зачем звонит, узнав, из какого я города, захотела встретиться. Я, конечно, отказалась и бросила трубку. Но она перезвонила и рассказала, что её муж (а это была его последняя очень молодая жена) умер, что всё наследство уже досталось ей. Узнав, что я ни на что не претендую, каким образом у меня оказался этот номер, она вздохнула и сказала, что всё-таки он меня догнал — свой «бзик». Из её сбивчивых объяснений, полных возмущения и обиды, я узнала, что та была вынуждена несколько лет, которые жала с этим «богатым» делать такую же причёску, как у меня когда-то — волнистые пышные волосы чуть ниже плеч. Со слов мужа, ей известно, что она чем-то внешне на меня похожа, а теперь она, наконец, сможет быть самой собой. А «бзиком» она меня называла потому, что муж ей часто рассказывал сон про меня, который не раз ему снился: я бегу за трамваем по снегу, внезапно выпавшему в мае, в туфлях, а он бежит следом, но никак не может меня догнать. На мой закономерный вопрос о причине смерти, она коротко бросила, что муж умер «от старости» — это в пятьдесят-то лет. Женщина была очень озадачена тем письмом, она считала, что это было так на него не похоже, тем более что он его подбросил, с ней он сразу действовал — по-хозяйски. И вообще, с её слов, муж при желании, с его-то деньгами, давным-давно мог меня разыскать, если бы я действительно не была его «бзиком», поэтому-то она не очень и верила в то, что я есть. Но главное, она всё упирала на это: наследство досталось ей, а не другим «куклам» и тем более — не мне. Я переспросила, каких кукол она имеет в виду, оказывается, тот мужчина так называл своих жён, как и эту, последнюю, говоря, что они всего лишь куклы, а настоящую-то он упустил. Беря реванш, эта женщина предложила купить у неё дачу в моих краях, не так давно приобретённую мужем, с хохотом обещала сделать мне хорошую скидку. У меня ещё долго стоял в ушах её неприятный смех, когда она «делилась» своей радостью, что она такая молодая, а обеспечена до старости, а я-то уже давно «не первой свежести», а всё ещё должна работать.

Мне было немного грустно от потери мужчины, которого я и не знала, гадко после разговора с ней, хотя я понимала, что негатив в мой адрес от этой женщины был в какой-то мере оправдан. Я размышляла, а смогла ли я вот так жить с чужой причёской, с чужим человеком?! Нет, в своей жизни я всего добивалась сама. Сына я вырастила, надеюсь, неплохим человеком. Давно уже нет моих родителей, которые мне очень помогли тогда, нет и того «хулигана», которого я ждала семь лет, а потом начала жизнь заново, поняв, что у нас уже нет ничего общего. У него потом была другая семья, как и у меня.

Мне было и удивительно, и в чём-то даже приятно, что я оставила глубокий след в душе случайного попутчика. Вот только много вопросов мучило меня, хотя ответов уже не получить никогда. Этот мужчина, запомнивший мою любимую песню, он встречал в своей жизни только «кукол» или сам превращал в них своих жён? Он сетовал в письме, что ни одна из них не родила ему детей под разными предлогами. Но «куклы» и не умеют рожать, воспитывать детей, они умеют быть только «куклами». А, может, он лишь воображая себя их кукловодом, а они и не были никогда его «куклами», как и «куклами» вообще? И какая женщина пожелает иметь ребёнка от мужчины, которому она нужна лишь потому, что кого-то напоминает? И нужна ли была ему я? Он меня знать не знал, я стала его надуманным идеалом. Да, он и сам это не мог не понимать. Но в конце жизни он меня случайно

встретил и... спасовал! Правда, со слов его вдовы, он до последнего держал при себе телефон, ждал какого-то звонка, поэтому-то она и сохранила его симкарту.

Идя по жизни, встречаясь с незнакомыми людьми, мы порой случайно попадаем в их сны. И виновны ли мы в этом?

В своём сне я на ходу заскакиваю на последнюю площадку трамвая, за мной с грохотом задвигается дверь. Услышав чей-то окрик, я оборачиваюсь, едва успев ухватиться за поручень, застываю: за стеклом двери — моё лицо! А точнее, это лицо куклы в пышном парике с молодым упругим лицом. Трамвай медленно трогается, я замечаю, что лицо куклы вдруг оплывает, дрябнет, как у настоящей старухи, а на вытянутых руках, выступают старческие пигментные пятна.

Просыпаюсь и долго не могу уснуть и думаю, думаю об ушедшей молодости, о том, что всё в нашей жизни взаимосвязано, что надо быть бережнее друг с другом, даже с мало знакомыми людьми.

Перед тем, как уснуть, ловлю последнее воспоминание: устроившись на свободном сиденье, я лезу в карман плаща, чтобы расплатиться за проезд в том трамвае, неожиданно выуживаю купюру — две моих стипендии. Вспоминаю с теплотой и благодарностью, как путчик говорил, что мне надо купить сапоги, негоже в туфлях ходить по снегу, даже в мае.

г. Верхнеуральск

Галина Савельева

Весны прикосновенье

Поздняя осень

Кружит поздняя осень,
Затуманен восток.
Дней былых вереницу
Замечает снежок.

На полях побелевших
Не растёт колосок,
Синеокого взгляда
Не пошлёт василёк.

Опустели овины,
Откипела страда.
На луку, возле речки,
Не пасутся стада.

Но алеют приветно
Гроздь яржих рябин,
И душа пламенеет —
Нет для грусти причин

Не боится перестроек —
Дух его силён и стоек.
И встречает Новый Год
С полным рюкзаком забот.

* * *

Как хорошо, когда в душе весна.
В безоблачную высь влечёт она:
Легко чарует и волнует кровь,
И сердце с упоеньем бьётся вновь,

И вдохновенье ждёт тебя в пути,
И страстное желание идти.
Идти с надеждой, верой и мечтой,
Оставив где-то позади покой.

Дерзать, творить, признание обрести
И радость людям искренне нести.
И воссияет разума рассвет,
И улыбнётся солнышко в ответ.

На пороге Новый Год

Снег кружится, снег кружится,
И ему, как мне, не спится.
На пороге Новый Год
Чем порадует народ?

Ввысь летят свободно цены,
Выступления со сцены:
Шаг назад и шаг вперёд —
Ко всему привык народ.

Любви покорная душа

Нет, не бросай, мой друг, напрасно
Ни пышных фраз, ни нежных слов.
Дари всегда светло и ясно
Свою любовь, свою любовь.

Её лучей прикосновенье
Воспримет, трепетно дыша,
Ввысь улетающая на мгновенье,
Любви покорная душа.

* * *

В городке, на берегу Синары,
Между сосен прячется мой дом.
И поют знакомые гитары,
Озаряя светом и теплом.

Звуки вальса или ритмы рока
Преподносит ранняя весна,
Зеленью шумящего потока,
Яблоневым цветом у окна.

* * *

Как будто лёгкий ветерок,
Весны прикосновение,
Приходит радостный денёк,
Желанный, без сомненья.

По духу близкие друзья
Пришли и встрече рады.
Тепло души сокрыть нельзя —
То дань мирской награды.

И закружились в суете,
С весенним настроением,
В неповторимой доброте,
Со светлым озарением.

Нет больше грусти и тоски,
Уходят прочь сомненья,
И не сжимает боль виски.
Будь славен День Рождения!

г. Снежинск

Нэлли Кизилова

Добро на зло я не растрочу

Я — русская

Я не хочу кого-нибудь обидеть,
Но мне дороже всех святая Русь,
И мощь своей страны хочу увидеть.
Я — русская, и этим я горжусь

Любить Россию вечно — обещаю,
Я песни только русские пою,
И здесь могилы предков навещаю,
И в церковь православную хожу.

Ведь мама русская была, и папа русский,
И родилась я в русском городке,
И думаю, и говорю по-русски,
Мне снятся сны на русском языке.

Сознание боится пустоты

Сознание не терпит пустоты,
В нём постоянно мысли суетятся,
От нас зависит: будут там мечты
Иль бранные слова закопошатся.

Как в помыслах добиться чистоты?
Не знаем же, как мысли возникают
И из чего? В чём тайна простоты?
Без слов родных и мысли не бывает

Сознание боится пустоты.
Пока мы живы, мысли в нас порхают,
Как бабочки небесной красоты,
Они нам души светом озаряют.

Добро и зло

Я злых людей в упор не вижу,
Всегда сторонкой обхожу,
Публично я их не унижу,
Но общих тем не нахожу.

В них столько ненависти, желчи,
Не могут чувства обуздать!
И постоянно ищут жертву,
Чтоб злость на ком-нибудь сорвать.

Повсюду затевают ссоры,
Уподобляясь палачу,
А я на глупые раздоры
И время тратить не хочу.

Добро и зло живут иначе,
Им с древних лет не по пути
Добро на зло я не растрочу,
Даст Бог, сумею обойти...

Террористы

У нас фантазии полёт!
А тут террор! С чего бы ради?
На тройке мчится Новый год...
Гремят два взрыва в Волгограде...

О! Как же надо запугать,
Мозги дурманом затуманить,
Идёт красотка убивать?!
Десятки, может, сотни — ранить

Старушку, юношу, дитя,
Ни в чём пред нею не повинных,
Но главное: убить себя
В расцвете лет своих наивных.

Её же, не боясь греха,
Какой-то террорист опасный
Старательно готовит так,
Что смертница на всё согласна.

Какая мать их родила?
Кто воспитал такую дуру?
Да покарает их Аллах
За их звериную натуру.

Последний полёт

Говорят, что курица — не птица,
Для чего же Бог ей крылья дал?
Наша курица решила утвердиться,
Чтобы гордо встать на пьедестал.

Тренировки, тренировки, тренировки...
Так она готовилась в полёт,
Только бы хватило ей сноровки,
Выше крылья, выше — и вперёд!

Разбегаясь от гнезда наседки,
Курам на смех весело бежит,
Вот уже достигла края сетки,
А за сеткой глупый пёс лежит.

С новой силой курица храбрится,
Мне любое дело по плечу!
Кто сказал, что курица — не птица?
У меня есть крылья, я лечу!

Шевеля куриными мозгами,
За мечтой помчалась во весь дух,
Прямо перед нашими глазами,
Через сетку вдруг перемахнув.

Пёс не ожидал такого счастья,
Курицу в охапку он поймал,
Мигом разорвал её на части...
Пух и перья ветер разогнал.

Я не знаю, помнит ли собака
Тот неповторимый эпизод,
У меня в глазах стоит, однако,
Курицы (последний уж!) полёт.

За свободу жизнью поплатиться
Ей пришлось... А пёсик ликовал!
Значит, правда: курица — не птица.
Так зачем же Бог ей крылья дал?

с. Миасское

Лидия Хохлова

Если с музой связан на всю жизнь

Осень

Прилетела листочком березовым,
Невесомой и золотой.
И, умывшись рассветом розовым,
Осень наземь легла красотой.

Даль осенняя вспыхнула заревом,
Глас тоскующих журавлей.
И горчинка красы увядающей,
Осень, осень в душе моей.

С пересвистом ветра холодного
Нити длинные от дождей,
И лишь вера во все благородное
Лечит осень души людей.

Вера — скоро туманы рассеются,
Даль морозным сверкнет серебром.
Вновь на чудо мы будем надеяться,
Что прольется весенним дождем.

Первый снег

Так тихо падал первый снег!
Зима к нам нынче не спешила.
Тем неожиданней для всех
Средь ночи пологом накрыла.

Ажурным был тот полог, белым,
Деревья, расписав узором,
Нарядом красочным и смелым
Зима в права вошла дозором.

Речка-реченька

(песня)

Речка-реченька, круты берега...
Увела любовь меня во луга.
Шелком вышит был зелен луг,
Да забыл потом милый друг.

Мне добавилось серебро волос.
Пряный запах трав, знойный сенокос.
Упаду в траву... Слезы высушу...
Ведь по-прежнему я тобой дышу.

Речка-реченька, уж зима пришла.
Окаянного я себе нашла...
Речка-реченька подо льдом,
А он ходит все женихом.

Гимн поэтам

Закружило вьюгой одиночество,
Торопливо душу застудив,
Только снова нас спасает творчество,
Заглушая новый рецидив.

Строчкой, как лекарством, мы излечимся,
Изливая мысли на ходу.

Между строчек горе наше лечится
Мы — поэты на свою беду.

Может, оно даже и к лучшему!
Пишешь, пишешь — снова хочешь жить!
И не так боишься уже худшего,
Если с музой связан на всю жизнь.

Поэты — мы! Друзья, единством связаны,
А остальное, в общем, не причем.
Мы Господу талантом все обязаны!
Напишем... Рвем... И снова все начнем!

г. Катав-Ивановск

Надежда Мадьева

Учительница

Ольга уверенно вела машину и строго-наставительным тоном внушала Алёше Суроватову о невозможности любви между учеником и учительницей.

Алеша в последнее время сильно увлекся Ольгой, провожал её после уроков, вечерами торчал под окнами её квартиры, охапками дарил цветы.

Ольге очень нравился Алёшка, но... Если бы она не была его учительницей...

Она благодарила его за букеты, но всегда решительно обрывала любые попытки предложить ей встречу где-нибудь, кроме школы. Алёша не отчаивался и по-прежнему сопровождал повсюду, находясь на приличном расстоянии от нее.

Ольга Сергеевна, встречаясь иногда глазами с его безумно влюбленным взглядом, замирала от нежности и страсти, которые исходили оттуда, и ужасно боялась, что в один прекрасный момент не устоит и откликнется на эту любовь. Поэтому она решила поговорить с Алёшей и однажды согласилась съездить на его машине за город.

Он весь сиял от радости.

Все воскресенье они провели за городом. Ольге было с Алёшкой очень хорошо и весело. Иногда за руль садилась она и тогда её охватывал неопиcуемый восторг. Она еще в ранней юности научилась водить машину и за рулем всегда чувствовала себя летящей птицей. Щёки её разругались, глаза блестели, и в своей короткой юбочке она выглядела, как шестнадцатилетняя девчонка.

И когда она, вспомнив по дороге домой о цели прогулки, завела разговор на тему, как она стара по сравнению с ним, что нехорошо так влюбляться в свою учительницу, Алёшка от души расхохотался. Уж очень не вязался образ молодой, задорной, обожаемой им хитрицы, со старостью.

— Ты пойми, Алёшенька, — увещевала она его, — Ты для меня как возвращение в молодость, это не любовь, даже не обожание, это просто возвращение в молодость. С тобой мне хотелось бы вернуться туда, куда мне возврата уже нет...

У Ольги защемило сердце. Она вспомнила себя выпускницей школы. Какой она была тогда наивной и восторженной, тоже безумно влюбленной в своего молодого учителя. Но вся её влюбленность разбилась вдребезги о жизненный корабль. Учитель, воспользовавшийся неоднократно её наивностью, женился на другой и уехал. Вскороги погибли родители в автокатастрофе, и Ольга, оставшаяся совсем одна, утерьяла всю свою восторженность.

Но сейчас, еще пока не сознавая, что она любит Алёшу, она снова почувствовала себя шестнадцатилетней девчонкой, и ей было жаль разочаровывать этого нравившегося ей паренька.

— Алёша, ты не должен больше ходить за мной, влюбись в какую-нибудь молоденькую девушку, свою ровесницу, в Вику, например, ведь вы, кажется, с детства дружите. А я уже стара для тебя, — уговаривала его Ольга Сергеевна.

Он с нежностью и восхищением посмотрел на нее, погладил руку, лежащую на руле:

— Ты самая красивая, самая молодая, какие у тебя нежные руки... — он впервые обратился к ней на «ты». Нежно погладил ей вихор на виске, коснулся пальцами шеи. Теплая судорога прошла по всему её телу, горячей волной залило лицо. Дрожащими руками Ольга остановила машину, внезапно обвила его шею, уронила голову ему на плечо и... зарыдала. Сейчас она готова была на все, её не волновал больше его возраст, она забыла свою проповедь, которую читала перед этим, забыла все и всех, её волновали только его руки, она жаждала его прикосновений и поцелуев...

Алеша не ожидал такой реакции, он сидел, остолбеневший, боясь пошевелиться.

«Кажется, я её обидел», — подумал он.

Он не целовал и не обнимал её и постепенно к Ольге вернулся рассудок. Она резко оторвалась от его плеча и прошептала:

— Извини.

— Это Вы меня извините, я обидел Вас, Ольга Сергеевна, — он снова перешёл на «Вы», сам того не заметив, но её это больно резануло.

— Нет, ты меня не обидел, — резко возразила она, — Просто нервы сдали, устала я что-то.

Она достала таблетку валерьянки, глотнула, запить было нечем, закашлялась от смущения.

— Вот видишь, какая я старая, — сверкнула на него искрящимися глазами и — осеклась. Алёшка смотрел на неё с такой любовью и заботой, что она замолчала и включила мотор.

Она злилась на себя за свою минутную слабость. Ехали молча. В голове у Ольги сверлила только одна мысль: «Как я посмотрю завтра ему в глаза, когда приду на урок?! Завтра как раз у них есть химия. Разнюнилась, растаяла, захотелось мужской ласки... от кого, от этого безусого юнца?!»

Усы- то у него, конечно, были, и другие мужские достоинства, наверное, тоже, но десять лет разницы!.. Как это можно, да еще со своим учеником!

И, конечно, он догадался о её последнем желании и был очень удивлён. Как стыдно, как стыдно...

Ольга бранила себя и думала: «Хорошо ещё он не поцеловал меня, что бы было дальше, неизвестно...»

У своего дома она выскочила из машины и молча кивнула ему на прощание.

Алеша был смущен, озадачен её холодным к нему отношением.

— Обидел я её, обидел, тоже мне, полез со своими ласками, да ещё «тыкать» начал, — произнес он вслух..

Вернувшись домой, Оля не находила себе места. Все валилось из рук, к урокам совсем не подготовилась. Включила телевизор, фильм был о любви.

— Ах, всех кругом любят, только меня никто! — простонала она вслух и расплакалась, бросившись на диван.

Почему он не поцеловал её, почему?

Теперь она уже злилась на него.

На следующий день она с трудом дотащила себя до одиннадцатого «а», почувствовала всей своей кожей его горящий взгляд, но глаз на него не подняла. Обычно, войдя в этот класс, она в первую очередь находила его влюблённый взгляд и, улыбнувшись ему, сразу чувствовала себя уверенней.

Ольга Сергеевна начала опрашивать, ребята сидели притихшие, но её жгли его недоуменные глаза. И тогда Оля разозлилась.

— Суроватов, к доске, —скомандовала она и засыпала его каверзными вопросами. Он стоял, не отвечая, такой смущённый, и смотрел на неё удивленно и смотрел...

— Садитесь, Суроватов, два, — громко с надрывом произнесла она и сама поразилась своей жестокости. Ведь химию он знал гораздо лучше всех, и двойку ему перед самыми экзаменами она вlepила незаслуженно. Класс угрюмо молчал, и у неё засосало под ложечкой. Алешку Суроватова все любили, и все догадывались, как сильно он влюблен в химичку.

«Репрессий по отношению к нему мне не простят», — подумала она, боясь поднять глаза. Посмотрела в сторону Алёши, он не глядел на неё, как обычно, своими удивленно-влюбленными глазами, он вообще на неё не глядел.

Она впервые почувствовала, что он мужчина, вполне взрослый мужчина. Воспользовавшись своей властью, она унизила его мужское достоинство перед собой и перед всем

классом. Ведь она знала, что не мог он вчера учить химию, так же как она не могла подготовиться к урокам. Он весь вечер думал, наверное, только о ней, сколько раз звонил...

Теперь уже она смотрела только на него, забыв об остальных в классе. Отомстив ему за вчерашний «непоцелуй», она теперь сидела вся опустошенная, и ей до безумия хотелось встретить его влюбленный взгляд, но он не смотрел на нее, совсем не смотрел. Когда прозвенел звонок, Алёша, так же не взглянув на неё, первым выскочил из класса.

Ольга Сергеевна долго сидела, затем, подняв глаза, увидела Вику. Вика единственная осталась в классе, сидела не шевелясь.

Вика, Вика, Викулька, ты всегда была рядом с тех пор, как я появилась в этой школе. Ты тогда училась в восьмом классе, но ты сразу стала мне подружкой...

Это Вика с Алёшкой Суроватовым умирляли класс, когда класс бушевал, как Фантомас, во время начала её педагогической деятельности. Алешка уже в восьмом не сводил восхищенных глаз с Ольги.

— Вик, подло я поступила с Алешкой, правда? — протяжно спросила Ольга.

Вика с жалостью посмотрела на Ольгу Сергеевну:

— Мне кажется, Ольга (наедине она всегда звала её просто по имени), ты считаешь его за пацана, все мы для тебя по-прежнему пацаны и девчонки, а ведь мы уже выросли, мы уже можем и любить серьезно. И он тебя любит, очень... и тяжело ему... — голос у Вики прервался, — А ведь и ты его любишь, просто стараешься это спрятать за чёрствостью своей.

— Вика!

— Любишь, любишь, я же вижу, как ты на него всегда смотришь, просто сегодня тебя какая-то дикая муха укусила. Ну-ка говори, что это за муха?

Прозвенел звонок, Ольга ничего не ответила, улыбнулась загадочно Вике.

В класс уже заходили ребята-семиклашки. Она любила семиклассников, любила преподавать азы химии, но всех дороже ей был одиннадцатый «А».

Суроватов на химию ходил, но глаз на Ольгу по-прежнему не поднимал. Тяжело ему было ходить на её уроки, но не быть там он тоже не мог. Он бы не смог дышать, если бы хоть один день не увидел ее искрящихся темно-синих глаз, ее улыбку.

Ах, какие чудесные у нее глаза...

В них иногда горит такой огонь!

Из самой глубины, как из кратера, внезапно возникает пламя, настоящий бесов огонь...

...И околдовывает тебя, проникает в самое сердце, сковывает так, что не можешь ничего сказать, только любишься этими искрами, летящими из глубины...

И все это на какое-то мгновение, потом уже самые обыкновенные, с тёмно-синей глубиной глаза, иногда становящиеся холодными, наверное, в ответ на твоё тупое молчание.

«Боже мой, — в душе молился Алёшка, — сохрани мне эти мгновения, пусть она всегда смотрит на меня этим лучистым взглядом. После этого такое тепло разливается по всей душе и хочется сделать для неё столько добра, столько добра... Милая, чудесная женщина...»

...Он медленно поднял на нее взгляд. Ольга вопросительно-удивленно смотрела на него, и вдруг глаза ее загорелись, загорелись теми искрами, которые он всегда любил. Она улыбнулась ему, только ему:

— Алексей, пойдем двойку исправлять.

Алеша вскочил, быстрой пружинистой походкой пошел к доске. Отвечал легко, уверенно. Видя ее ободряющий взгляд, он готов был свернуть горы, а не только рассказать всю химию. Пятерка была вполне заслуженной. Но не пятерка окрыляла его в течение всего дня, а вновь установившийся контакт с Ольгой.

По дороге домой дождь застиг Ольгу внезапно. Откуда только тучка взялась. Громыхало, сверкало, струи били и хлестали ее по лицу, по ногам. Ольга забежала в ближайший подъезд. Следом за ней — Алешка.

— Бред, значит, за мной, — подумала Ольга Сергеевна.

Алеша был весь мокрый, глаза блестели неописуемым восторгом:

— Как хорошо, как хорошо! — простонал он.

Ольге было не очень хорошо, в легком мокром платье ей было жутко холодно, начало знобить.

— Ты что дрожишь? — он завернул её плечи в свой пиджак, прижал к себе крепко, крепко и внезапно стал целовать её мокрые волосы, глаза, щёки, затем осторожно прижал-

ся к губам. Его горячие, ещё по-детски пухлые мягкие губы окончательно наполнили её теплом, и она ослабла в его руках, уже по-мужски сильных...

...Сколько времени они целовались, Ольга не знала, ей было так уютно в его объятиях, так спокойно и тепло, что вырваться не хотелось.

Мимо сновали люди, их, конечно, видели, но ей было безразлично.

Алексей нежно гладил её мокрые волосы, целовал холодные от дождя щеки и снова горячо впивался в губы.

— Милая, милая, — шептал он всего одно слово.

— Не надо, Алёшенька, не надо, — тихо умоляла она, все жарче отвечая на его поцелуи.

Только одна женщина задержалась возле них и молча стояла.

Это была директриса, Клавдия Павловна. Её угораздило жить в этом подъезде.

Ольга почувствовала, как все её тело покрылось краснотой и горело. Она внезапно вырвалась, выбежала из подъезда и помчалась по джам, не оглядываясь на его крики.

Алешка стоял, как одуревший, совсем не слыша слов Клавдии Павловны. Только что он держал в своих руках такое сокровище... Он ликовал, все получилось само собой, ему не надо было объясняться Ольге в любви, не надо было мямлить и краснеть, чего он всегда боялся. Все получилось само собой и вот... Все эта старая «клуша» виновата.

— Суроватов, ты что, не слышишь?! Чем ты тут занимаешься?!

— А Вы что тут делаете? — дерзко спросил он и, не слушая ее «охов» и «ахов», пошел под дождь.

Ольга Сергеевна на уроки не пошла. У нее была температура, ее лихорадило. Но она бы не пошла, если бы и не было температуры. Она представляла, что уже вся школа знает об их с Алешкой отношениях, как все судачат про нее и что ее ждет. Ольга тупо смотрела в потолок, слезы катились сами. Слезы жалости к себе...

У Алешки же пела душа, он утром мчался в школу, как будто его несли крылья.

— Сейчас я увижу ее, сейчас увижу, найду ее, она, наверное, ждет меня где-нибудь в холле, — думал он, с нежностью и восторгом вспоминая ее горячие губы.

В воздухе носился аромат цветущей сирени, голова слегка кружилась от лихорадки первой любви. Эта же лихорадка мешала ему видеть, что там ждет их впереди... Он еще слишком плохо знал жизнь. Когда отменили химию, Алеша, узнав, что Ольга Сергеевна заболела, впервые в жизни сбежал с уроков.

Ольга на звонок поднялась нехотя. Он стоял в двери такой веселый, здоровый и улыбающийся, глаза сияли счастьем. На фоне голубой сорочки яркие тюльпаны казались еще ярче.

И вдруг она представила себя... Тусклые ввалившиеся от бессонницы и слез глаза, спутанные после вчерашнего дождя волосы, застиранный халатик...

— Алеша, уходи, и никогда больше здесь не появляйся, — Ольга медленно прикрыла дверь у него перед носом.

Звонил он долго, но она больше не открыла.

Врач зашла через полчаса:

— Как Вас любят, Ольга Сергеевна, тюльпаны даже под дверь кладут. Наверное, ученики?

Ольга промолчала. Ее лихорадило. Леша, Леша... И она затряслась от рыданий.

Отправили ее в больницу без сознания. Провалилась там Ольга с воспалением легких целый месяц.

Алешу вызывали на педсовет, пригрозили, что уволят Ольгу, если еще увидят их вместе. В больнице она не выходила к нему...

Экзамены приближались к концу. Алексей сдавал нормально, но не блестяще. На выпускной он не пошел. Школа без Ольги ему опостылела. Он пошел к ней, и так как Ольга снова попросила его уйти, просидел у ее дверей всю ночь. Здесь он и встретил рассвет. Решив не будить Ольгу ранним утром, Алеша ушел домой отоспаться. За ночь он принял решение.

— Приду вечером и все, все ей скажу... Я теперь уже взрослый парень и могу на ней жениться, — думал он, бредя домой...

...Ольга утром уволилась и к вечеру уехала. Клавдия Павловна ее не задерживала. Адреса Оля не оставила никому, не попрощалась даже с Викой...

В поезде Ольга рыдала навзрыд, хотела даже спрыгнуть на ходу... Сердце ее рвалось на части от боли, от тоски. Ей хотелось снова очутиться в объятиях Алешки, поболтать с Викторией, ей хотелось вернуть эти чудесные мгновения...

Сосед по купе, Петя, всячески ее уговаривал, таскался за ней повсюду, старался ее развеселить.

Попив чаю и немного успокоившись, Оля уснула. Утром снова был горячий чай, добрые Петины глаза, его остроумные ненавязчивые шутки, внимательные руки, готовые всегда подать ей то, что нужно. Ольга постепенно вышла из своего замерзшего состояния, в котором находилась уже больше месяца. Понемногу начала улыбаться.

Петр не расспрашивал ее ни о чем. Только спросил о том, куда она едет.

— Не знаю, — ответила Оля растерянно. Она действительно не знала. Села на поезд, который по расписанию отправлялся первым. Ей было все равно, куда ехать, лишь бы подалее. Ее никто нигде не ждал. Она была сиротой...

— Тогда поехали к нам, — предложил Петя.

— А учитель химии у вас там нужен? — внимательно спросила Ольга.

— У нас всегда нужны учителя.

Приехали на вокзал ночью и, само собой разумеется, она поехала ночевать к Петру.

Ольга не помнила, как после выпитой рюмки коньяка и ужина она очутилась в Петиних объятиях... Только почувствовала возле себя родные могучие плечи, почувствовала, как отпустила боль в сердце, как оно понемногу оттаивает...

Ольга устроилась работать в школу, вышла замуж за Петра, родила дочку, назвала ее, конечно, Викой.

Все шло плавно и хорошо. Боль разлуки с Алешей постепенно забывалась.

Рядом был всегда добрый и внимательный Петя.

Ольга часто задавала себе вопрос: «Правильно ли я поступила, исчезнув из жизни Алешки?»

И всегда отвечала: «Да, правильно».

Только входя в одиннадцатый класс, она на протяжении многих лет искала в углу класса Алешкины влюбленные глаза. И, не находя, сутулилась, сникала, начинала волноваться, сбивалась на слове и в конце урока уходила, опустошенная вся и разбитая.

— Мне плохо потому, что я ничего не знаю о его жизни, — думала она.

И вот через пять лет она не выдержала и летним вечером после очередного выпускного бала села в поезд и поехала туда, куда думала, что никогда уже не вернется...

...Позвонила Вике, только с ней она могла встретиться, на большее у нее не хватило бы сил. Но на звонок ответил почему-то он... Ольга растерялась, она никак не ожидала услышать его голос.

«И почему там, у Вики?! — билось у нее в голове. — Пришел в гости?» — Оля повесила трубку.

Внезапно с лихорадочностью снова стала набирать знакомый номер.

Ответил опять он...

— Алеша, Алеша, Суроватов, — произнесла она нараспев.

На другом конце провода замерли. Не слышно было даже дыхания.

Ольга почувствовала, что ее узнали.

— Алеша... — еще раз произнесла она.

— Ольга Сергеевна? — спросил неуверенно.

— Да, да, Алешка — это я! — ей уже нестерпимо хотелось его увидеть.

— Вы приехали?.. Вы приехали?! — с придыханием произносил Алешка, — Я так долго ждал тебя... Я так долго ждал... — он замолчал.

— Алеш, я хочу с тобой встретиться и поговорить.

— Да, да, конечно, — он замялся, — Вот скоро Вика придет, приходите к нам.

Ольгу охватил озноб, как будто на нее вылили ушат холодной воды. Она все поняла.

— Так вы что, вместе живете?

— Ну мы же поженились вроде как, — опять замялся Алексей.

— Хорошо, я еду к вам... — взволновано ответила Ольга, сердце ее отчаянно билось от тоски, боли и ревности... да, да и ревности. Она еще обостреннее почувствовала, что очень хочет его увидеть, увидеть сейчас его влюбленные глаза.

...Но увидела она другое...

Дверь открыла Виктория и сжала ее в объятиях. У обеих потекли слезы.

Вика стала красивой обольстительной женщиной, но на лбу уже залегла складка и были у нее очень печальные глаза.

Алешку же она не узнала. Пьяный, небритый, какой-то весь ссутулившийся. И не было открытого прямого восхищенного взгляда, наоборот, он старался не смотреть ей в глаза, как бы прятал свой взгляд.

— Я тут от волнения, Ольга Сергеевна, немножечко принял, — оправдывался он

— Вот ты всегда так... Вот он всегда так, Ольга Сергеевна, каждый день вот пьяный... Поговорите с ним, Ольга Сергеевна, он учиться бросил, — Вика заплакала, — Не работает нигде...

Ольге нестерпимо было жалко своих ребят.

Вика рассказывала об Алешкиной жизни.

— Он тебя долго искал, везде искал, копил деньги, а потом ездил по разным местам. И все ждал, ждал тебя или весточку какую-нибудь... Учебу запустил, ведь поступил в университет, так учился бы... — Вика опять прослезилась.

— Это ты все виновата, — неожиданно резко сказала она, — поломала парню жизнь, такому парню, — Виктория посмотрела на Ольгу неприязненно, — Ведь он любил тебя, очень любил... Места себе не находил, жизни без тебя не видел... А ты знаешь, — Вика неожиданно перешла на шепот, Алеша в это время вышел покурить, — ведь я его и из петли один раз вытащила, как только вовремя подросла. А потом вот пить начал...

Вика потускневшим взглядом грустно смотрела на Олю.

— А ты почему не написала-то мне? — Голос у Вики опять задрожал. — Ведь я тоже тебя любила...

Ольга обняла ее и крепко прижала к себе.

— Я не хотела, чтобы он меня нашел, но, честное слово, я очень хотела тебя увидеть, очень. Я так сильно по тебе соскучилась. Как ты сама, вообще-то? А то все про Алешку, да про Алешку.

— Да я заканчиваю пед, работать буду в нашей школе, преподавать свою любимую химию.

— То есть, займешь мое место, повторишь мой путь... Смотри, не влюбись в какого-нибудь ученика, как я.

— Не влюблюсь. Я ведь Алешку люблю, еще в школе в него была влюблена, но ничего тебе не говорила. Я хотела, чтобы вы были счастливы. Алеша очень сильно любил тебя. И зачем только ты это сделала, зачем уехала от него?! — в Викиных глазах появились слезы. — Ты все сердце и душу ему сожгла... он уже никого не сможет так любить. Меня он, конечно, не любит. Так просто, нужна я ему, и все. А теперь вот совсем спивается...

...Алешка уже спал на диване, охмелев окончательно. Ольга смотрела на его ввалившиеся небритые щеки, ноги в грязных носках, и острая щемящая жалость разливалась у нее по сердцу и даже не только по сердцу, а по всему телу, и она зарыдала. Вика всячески пыталась ее успокоить.

— Олечка, Олечка, забери его с собой, он с тобой может еще образумится, лечиться будет, а без тебя — нет... А мы ведь с ним даже не зарегистрированы. Возьми его с собой, Ольга, — с надрывом умоляла Виктория.

— Но у меня же дочка и муж... — как-то растерянно произнесла Оля. — Куда же я его заберу?

— Так ты замужем? — Вика вытаращила глаза, — Вот это да... Что же теперь ему скажем? Ведь он успокоился, что ты приехала, он успокоился, я его знаю. Видишь, выпил и спит, а то обычно выпьет и плачет, и все твое имя шепчет. Он сейчас думает, что ты к нему приехала.

Ольга промолчала. Она не хотела разубеждать Вику. Она ведь действительно ехала к нему, к Алешке, а не к Вике.

— Куда ж я его заберу? — снова проговорила Оля.

«И зачем? — вдруг подумалось ей, — зачем он мне?»

Ей действительно совсем не нужен был этот пьяный чужой мужчина, это был не ее Алешка...

...Она уехала первым вечерним поездом, сколько Вика ни умоляла ее остаться. Ее нестерпимо тянуло домой: к Петру, к Викульке...

...И подальше от него, подальше, пока опасная жалость не овладела ею совсем.

г. Катав-Ивановск

И время сквозь меня течет

Россия

Весь любовью пропитан
От макушки до пят,
Так уж был я воспитан,
Только этим богат.

Даже имя «Россия»
Для меня словно стих,
И наград не просил я,
Ты давала мне их.

Все к исходу стремится,
Время давит на плечи,
Но я — России частица,
И поэтому вечен.

Первый снег

Мне эта белая безбрежность —
Как откровение небес,
Творцом ниспосланная нежность
На род людской, поля и лес.

Я в ней тону, восторга полон,
Ключом бьет радость через край,
И, кажется, за дальним долом
Увижу я ворота в рай.

Туман

Как джин из горлышка бутылки,
Туман поднялся из ущелья,
И я, прощаясь с летом пыльным,
У октября прошу прощенья.

За то, что сжег сентябрь все травы
В пылу безудержном веселья,
И тленья сладкую отраву
Вот-вот покроет снег метельный.

Все замерло — мир полон одиночества,
Я растворяюсь в нем — ни имени, ни отчества,
И время сквозь меня течет,
А остальное все не в счет.

Выбор

Мы разобщенно стали жить,
Увидев вдруг в богатстве силу,
И слово веское — «дружить»
Ненужным стало и немилым.

Забыли, что богатство — тлен,
Оно не вечно, преходяще,
И за его блестящий плен
Мы платим чувством настоящим.

г. Катав-Ивановск

Владимир Рудковский

Русские стихи на японский лад

***

Жёлтые глаза,
глядящие на меня.
Цветущий кизил.

***

На чужих гавкай,
А своим виляй хвостом.
Собачья должность.

***

Водичка в горсти.
Разжал пальцы — утекла.
Вода как деньги.

***

Перо гусака.
Перо сказочной птицы.
Перо поэта.

***

Расцвели розы.
Сады благоухают.
Соловью скучно.

***

Табак и вино,
наркотики и стрессы.
Жизнь коротка.

***

Белые крыши.
Под белым снегом — Земля.
Пробел памяти.

***

Дерево цветёт,
как первая любовь,
Быстро отцветёт.

***

Стою без мыслей.
За спиною свет свечи.
Я — тень на стене.

***

Разбрасывают камни,
потом собирают их.
Делать нечего.

г. Геленджик

Валерий Ерофеев

И придет вдохновенье

Ты прости

Ты прости, я совсем потерялся:
Ни звонка, ни письма в пару строк,
Я в душевных страданиях скитался,
Истоптав слишком много дорог.

Проходя по долинам цветущим,
Лепестки у ромашек срывал,
Я желал заглянуть в мир грядущий,
Как гадалка ответ я искал.

На вопрос, отдающийся болью
В растревоженном сердце моем:
Как мне быть со своею любовью?
Есть ли место ей в сердце твоём?

И, как в сказке, когда-то любимой,
На распутье бегущих дорог,
Предо мною предстал исполином
Камень — глыба — начала порог.

Не унял я камня указов:
«Влево... вправо... а может, вперед...»
Если любишь, то чувствуешь сразу
Ту дорогу, что к милой ведет.

Сердце ж рвется в лесные долины,
В край суровых уральских лесов
На свиданье с колдуньей любимой,
В мир реалий вернуться из снов.

Снится ж мне наша первая встреча
И прогулка при ясной луне,
И глаза — две потухшие свечи,
На прощанье молчавшие мне.

Снятся дни наших кратких свиданий
После долгих и тяжких разлук,
Пыкость сердца и глаз обаянье,
Свежесть губ и тепло твоих рук.

И придя в час назначенной встречи,
Наяву, а отнюдь не во снах,
Я хочу, чтоб потухшие свечи
Вновь зажглись в твоих милых глазах.

А что скажешь ты?

Память прожитых лет,
Без сомнения, свята,
Но в ней многого нет.
С чьей-то легкой руки,
Не гулял я с любимой
При вечернем закате,
Не мечтал ночью звездной
Вдвоем у реки.

Не коснулись меня
Бури страсти лихие,
Приносящие разом
И счастье, и боль,
Не пришлось мне
В те годы мои молодые
Испытать на себе
Эту трудную роль.

Задаю я вопрос:
Много ль жизнь моя стоит?
Коль прожита она
Без томящей любви,
Или, может быть,
Кто-то ее перекроит
И наполнит оставшие
Годы мои.

И в смятении чувств,
Оказавшимся мнимом,
Я прозрел, осознав
Воплощенье мечты:
«Жизнь прекрасна тогда,
Когда рядом с любимой,
Пусть без речки с луной».
Ну, а что скажешь ты?

Рассыпался слог?

Мысли прыгают, скачут
Не ложатся в строку,
Что же все это значит:
Я писать не могу.
Почему вдохновенье
Вдруг пошло стороной,
Не хватает терпенья,
Или стал я другой.
Почему не ложатся
Мои чувства в строку?
Почему я, как прежде,
Написать не могу?

Может, грустные мысли
Страсть загнали в острог,
Так, что руки повисли
И рассыпался слог.
Что-то все же мешает
Мне, как раньше, писать?
Может, чувство мужает,
В самом деле — как знать.
И стихи как одежда —
Слишком малый размер:
Как поэт — я невежда,
Не Шекспир, не Гомер.

О любви слишком скупю
Я тебе говорил,
Стихотворные пути
Много требуют сил.

И при этом теряешь
Чувства дивного слог,
Потому что петляешь
Рифмованием строк.
Или страсть затихает,
И угасла любовь,
И смогу ль я, не знаю,
Вдохновить ее вновь?

Только чувствую сердцем,
Что причина не в том,
Что вокруг все померкло,
И пошло кувырком.
Может, редкие встречи
После долгих разлук
Погасили все свечи,
И огонь мой потух.
И во тьме, как в тумане
Я писать не могу,
Я живу, как в дурмане,
И прозреть не смогу.

Потому, что мечтаю
Лишь о встречах с тобой,
И в мечтах воспеваю
Сердца нежный прибор.
И, конечно, надеюсь:
Все вернется опять,
Мысли сложатся в строки,
И стихи полетят.
И придет вдохновенье,
Крепче станет рука,
И исчезнут сомненья,
Что распалась строка.

г. Челябинск

Диня Горошилова

А там, где горят огнём

* * *

Свято место пусто не бывает.
Излечилось сердце, не болит.
В памяти твой образ догорает,
И уже не плачется навзрыд.

Я вас не зову, но вы идете
К пламени голодного огня,
И любовь отчаянную пьете,
Оставляя с жаждою меня.

* * *

На белом холсте облаков
Фантазии лёгкой кисти.
Рисую свою любовь
Под музыку желтых листьев...

Сквозь свет догорающих звезд,
В холодных лучах светила
Блестят завитки волос,
Которые я любила.

А там, где горят огнем
Шиповника капли ягод,
Я вспомню еще о нем
И мысленно буду рядом.

Поплачет росой трава,
И я вместе с ней поплачу...
Любовь, как всегда, права.
И быть не должно иначе!

пос. Томинский

Светлана Медведева**Чья-то душа невесомая****Разбитая чашка**

Покачнулась чашка,
Я не удержала,
Без крыла, не пташка,
С грохотом упала.

Острые осколки,
А руки мои в кровь!
Как иголки колки,
И хлынут слёзы вновь.

И не жаль мне чашку,
Старую, простую,
А судьбу, бедняжку,
Жалкую, смешную..

Выглядит нелепо,
И с дороги сбилась,
А любовь, как чашка,
В толки превратилась.

Незнакомая звезда

Если звезда незнакомая
Ярко на небе зажглась,
Чья-то душа невесомая
На небеса вознеслась.

Небо усыпано звёздами,
Это сказка, не ночь,
Брызгами белыми, чистыми
Космос желает помочь.

Души, как искры Вселенной,
Нет там, поверь, пустоты,
Мир для них вечен нетленный,
К сердцу вновь строят мосты.

Телефонный звонок

Телефонный звонок
Разбудил тишину,
Звон тосклив, одиноч,
Но к нему не шагну!

Слов твоих не услышу,
Я не верю в слова,
Пробегу по карнизу
И останусь жива.

Ведь тогда для спасенья
Ты был нужен — любя,
Я ждала утешенья,
Ждала от тебя.

А сегодня легко мне,
На судьбу не ропщу,
В голубой вышине я
Снова счастье ищу.

Мелодия любви

Мне обнять бы тебя
И в глаза заглянуть,
В небе светом заря
Говорит: «Не вернуть!»

Не допета та песня,
Что звучала о нас
И теперь с поднебесья
Различаю я глас.

А теперь лишь в окно
Ветерком постучишь,
Дрогнет тихо стекло —
И ты дальше летишь.

Позволь мне

Ты позволь мне, Господи,
Постоять немного
В васильковой россыпи,
Лишь потом дорога.

Ты позволь мне, Господи,
Звезды на ладошку,
Пусть уйду без почести,
С радостью в дорожку.

Ты позволь мне, Господи,
С милым попрощаться,
И в любви, пусть осенью,
От души признаться.

А еще позволь мне
Миру поклониться,
Виновата перед кем —
Хочу повиниться.

Дождь

Монотонный, как стук колёс,
Дождь стучит и стучит по крыше,
И уже ты не здесь, в мире грёз,
Голос вечности словно слышен.

Припадет он к земле усталой,
Растревожит журчаньем ручья,
Растворится с водою талой,
«Ты свободна, — прошепчет, — ничья!»

И вернется он дробью по лужам
И разбудит желанья души,
Ты доверься ему и слушай,
А потом о судьбе расскажи.

Я не прощаюсь

Друзья мои, я не прощаюсь,
А лишь «До встречи», — говорю.
Я к вам вернусь, не сомневаюсь,
И жизнь, и вас благодарю.

Моя любовь, что в небе ясном
Зажглась отважно на пути,
Дарила свет ты не напрасно
И лучше, верю, не найти.

Мы все торопимся куда-то:
В шальную высь или края,
А время смотрит виновато,
Нет, не осталось даже дня...

Маяки Вселенной

Маяки Вселенной,
Звезды Цефеиды,
Острова над бездной,
Таинства планиды.

Океан безбрежный:
Нет конца и края.
Холоден безгрешный,
Светит, не сгорая.

Свет, от них идущий —
На века мерцанье,
Нити подающий
В наше мирозданье.

Тайна заполняет
Тишину ночную,
Время застывает,
Все слова впусую!

Красноармейский район

Лидия Балыкина

Я в осень иду

К нам осень явилась, шурша

Прекрасна природа осенней порою,
Как золотом вспыхнувший сад,
Здесь яблоньки с жёлто-пурпурной листвою
Тихонько по ветру шуршат.

Берёзы и клёны с высокою кроной
Линейкой построились в ряд.
Их летние платья, что были зелёны,
Теперь разноцветьем горят.

Порывистый ветер с них платья срывает,
Под ноги бросает ковром,
А тучи собою всё небо скрывают
И льются холодным дождём.

Вот мощные ели, темны и высоки,
Торжественно-стройно стоят,
Осенние думы, близки и далёки,
В ветвях своих тайно хранят.

Столь грустной, осенней, дождливой порою
Тоскует о лете душа,
Все прочь унеслось и тепло и былое.
К нам осень явилась, шурша.

Ушедшим годам я махнула рукою,
Что были уже позади.
Я в осень иду, не старея душою,
В туманную грусть и дожди.

В горах Урала

Урал. Урал — лесные тропы,
Отвесность скальной красоты.
Я в горы поднимаюсь, чтобы
Полюбоваться с высоты.

А там вдали, в каменьях воды
Проносит речка Юрюзань,
Там пышный лес, полян свобода
И скал причудливая грань,

Целебных трав переплетенье
И водопадов шумный плеск,
Там переливы света с тенью,
Озёр прозрачных тихий блеск.

Там кони на полях пасутся,
По ветру гривы распутив,
Вперёд вдруг быстро понесутся,
Округу ржаньем разбудив.

А я как Медных Гор Хозяйка,
Стою среди россыпей камней.
В тот самый миг я без утайки
Богаче всяких королей.

И музой светлой вознесённа —
Парю, сливаясь с красотой,
Родной Урал, в тебя влюблённа
И зачарована тобой.

г. Трёхгорный

Елена Черданцева

Как хорошо любимой быть

Море любви

Что за диво это море!
Всюду чайки на просторе,
Где-то там в морской дали
Проплывают корабли.

Море, звезды и прибой.
Здесь мы встретились с тобой.
Светит яркая луна —
Для любви она дана.

Ах, море, море, море,
Где край, а где начало?
Ах, море, море, море,
Здесь ласковый прибой.
Ах, море, море, море,
Так палубу качало.
Ах, море, море, море,
Мы счастливы с тобой.

Будет море долго снится.
Крики чаек над водой.
Пролетели дни, как птицы,
И пора опять домой.

Очень жалко расставаться.
Время вспять не повернуть.
И придется нам признаться
Что у каждого свой путь.

Он не придёт

Полетели, полетели мухи белые,
К нам опять торопится зима.
Застилает снег тропинки стылые,
И опять из снега кутерьма.

Снежинок белоснежных хоровод
Ложится тихо мне на плечи.

А он ко мне дорожку не найдёт.
Не будет нашей встречи.

Наметет зима сугробы белые,
Засверкает снег, как серебро.
Говорят, что мы с тобой несмелые,
Вместе быть нам вовсе не дано.

Неужели нам с тобой не встретиться,
Порознь зиму будем зимовать.
Кто же первый подойти осмелится —
Может, мне самой пример подать.

Полетели, полетели мухи белые,
К нам опять торопится зима.
Застилает снег тропинки стылые,
И опять из снега кутерьма.

Не вернуть года

Застыла в реченьке вода,
Ох, как бегут, бегут года,
А я с тоской смотрю им вслед
Их не вернуть, конечно, нет.

И говорю тогда себе:
Будь благодарна ты судьбе,
Не позволяй себе грустить,
А позволяй счастливой быть.

С любовью ты встречай рассвет
И получай любовь в ответ.
Как хорошо любимой быть —
По жизни в одной лодке плыть.

Пускай бегут, бегут года
И не верну их никогда...
И сколько ещё мне прожить —
Все так же буду я любить.

Лень

Нежданно вновь пришла зима,
А я как будто ей не рада.
И снова снега кутерьма,
И холод всюду, вот досада.

И рассветает еле-еле,
Не хочется вставать с постели.
И привязалась эта лень —
Сегодня трудный будет день.

Пора бы и с постели встать
Да эту лень мне обуздать,
Её встряхнуть долой бы с плеч
Да затопить скорее печь.

А там — на целый день дела...
Тут лень сама всё поняла.
Она и так всё знала,
Что не на ту напала.

г. Трёхгорный

121

Графоман № 1 (17) - 2014

Татьяна Баландина Весенние строфы

Жить ожиданием

Прочь куда-то уходит зима,
Впереди нас ждет звон капли.
Как особенно ждем мы весну,
Словно бы долюбить не успели...
А любовь, она ко всему,
Что с тобою нас окружает:
Это звон ручейка в лесу,
Мотылек, что над нами летает,
Это первый луч поутру
Что запутался в ветках березы,
Это пение ранних птиц,
Это первые майские грозы,
Это радость за близких своих,
Это радость общения с ними,
Пожелания им света, добра,
Прочь печалям, тоске и унынию.
Все с приходом весны оживает вокруг
Всех коснулось ее дыханье.
Сохранить бы тепло ее губ,
Чтобы снова жить ожиданием.

Шаги весны

Я проснулась сегодня рано
Поспешила увидеть восход,
Как за домом у дальней поляны
Солнце розовое встает.
Как лучи улыбнутся,
Прогоняя прохладу тьмы.
Они радуют нас беспечностью,
Словно вздохом самой весны.
И тепло ощущается в воздухе,
В дуновении ветерка,
Приближается тихой поступью
Лето красное издалека!

Весна

Что за гомон непонятный
С самого утра?
Воробьи чирикают:
Весна, тепла, весна!!!
Голуби воркуют
На соседней крыше
Говорят так громко!
Мы с братишкой слышим.
Пес дворовый Шарик
Пьет из первой лужи,
Ему не надо кружки
И кран ему не нужен...
Метели отшумели,
И не трещат морозы,
Мы маме нарисуем
Гвоздику и мимозу.

Жду весеннего тепла

Жду весеннего тепла
И погожих дней,
Чтоб хорошие слова
Прошептал ручей,
Чтоб в душе растаял лед
И ушла тоска.
Часть тревоги и забот
Унесла б река...
Чтоб вернулся снова смысл
Жить, творить и петь.
И хватало времени
Лишь вперед смотреть.

с. Чесма

Галина Крестникова**Когда волнение рвется из оков**

* * *

* * *

Я не Ахматова,
И все вокруг не ново,
Но хочется и мне
Свое оставить слово.
Сказать о том,
Как нужно жить,
А мир теперь
Так трудно удивить.

Года бегут как поезда.
Вопрос:
«Откуда и куда?»
И ты бежишь, спешишь
И хочешь все успеть.
Но помни, чтоб потом
Не захотелось пожалеть.

Ты знаешь, как рождаются стихи?
Ростки их есть у каждого из нас.
А рифмы — равномерные штрихи —
Возникнут в данном месте
в данный час.

Когда волнение рвется из оков
И хочется смеяться иль рыдать,
Остановись, дождись своих стихов,
Что с неба в душу спустятся опять.

* * *

Что прописано
В этих страницах —
Всё, всё было
И это не сон.
Но вся разница
В том,
Что желанья и чувства
Как прежде уже не поют
В унисон.

Каждый автор своей судьбы

Родился человек.
Каков он будет? Не знаю,
Да не мне судить.
Как он сумеет жизнь построить
И как сумеет он ее прожить.

В этой жизни все имеет цену:
Решенья, мысли, чувства дела —
Об этом нужно помнить нам всегда.
И все, что совершаем в жизни мы,
Является этапами твоей судьбы.

А если что-то не сложилось,
Не стоит никому пенять,
А просто каждый должен знать,
Знать, понимать
Что в жизни сей
Являешься ты автором судьбы своей!

Зима

У тихой речки ели
Зима заморозила,
Тропинки и дорожки
Снежком запорошила.
С холодным ветром споря,
Запела песню вьюга.
Протяжно подпевала
Метелица-подруга...
В затишье предзвездным
Снежинки прилетали,
На землю опустились
На белые постели.
Да матушка-землица
Зимой не забыта:
Давно пушистым теплым
Ковром она укрыта.

г. Миасс

Татьяна Рубцова**Два стихотворения****Мама**

На портрет я гляжу:
Как всегда молода!
Тень на щёчки красиво упала.
Нежный маленький рот
Да большая коса

С плеч красивою змейкой свисала.
Пусть проходят года —
Ты всегда молода!
Вот и я стала мамой тоже.
Но нельзя позабыть мне
Родные глаза,
А улыбка твоя всех дороже.

Помню детство своё,
Как ревела тайком
Только ты, несмотря на усталость,
Подбегала ко мне, на колени брала
И с любовью к себе прижимала:
«Дорогая моя, успокойся, не плачь».
Очень тихо и нежно качала.
Ну, а я, позабыв про обиды свои,
На коленях твоих затихала.
Огорчали тебя и шалили не раз,
Ты же, милая, всё нам прощала,
Ведь тепло твоих рук и дыханье твоё
Крепко-крепко нас всех согривало.
Вот и детство прошло,
Но закрою глаза,
Вновь увижу себя на мгновенье:
Рядом с мамой сижу,
А ладони твои пахнут хлебом,
Клубничным вареньем!

Вечер

Тихо ветер опускается
И ласкает гладь пруда.
Красотою отражается
На воде огни, дома.
А деревья как-то сказочно,
Так задумчиво стоят.
И ветвями чуть касаясь,
В гладь зеркальную глядят.
Тишина стоит чудесная
На душе такой покой!
Что же может быть прекраснее?
Только встреча с красотой
А гусыня, словно лодочки,
Распугали тишину,
Растянули рябь волнистую
И плывут встречать Луну.

с. Чесма

Татьяна Никитина

Кисть мастера пишет, страдает и любит

Художник

Он сердце в полотна безгрешные вложит,
Чтоб к людям симпатию обратить.
Однако обидеть его каждый может,
Нечаянно резким словцом опалить.

Художник увидит внимательным взглядом
Морщины завидных и злых судьбин,
Багет позолоченный скроет изъяны
И шрамы на лицах героев картин.

Кисть мастера пишет, страдает и любит,
И давит чело терновый венец,
Чужая фантомная боль его губит,
Но делу всегда будет предан творец!

Смородина

У крыльца резного на Родине,
Душевым теплом согрета,
Легенда о чёрной смородине
Поэтом была воспета.

Весенние талые воды
Её с наслаждением питают
И, насекомых собрав хороводы,
Смородина вновь расцветает.

От мягких заботливых рук
Пышной стала смородина,
И хотя вдалеке от подруг,
Здесь, у крыльца, её Родина.

Под тяжестью ягод спелых
Ветви её наклоняются.
Чёрный жемчуг в руках умелых
На ладонях не умещается.

Посреди новогодней ночи
Поэт вспоминает о Родине,
О водице прозрачной в бочке,
И снится ему смородина!

г. Карталы

Галина Коханая

Гармония в душе и чувств сиянье

Колокольный звон

Колокольный звон мне снова слышится,
И желание приходит всякий раз
Встрепенуться и душой очиститься,
Чтобы птицей лёгкой мысль взвилась.

Чтобы в жизни, более хорошего
Замечая, побеждала зло,
Чтобы счастье чаще гостьей прошеной
Приходило, недругам назло.

Чтоб друзьями не была забытою
И сама ценила их тепло,
Чтобы сердце, некогда разбитое,
Утешенье в радости нашло.

Колокольный звон. С ним легче дышится,
Он зовёт на добрые дела.
Память вековая в нём мне слышится.
Я люблю ваш звон, колокола.

* * *

Подари ты слова мне лестные,
Пусть даже с капелькой лжи,
И эти игры словесные,
Прошу я, в себе не держи.

Подари мне и ночи бессонные,
Где будем вдвоём с тобой,
И, глядя в глаза бездонные,
Скажу я: «Любимый мой».

...Всё было — и ночи бессонные,
И нежные были слова,
Глаза твои рядом бездонные,
Теперь же болит голова —

От безысходности серой
И беспредельной лжи.
Зачем, окрылённую верой,
Сломал ты меня, скажи?

* * *

Стихи пошли. Мне надобно их встретить
И с радостью все мысли записать,
Как гостя долгожданного приветить,
Как малого ребёнка обласкать.

Гармония в душе и чувств сиянье —
Стихи — отрада и мои друзья.
Стихи — ответ вопросам мирозданья,
Без них себя уже не мыслю я.

Стихи идут, и радость наполняет,
Спасенье в них и яркий свет во тьме.
И чувство это верой окрыляет,
Надежду и вниманье дарит мне.

* * *

Был сон мой неглубоким,
Как будто не спала.
По всем местам далёким
За эту ночь прошла.

На родине, мне милой,
Встречалась я с роднёй.
Неведомая сила
Зовёт меня домой.

И сердце защемило —
На миг бы всё вернуть,
В разлуке не забыла
Вкус родины и суть.

Вишнёвое варенье
И яблоневый сад...
Тепло от впечатленья —
Тебе здесь каждый рад.

Здесь каждая дорожка
Напомнит о былом
И погрузит немножко
Даст повод мне о нём.

Родимая сторонка,
Любимые края.
Здесь некогда девчонкой
Тянулась к свету я.

Свой край увидеть рада
И вправду, и во сне,
Он чувств моих услада,
Навечно дорог мне.

* * *

Снова деревья в пушистом снегу —
Очень красиво!
Я любоваться всем этим могу
Сказочным дивом.

Вновь свиристели к рябине летят
Стайкою дружной.
Но отчего затуманился взгляд? —
Плакать не нужно.

Надо частицу добра отыскать
В жизни суровой,
Эти рябины и птиц наблюдать
Снова и снова.

Грустные мысли приходят порой —
И не случайно,
Не избалована лёгкой судьбой,
Нет в этом тайны.

Помню: молодой, не по воле своей,
Я уходила.
Бог уберёт, и с тех пор я сильней
Мир полюбила.

Да, я песчинка, но радость дарю,
Зло отвергая,
И за спасение благодарю,
Жизнь продолжая.

г. Трёхгорный

Людмила Бычкова

Я тебе посвящаю стихи

Моему Андрею

Мы жалеем не тех,
Мы жалеем не там,
Вместо Богу молитв
Подаем мы сто грамм,
Вместо плотских утех
Посетить надо храм,
И тогда,
Может быть,
Бог поможет и Вам.

***

Я тебе посвящаю стихи,
Отдала тебе бы я жизнь,
Только нет тебя со мной,
Под крестом деревянным лежишь.

Наш любимый родительский дом
Без тебя стал пустым и серым,
Почему ты так рано ушел,
Эх, Андрей, что же ты наделал.
Я боюсь позабыть тебя,
Твои жесты, руки, глаза,
Я хотела уйти за тобой,
Но судьба мне сказала нельзя.

***

Каждый несет свой крест,
Каждый в горе чужой,
Много в мире мест,
Но я хотела с тобой,
Но надо, быть и жить,
Чтобы память о тебе сохранить.

г. Нязепетровск

Пётр Савенко

Тугун

Повесть

Память, как же ты своенравна и капризна. Порой незванным гостем приходишь ты в наше сознание, принося с собой тяжкий груз наших ошибок и неблагоприятных поступков, о которых хочется навсегда забыть, и бесцеремонно тычешь нас в них, как строгая хозяйка нашководившего котенка и невозможно вырваться из твоих объятий в длинные, бессонные ночи.

Но стоит попросить тебя хоть на минутку вернуть нас в счастливую пору раннего детства, ты с такой неохотой показываешь нам лишь отдельные, скупые эпизоды далекого прошлого и размытые временем лица ушедших друзей.

И все же, спасибо тебе память, за то что хоть иногда, в минуты душевной пустоты и одиночества, ты позволяешь нам приоткрыть страничку великой книги Жизни и заглянуть в то далекое, беззаботное время, когда наша жизнь только начиналась и казалась нам бесконечной и прекрасной, как огромное синее небо, а друзья верными и бессмертными.

Часть 1

Степь

Полуденный зной колышущимся маревом плыл над бескрайней степью, и казалось, что солнце навсегда остановилось в голубом зените. Середина лета. Жара стоит такая, что даже неутомонные жаворонки умолкли, укрывшись в тени кустарника. И только высоко в

небе парил одинокий орел, высматривая зазевавшегося суслика или неосторожную куропатку.

Проводив его взглядом, Санька поднялся с горячей земли, но идти куда не хотелось, и он, постояв, вновь опустился на порыжевшую от солнца траву и, обхватив колени руками, склонил на них голову. На душе было так грустно и тоскливо, что хотелось горько и громко заплакать.

Сегодня от матери он узнал, что родители решили переехать из поселка в районный центр, где отец устроился на работу, и что решение это окончательное. Мысль о том, что скоро придется навсегда оставить родные места и друзей, без которых он не представлял свою жизнь, была невыносима. Санька не мог понять причину такого решения родителей. Почему им не нравится жить здесь? Ему казалось, что нет деревни лучше, чем его родной поселок и места прекраснее, чем его степь.

Степь. С ней были связаны все прошедшие десять лет его жизни. Родился Санька Павленко вскоре после окончания войны в небольшом переселенческом поселке Украинском. Разномастные, глинобитные, саманные, а часто просто земляные постройки, обмазанные снаружи и изнутри глиной, разбросанные по обе стороны вечно разбитой дороги, окружала бескрайняя, целинная степь. Казалось, только приложи к ней руки и можно навсегда забыть о том страшном, беспощадном голоде, от которого бежали крестьяне с родной Украины на неведомый Урал. Жадные до земли и работы, новоселы вдоволь нарезали к подворьям земельные участки, надеясь обеспечить себя и свои семьи необходимым продовольствием. И хотя работа в организованном вскоре колхозе отнимала у взрослого населения почти всё время, приусадебные участки сорняком не зарастали. От зори до зори, не разгибая спины, работали на нем всей семьей. Особенно доставалось детям-подросткам, на плечи которых, в основном, ложилась обязанность борьбы с сорняками.

Впрочем, проблемы и тяготы сельской жизни, ввиду малолетнего возраста, Саньку особо не затрагивали. Последний ребенок в большой крестьянской семье, он рос, как и другие дети его поколения, без особого надзора и мог позволить себе относительно свободное времяпрепровождение.

Особым разнообразием оно не отличалось и в основном сводилось к бесконечным походам с друзьями по наиболее интересным объектам поселка и его окраинам. Утром, наскоро позавтракав, Санька с ватагой таких же, как он, босоногих пацанов, мчались либо на конеферму, где вступали в беспощадное сражение со шнырявшими повсюду крысами, обстреливая их из рогаток и самодельных луков, либо к старой, полуразвалившейся кузнице, где повсюду валялись различные железки, которые при соответствующей фантазии можно было использовать в играх в качестве автоматов, пулеметов и даже пушек. Любимым занятием для Саньки и его друзей было наблюдать, как кузнец дядька Афанасий колдовал с молотком над раскаленным металлом. Весь прокопченный дымом, сизой дымкой застилавшим грязное, небольшое помещение кузницы, с обкуренными, пожелтевшими от махорки седыми усами, он как фокусник вертел на наковальне раскаленный, искрящийся от жара кусок металла. Держа щипцы с заготовкой в левой руке, Афанасий точными, легкими постукиваниями молотка по металлу указывал молотобойцу место для удара тяжелым молотом, изредка покрикивая на напарника. А когда кусок металла принимал определенные очертания, Афанасий несколькими точными и сильными ударами молотка придавал ему нужную форму. На глазах ребят бесформенный кусок железа превращался в нужную деталь для сельхозмашин, и это приводило их в восторг. Когда Афанасий был в хорошем настроении, он давал ребятам подержать в руках молоток или щипцы, подергать меха горна и даже предлагал курнуть из своей самокрутки. Однажды Мишка Тимохин соблазнился таким предложением, но потом долго кашлял, плевался, а из глаз его ручьем текли слезы. Глядя на Мишкины страдания, остальные пацаны отказались от «угощения», но в кузнице по прежнему были частыми гостями. Ближе к обеду ребята направлялись к зернотоку, который находился на краю деревни. Вернее, их привлекал не сам ток, где лежали кучи зерна, а два больших деревянных амбара на территории зерносклада, в которых часто хранились семена подсолнечника или гороха. Щели и даже небольшие дыры в крыше амбаров позволяли самому маленькому из ребят проникнуть внутрь и обеспечить всю компанию чем либо съедобным.

А однажды друзья обнаружили в складе прессованные плитки подсолнечного жмыха. Каким же вкусным он им показался, но, сколько детских слез было пролито потом в укромных местах, когда казалось что это не остатки жмыха выходят из них, а как минимум ежик,

да к тому же иглами, направленными в разные стороны. И хотя первый опыт употребления коварного лакомства оказался крайне не удачным, ребята не смогли отказаться от такой вкуснятины и продолжали его добывать и есть, соблюдая определенную ими безопасную норму. Другим источником дополнительного питания для ребят были птичьи яйца. Поскольку сороки и вороны не рисковали гнездиться не только в границах села, но и на его окраинах, то страдали от ребячьих грабительских набегов в основном воробьиные семейства. Местонахождение птичьих гнезд установить было не трудно, важно было пробраться к ним первому, опередив остальных претендентов. Особым шиком считалось поймать на гнезде воробьиною самочку. Правда, после недолгих издевательств ее отпускали, но яички, если они были свежие, безжалостно съедались. И как бедные воробьи при таких условиях ухитрились размножаться, да еще в таком огромном количестве, остается необъяснимой загадкой природы.

Когда же Саньке очень хотелось чего-либо вкусенького, вопрос разрешался более сложным путём. Из сладостей дома был только кусковой сахар-рафинад, который отец раскалывал на более мелкие кусочки и раздавал всем перед чаепитием. Этого, конечно, для Саньки было мало, хотелось конфет, но их покупали только по большим праздникам и в небольшом количестве. Однако выход был найден. В сельский магазин можно было сдавать куриные яйца в обмен на товар, поэтому оставалось только утащить незаметно от матери три-четыре яичка из куриного гнезда и обменять их в магазине на пачку фруктового чая или кулёчек дешёвых кофейных конфет-подушечек. В этом случае расстроенная мать ворчала, что куры что-то плохо стали нестись и пора бы уже омолаживать куриное поголовье. Правда, такие случаи были не часто, поэтому, спустя два-три дня, всё забывалось до очередного товарообмена.

Конечно, так поступал не один Санька. Его друзья Коля Васильев и Ваня Никифоров тоже пользовались услугами сельмага, но продавец магазина свято хранила детскую тайну и, конечно, не ради коммерческой выгоды, а из жалости и сочувствия к босонотому ребячьему племени.

Но больше всего ребят притягивала к себе степь. Их завораживала и манила к себе ее бескрайность и загадочность: а что же там, за горизонтом?

Правда, зимой в степи холодно и неудобно. А когда поднимался буран и обезумевший от ярости ветер валил с ног и засыпал снегом, становилось даже страшно. В это время находиться в степи было просто безумием. Да и волки, случалось, выли по ночам от голода рядом с поселком, а на скотомогильнике, недалеко от деревни, ребята иногда видели оставленные ими следы. Поэтому зимой в степь никто без нужды не ходил, даже взрослые. Ребята ждали весну. Весной степь оживала.

Под теплыми лучами весеннего солнца снег быстро таял, и вода бурлящим потоком мчалась из степи, по логу, в село и разливалась небольшим озером в центре поселка, напротив деревянного магазина. В эти дни почти все жители поселка шли любоваться весенним действием природы, ее могуществом и красотой. А потом степь покрывалась зеленым ковром травы, и это было время раздолья для Саньки и его друзей.

Несказанным удовольствием было бродить босиком по теплым лужам после летнего дождя, гоняться за бойкими кузнечиками и разноцветными бабочками или лежа на теплой, веками не паханой земле, слушать бесконечное журчащее пение жаворонков. А как преобразилась степь к середине лета, когда теплый ветер гнал по ней седые пряди цветущего ковыля и казалось, что перед ребятами расстилается бескрайнее море, по которому белыми барашками бегут в неведомую даль волны.

Но не только красота степных просторов привлекала ребят. Дикий лук, щавель, клубника в изобилии росли на целинной земле. Дети под контролем старших братьев и сестер стайками рассыпались по полю, наполняя сумки, ведерки, банки дарами щедрой степи. А дома матери готовили для всей семьи вкусные супы, пироги, варенье. Хорошо в деревне летом. Иногда, когда колхоз выделял грузовик, взрослые ездили за вишней, привозили полные ведра крупной, сочной, темно-бордовой ягоды. На расспросы Саньки о том, где растет такая вкусная вишня, взрослые говорили, что растет она в Тугунском бору, недалеко от Чесмы. И там ее видимо-невидимо. Удивительно было для Саньки, что в каком то бору растет столько много таких необычных ягод, а когда он пытался выяснить, что такое бор, взрослые объясняли, что это большой, густой лес, в котором растут грибы и ягоды и водятся всякие дикие звери. Конечно, Санька иногда видел в книгах на картинках деревья, но что такое бор, он представить себе не мог.

Когда Саньке исполнилось шесть лет, был он определен в первый класс украинской начальной школы. Событие это его нисколько не обрадовало.

Теперь предстояло вставать рано утром и идти в школу, сидеть полдня за партой, учить и писать цифры и буквы. Скукота страшная. Зато зимой, после уроков ребята, поев на ходу, кто с лыжами, кто с саночками, мчались на высокую снежную гору у магазина и вихрем скатывались вниз, на дорогу. Как же было весело. А весной в школе усидеть было еще труднее, чем зимой. Ребят манила к себе пробуждающаяся после зимней спячки природа, каждая обогретая солнцем полянка предлагала побегать по ней с мячом, каждый ручей звал плыть с ним в неведомую даль или хотя бы отправить по нему самодельный кораблик. Особенно запомнился Саньке день Первого мая. Был чудный, теплый весенний день. Окна их деревянной, одноэтажной школы были распахнуты настежь, и со стороны клуба доносилась громкая праздничная музыка.

А потом школьников повезли на кузове грузовой автомашины за поселок, на луг, где белыми островками цвели подснежники и красовались ярко-желтые стародубки. Ребята набирали букетики первых, душистых цветов и казалось, что нет ничего красивее их. Кто-то из школьников нашел гнездо жаворонка, в котором лежали голые желторотые птенцы. Они смешно задирали вверх головы и беззвучно открывали рты, ожидая, когда родители их покормят. Сколько было восторга и ни у кого из ребят не было даже мысли обидеть беззащитных пичуг. Шли годы, похожие друг на друга и ничто не предвещало крутых перемен. Так было до сегодняшнего дня.

Где-то на окраине поселка затарахтел трактор и Санька, подняв голову, огляделся вокруг. Солнце уже склонялось к горизонту, и пора было идти домой, пока родители не стали его искать. Стало немного прохладнее и степь потихоньку оживала. Послышались птичьи голоса, где-то вверху зациркали в полете краснокрылые кузнечики, догонять которых было любимым развлечением Саньки. Но сейчас было не до них. Через два дня он навсегда покинет родной поселок и уедет в Чесму, где уже был куплен дом, и где ему предстояло начинать новую жизнь, учиться в новой школе, заводить новых друзей. Это и волновало его и пугало. Но делать было нечего, пришла пора прощаться не только с друзьями детства, но и с самим детством. Впереди была самая прекрасная пора жизни — юность.

Часть 2 Тугунский бор

Чесма Саньку не поразила, а скорее удивила. Удивила количеством улиц и домов, множеством людей. Первое время ему было сложно ориентироваться в поселке, поэтому далеко от дома он не уходил, а больше интересовался, кто из ребят-ровесников живет неподалеку. Вскоре состоялось первое знакомство с местными пацанами. Прошло оно вполне дружелюбно. Просто Санька увидел, что на улице ребята играют в футбол, подошел к ним и попросил взять его в команду. А поскольку в футбол он играл неплохо, то этим быстро завоевал авторитет у новых друзей. Чесменские ребята были пошустрее украинских, а если точнее, то понаглее. Во время игры они крыли друг друга таким матом, какого Санька и от взрослых-то не слышал.

А после игры, уже в сумерках, юные футболисты расселись на бревнах у одного из домов и стали расспрашивать новичка, кто он и откуда, где живет. Узнав, что Санька недавно приехал и живет на одной с ними улице, дружно стали с ним знакомиться и даже предложили закурить. От сигареты Санька отказался, но про себя рассказал все. Старший из ребят, Колька Усков, подвел итог знакомства, сказав:

— Короче, если кто полезет из местных, зови нас, ты теперь из нашей компании, так что никого не бойся. Остальные пацаны дружно поддержали своего вожака. Санька был очень благодарен новым друзьям за поддержку, потому что понимал, в первое время она ему пригодится. Ребята из новой компании были разновозрастные, но дружные и готовые постоять и за себя и за своих товарищей.

Посидев часа два, ребята, уже в сумерках, разошлись по домам.

На другой день новый приятель, Колька Савкин, предложил Саньке сходить в клуб, в кино, на дневной сеанс. Клуб находился практически в центре Чесмы и представлял собой большое деревянное помещение, с толстыми деревянными колоннами при входе на крыльцо. Колька сказал, что это бывшая церковь, переделанная под клуб. Внутри клуба был просторный коридор и два входа в зрительный зал, в котором все было заставлено деревянными стульями. Слева была сцена, а справа, при входе в зрительный зал, вверх вела

крутая лестница на балкон. Там, как правило, и собирались все мальчишки, пришедшие посмотреть кинофильм. Новые друзья не были исключением и тоже забралась смотреть кино с балкона. Когда закончился кинофильм, ребята вышли на улицу и Санька смог оглядеть прилегающую к клубу территорию, огороженную металлической оградой. Практически всё вокруг заросло густыми аллеями из акации и сирени. Справа от входа в клуб находилась большая летняя танцплощадка. Все это впечатляло.

— Может в чикю пойдём, сыграем — предложил Колька, — вон пацаны орут в кустах, значит, играют.

— Пойдём, — согласился Санька.

На дорожке, внутри аллеи из кустов акации, собралось человек шесть подростков, игравших в незнакомую для Саньки игру. На земле стопкой были сложены монетки, и нужно было попасть в них битой. Причем бита у каждого своя. Вроде бы ничего сложного не было, и друзья включились в игру, вооружившись Колькиной битой. На практике все оказалось гораздо сложнее, и вскоре Санька проигрался вчистую. Но зато познакомился с другими пацанами. Всей компанией ребята пошли купаться на Туеткан. Как оказалось, это была протекавшая через деревню небольшая, запруженная плотиной, речка. На самом берегу пруда, напротив клуба, росли три больших тополя, ветки которых свисали над водой. Самые бойкие ребята залезли на эти ветки и бесстрашно прыгали вниз, в воду. Что бы не уронить себя в глазах местных мальчишек, Санька так же забрался на ветку и прыгнул с двухметровой высоты под одобрительные крики новых друзей. Так он набирался жизненного опыта на новом месте и входил в новую жизнь. Незаметно пролетело лето, и первого сентября Санька отправился в новую школу. Школа действительно была новая и первый раз принимала учеников. Это было красивое, белоснежное, двухэтажное здание с множеством классов. Все еще пахло краской и сияло чистотой. Определили Саньку в пятый класс, и потянулись чередой школьные дни с их проблемами, радостями и огорчениями. Ребята в классе подобрались бойкие, даже чересчур, но Санька стремился от них не отставать, поэтому часто попадал в конфликтные ситуации, да и «неуды» частенько появлялись в его дневнике. Сказывалась плохая первоначальная подготовка в начальной школе родной деревни. И все же ему в школе нравилось. Здесь все было не так, как в Украинке. Множество ребят, каждый из которых хочет показать свое превосходство перед другими, красивые девочки, перед которыми ребята как петухи задирали друг друга, стремясь обратить на себя внимание юных красавиц. На перемене шум, гам. Санька чувствовал себя в этой среде как рыба в воде, но к девочкам был равнодушен. Незаметно прошла зима, и вновь наступило лето. Первые полноценные каникулы в Чесме. Как они быстро пролетают. Не успеешь сходить на речку искупаться, поиграть в футбол или лапту, глядишь, уже и день кончается. Кажется, только начались каникулы, а уже осень на подходе. В августе родители взяли Саньку первый раз с собой в лес за грибами. Сказали, что пойдут в Тугунский бор. Окраина бора находилась примерно в двух-трёх километрах от дома, где жили Павленко, но ехать было не на чем, поэтому, взяв ведра и корзинку, пошли пешком. Санька впервые в жизни увидел настоящий лес и полюбил его с первого взгляда. Он гладил белоснежные стволы берез, ощупывал руками колючую хвою сосенок и не переставал удивляться красоте деревьев. Правда, в каждый новогодний праздник в украинскую школу привозили сосну и наряжали ее к празднику. Но то было мертвое дерево, а здесь лес шелестел листьями как живой и разговаривал птичьими голосами.

Через полчаса Санька чувствовал себя в лесу как дома, как будто он родился и вырос среди берез и сосен, но куда-то уезжал, а сейчас вернулся в родные края и лес встречал его дружелюбно, как старого знакомого. Грибов в лесу было много и разных. Поскольку Санька никогда их не собирал и не знал, какие съедобные, а какие брать не нужно, то каждый найденный гриб он приносил и показывал отцу или матери. Часа через два и ведра и корзинка были полны грибов и каждый со своей добычей пошли домой. Пришли домой усталые, но довольные. Особенно радовался Санька. Он был в лесу, он дышал запахом леса и полюбил его белоствольные кудрявые берёзы и стройные, но такие колючие сосны. С тех пор Санька бывал в Тугунском бору множество раз, но первое его впечатление от встречи с лесом осталось в душе навсегда.

А первого сентября опять в школу. Но теперь там все было знакомо и просто. Кроме одноклассников у Саньки за лето появилось много друзей из других классов, так что скучать не приходилось. И началась опять школьная круговерть с ее плюсами и минусами. Плюс можно было назвать то, что Санька успешно занимался спортом, зимой научился бегать на

лыжах, ну, а к минусам следовало отнести рост показателей по двойкам и ухудшение школьной дисциплины. После неоднократных и безуспешных попыток преподавателей приструнить неподдающегося, к концу учебного года директором школы было принято решение перевести Саньку в другой класс, и в седьмом классе ему предстояло учиться с другим коллективом. В новом классе ребята были другие, более уравновешенные и серьезные. Коллектив был очень дружный, и Санька это сразу почувствовал, а посему и дисциплина у него стала нормальной и успеваемость по всем предметам улучшилась. Но была и другая причина такой перемены. В первый же день, едва Санька огляделся в классе, его глаза встретились с большими, зеленоватыми глазами новой одноклассницы. В прежнем классе тоже были девочки, но никто из них ему не нравился. А сейчас ему хотелось любым способом привлечь внимание Оли, так звали эту девочку, лишь бы она только взглянула на него и, может быть, улыбнулась бы ему. Однако все его неуклюжие попытки обратить на себя её внимание, встречал осуждающий взгляд её безумно красивых глаз и сердито нахмуренные чёрные брови.

Ничего не оставалось делать, как только ждать и надеяться, что когда нибудь он сможет завоевать её расположение.

А пока Санька подружился с местными ребятами и все свободное от школьных занятий время проводил в компании новых друзей и новых одноклассников.

Верховодил этой компанией Петя Ефимов. Был он года на три старше остальных ребят, а поэтому пользовался у них неоспоримым авторитетом.

А ещё была у Ефимова непреодолимая страсть к походам, которой он буквально заразил всех своих друзей. Поэтому зимой ребята частенько всей компанией отправлялись или пешком в лес, или на лыжах кататься на Калган. Так назывались небольшие горки на краю леса с западной стороны села. А когда наступила весна, решено было организовать поход в бор с ночевкой. В конце апреля Петя Ефимов, Санька, Юрка Николаев и Степа Пьянкин сходили днём в бор, и в чаще леса, за Полтавским родником, построили настоящий шалаш из сосновых жердей, накрыли его хвойными ветками, внутри тоже настелили веток и решили в нем провести ночь с субботы на воскресенье. Договорились, что Петя пойдет в лес днем, а ребята придут к нему позже, после уроков, так как в субботу в школе были занятия. Но, по разным уважительным причинам ни Юрка, ни Степа пойти в лес не смогли. Саньке тоже очень не хотелось идти в лес одному, тем более что пока прособирался, стало уже смеркаться. Но он понимал, что Петя в лесу один, он ждёт их и не идти нельзя, иначе все посчитают его трусом.

Вооружившись самодельным пугачём, Санька пошел в лес к другу. И каким же длинным показался ему путь по ночному лесу, когда казалось, что из-за каждого дерева выглядывает кто-то неведомый, от каждого скрипа качающихся на ветру сосен бросало в жар, и рука еще крепче сжимала спасительный пугач. Подойдя к Полтавскому роднику, Санька в темноте потерял ориентировку и не знал, куда идти. Зная, что Петя где-то неподалеку и, конечно, тоже прислушивается к лесным шорохам, Санька выстрелил вверх и что есть мочи закричал: «Эге-гей, Петя, ты где?»

Буквально, через секунду, в ответ раздался радостный вопль: «Эгей, тут я, жди, иду к тебе». Минут через пять друзья встретились и уже смело направились к шалашу. Только тут Санька почувствовал, что в лесу довольно прохладно. Ефимов еще до его прихода развел костер, но чтобы возле него согреться, приходилось постоянно поворачиваться к пламени то правым боком, то левым, то спиной. Поэтому сидеть возле костра было бесполезно.

По неопытности и Петя и Санька были одеты легко, так как днем было тепло, и они не рассчитывали на такое резкое похолодание. Почувствовав, что холод пробирает не на шутку, залезли в шалаш и попытались согреться прижавшись друг к другу, но это помогало мало. Вылезли опять к костру. Всю ночь начинающие туристы глаз не сомкнули, коротая время за разговорами и подкармливая костер сухими сосновыми ветками. Зато утром, когда ласковое весеннее солнце разогнало ночной мрак и холод, друзья, согревшись приготовленным на костре чаем, разлеглись на хвойной перине и крепко заснули.

Лишь ближе к середине дня, когда солнце стало припекать, разморённые на солнцепёке ребята проснулись и наскоро позавтракав, отправились побродить по лесу. Кто не был в лесу в конце апреля, тот не сможет понять всю красоту пробуждающейся природы, которая, как юная девушка в ожидании первой любви, расцветает под теплыми, нежными лучами весеннего солнца. И вот уже рвутся из почек нетерпеливые изумрудные листочки белоствольных берёз, как подрастающие дети из рук заботливых матерей. И плачут березы от счастья за них, роняя на просыпающуюся землю прозрачные сладкие капли сока. А вот и первые лесные растения пробиваются сквозь опавшие прошлогодние листья и тянутся тонкими ли-

сточками, как руками, к ласковому солнышку. И только стройные, вечнозелёные сосны как бы равнодушны к весеннему действию природы, но это так только кажется. Даже они готовятся сменить потемневший и огрубевший за зиму колючий наряд на молодые, ярко-зеленые иголки. Ничто не может противостоять наступлению весны, торжеству жизни и любви.

Налюбовавшись на весенний лес, послушав разноголосый хор лесных певцов, Санька с Петей пошли домой. На другой день, отославшись и отдохнув, они с таким восторгом рассказывали Стёпе и Юрке о проведенной в лесу ночёвке, что, по предложению последних, было решено в ближайший выходной повторить поход. Но такое решение сначала не одобрили родители, а потом Ефимов сломал руку, и лесные походы пришлось отложить до его выздоровления. А пока, опять же по инициативе Пети Ефимова, ребята увлеклись фотографированием. Одна из маленьких комнат в доме Ефимовых была оборудована ими под фотолабораторию. Там все было завалено фотохимикатами, фотобумагой и заставлено различными банками, ванночками и прочими необходимыми для изготовления фотографий предметами. Посреди стола гордо стоял фотоувеличитель, предмет особой заботы и внимания Петра, который постоянно разбирал его, протирал линзы и все стеклянные приспособления аппарата. Первый фотоаппарат появился, конечно же, у Ефимова, потом, по настойчивой просьбе Саньки, мать купила и ему маленький, компактный фотоаппарат «Весна», который был удобен тем, что его можно было легко спрятать в карман и брать с собой в школу. А необходимость в этом была.

На уроках Санька незаметно фотографировал своих одноклассников и особенно Олю, которая или делала вид, что не замечает назойливого фотографа, или сердито грозила ему маленьким кулачком, что доставляло Саньке большое удовольствие. Одноклассники всё это видели, но наблюдали за ними добродушно и даже сочувственно, считая, что у них на глазах первыми робкими ростками появляется настоящая, чистая любовь. Конечно же, при печати фотографий друзья быстро разоблачили его тайну, но предмет его воздыханий одобрили. Фотографии у ребят, особенно на первых порах, получались не очень качественные. Не хватало опыта и практики, да и хорошую фотобумагу достать было не просто. Но они не унывали, надеясь к началу лесных походов подойти с высоким профессиональным уровнем.

К тому времени к ним примкнули Толя Богатов, Коля Иванов, Саша Яковлев.

Но костяк компании оставался прежним. В четырнадцать лет мать купила Саньке настоящее ружьё. Это была допотопная, ржавая одностволка, но для него это был предмет особой гордости. С ружьем он чувствовал себя почти взрослым мужчиной. Правда у Пети Ефимова такая же одностволка была уже давненько, но то у него, а это своя, курковая красавица с длиннющим стволом и десятком латунных гильз к ней. Зима пролетела незаметно и с первыми признаками весны друзья стали планировать новые походы в Тугун.

Едва наступили школьные каникулы, Ефимов, несмотря на ещё не полностью зажившую руку, предложил сходить в поход в бор с ночёвкой. Единодушно было решено идти на сопки в центре Тугунского бора, где никто, кроме Петра, ещё не бывал. Дождавшись теплого летнего дня, Санька, Юра и Степан, под руководством Петра Ефимова отправились пешком по старой Беловской дороге к самой высокой сопке, где, по словам Петра, стояла деревянная вышка, с которой лесники осматривали лес, охраняя его от пожаров.

То, что увидел Санька на месте, превзошло все его ожидания. Посреди бора, в окружении вековых сосен широкой полосой с востока на запад протянулась каменная гряда сопки. Казалось, что какая то неведомая сила наложила тут и там стопки каменных лепёшек. На самой высокой из них стояла десяти или пятнадцати метровая наблюдательная вышка, собранная из сосновых стволов различной толщины. На самом вершине вышки находилась смотровая площадка. По внешнему виду это ветхое строение не вызывало особого доверия в плане безопасности, но Ефимов тут же полез по ней вверх, забрался на площадку и стал демонстративно раскачивать это хлипкое сооружение. Причем вышка страшно скрипела и грозила каждую секунду развалиться.

— Слезай оттуда, придурок, убьешься! — орала внизу ребята, но Петя только хохотал и громко распевал какие-то песни. Потом он все же слез, выслушал все то, что думали о нем по данному поводу друзья, и объяснил свой поступок тем, что на эту вышку он лазил уже раз десять и она ещё крепкая.

Зато, по его словам, с вышки виден почти весь бор и даже две аналогичные вышки в стороне поселка Черноборский. Друзей его доводы не убедили, и Ефимову было рекомендовано на вышку больше не лазить. Пока исследовали находящиеся по соседству сопки, время подошло к вечеру.

В этот раз путешественники подготовились к ночёвке в лесу более основательно. Каждый взял с собой продукты, воду, а Петя, турист со стажем, взял на всех сырой картошки, чтобы испечь ее в костре. Как он пояснил, это самая вкусная еда в походе. Пока было светло, наломали с деревьев сухих веток, с запасом чтобы хватило на всю ночь, а когда наступили сумерки, разожгли костёр в разломе сопки, с подветренной стороны, чтобы ветер не раздувал пламя костра, установили на камни металлический чайник, разложили продукты и поставили на импровизированный каменный стол принесенные с собой бутылки с газированной водой.

Ефимов заложил в угли костра клубни картофеля и в ожидании, когда они испекутся, друзья чокнулись бутылками и приступили к ужину.

— Интересно, почему еда в лесу кажется вкуснее, чем дома? — чавкая котлетой, спросил Стёпа.

— Да котлеты и дома неплохо воспринимаются, особенно если кушать хочется, — ехидно заметил Юрка.

— Нет, всё равно не то, — стоял на своём Стёпа, — вот молоко я дома вообще не ем, а здесь уже полбутылки осилил.

— Это потому, что ты уже полбутылки газировки выпил, наверное в голову газы ударили, вот у тебя аппетит и появился, — высказал своё предположение Санька, и все засмеялись.

Потом, по команде Ефимова, ребята прутьями выкатывали из костра печёный картофель и, обжигая пальцы, разламывали раскаленные клубни, чтобы остудить их. Картофель действительно оказался очень вкусным, но есть его было не просто. Как ни старались ребята соскоблить с картофелин обгоревшую кожицу, но через пятнадцать минут лица у них были до неузнаваемости перепачканы сажей.

— Ты, Стёпа, не отходи далеко от костра, а то в темноте тебя звери за лешего могут принять, по роже-то вас и не различить — поддел Санька друга.

— Ты сам то на себя посмотри, рога приделать так и леший тебя испугается, — парировал Пьянкин.

— Рано ему ещё рога иметь, вот вырастет, женится на своей красавице, может быть и будут у него рога, — загоготал Ефимов.

— Ветвистые, как у изюбря, — уточнил Юра.

— Сам ты изюбрь, — огрызнулся Санька, — а у кого и какие рога будут, это ещё неизвестно.

Пужинав, мальчишки развалились на теплых, нагретых солнцем камнях сопки и каждый задумался о своём, сокровенном.

Над землёй плыла чудная, тихая ночь. Ни малейшего дуновения ветерка не ощущалось в лесу. И только густые кроны сосен тихо шептались в выси, с любопытством посматривая вниз, на притихших ребят. Необычно яркие звезды незаметно плыли по Млечному пути, рассекавшему с севера на юг черное, бездонное небо, склонившееся над бором.

— Ночью, звезды, вдаль плывут по синим рекам. Утром звёзды гаснут без следа, — тихо запел Санька.

— Только песня остаётся с человеком. Песня верный друг твой навсегда, — подхватили ребята.

Несмотря на позднее время, спать не хотелось. Петя Ефимов стал рассказывать какой-то необычный сон, который приснился ему в ночь перед походом, но минут через десять его остановил Юра Николаев:

— Этот сон, Петро, ты мне рассказывал дня три тому назад.

— Это не тот сон, это продолжение того сна, у меня бывает, что сны ночи три-четыре подряд снятся с продолжением, — нашёлся Ефимов.

— Фантазёр ты, Петро, хотя и врешь складно, — безжалостно резюмировал Юрка, но Санька со Степой зашикали на него и попросили Петра продолжить пересказ снов, сославшись на то, что они его не слышали. И долго ещё лился неторопливый рассказ Петра, пока Морфей не смежил очи его друзей и не погрузил их в глубокий, спокойный сон.

К утру сопки остыли, и стало прохладно. Костёр давно погас, потому что никто не удосужился подбросить в него ночью веток, но никому не хотелось вставать первому и вылезать из под полога, который служил ребятам вместо одеяла. Всё-таки под ним было теплее, чем на улице. Каждый делал вид, что спит крепким сном, в надежде, что кто-то не выдержит и пойдёт разжигать костёр. Первым не выдержал Ефимов. Заорав: «Подъём, сачки!», он вскочил и стал стаскивать полог с разнежевшихся друзей. Хочешь — не хочешь, но пришлось

вставать. Пока Петя делал зарядку, а Степа разжигал костёр, Санька с Юрой раскладывали на каменном столе завтрак. На востоке потихоньку разгоралась заря. Интересно было наблюдать, как всё вокруг как будто выплывало из тумана, потом всё отчётливее, отчётливее и вот уже чётко обозначились контуры сопки и сосен, и вверх ударили первые лучи выглянувшего из-за горизонта солнца. День обещал быть ясным и пригожим.

Позавтракав, друзья стали думать, что делать дальше. Петя Ефимов предложил пройти грядой сопки до Полтавского родника, осмотреть их и по дороге мимо скотомогильника идти домой. Маршрут был утверждён, и компания двинулась в путь. Всё здесь было Саньке в новинку. Никогда не видевший такой красоты, какую в тот день открыли для себя ребята, он был уверен, что нигде природа не бывает красивее, чем в Тутунском бору. Не торопясь, обследуя каждую сопку, ребята дошли до Полтавского родника и возле него сделали привал. Всё знающий Ефимов рассказал, что раньше возле родника стоял дом лесника Полтавского, поэтому родник так и называется, «Полтавский».

— Опять врётся, Петро? — недоверчиво спросил Юра.

Оскорблённый Ефимов повёл всех ребят на поляну, по соседству с родником, показал остатки фундамента и растущую липу. Пришлось поверить ему, и Юра признал, что был не прав. Вернувшись вновь к роднику, попили из него голубоватой на цвет и ледяной на вкус воды, очистили сток родника и двинулись в сторону дома.

По пути заглянули на скотомогильник, где, по словам Петра, водилось множество ядовитых змей. Ну, змей Санька и до этого видел в степи родной Украинки, поэтому он несколько не испугался, увидев на ямах старого скотомогильника почти метровую гадюку. Убивать её не стали, но, используя длинные палки, несколько раз поднимали змею и переносили с места на место. Уставшие, но полные впечатлений, ребята к вечеру вернулись домой.

В это лето ребята серьезно увлеклись энтомологией и даже купили несколько брошюр по этой теме. Но, в основном, всё сводилось к отлову и коллекционированию редких бабочек и жуков. В лес ходили часто, открывая для себя новые и новые достопримечательности. Однажды, пройдя через просеку за Полтавским родником, юные исследователи обнаружили старую, заброшенную каменоломню. На разломанных гранитных плитах лежали забытые металлические клинья и огромные, толстые ломы. Петя Ефимов, самый сильный из компании, решил показать свою удаль и, вцепившись руками посередине лома, попытался его поднять. Но даже от камней не смог оторвать.

— Смотри, пуп развяжется — ухмыльнулся Юра

— А ты сам попробуй, может быть, ты поднимешь? — предложил Петя.

Все ребята по очереди совершили подход к лому, но даже его одну сторону не смогли приподнять и бросили это бесполезное занятие. Но территорию каменоломни тщательно изучили и признали это место пригодным для ночёвок во время будущих лесных походов.

Пройдя с километр за каменоломню, ребята обнаружили ранее не известный им родник. Судя по остаткам сгнившего сруба, родник давно был заброшен и никто за ним не ухаживал. На заболоченной полянке, по стоку родника, практически на каждом растении сидело по две-три бабочки махаона.

Почему они скопились вокруг родника в таком количестве, было не понятно.

Возможно, в этот день был выход этих насекомых из куколок, и ребятам просто повезло увидеть такое множество редких, необычайно красивых бабочек.

— Давайте назовём родник Махаоновым, — предложил Ефимов.

— Пойдёт, — согласились остальные, и с тех пор этот родник в обиходе друзей стал называться Махаоновым. Ребята дружно его очистили, углубили сток воды из родника, и живительная родниковая вода весёлым ручейком побежала по лесной поляне.

Быстро промчалось лето, и вновь начались школьные будни.

Но разве можно не побывать в лесу осенью, в сентябре, когда природа готовится к зимнему сну и, как очаровательная женщина, примеряет чудные ночные наряды, одевая в них деревья и кустарники. И вспыхивают ярким багрянцем осины среди желтого берёзового перелеска, окружившего хороводом вечнозелёные сосны. А ниже, покрывая поляны ярким многоцветным ковром, рассыпается кустарник. Налюбовавшись собой, красавица под шальной свист ветра и вой вьюги обнажается и погружается в снежную постель, накрывшись пушистым, тёплым одеялом, засыпая в ней до весны.

В лес решили идти с ночёвкой, не дожидаясь наступления холодов. Оделись потеплее, взяли необходимые продукты, а Саша Яковлев даже прихватил несколько бутылок пива

«Жигулёвское», как он пояснил, для согрева. Вооружившись ружьями, в субботу двинулись в путь, на сопки.

Пока ребята ремонтировали шалаш и заготавливали сухие ветки для костра, Ефимов отправился побродить с ружьём по лесу и вскоре принёс добытого им зайца.

— Н-да, заяц это хорошо, но что с ним теперь делать? — задумчиво проговорил Степан Пьянкин, рассматривая принесённую добычу.

— А в чём проблема, сейчас я сниму с зайца шкуру, и мы его сварим, котелок у нас есть, а воду наберём в роднике, — рассеял все сомнения друзей Ефимов.

Учитывая оптимизм Петра, ему и поручили претворить желаемое в действительное.

Развели костёр, и пока грелась вода в маленьком котелке для чая, Ефимов снял с зайца шкуру, распотрошил его и разрезал на части.

Или заяц оказался крупным, или котелок был маленьким, но мясо в котелок не помещалось. Поэтому решили дичь варить частями, в два захода. Вскоре над сопками поплыл аромат варёной зайчатины и друзья оживились. Яковлев поставил на импровизированный стол бутылки с пивом и предложил попробовать мясо. Опытный Ефимов выразил сомнение, что оно сварилось.

— Горячее сырым не бывает, — успокоил его Павленко и первым вытащил кусок мяса из котелка, что спровоцировало аналогичные действия и остальных ребят. Каждый вооружился бутылкой пива, и пиршество началось.

— А ничего, вкусно, — прочавкал Пьянкин, обгладывая кость.

— Вкусно, но мало, — с сожалением проговорил Яковлев, заглядывая в котелок, — пора повторить.

Поставили на огонь котелок со второй порцией мяса и в ожидании, когда оно сварится, вели душевную беседу, потягивая пиво из бутылок.

— Хорошо всё-таки у нас в лесу, тихо, красота кругом, душой отдыхаешь — задумчиво проговорил Ефимов — золотая осень. Наверно в последний раз собираемся мы здесь вместе в такую пору. Весной я уйду в армию и вернусь не раньше чем через три года.

— А через год и нас со Стёпой заберут, — грустно заметил Яковлев, — останутся Саша с Юрой, да и они закончат школу и уедут в город учиться, или тоже в армию уйдут. Осиротеет наш Тутун.

— Не осиротеет, другие нас заменят, — возразил Павленко, — видел у сопки свежее кострище? Кто-то здесь был до нашего прихода, да и в нашем шалаше явно кто-то ночевал. Придут нам на смену пацаны, не одни мы любим природу и наш бор, лишь бы с ним ничего не случилось.

— Ну, лет через десять и мы можем собраться, — рассудительно заметил Юра, — что нам помешает это сделать?

— Да всё в жизни бывает, — вступил в разговор Пьянкин.

— Десять лет — срок немаленький, за это время очень многое может измениться, и как судьба распорядится нами, куда нас забросит, никому не ведомо. Потом работа, семья, детишки пойдут, не до походов будет.

— Тут ты прав, Стёпа, годы нашей юности не повторятся, останутся одни воспоминания — поддержал Пьянкина Петр Ефимов

— И всё же мы обязаны собраться когданибудь здесь, на этих сопках, у костра, чтобы вспомнить и наши походы в Тутун и всех ребят, кто в них участвовал, вспомнить нашу юность.

— Что то мы всё о грустном, да о грустном. Снимай Стёпа котелок, мясо уже переварилось, — прервал Петра Яковлев и поднял бутылку с пивом, — давайте выпьем за то, что бы мечты наши сбылись и что бы мы не забывали друг друга!

Все дружно поддержали гост, звякнув бутылками как бокалами, и продолжили ужин.

Не смотря на ночную прохладу, просидели у костра почти до утра. Говорили, говорили и не могли наговориться, как будто им уже завтра предстояло расстаться на долгие годы, а может быть, навсегда.

Незаметно подкралась зима, а с ней и Новый 1965 год, год больших для Саньки надежд в личном плане. На новогоднем празднике Санька не отрывал глаз от Оли и был на седьмом небе от счастья, когда она приняла его предложение на танец. Робко взяв девушку за стройную талию, он медведем топтался вокруг неё, совершенно разучившись танцевать простое танго. Это был первый и последний их танец. В дальнейшем взаимоотношения между ними никак не улучшались, а все робкие попытки Саньки завязать дружбу наткнулись на безразличие и холодное равнодушие девушки. Хуже того, в десятом классе Оля

встретила свою любовь, и дружеские отношения между ними окончательно прервались, так по существу, и не начавшись. Зимой Санька часто уходил в Тугунский бор, бродил по лесу с ружьём, стараясь всё забыть, много тренировался, участвовал в различных соревнованиях по лыжам. Учитель физкультуры и фактически тренер сборной школы по лыжам Иван Иванович Волков не давал ребятам скучать. Сам бывший спортсмен и неисправимый фанатик лыжного спорта, он в любой свободный от занятий промежуток времени устраивал какие то школьные соревнования, тренировочные сборы или поездки на соревнования в другие районы. Больше всего ребятам нравились тренировочные сборы во время новогодних каникул. Собрав группу старшеклассников-спортсменов, он уводил их на лыжах в Черноборскую бригаду, которая находилась километрах в десяти от Чесмы в перелесках между Черным бором и Тугунским бором. В бригадном домике, в абсолютно спартанских условиях, ребята жили несколько дней, тренировались, преодолевая крутые подъёмы и спуски, но самое главное, учились нормально жить в не простых бытовых условиях. Как оказалось, и печку то разжечь было не так то просто, поначалу от дыма в дом зайти было невозможно, но потом всему научились и чувствовали себя вдали от дома, даже во время случавшихся буранов, вполне нормально. Когда подходили к концу продукты, добровольцы на лыжах бегали в Чесму, доставляя в лагерь необходимое продовольствие и добавляя для себя тренировочные нагрузки. Девочки, в свободное от тренировок время, добросовестно постигали науку мытья посуды и полов, привлекая порой ребят к уборке помещения. Жили очень дружно и весело. Так было и в наступившие каникулы нового, 1965 года. В первый день приводили в порядок бригадный домик, разожгли печку и к вечеру уставшие, но довольные ребята, напившись ароматного чая с заваркой из вишнёвых веточек, крепко уснули. Проснувшись утром, Санька случайно глянул на Ваню Трофимова и чуть не упал от смеха. Всё лицо Вани было разрисовано сажей как у индейца, а под носом красовались большие чёрные усы. Но Трофимов, глядя на Саньку, почему-то тоже хохотал и показывал на него пальцем. Разбуженные шумом ребята посмотрели на веселящихся Сашу с Ваней, тоже посмеялись и посоветовали обоим посмотреть в зеркало. Ничего утешительного для себя ребята в осколке зеркала, висевшего на стене, не увидели. Лица у обоих были размалёваны до неузнаваемости, но в рисунках чувствовалась одна рука художника, поэтому пострадавшие дали клятву выявить автора и отомстить. От одной девочки, согласившейся выдать тайну, ребята узнали, что сажей их измазали Рая Чумакова и Маша Иванова — одноклассницы Саньки. Переждав ночь, чтобы усыпить бдительность девчат, Саша с Ваней днём нацарапали из дымохода полный бумажный кулёк сажи и после команды «Отбой», затаились под одеялами в ожидании, когда все уснут. Ждать пришлось долго, пока девочки насплетничают, нахихикаются и успокоятся. Наконец всё стихло. Выждав ещё с полчаса, ребята в темноте пробрались на женскую половину домика, подкрались к спящим Рае и Маше и, стараясь их не разбудить, стали потихоньку сыпать сажу на лица. А девочки во сне, не понимая, что на них сыплется, сами размазывали сажу по лицу, пытаясь стряхнуть. Рисунков, правда, не получилось, но, учитывая количество потраченной сажи, вид негритянок подругам был обеспечен. Довольные, ребята вернулись на свои полаты и крепко уснули. Утром их разбудил Иван Иванович и ехидно спросил, что это им так понравилось изображать из себя индейцев. Почувыв неладное, Саша с Ваней переглянулись и на них глянули разрисованные сажей незнакомые, ужасные рожи. К удивлению ребят, лица у Маши и Раи были абсолютно чистые. Девочки уже хлопотали на кухне и никаких претензий ни к кому не предъявляли. Ничего не поделаешь, пришлось признать своё поражение и помириться с женским коллективом. К сожалению, каникулы быстро подошли к концу, и нужно было возвращаться домой и вновь погружаться в школьные проблемы и домашние будни.

В феврале месяце команда лыжников во главе с Иваном Ивановичем поехали в Варненский район на соревнования. Пробежать пятнадцать километров для ребят особого труда не составляло, но во время гонки поднялся сильный ветер, усилился мороз и бежавший в тонком трикотажном спортивном костюме Санька сильно пожалел, что не подложил в плавки газету. Пришлось переходить на шаг и отогреваться. Бежавший следом Ваня Трофимов поначалу стал догонять Саньку, но потом и он перешёл на шаг. Кое-как закончив гонку, лыжники стали собираться домой, и тут выяснилось, что маршрутный автобус, на котором команда приехала в Варну, уже ушёл. И. И. Волков довёл до сведения ребят, что ночевать негде, ехать не на чем, и придётся идти в Чесму пешком, в надежде только на попутный транспорт. Делать было нечего, пришлось с лыжами в руках выходить на дорогу в расчёте только на удачу. К вечеру ветер усилился, пошёл снег, да и мороз не ослабевал. Си-

туация складывалась критическая. Назад было возвращаться уже далеко, а вперёд идти ещё дальше. Все устали, замёрзли, двигались автоматически, как роботы, и на обморожения просто не обращали внимания. Уже стемнело, когда ребят догнал воинский пассажирский УАЗик, который и довёз их до Чесмы. Утром все спортсмены были на занятиях в школе, кто с распухшим ухом, кто с носом-картошкой, у кого-то щёки распухли и горели малиновым цветом. Но никто не стал подводить тренера и не остался дома, сославшись на обморожение. Наоборот, на них смотрели как на героев, а сами они подшучивали друг над другом, вспоминая вчерашнее приключение и вызывая этим жгучую зависть у одноклассников.

Когда пришла весна, повзрослевшие ребята решили заняться охотой на тетеревов. Ружья были только у Саньки и у Пети Ефимова. Ещё снег полностью не растаял, а ребята в пятницу ушли с ночёвкой в лес. Бессонная ночь у костра с трудом далась юным охотникам, но, ещё до рассвета, они направились к невысоким сосновым посадкам, у которых вечером они слышали токующих тетеревов. Не зная точно место тока, охотники затаились в сосняке и стали ждать рассвет.

Когда на востоке только начала разгораться зоря, где-то, неподалёку, послышалось громкое хлопанье крыльев. «Чуфш-ш-ш, Чуфш-ш-ш», — призывал токовик на рыцарский турнир горячих петухов-чернышей.

«Чуфш-ш-ш, Чуфш-ш-ш, Чуфш-ш-ш», — со всех сторон слышалось ответное чуфыканье косачей, воинственное бормотание и хлопанье крыльев дерущихся бойцов. Ребята знали, что когда петухи дерутся, они ничего не видят и не слышат. Для них существует только соперник, которого нужно победить, завоевав, таким образом, расположение прекрасной курочки. Поэтому ребята со всей осторожностью стали выдвигаться к поляне. Но стоило им сделать лишь несколько шагов, как раздался грохот птичьих крыльев и все тетерева улетели. И как потом ребята ни подкрадывались к другим токовищам, драчуны, предупрежденные своими подругами, вовремя улетали. Расстроенные охотники вернулись к своему табору без добычи и решили позавтракать, а потом идти домой. Петя и Саша Павленко прислонили ружья к дереву, возле которого сидел Юра, и стали ломать сухие ветки с деревьев для костра. Юра, взяв одно из ружей, стал его рассматривать, затем взвёл курок и, посчитав, что ружьё не заряжено, прицелился в Сашу, затем раздумал и нацелил ружьё на Петра.

Он уже хотел спустить курок, рассчитывая напугать Ефимова, но потом всё же отвёл ствол в сторону. Когда раздался выстрел, и все осознали, что могло случиться, долго молчали, а потом, не завтракая, пошли домой.

В мае, как и предполагалось, проводили Петра Ефимова на службу в армию. Определили его на военно-морской флот, и теперь Петру предстояло три года бороздить просторы морей и океанов, защищая водные рубежи Родины.

По предложению классного руководителя Дины Георгиевны многие одноклассники Сашки решили во время летних каникул съездить в Москву, посмотреть столичные достопримечательности. Деньги зарабатывали сами. Устраивались на работу, кто где мог. Сашу Павленко и Юру Павлова отец Юры устроил в строительную организацию в качестве подсобных рабочих на строительстве двухэтажного дома в Черёмушках. Почти месяц ребята таскали носилки с кирпичом и раствором, но необходимую сумму заработали, и в июле месяце поехали в Москву. Ехали поездом, поэтому была возможность посмотреть всё, что встречалось на пути и полюбоваться красотой российской природы.

В Москве Саше удалось посмотреть только панораму Бородинского сражения. Подвели новые, только что купленные туфли, в которых Саша натёр ногу до образования раны. Нога распухла, и осмотревший Сашу врач запретил ему двигаться. Так и просидел Павленко в общежитии до окончания московского турне. По возвращению домой всё вошло в прежнее русло. Днём всё свободное время он отдавал занятию спортом, но вечерами тянуло на улицу к девушкам, хотелось дружбы и любви. Назло Оле он стал дружить с приезжей студенткой-медичкой, но быстро понял, что ничего серьёзного у них не получится, и расстался с девушкой. Он всё ещё надеялся, что у Оли просто увлечение, которое пройдет и всё изменится, и с нетерпением ждал нового учебного года. Саша мечтал, что будущий Новогодний праздник опять подарит ему танец с Олей, а Новый год изменит его судьбу. И вот этот день настал. Вместе с Сашей Николаевым и Валерой Климовым они ходили в красивых костюмах мушкетёров по увешанному новогодними гирляндами спортивному залу, где стояла наряженная ёлка, в ожидании открытия праздника. Оля появилась в костюме гвардейца французского кардинала и была в нём ослепительно красивой. Но, почему-то нервничала, и постоянно выбегала в коридор. Саша понял, что она ждёт своего друга, ко-

того, наверное, пригласила на праздник. Потом он увидел её одну, рыдающую в пустом классе и, подойдя, решил успокоить Олю.

Лучше бы он этого не делал. Повернув к нему мокрое от слёз лицо, Оля прокричала: «Отстань от меня! Я тебя ненавижу!» Как закончился праздник, Саша не помнил. Весь вечер он слышал этот крик: «Я тебя ненавижу!» и понял, что между ними всё кончено. Последний учебный год пролетел быстро и неприметно. Без Ефимова в лес больше не ходили, потому что и ребят некому было организовать, да и подготовка к выпускным экзаменам не давала расслабиться. А там и экзамены начались.

Часто вместе с Сашей Николаевым и Валерой Климовым Павленко уходил в лес, где среди берёзок и сосен легче запоминались и стихи и теоремы, да и не мешал никто. Экзамены были успешно сданы, и настал последний школьный выпускной вечер. Всем классом украсили помещение спортзала, к вечеру пришли родители и в торжественной обстановке выпускникам вручали аттестаты зрелости и даже почётные грамоты. Сашу наградили за активное участие в спортивной жизни школы. После ухода родителей начались танцы, а потом все вышли на улицу и гуляли до рассвета по посёлку. Все были веселы и радовались тому, что в школу ходить больше не нужно, все чувствовали себя взрослыми и мечтали о будущем. Вот и закончились школьные годы. Настала пора определяться в дальнейшей жизни. На семейном совете было решено, что Саша уедет в город, будет готовиться к экзаменам в институт и осенью попытается куда либо поступить. Саньке очень не хотелось уезжать, но и в Чесме делать было нечего. Друзья либо были призваны в армию, либо уехали поступать учиться. За день до отъезда он упросил Олю встретиться с ним, всё ещё на что-то надеясь. Он понимал, что дай она ему хоть мизерную надежду, и он никуда не поедет, он будет ждать. Но всё получилось совсем по-другому. На его предложение изменить отношения между ними, Оля предложила остаться просто друзьями. И тогда Саша впервые в жизни решился сказать Оле, что он любит её и не может быть просто её другом. Но это ничего не изменило.

— Ты, Саша, хороший парень, ты ещё встретишь и полюбишь другую девушку, а мы с тобой никогда не будем вместе, — прозвучало для него как приговор.

На другой день он уехал в город. Никто его не провожал, и ничто его здесь больше не держало. Он бежал от Прошлого, чтобы не быть свидетелем чужого счастья, и опять, как семь лет назад, он уезжал в неизвестность, в надежде начать новую, счастливую жизнь, которая была скрыта от него за горизонтом Будущего.

Часть 3 50 лет спустя

Как стремительно мчится время. Кажется совсем недавно мы, юные и уверенные в себе мальчишки и девчонки, смело шагнули в самостоятельную жизнь, мечтая проложить в ней свою дорогу к счастью. Но в круговерти событий не заметили, как быстрокрылой, звонко-голосой птицей пролетела наша молодость, не задумались, когда отягощённые делами и заботами прошли годы зрелости и очнулись только тогда, когда седая старость внезапно деревянной клюкой постучала в окно нашей жизни, напомнив нам о бренности земного бытия.

И захотелось остановиться, оглядеться и понять, всё ли мы правильно делали в этой жизни и всё ли успели сделать из того, что было задумано в юности?

Судьба распорядилась так, что после службы в армии Саша Павленко вернулся в Чесму. Не привлекали его удобства и возможности города. Скорее наоборот, суета и напряжённый ритм городской жизни тяготили и вызывали раздражение. Сашу манил к себе родной край, ему была по душе простота деревенского быта, простор полей и красота Тугунского бора. Да и двух лет службы за границей было достаточно, что бы понять, что такое малая Родина и почувствовать всей душой её непреодолимый зов. Второй раз встречала его Чесма и на этот раз навсегда.

За прошедшие годы в ней почти ничего не изменилось, да вот только друзья юности все разъехались по стране. Юра Николаев учился в Москве на биолога. Кто мог подумать, что один из лучших учеников школы, всегда тяготевавший к точным наукам, изберёт этот путь. Видимо общение с природой помогло ему определиться с выбором профессии. Саша Николаев, этот романтик моря, не изменил своей мечте и учился в мореходном училище во Владивостоке. Где-то, под Москвой, после службы в армии, затерялись следы Саши Яковлева и ещё предстояло установить его местонахождение. К сожалению, трагически погиб всегда спокойный, флегматичный Стёпа Пьянкин.

Встречал Сашу Павленко душа компании и организатор лесных походов Пётр Ефимов, который пару лет назад тоже отслужил действительную и работал лесником Чесменского лесхоза. От него Саша узнал, что Оля вышла замуж, была счастлива в браке и уже родила сына. Встретаться с ней не хотелось, слишком глубокие раны оставила в душе его первая, неразделённая любовь, и бередить их не было ни смысла, ни желания.

И потекли годы жизни не отделимые один от другого. В Чесме Саша встретил и свою любовь, скромную красивую девушку, ставшую надёжным спутником в его жизни.

Работа, учёба, семья не оставляли свободного времени, а годы пролетали пятилетками, десятилетиями. И всё чаще Александр Павленко думал о том, что было бы неплохо собраться вместе с друзьями юности, побродить по заросшим тропинкам былых походов, посидеть у костра, вспоминая далёкое прошлое. Да всё было недосуг. Выйдя на пенсию, он вернулся к этой идее, о чём поделился с Ефимовым.

— А что, правильно — поддержал его Пётр.

— Считай, полста лет прошло с тех пор, да и не виделись давненько, а жизнь-то катится к закату. Надо поднять мужиков.

Но вытащить друзей в родные места оказалось не так то просто.

Доктор биологических наук Юрий Николаев в азарте будущих открытий не мог оторваться от своей исследовательской лаборатории, которой руководил. Капитан дальнего плавания Александр Николаев никак не мог прибиться к берегу, рассекая моря и океаны ближнего и дальнего зарубежья. И опять невосполнимая трагическая утрата — умер Саша Яковлев, заводила и балагур, душа любой компании.

Однако идея о встрече через 50 лет была поддержана, дата приезда гостей предварительно согласована и оставалось только ждать. Лето самая прекрасная пора для общения с друзьями на природе, тем более что в июле Александр Павленко отмечал свой очередной день рождения. К этому событию решили приурочить и приезд москвичей. К тому времени Александр Николаев переехал жить в столицу, что позволяло ему и Юрию часто встречаться и даже общаться семьями.

В назначенный день, в ожидании прибытия автобуса, на автобусной остановке выстроилась делегация встречающих, в составе Павленко, Ефимова и Анатолия Григорьева, одноклассника и тоже участника юношеских походов. Когда автобус остановился, из него вышли двое сухощавых, подтянутых, но уже далеко не молодых мужчин. И приехавшие и встречающие некоторое время всматривались друг в друга, отыскивая в лицах прежние, такие знакомые юношеские черты.

Время! Как ты беспощадно к нам! Как краток наш земной путь! Закроешь глаза — вот она, юность! А откроешь, и холодной сединой одноклассников заглядывает нам в глаза наша старость. И только душа противится ей, не сдаётся и не даёт впасть в уныние и отчаяние.

— Товарищи, вы кто будете? Что-то ваше обличье не совсем нам знакомо, — шутиливо спросил прибывших Павленко.

— Кончай базар, дедушка, на себя посмотри, — сурово ответил Александр Николаев. После последующих объятий, лобызаний и похлопывания по спине, стороны смогли более внимательно рассмотреть друг друга.

Вместо пышноволосого, крепкого паренька Юры Николаева, стоял абсолютно лысый, с седой бородкой клинышком поджарый интеллигент, и только прямой, настырный взгляд серых глаз связывал его с юностью.

А где же красавец-моряк с присланной в молодости фотографии?

Обширная лысина и седые усы никак не добавляли сходства с портретом, и только живые, выразительные глаза подтверждали, что это действительно Саша Николаев.

Поскольку была середина дня, решили на автомашине прокатить гостей по Чесме, показать какая она стала за прошедшие годы, ознакомить с местными достопримечательностями. Полтора часа импровизированной экскурсии пролетели незаметно. Особенно Юрия и Александра впечатлил новый спортивный комплекс. Да и вообще они не ожидали, что Чесма так преобразится и похорошеет. Но время поджимало, и пора было садиться за традиционное в таких случаях застолье, отложив продолжение знакомства с Чесмой на последующие дни. Тосты, поздравления, воспоминания, всё смешалось, и разговор ушёл далеко за полночь.

— Мужики, — прервал очередной тост Александр Николаев, — вы тут кучкой живёте, больше знаете, расскажите про наших одноклассников, где они, кто они, как живут?

— Ну что, — начал разговор на эту тему Павленко, — о судьбе многих мы и сами не знаем, но те, кто на виду, прожили свою жизнь достойно. Вообще у нас был замечательный

класс, много из него вышло незаурядных личностей. Вот ты, Саша, капитан дальнего плаванья, Юра вот доктор наук. А Юра Павлов вообще профессор, студентов учит в институте. Некоторые из наших одноклассников работали руководителями предприятий разных отраслей и уровней! Сильный был класс. А всё потому, что учили нас замечательные преподаватели: Анна Павловна, Мария Васильевна, Дина Георгиевна, Михаил Васильевич. Любого возьми, каждый личность. И каждый из них дал нам не только знания, но и вложил в нас частичку своей души. Поэтому предлагаю поднять бокалы за здоровье наших учителей, которые живы, и за память об ушедших из жизни.

Когда вышли покурить, Саша Николаев спросил у Павленко как бы между прочим:

— Как Оля-то поживает?

— Оля? — переспросил Саша, — да как тебе сказать, вышла замуж по любви, родила двух сыновей, окончила заочно педагогический институт, долгое время работала руководителем детского дошкольного учреждения, отличник просвещения, заслуженный учитель Российской Федерации, а такие звания просто так не дают. Всё бы хорошо, да вот недавно муж её умер и теперь она живет только заботой о детях и внуках.

— Да-а! Не повезло! А у тебя-то с Олей почему не сложилось? Ты же вроде бы любил её, все одноклассники так и думали, что вы будете вместе.

— Ну, любить это одно, а быть любимым совершенно другое, — грустно улыбнулся Павленко. — Наверное, мы не поняли друг друга, да и вёл я себя не так, как нужно было, вот и оказался в решающий момент третьим лишним. Наверное, не судьба.

— Может быть, завтра навестим её? — предложил Николаев.

— Конечно. И вообще неплохо было бы собрать хотя бы тех, кто в Чесме живёт, я думаю, все с удовольствием придут. Столько лет не виделись.

— Да и в бор хотелось бы сходить — вздохнул Николаев — пройтись по нашим местам.

— За это не беспокойся, Ефимов целую программу уже подготовил, даже с ночёвкой у костра, — успокоил Николаева Павленко.

Спать легли под утро. На следующий день закончили экскурсию по Чесме, съездили на плотину Черноборского водоёма, где в детстве ловили удочкой окунишек и чебаков и долго плескались в тёплой, прогретой солнцем воде,

— А помнишь, Юра, как нас застала здесь, на рыбалке, гроза, как мы прятались под скалой, и нас чуть не убило молнией? — спросил Павленко.

— Ещё бы, улыбнулся Николаев. — Мы тогда и про дождь забыли, выскочили из -под скалы и крутили педали велосипедов до самого дома как на первенстве мира.

Ближе к вечеру всей компанией поехали в гости к Оле. Предупреждённая заранее о предстоящем визите, Оля пригласила Валерия и Валентину Климовых — бывших одноклассников, ставших впоследствии супругами, одноклассницу и подругу Раю Рахматулову, Анатолия Григорьева с супругой.

Гостеприимная хозяйка встретила гостей великолепно сервированным столом, и встреча прошла по предыдущему сценарию.

Воспоминания, воспоминания, воспоминания! И не только о школьных годах, рассказывали о прожитой жизни, о работе, о семье. Не заметили, как время перевалило за полночь, и пора было идти отдыхать. Здесь же мужики договорились на следующий день отправиться в Тугунский бор. Такая спешка объяснялась тем, что пребывание Николаевых в Чесме ограничивалось всего лишь неделей, а побывать нужно было во многих местах.

При обсуждении маршрута было решено пройти по тем местам, по которым проходили в свой первый поход в лес в юности.

Утром двинулись в путь по старой Беловской дороге на сопки, где раньше стояла вышка. Причём Ефимов предложил гостям самостоятельно найти тропинку, по которой ходили ранее. Саша Николаев заявил, что никаких проблем для него это не составит, и через пятнадцать минут завёл следовавших за ним друзей в болото.

— Ну, Сусанин, ты нас так всех перетопишь в этой грязи, давай за мной, — скомандовал Юрий Николаев.

Однако и он полчаса водил всех вокруг одной и той же сосновой посадки, пока Ефимов не отстранил его от руководства и не привёл благополучно всех к сопкам.

Тут уж все понемногу сориентировались, огляделись, и даже определили, в каком месте когда-то находился шалаш и где разжигали костёр.

— Петро, а где вышка, на которую ты постоянно лазил? — спросил Юра, залезая на сопку.

Оглядевшись вокруг, он увидел засохшие тут и там сосны, беспорядочные нагромождения из поваленных ветром сухих деревьев и возмущённо воскликнул:

— Ты, лесник бывший, вы что с лесом сделали? Что за бардак?

— Почему это мы сделали? — обиделся Ефимов, — это вы, там, в Москве, такое натворили своими законами. Лесхозы оптимизировали, из двух-трёх один сделали, лесников сократили, вот и некому лес охранять. Вышку разобрали на дрова, чтобы никто случайно не разбился. А на сопках постоянные пьянки-гулянки, костёр не потушили, вот и погибли деревья от пожара. Слава богу, хоть дальше огонь не пустили пожарники, а то бы весь бор сгорел.

— Ну, я тут ни при чём, — примирительно сказал Николаев, не я эти дурацкие законы придумал и принимал, это вопрос к депутатам и правительству нашему.

Посидели на сопках, вспомнили прошлое, сфотографировались на память и двинулись в сторону Полтавского родника.

— Да тут у вас, похоже, дикие кабаны стадами бродят, смотри, как всё разрыли в лесу, — восхищённо воскликнул Александр Николаев, указывая на развороченную повсеместно хвойную подушку под деревьями и даже землю на полянках.

— Какие кабаны? Их тут отродясь-то не было. Это свиньи в человеческом облике так лес ископабили в поисках грибов. Граблями гребут, что ли? Все грибницы уничтожили, а потом удивляются, почему в лесу грибов мало, — объяснил всё знающий Ефимов.

— Да-а-а! В наше время такого безобразия не было, — грустно заметил Юрий.

Когда пришли на Полтавский родник, все дружно пришли к выводу что ни сам родник, ни окружающий его лес за пятьдесят лет не изменились. Вокруг стояли те же могучие сосны, под которыми ребята ночевали у костра в юности, так же, журча, убежал в болотистую низину вытекающий из родника ручей. Вот только вода в роднике не отдавала прозрачной синевой, как раньше, а была мутноватой и затянутой ряской. Но всё же каждый отпил из кружки по глотку, отдавая дань уважения источнику, утолявшему жажду ребят полвека назад, и каждый сказал ему слова благодарности как живому существу. Оглядевшись вокруг, Александр Николаев обратился к Ефимову:

— Помнится, где-то здесь мы закапывали бутылку с запиской, чтобы прочесть её лет этак через пятьдесят. Момент настал, может, поищем весточку из юности?!

— Да я и без вас тут всё перерыл, но ничего не нашёл. Вроде бы вон под той сосной закапывали, но нет там бутылки. Может, кто-то случайно выкопал, а может, я не там искал. Давайте подумаем вместе и поищем, авось повезёт, — предложил Пётр.

С полчаса всей компанией осматривали сосны вокруг родника и даже пытались копать под ними, но убедились, что никто места тайника не помнит и, оставив это бесперспективное занятие, двинулись в сторону каменоломни.

Туда дорогу нашли сразу же и через пятнадцать минут остановились у выступающего из земли огромного камня, на котором была надпись: «Кто этот камень поднимет, жить начнёт заново».

— Это что за народное творчество, — удивился Юрий Николаев, — не твоя работа, Петро? — обратился он к Ефимову.

— Стану я ерундой заниматься, тут полдня молотком по долоту стучать надо, — отказался Ефимов от авторства.

По пути определили место, где когда то стоял шалаш, в котором однажды весной ночевали Ефимов и Саша Павленко и, наконец-то, пришли на каменоломню. В прошлом практически каждый поход в бор был связан с этим местом. Куда бы ни шли, но ночевали или на сопках или на каменоломне.

— Ломы и клинья, наверное, в музей отправили, редкие вещицы были! — задумчиво проговорил Александр Николаев, оглядывая территорию каменоломни.

— Ага, в музей Магнитогорского металлургического комбината и разместили их в доме номер один, — расхохотался Павленко, — да их давно уже в металлолом сдали.

Поскольку время подошло к обеду, здесь, на каменоломне, решили и перекусить. Раскинули на камнях небольшой полог, разложили на нём принесённую с собой провизию. Ефимов достал из рюкзака каким то чудом сохранившуюся алюминиевую фляжку, наполнил её содержимым металлические стаканчики и предложил помянуть ушедших из жизни Степана Пьянкина и Александра Яковлева, верных друзей и соратников былых походов в Тугун. Выпили молча, не чокаясь и думая каждый о погибших товарищах.

После обеда и небольшого отдыха, по предложению Петра Ефимова, отправились к Махаонову роднику, который находился в километре от каменоломни. Конечно, если бы не

Ефимов, родник не нашли бы. Всё кругом заросло мелколесьем и высокой, по пояс, травой. Да и сам родник был затянут ряской, но, к удивлению друзей, вода в нём была чистая, прозрачная и очень холодная.

— Родник глубокий но вода постоянно сбегает в низину, поэтому не успевает застаиваться, а высокая трава не даёт воде нагреваться, — объяснил Ефимов.

С удовольствием утолив жажду ледяной, прозрачной водичкой, что было очень кстати в жаркий летний день, решили более коротким путём вернуться на сопки и там заночевать. Шли не спеша, стараясь увидеть всё и отложить в памяти и эту дорогу, ведущую в юность и эти столетние сосны, величаво возвышающиеся по краям лесной дороги и приветливо покачивающиеся густыми кронами. Наверное, и они узнали в этих мужчинах, с посеребрёнными сединой головами, тех юных мальчишек, которые пятьдесят лет назад шли по этой дороге, беззаботно смеясь и распевая песни.

На сопки пришли ближе к вечеру и сразу же стали обустраиваться. Место для стоянки выбрали там же, где она была и в далёком прошлом. Распределили роли, кто будет заготавливать дрова для костра, кто ставить палатки, а кто накрывать импровизированный стол к ужину.

— Да, это не как раньше, когда сухие веточки с деревьев ломали для костра, сейчас целые деревья валяются, все удобства для туризма, — ехидничал Юра Николаев. Кстати, а почему бы не разрешить населению собирать сушняк для личных нужд, раньше за это дело лесхоз даже деньги платил, как за очистку леса.

— Отстал ты в своей лаборатории от жизни, парень, — ухмыльнулся Ефимов, — кому этот сушняк нужен, сейчас кругом газ, даже бани у многих на газовом отоплении. Этим сушняком-падалицей весь лес завален, особенно посадки. А что бы убирать его, у лесхоза денег нет. Так вот и валяется, пока не сгниёт.

— Эй, мужики, к столу, — скомандовал Анатолий Григорьев.

Все дружно расселись на обломки стволов упавших деревьев, вокруг накрытого пологом плоского камня, уставленного едой, и выжидаяще уставились на Петра Ефимова.

— А где фляжка? — не выдержал Павленко, обращаясь к Петру

— Так она пустая, — ответил Ефимов и в доказательство своих слов отвинтил крышку и опрокинул фляжку горлышком вниз. Из неё медленно выкатилась одинокая прозрачная капля, как скупая мужская слеза.

— Да не пугай ты народ, Петро, видишь, люди пожилые, так и до инфаркта недалеко, — пожурил Анатолий Ефимова и достал из рюкзака бутылку водки.

— Вот золотой человек, — обрадовался Павленко, — молчит, молчит, а дело знает! И что мы без тебя делали бы, драгоценный ты наш!

— Да рюкзаки ваши потрясти, глядишь, и ещё кое-что найдётся, — парировал Григорьев, и все расхохотались.

— Ну, тогда наливай, Толя! — Взял бразды правления на себя Александр Николаев и протянул кружку. — Первый гост скажу я.

— Гост должен быть кратким как выстрел, — напомнил Павленко, — желающих говорить много.

— Ну что, друзья мои, полвека назад нас сблизил и подружил Тугунский бор. Это были лучшие дни нашей юности, когда мы вот так же сидели у костра у этих сопки, пили чай, пели песни и строили планы на будущее. Потом мы разъехались по стране, чтобы осуществить эти планы. Много пройдено дорог, но мы никогда не забывали свою малую родину, родную Чесму и наш Тугунский бор. И пусть спустя десятки лет, но мы приехали сюда, чтобы может быть в последний раз пройтись по знакомым тропинкам бора, погладить шероховатые камни дорогих нам сопки и поклониться нашей ушедшей юности. Берегите Тугун, мужики! Он нужен не только нам, мы скоро уйдём, но он примет и облагородит наших внуков и правнуков, научит их любить свой край так, как любили его мы!

Тосты звучали один за другим, пока не стемнело, и ужин не подошёл к концу.

Разожгли костёр и, расположившись вокруг него, задумчиво смотрели на пляшущие языки пламени, словно пытаясь увидеть в отблеске огня что-то своё, незабываемое.

— И всё же, Пётр, ты ближе к лесу, какова в перспективе судьба бора? — спросил Юрий Николаев у Ефимова — я так понял, что его сейчас и охранять то некому?

— Не знаю! Но боюсь, что лет через пятьдесят этого бора может вообще не быть, — сухо ответил Ефимов.

— Это почему же? — удивился Юрий

— А вы обойдите бор вокруг, и всё станет ясно. Почти со всех сторон вплотную к основным посадкам бора примыкают посевные площади. Поля в степи бурьяном зарастают, а все лезут поближе к лесу, где земля лучше, плодороднее. Осенью, после уборки урожая, предприниматели стерню пахать не торопятся, порой сжигают её, чтобы сэкономить топливо. Один такой неосторожный пал или брошенный в поле окурок на сухую стерню и бор сгорит как коробок спичек, ахнуть не успеешь. Вон в Жёлтой даче сотни гектар сосновых посадок сторело, ничего не смогли поделать, пока сосна не выгорела. Даже берёза и та пострадала. А всё началось с пала. Раньше лесники осенью и весной присматривали за этим безобразием, а сейчас их почти всех сократили. Кто будет охранять лес? А тут ещё предприниматели-лесоиспользователи, не дураком лезут в бор, им деловая древесина нужна. И не какая-либо, а под любым предлогом стараются вырезать столетние сосны, из них больше пиломатериала выходит.

Да и бор-то у нас гослесфондовый, считай, ничейный. Его когда угодно могут передать в аренду какому либо пронырливому предпринимателю лет эдак на пятьдесят. И считай, что бора нет. На севере России не такие леса вырезали под чистую, про наш бор и говорить нечего.

— Так может, оформить его как памятник природы? — предложил Юрий, — Это же чудо, посреди степи лесной остров, украшенный каменными сопками. Такой подарок природы беречь надо как зеницу ока!

— Да, есть возможность придать Тугунскому бору статус памятника природы, по аналогии с Чёрным бором, но согласование по этому вопросу увязло на уровне администрации района и собрания депутатов. Вопрос казался бы простой, но решение по нему принимать никто не хочет, — вмешался Павленко

— Да, проблема! Но вы не отступайте! Уверен, народ вас поддержит, если разъяснить ему всё правильно, — подбодрил Юрий Николаев.

— Конечно, будем стараться спасти бор, — заверил Ефимов, — есть у нас люди, не равнодушные к его судьбе и они не отступят.

Время за разговорами летит быстро. Спать в палатку никто не пошёл, расстелили вокруг костра спальные мешки, наломали под головы соснового лапника и казалось никогда они не чувствовали себя так уютно как сейчас, на этих древних каменных сопках, рядом с верными друзьями юности. И хотелось растянуть эту ночь до бесконечности, понимая, что вряд ли она ещё в будущем повторится.

— Ну что, мужики, споём нашу, любимую, — предложил Павленко:

Ночью, звёзды, вдаль плывут по синим рекам
Утром звёзды гаснут без следа, —

подхватили остальные.

Только песня остаётся с человеком
Песня верный друг твой навсегда.

Потом пели другие песни и уснули далеко за полночь, тщательно затушив костёр водой.

Утром встали с рассветом. Каждому хотелось ощутить эту предрассветную лесную прохладу, насыщенную опьяняющим ароматом хвои, послушать звонкие голоса птиц, встречающих рассвет, полюбоваться красотой сопки.

Торопиться было некуда. Развели костёр, согрели чай, позавтракали и неспеша направились самой длинной лесной дорогой в сторону Чесмы.

И казалось, что нет за плечами прожитых десятилетий и по лесной дороге идут не седоволосые, потрёпанные жизнью мужики, а юные подростки возвращаются из лесного похода, полные впечатлений и благодарности к родной природе за подаренную им красоту и общение с ней.

Потом были встречи с одноклассниками и друзьями, поездка на Солёное озеро и через два дня настало время провожать друзей в Москву. Грустное это было расставание, каждый понимал, что эта встреча может быть последней. И никто не стыдился, если в глазах блеснули слёзы, и прерывался голос. Мужчины порой тоже имеют на это право. Но клятвой звучали обещания «до встречи» и каждый надеялся, что она состоится.

с. Чесма

Мой сверчок не сверчит

* * *

Быть некрасивой знаменито
И в разорённый сад Любви
Входить непрошеной. И скрытно
От всех иных решать «to be».
Оставить прошлому все грёзы
Великолепные страстей.
Себе оставить март, мимозы
И обещание вестей.
И запах пудры хмурым утром.
Душа жива и невредима.
Всё позабыто мною мудро.
(А память всё ж непобедима.)

* * *

Вот и нету сверчка!
Мой сверчок не сверчит,
Ночь и сны тонким свистом не меряет.
Слишком нежным он был,
Слишком слабым он был,
Что он был, мне никто не поверит.
Под ветошкой сидел,
Как умел, так и пел.
Берег дальний ведёрка в тумане.
Что он пил, что он ел?
Только пел.
Остальное во мраке и тайне.

Ах, зачем и о чём,
Без наград, без друзей,
Он, простак, пел в бессонные ночи?
Лучше было б молчком,
Не убили б щелчком.
Дурачок был, наверно, а впрочем...

* * *

Говорят, особняк
Здесь, в этом лесу
Стоит всего
Шесть тысяч долларов?
А земля?
— А земля
Шесть тысяч жизней.
Больше иль меньше
И раньше было не сосчитать
(болота)
А теперь и подално.
Взгляните налево,
Взгляните направо:
И там, и там,
И там, и там
Обелиски.
А народ, который остался в живых,
Добирается на перекладных
И плачет, читая списки.

г. Кыштым

Евгения Врублевская

Я хочу, чтоб солнышко светило Берегите любовь

Любовь — паутинка, всей жизни основа.
То нежна, хрупка, то мятежно-сурова.
Любовь осторожна, горда и тревожна.
Спутнуть и убить её вовсе не сложно.
И глупая ревность, и резкое слово,
И взгляд изподлобья — они как оковы.
Но нежное слово и ласковый взгляд —
Утешат, согреют, любовь сохранят

Моей маме

Пелагее Михайловне посвящается

Милая, хорошая, родная,
Я к твоим коленям припадаю,
Нежно я твои целую руки,
Что не знали лениности и скуки.

Помню ясно — напролёт все ночи
Шила, мыла, не смыкая очи.
Падала от голода на грядке,
Нам же улыбалась: «Всё в порядке».
На ночь нам рассказывала сказки,
Лишь просила: «Закрывайте глазки,
А иначе улечу, как птица,
А над вами выюга закружится».
Мы с сестрой слезами обливались,
Всё теснее к маме прижимались.
А она: «Ах, дитятки, дитятки,
Не печальтесь. Будет всё в порядке»...

Я хочу, чтоб солнышко светило
И лучи вплетало в твои косы,
Чтоб в тебя влилась земная сила,
Чтоб не появлялись слёзы-росы.
Чтоб не знала горя и печали,
Чтобы ветры на руках качали,

Чтоб смотрели в след тебе мужчины,
И цветы дарили без причины.
Не грусти, родная, успокойся!
Мы с тобою. Ничего не бойся.
Мы со смертью поиграем в прятки...
И ты встанешь,
Скажешь: «Всё в порядке»!

Ветер

Ветер, ветер, ах, ветер —
Молод он и силен.
И весельем, и буйством,
Озорством наделен.

То березку ласкает,
А то клонит к земле.
То, куражась, играет
И блуждает в листве.

То нескромно срывает
Он с березки листву.
А она замирает
И глядит в синеву.

Тихо ветер вздыхает —
Он в березку влюблен.
И невольно стихает,
Наготой опьянен.

г. Трёхгорный

Светлана Богомолова

Время спешит

* * *

Ровесникам моим за шестьдесят.
Мы рождены в том веке, в середине...
Про нас «пенсионеры» говорят,
Нам явно намекая на седины.

А мы ведь тоже молодыми были.
И город на глазах у нас рождался.
Смешные, гордо галстуки носили
И мир нам в свете розовом являлся.

Но вот мы оказались не у дел.
Детишки выросли, внучата подрастают.
Наш круг общенья круто поредел,
Здоровье, силы постепенно тают.

Всё меньше лиц знакомых и друзей...
Приходит поколение другое.
И на душе лишь от того теплей,
Мы для родных ещё чего-то стоим.

* * *

День ото дня
Вьются года —
Жизни поток.
Важных событий,
Строк череда.
Слаженный слог.
Думы, мечтанья —
Чувств испытанья —
Яркий букет.
И расставанья,
Как заклинанье,
Да или нет.
Мысли слагая,

В стих заплетаю —
Радость души.
И замечаю,
И ощущаю —
Время спешит.

Ангел

Обозначу в душе желанья,
И, поступков ища основу,
По слогам всё расставив заранее,
Я на милость отдамся слову.
В мыслях чувства перетасую,
Заполняя душевный пробел,
Вдруг стихом силуэт нарисую —
Будто ангел любви залетел.
Залетел и в душе остался,
Диалог с ним стараюсь вести.
Вечность целую он скитался,
Чтоб однажды покой обрести.
Я его, конечно, признаю,
Среди ярких событий жизни,
Нежно ангелом величая,
Разделю с ним чувства и мысли.

* * *

Долго слов не находила,
Лист казался полем белым.
«Отболела, отлюбила», —
На стене писала мелом.
Вновь писала, затирала
Лучших слов не находила.
А стена — она стояла,
Всё сносила терпеливо...

* * *

Мне приснилось: лето, детство,
Свет зеленых милых глаз.
И в груди от счастья тесно —
Множится любви запас.
Руки мамины родные,
Сентябрей янтарных мёд
И казалось, что отныне
Детство вновь во мне живёт.

Да, живёт. Растут внучата,
Как грибочки под дождём...
Но вернётся ли обратно,
Что всю жизнь, бывает, ждём?

Муза

Прилетела и уселась.
Что такое? Ну дела.
То она куда-то делась,
То вдруг рядом прилегла.
Карандаш вцепился в строчку
И пошёл, пошёл гулять,
На листке поставив точку,
Зашевелится опять.
Пробегая по листочку
То легко, то как обуза,
Не даёт поставить точку
Привередливая муза.

* * *

Последний месяц года начат.
Ещё чуть-чуть, и Новый год.
Погода дразнится, чудачит:
То снег подтаёт, то метёт.

Год змейкой в вечность уползает,
А следом — Лошадь к нам спешит.
Год новый в мире наступает,
Олимпиадой знаменит.

* * *

Полночь стихнет за окном,
Занесённая снежком,
И утомонится.
А в моём окошке свет,
Чувств растрёпанных букет —
Мне не спится.
На снегу видны следы,
Здесь прошёл быть может ты
И исчез.
Навсегда исчез. Умчался,
А в судьбе моей остался —
Ты мой крест.
За полночь давно уже,
Новый день на рубеже
Народился.
Занесло снежком следы,
Замело мои мечты.
Сон явился.

г. Трёхгорный

Валентина Китцева

И нет предела мыслям одиноким Предзимье

* * *

Вот и пришли предзимья холода,
Когда темнее стали ночи.
Предзимье здесь бессильно — это да!
С ним не остыли наши встречи.

Когда твоей руки касаюсь я —
Теплей мороз и я так рада.
Надежда и опора ты моя,
Судьба моя и мне награда.

А ведь могло же с нами стать так:
Прошел, меня бы не заметил.
Но, видно, был, на то какой-то знак,
Ты взгляду моему ответил.

Вот и пришли предзимья холода.
Но не страшны они с тобою.
Мы будем вместе — это навсегда.
Нам так начертано судьбою.

Вновь раскрылись снеговые тучи,
Город враз накрыв со всех сторон.
Как же стали все следы скрипучи,
Только где-то затерялся Он...

Затерялся в этой карусели,
А поземка пела песни вновь.
Испугали, видимо, метели
И замерзла в его жилах кровь.

Не дошёл, в снежинках затерялся.
Тучи уронили нежный клад.
Мне не тот, наверно, повстречался.
Неразумно возвращать назад.

Ветер мчал снега по закоулкам.
В нем же нет такой живой души.
Заметал тропики для прогулок,
Затихая за стеной в глуши.

Зимние вечера

С метелью мир плывет, сливаясь воедино.
Качаясь, фонари бросают тускло тень.
И за окном холодная картина,
Ночь на дворе стоит, погас давно уж день.

Вот на бугре качается калина,
Из труб домов клубятся серые дымы.
Так хорошо мне, сидя у камина,
И слушать за стеной дыхание зимы.

Поет метель, заглядывая в окна,
Ревет, стучит по ставням батогом своим.
И нет предела мыслям одиноким,
Я возвращаюсь к предсказаниям твоим.

Холодным ветром и ночной поземкой
В глухую даль уносит важное от нас.
Поля и лес за дальней окаемкой,
Мы широту зимы не чувствуем подчас.

Мне хорошо так сидя у камина,
А за окном опять куражится метель.
И где-то с гор скатилась лавина,
Нам долго ждать весны, с проталиной

апрель.

* * *

Лес и поле. Вьюга свищет,
Заметая все следы.
Серый волк по лесу рыщет
В поисках себе еды.
Злость и ярость в той натуре,
Голод, блеск в его глазах.
А погода — что за дура?
Утопает всё в снегах.
Нет следов и нет добычи,
И давно желудок пуст.
Целый день все ищет, рыщет,
Только слышен наста хруст.
По задворкам, огородам
Серый волк спешит в овин,
Там под теплой крышей — сводом
Он найдет себе размин.
Перережет всю скотину,
Что встречается ему,
И, овцу забрав на спину,
Ускользнет в ночную тьму.
Так, от счастья спотыкаясь,
Снег сочтет за небеса.
И, нисколечко не каюсь,
Примет хлев за чудеса.

г. Трёхгорный

Галина Федорова-Косарева

Помни о смерти

В сентябре 2013 года мне случилось получить глубокое религиозное переживание.

Я побывала в Суздале и в храме Покрова на Нерли. Произошло это — буквально чудо — благодаря моей двоюродной сестренке Алле Комольцевой и ее близким. Бывшим северянам, отдавшим развитию Магаданской области всю свою жизнь, — и лишь на ее излете перебравшимся в европейскую часть России.

Ехала во Владимир по-родственному, чтобы навестить сродную сестричку, побывать на кладбище, на могилке мужа Аллы Григория Комольцева, орденоносца, директора богатого знаменитого совхоза, человека, еще в доперестроечные годы, когда практически никто не выезжал за границу, побывавшего в США и Канаде по обмену опытом.

Кладбище в маршруте всех наших поездок проходит обязательным первым пунктом. Так было и во Владимире. Постояли у могилок наших родных. Печальное место это поразило меня стандартизацией могил. Ровные небольшие квадратики, один к одному, под два захоронения. Столик, скамеечка и прямоугольник с обязательным православным крестом. Унифицировано все до немецкой пунктуальности! Памятников нет. Однотипные решеточки, похожие кресты. Такое я вижу впервые. Это не характерно для Челябинска, например, или Екатеринбурга. Вспоминаю родное Сухомесово, расположенное недалеко от челябинского озера Смолино. Там в единой оградке разместилось несколько могил — моих отца-матери, сестры Амалии и ее мужа Геннадия. И сосенки растут. Другое заросшее лесом кладбище там же, в Челябинске — Фатеевское, где находятся шесть могил наших родственников — родителей моего мужа Бориса Косарева, его брата Рафаила с женой, их дочери Ирины...

В Екатеринбурге часто посещаю Лесное кладбище, где похоронена моя любимая тушка, сестра матери, Екатерина Евсева. Тут нет обязательных оградок, как в Челябинске, зато памятники стоят самые разнообразные. Больше порядка, но все-таки нет однообразия даже и на участках, отданных для погребения ветеранов Великой Отечественной. В том

секторе находятся могилы Виктора Косарева, двоюродного брата моего мужа, бывшего фронтовика, сценариста, члена Союза кинематографистов, и его жены Светланы. Да, тут все разделено на кварталы, как полагается. Пронумеровано, но кругом растут деревья. Есть ощущения продолжающейся жизни.

Обычаи, связанные с похоронами и посещением кладбищ, у нас, на Урале, и в средней полосе России, очень разнятся. Мы, уральцы, всегда на кладбище не только производим уборку, вырываем сорняки, красим решетки, но и кладем угощение покойным — печенье, конфеты, яблоко, кто-то и рюмку водки ставит. И сами обязательно пожжем что-нибудь, получается символическая совместная трапеза. Во Владимире на могилку тоже кладут на тарелочке подношение. Однако сами в трапезе не участвуют.

О цветах. У нас, на Урале, принято класть на могилу искусственные цветы. А в Москве и во Владимире наши родственники украшают захоронение только живыми цветами. Так у них принято.

В Москве после посещения кладбища тщательно моют обувь, чтобы кладбищенскую землю не занести в дом. У нас такой обычай нет.

Поминальный стол в провинции: обязательно кутья, блины, булочки, первое, второе и компот. И водка, конечно. А в столице ставят самые разнообразные салаты, холодные закуски, второе подают. Признаками тризны остаются лишь кутья, блины и компот. И водка, конечно. Я несколько раз попадала в неловкую ситуацию во время похорон родственников. Мне всегда казалось, что первое, второе и компот — неизменное меню для поминок. Но меня не понимали. «Провинция»...

Однако вернемся во Владимир.

После посещения могил логично было бы побывать в храме: мы все за последние двадцать лет после тихой революции из атеистов превратились в верующих, в прихожан. И чем дольше живем, тем больше вокруг криминала, тем горячее молитвы, обращенные к Небу.

Сестра Алла во Владимире, и моя дочка Августа, недавно похоронившая мужа Александра, совершая обязательный похоронный ритуал, проводили церковное отпевание. Так же, как и я приглашала священника совершить обряд, когда в мае 2012 хоронила в Челябинске мою маму, в прошлом учительницу, всю жизнь прожившую атеисткой, но под конец повесившую в своей квартире иконы. А прожила она 96 годков. Не намного меньше — 92 года — прожил и ее брат — Антоний Евсеев, в Саратове. Я приезжала и на его похороны — в июле 2012, спустя всего два месяца после маминой кончины. Вместе с сыном покойного Евгением на рассвете мы прибыли в храм в центре города, с тем, чтобы на машине отвезти священника на квартиру к дяде Антоше. Батюшка провел отпевание прямо дома, утречком. А был дядя Антоша видным энергетиком, директором электростанций сначала в Норильске, а потом в Саратове. Партийным человеком. Но и он по требованию тещи еще молодым венчался со своей ненаглядной Лизой, и вот — ушел достойно. За два дня до смерти сам привел машину из сада, поставил в гараж. И отправился в больницу. Через день умер. Такая вот смерть дается иногда хорошим людям.

Как-то много уходов родственников пришлось на 2012—13 годы. Умерли еще и два моих двоюродных брата, дети маминой сестры Августы. Виктор, бывший летчик, жил с семьей в Воронеже. Попал в автоаварию, недолго после нее протянул. А его старший брат Борис, тоже человек военный, офицер-артиллерист, в день Победы 9 мая, при орденах и регалиях вышел на площадь в Симферополе, да там и упал замертво. Честь солдату умереть в бою или на параде, моряку — на палубе корабля, актеру — на сцене.

Думать о смерти. Помнить о смерти. Как-то у нас это не принято. Не было принято в советской стране. Да и теперь, в период всеобщей купли-продажи, в период дикого капитализма, обожествления потребления как такового, большинство людей торопятся жить, покупать, покупать, покупать, покупать... Как будто потом они все это добро утащат за собой в могилу... Шопинг — как отдых и дело. Деньги становятся мерилом ценности человека.

Мало кто задумывается о смерти. Истинно верующие разве. Но их на самом деле очень мало. Даже среди тех, кто пришел к церкви, большинство формально исполняют или вообще не исполняют ее предписания. Образ дамы с косой прячется среди яркой рекламы, среди толпы на бульварах, у дорог, забытых автомобильными пробками. На скоростном шоссе совершенно незаметны катафалки. Они также мчатся в едином потоке. Они не могут ехать медленнее, чем идет весь поток. Ушли в прошлое женские плачи и медленные похоронные процессии с духовыми оркестрами. Печаль сведена к минимуму. Скорость жизни диктует свои условия.

Ну и как же нам в повседневной суете сберечь свое Я, то истинное, святое, что есть в каждом человеке? То, что ангел, стоящий у нас за правым плечом, призван хранить? Всегда помнить о смерти! Как ни странно, но именно это позволяет нам жить честно, радостно, и с удовольствием делать в этой жизни свою главную работу, для которой мы в этот мир и пришли.

Потому-то я думаю, и следует нам почаще возвращаться в застывшую красоту церквей, городов-музеев. Там минувшие века оказываются на своей законной территории — и напрямую обращаются к нам. И жизнь без их тихого голоса становится неправильной, скудной.

Подарок сентября 2013 — Суздаль и Боголюбово.

Суздаль покорила деревенской тишиной и покоем. Прежде всего, мы с душевным трепетом вошли в действующую еще Смоленскую церковь постройки конца XVII века. Поставили свечи, постояли у икон. Так началось наше знакомство с древним городом, славой России. Между прочим, Смоленская церковь расположена на улице Пожарского. Потом, уже в стенах музейного комплекса — Спасо-Евфимиева монастыря, мы постоим у мавзолея этого народного героя. Его имя прочно связано со славным городом на реке Каменке.

Величественные Храмы Суздаля — а их великое множество — гармоничным ансамблем открывались со смотровой площадки на высоком берегу этой реки. Японские туристы неустанно фотографировали эту красоту.

А колокольные звоны, далеко разносившиеся под низким осенним небом, уносили душу ввысь. Величественная звонница построена в XVI веке. В том же далеком шестнадцатом веке был поставлен и огромный Свято-Преображенский собор, под высокими могучими сводами которого нам сподобилось услышать чистейшее церковное пение. Два мужских голоса звучали, как хор с музыкальным сопровождением. А потом мы побывали еще и в действующем женском Покровском монастыре, куда цари ссылали своих неудобных жен — насильно постригая их в монахини. Теперь там живут монахини нового времени — девушки и женщины — лица светлые, ясные.

Особое впечатление я испытала в музее деревянного зодчества. Сооружения, свезенные сюда из окрестных сел, построены позднее, чем каменные храмы за мощными стенами и башнями, которые мы посетили в начале поездки. Но для моей души деревянные постройки, несомненно, ближе. Они напоминают мне храмы и избы Поморья, музея под открытым небом в Малых Корелах близ Архангельска, откуда я начинала свой путь в профессии. И древние прекрасные Кижы, где я побывала в одной из своих командировок в Карелию. И музей деревянного зодчества близ Алапаевска в Верхней Синячихе, на родном моем Урале. Войдя на территорию Суздальского заповедника древней живой красоты, я как бы заново свою жизнь перелистала.

А через несколько дней мне довелось побывать в Боголюбовском женском монастыре на окраине Владимира — и в Храме Покрова на Нерли, расположенном в нескольких километрах от него. Белокаменные памятники эти занесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Пешком через дуга — к Храму Покрова. Холодно, ветер. Навстречу, замёрзшая, продрогшая, движется группа иностранных туристов... Похоже, из Германии. Автобусы их ждут за железнодорожным мостом. Идти не близко. Но довольны, прикоснулись с Прекрасному. К Святому. К Истории. Улыбаются приветливо. Да, надо прийти пешком к святыне — и это правильно. Год 1164 — какая древность! Этот архитектурный шедевр напоминает о гибели от ран княжича Изяслава, любимого сына Андрея Боголюбского. От ран, полученных в бою с волжскими булгарами. Отражение храма-паруса в воде — высочайшее поэтическое Слово нашего талантливой народа. В единое лето был воссоздан этот храм — и уже столько веков несет его слава и его голос над Россией.

Если Храм Покрова — немеркнущее свидетельство отцовской любви к погибшему сыну, защитнику родной земли, то памятники в Боголюбове близ Владимира — это память о междуусобице, снова о СМЕРТИ, об убийстве князя Андрея его политическими противниками боярами Кучковичами.

Палаты Андрея Боголюбского — двухъярусная башня и примыкающая к ней галерея — все, что осталось от ансамбля княжеского загородного замка, возведенного в те же годы, что и Храм Покрова на Нерли. Все остальные постройки монастыря — архитектура позднейшего периода. Но эти сохранившиеся стены — неоценимое сокровище. А еще большее сокровище — достояние всего народа православного — чудотворная икона Богоматери Боголюбской, явившейся на этом самом месте князю Андрею. Тут, где спустя 16 лет после этого знаменательного события, после начала строительства дворца с церковью

Рождества Богородицы, князь принял мученическую смерть в построенной им же башне с винтовой лестницей. Пусть и стоит в Рождественской церкви сейчас только компьютерная копия иконы Богородицы Боголюбской (тоже знак времени) — Пресвятая шагает к нам из глубины веков, заступница страдающих, все прощающая мать Божия. И тянутся люди из ближних мест и издали поклониться ей — и совершаются Чудеса. Чудеса совершаются... Если мы в счастье или горе, в радости или печали — всегда — помним о смерти.

г. Челябинск

149

Графоман № 1 (17) - 2014

Татьяна Рыжкова

Родовая книга

отрывки

Конец ноября — на севере это уже зима, отмеченная первым легким морозцем, неслезальным еще снегом, звонкая и светлая от белых полей вокруг деревни. Отдав соки своему новому урожаю, отдыхает земля, укрытая мягким небесным покрывалом. Пришел черед отдохнуть и тем, кто вместе с ней — кормилицей немало потрудился минувшим летом.

Жизнь замедляет свой бег, отпуская на время тревоги и заботы, уступая место роздыху и приятной кутерьме. Это время молодецких забав, сватовства и свадеб. А как там, в хорошо знакомой нам родовой избе, что нового увидим и узнаем на этот раз?

Прозрачной синевой опускаются на деревеньку вечерние сумерки, укутывая ее тишиной и покоем. Дневные хлопоты позади. Под уютное потрескивание лучины семья неспешно собирается за столом — время снести (ужинать). Но есть среди них одна особа, которой не терпится побыстрее выскочить из-за стола. Ты не узнаешь ее? Это же наша пра... бабка, правда, еще совсем юная, ясноглазая, русокобая, шестнадцати годков. Подружка, днем еще, встретив у проруби на речке, шепнула, что бабка Авдотиха согласилась пустить девчат на супрядки (беседу), только без озорства чтоб, без парней.

Тревожно замирает сердечко у красавицы — отпустят ли батька с маткой? Она так старалась весь день угодить им прилежным рвением своим, наперед всех хватаясь за любую работу!

Первой замечает волнение дочери мать, спрашивает, когда прибирают со стола, чего, мол, она не в себе? Еще больше волнуясь и краснея, девушка, не глядя на мать, сообщает про Авдотиху, и та понятно, незаметно для дочери, улыбается одними только уголками губ. И тут же, переходя на строгий тон, выговаривает, отпуская: «Смотри-от тамо, не долго. Да работу возьми, совсем пяльцы-то забросила».

Вихрем закружила по избе, в мгновение око собралась и уже летит по деревенской улице юная наша прабабка. А мать, глядя ей вслед, с грустью думает о том, «чтё» заневестилась дочь, пришла и ее пора недолгого девичьего счастья. Вот только смилоствивилсь бы Господь, да дал ей в мужья не ледака какого не то, а доброго, жалючего, да проворотного в работе парня...

В избе у бабки натоплено и пахнет травами, что душистыми вязанками развешаны за ее огромной печью. Знает Авдотиха какую травку и от какой хвори надобно заваривать, к ней за помощью приходят не только свои, но и из ближних деревень.

Девки шумно и весело быстро прибирают в избе, выкладывают, прихваченные из дома угощения: лесные орехи, сушеные ягоды, мерзлую клюкву, рассаживаются по скамейкам. Каждая, как и наша прабабка, пришла со своей работой — кто с вязанием, кто с недовышитой праздничной сорочкой, а кто-то с куделькой да веретенем. Живою вязью плетется легкий разговор, сменяясь протяжными песнями, больше похожими на невыдуманные истории, рассказанные нараспев. А затем приходит черед Авдотихи рассказывать сказку, в чем она большая искусница.

Заслушались девушки неторопливым, плавно текущим старухиным сказом про добра молодца и не услышали, не заметили, что они, молодцы, правда, их деревенские, уже здесь. Нарочито шумно ломятся в дверь, стучат в окно, весело вступая в перебранку с притворщицами, якобы недовольными их незванным приходом. Такого озорства Авдотиха стерпеть не может, и скоро возбужденная толпа вываливает из бабкиной избы на ночную, пропитан-

ную морозцем улицу. Парни затевают вывалять девок в снегу — те отбиваются, стараясь вырваться из цепких, жадных рук и с визгом разбегаются в стороны.

Бежит и наша красавица, боясь, что окажется поверженной в снег вместе с парнем, боясь и, кажется, желая этого стыда. Бежит и слышит, что кто-то вот-вот достигнет ее. Разгоряченная бегом, она резко оборачивается, чтобы увидеть своего преследователя и, без того уже готовое выскочить из груди сердечко, сладко замирает на миг, а затем начинает колотить с утроенной силой. Васятка, сосед, чья изба наискосок от ее родной избы, двумя годами постарше, совсем близко. Она слышит его задышливое от быстрого бега дыхание, видит светлый, мягкий пушок, вместо бороды, и его глаза, странным блеском отражающие свет луны над их головами.

И сразу вспомнилось, как часто этим летом ловила на себе быстрые Васяткины взгляды, от которых холодная волна прокатывала по всему телу и жарким огнем начинали полыхать щеки. Это был тот самый Васятка, с которым она вместе с другими деревенскими ребятами, еще не так давно ходила в лес по грибы и ягоды, получала от него шуточные, необидные тычки в играх и ничем не выделяла среди других. Но этим летом все было по-иному. И это, иное, отзывалось в ней страхом и неведомым, до сей поры, сладким волнением, одновременно. Он качнулся, пытаясь то ли обнять, то ли просто прикоснуться, но она опередила его. Отступив на шаг, произнесла каким-то странным, не похожим на свой, голосом: «Поздно уж, матка изругает», — и быстро пошла, почти побежала к дому.

Так и дошли — она впереди, а он чуть приотстав, не проронив больше ни слова, слушая как залиvisto, где-то на другом конце деревни, старается гармонь. У ворот, чуть замедлив шаг, она услышала, сказанное ей в спину: «Выходи завтра, я буду ждать». И мгновенно, как летом, холодная волна прокатилась через нее, заставив сорваться с места и, не оглядываясь, и ничего не говоря в ответ, скрыться за спасительной дверью. Оба они знали, что долго еще не уснут этой ночью. Их первой ночью...

* * *

Степану уже 25 годков. Повзрослел, возмужал и как отец и старшие братья, помолодецки, раздался в плечах. Но не «поумнел», как ожидали в семье, не оставил своих затей на лучшую долю для себя и близких. Все так же по-прежнему якшался с сельсоветчицами, агитировал за создание производственно-кооперативных товариществ по обработке земли (они явились предшественниками колхозов). Жутковатые времена коллективизации только-только замаячили на горизонте. У крестьян была еще в собственности земля и все, что прилагалось к ней, нажитое тяжело и честно. Не появилось, пока, в статусном обиходе непонятно откуда взявшееся, официально узаконенное, несправедливое и означающее для многих людей практически смертный приговор, слово «кулак».

И, несмотря на то, что был Степан активистом и идеи о мировом господстве пролетариата явно туманили его мозги, молодость брала свое.

Как-то вдруг узрел, что живет по соседству, на Горе, в семье Егора и Анны Боданиных хохотушка да певунья Алефтинка. Заглядывая в их дом к своему приятелю Яшке, старшему брату Алефтинки, он и помыслить не мог, что это хрупкое, голубоглазое точно ленок в поле, существо, шустро метущее сарафаном деревенскую улицу в ребячьих играх, через несколько годков заставит неровно биться его сердце.

Но вот, как в свой черед, встала Алефтинка в хоровод да запела и засмеялась звонко и озорно... и заиграло в груди у Степана ретивое. Но не подходил до поры до времени, издали любовался ладненьким девичьим станом, сноровистостью маленьких, быстрых рук, лукавой смешинкой в глазах. Любовался, ощущая, что летит головой своей бедовой в сладкий омут, имя которому — Алефтинка. И радостно сознавал на вечерках, что разворачивает меха своей тальянки и лихо отплясывает на перепляс только для неё одной...

Это произошло в один из дней Христова праздника. Молодежь близлежащих деревень, по заведенному старинному обычаю, собирается в эти дни на первые весенние игрища на крутой горе, той, что ко всеобщей радости, первой освобождается от зимнего поднадоевшего одеяния. Яички крашенные катать, хоровод водить да милых приглядывать.

Уже заговорили веселым говорком звонкие ручьи, легко сбегая по склонам, прямо к подножью горы. Разливаясь там своими чистыми, холодными водами в маленькие озерца, они на короткое время делают недоступными наезженные дороги и тропки. Вот к такому-то озерцу и подпорхнула веселая, по-праздничному наряженная стайка местных красавиц. Стоят девушки в замешательстве, не знают, как им переправиться на другой берег, чтобы

ног не замочить, да на игрище поспеть. В толпе той горюет вместе со всеми и Алефтинка. Вдруг сильные руки подхватывают ее, и через мгновение, не успев испугаться, она уже стоит на другом берегу. Подружки смеются: «И нас, и нас так же!»

Кто же он, не ошиблась ли? Нет, точно он, здоровяк и известный балагур Степка Рыжков, стоит близко-близко и видно как вздымается и опускается его широкая грудь. «Что, задохся?» — лукаво вопрошает она. Он смотрит на нее прямо, чуть дерзко, как и подобает в такой ситуации взрослому парню и неторопясь, с усмешкой отвечает: «Такую хлипкую можно и жизнь всю на руках пронести, не надсадишься». Она теряется, не находит быстрых слов для ответа, а он уже поднимается в гору с другими парнями — как и не было ничего... Подбежавшие девушки выносят свой вердикт: «Ты за Степку замуж выйдешь — примета такая есть!»

— Вот еще выдумали, — отмахивается от подруг Алефтинка, а сама вся во власти ощущения его сильного, горячего тела...

А через неделю к ним в дом пожаловали сваты. Егор с Анной не обрадовались такой партии для дочери. Казалось им, что, спокойной и уравновешенной, ей и мужа надо под стать. Да только сама Алефтинка думала иначе — нескольких беззаботных, праздничных дней хватило, чтобы прикипеть своим юным сердечком к этому ветродую, этому сорвиголове, этому... самому лучшему. Они поженились в 1925 году. Несмотря на «сочувствующего советской власти» жениха, было и венчание. Оно проходило все в той же Холезской Введенской церкви, той, что сегодня стоит в окружении поднявшегося вокруг нее молодого леса.

Через много лет, перед смертью, бабушка Алефтина попросила положить ее в гроб на скатерть, на которой она венчалась со своим Степаном — что и было исполнено моими отцом и матерью.

г. Миасс

Наталья Бычкова

Сплав по лунной реке

*В каждом древе распятый господь,
В каждом колосе тело Христово,
И Молитвы пречистое слово
Исцеляет болезную плоть.*

А. Ахматова

Утро стекало с подоконника солнечными струями. Теплый ветерок прорывался в комнату, шевелил волосы, тормошил, торопил вставать. За окном сидела синица.

Удивительно: обычно летом в городе их нет, все в лесу — добывают себе корм и выводят птенцов. Но эта зачем-то прилетела в город! Она клюнула что-то на окне и уставилась на меня булавочными глазками. Наверно, она прилетела напомнить, что сегодня начинается пятидневный сплав по реке Ай на катамаранах.

В городе жарко и душно. Горы раскалили ветры, пригнали их в город. Ветры прикикли к деревьям и травам. Медленно гибнут травы от знойной жажды, сухие и ломкие. Скорее за город к деревьям, лугам и птицам.

Почему сердце вдруг пронзает острая тоска, если увидишь склоненную головку колокольчика или голубые глазки незабудок? А потом посветлеет на душе, когда колючие сосны наполнят душу хвойным ароматом, березка нежно коснется щеки веткой. Где же этот край цветов и трав, быстрых рек, край добрых и веселых людей?

В понедельник рано утром ребята из Миасского общества инвалидов во главе с Василием Николаевичем Заушицыным отправились на поиски этого края.

Путь наш начался ранним утром от здания общества инвалидов. Компания собралась дружная и веселая — четырнадцать человек и две собаки: лайка — хаски Джон и такса Хантер. Кто-то уже бывалые туристы, а кто и вовсе новички. Возраст у команды разный; самый старший — Кузьмин Александр Семенович, ему 64 года, а самой младшей участнице команды — Леночке Цвиркун — 17 лет.

Погрузили вещи в автобус и с песнями доехали до Новой пристани откуда и начался наш поход. Девочки готовили обед, мальчики собирали катамараны. За обедом обсудили план сплава.

Для того чтобы руководителю похода онный был не в тягость, а также чтобы остальные участники не унывали, чувствуя себя балластом, каждый участник группы должен иметь

хотя бы маленькие обязанности. Капитаном, конечно же, был Василий Николаевич — бывалый турист, умелый руководитель и просто хороший человек.

Однако, как оказалось, капитан — не самое популярное лицо. Истинная популярность и любовь команды принадлежит шеф-повару (в морской терминологии — кок). Им была назначена Оксана Андреева. У нее уже есть небольшой опыт в прошлом году она была на сплаве и зарекомендовала себя как квалифицированный специалист. Так как у нас два катамарана нам нужны два старпома. На первом, флагманском катамаране старшим помощником капитана был назначен Анатолий Михайленко, который ещё и стал нашим корабельным поэтом. На втором — наша гостья из Челябинского общества инвалидов Алена Мешалкина. Она уже не раз участвовала в различных проходах и сплавах вместе со своим мужем Кириллом. Эта семейная пара восхищает своей дружбой, они понимают друг друга с полуслова. Еще в походе должен быть врач — эта должность досталась Наталье Георгиевне Бычковой, у нее медицинское образование, по совместительству она была зампотех — это значит организатор потех или попросту массовик-затейник. А какой корабль без юнги — конечно же, это Леночка!

Матросы — самая многочисленная и важная часть коллектива, ибо на их плечах лежит основная работа по реализации похода, ими стали остальные участники команды.

Вот и все должности распределены — можно отправляться в путь.

Река блестит на солнце, лес шумит, ветер запутался между стволов и рвется вверх на простор, а старые сосны держат его и гудят басовито. Птицы щебечут на разные голоса.

Красота! Людям кажется, будто они все знают про лес, а вот начни говорить, и выходит, нет таких слов, которые объяснят красоту леса. Одним словом. Красота!

Низко нависшие над водой стволы старых деревьев купают свои ветви в быстрых, светлых струях прохладной реки. Красивые болотные цветы сплошь покрывают листьями глубокий омут под берегом, весь залитый полуденным солнцем.

Мы наслаждались красотой природы, чистым воздухом и нашим единением.

Капитан дал команду причаливаться к берегу.

Смеркалось. Алексей Рогозников разложил костер, и сразу стало уютнее. Год назад Алексей уже был на сплаве — его должность костровой и ещё рыбак — лицо ответственное за добычу рыбы. Рыбак — это не должность: это призвание.

Девочки приготовили ужин, какая же вкусная гречневая каша на природе. Поужинав, все сели у костра в предвкушении какой-нибудь интересной истории. Алексей помешал прогоравшие угли. Взлетел снап красных искр, на миг ожило пламя, вырвав из темноты усталые, но счастливые лица ребят. И оказалось, что у Василия Николаевича есть ещё одна должность — главный сказитель. Он рассказал нам, что в переводе с башкирского Ай — «лунная, светлая, красивая». Берет начало между горными хребтами Аваляк и Урал-Тау из болот. Протекает по территории Челябинской области и Республики Башкортостан, впадает в реку Уфа. И еще много мы услышали преданий и притч. Даже не хотелось расходиться по палаткам.

Две стихии всегда завораживают. Глядя на реку или костер, можно часами не произносить ни слова, ни о чем не думать, как бы растворяясь в безмерной силе стихий. Туман медленно плывет над вечерним лесом. Верхушки сосен скрываются в небе. Пора и на отдых. Утром рано подъем и следующий не менее интересный сплавной день.

Солнце встает рано. Зреет на горизонте, наливаясь соком. Кажется вот-вот лопнет от натуги, прожжет лес жгучими красными каплями. Небо на западе темно-синее, густое, бархатистое даже. А на востоке — там словно лучи сливаются: желтые, оранжевые, розовые, ярко-голубые, зеленые. Солнце стирает на небосклоне все созвездия.

Дежурные встали чуть свет и приготовили завтрак: Людмила Цвиркун — секретарь общества слепых, с дочкой Леночкой (юнгой) и их подруга Нелли. Дружно позавтракав, мы собрали лагерь и отправились в путь.

Утесы поднимаются поверх деревьев и обрываются в долину реки крутыми склонами. На небольших площадках и уступах береговых скал каким-то чудом удерживаются прицепившиеся сосны. В отполированных водой известняках множество раковин, отпечатков древних растений. Здесь же находятся пещеры, одну из которых — Кургазак мы посетили. У Василия Николаевича добавилась еще одна должность — главный спелеолог (отвечает за безопасность посещения пещер).

В этот день был праздник Нептуна, сделав остановку на песчаном берегу, вдоволь накупались в теплой воде. И потом еще долго плыли до места очередной стоянки.

К берегу причалили почти затемно. Сонная трава чуть колыхалась, отражая чистое небо. Первые звездочки о чем-то перешептывались друг с другом. Обилие текучей воды гипнотизировало, погружало в думы, глубокие, затаенные, неясные.

Но задумываться некогда... Нужно ставить палатки, готовить ужин. Кто-то из ребят пошел собирать сушняк для костра, кто-то чистил картошку. Даже собаки были заняты делом исследовали территорию, нет ли чего опасного для их друзей. За ужином обсудили прошедший день, пели песни, просто наслаждались теплым вечером. Уставшие и довольные разошлись по палаткам.

Утро начиналось нехотя. Сначала потускнела луна и откатилась куда-то в сторону, затем бешено зачирикали лесные птицы. Торопиться было некуда; потому что Капитан объявил дневку (свободное время для команды).

Все занимались своими делами: Василий Николаевич с Алексеем ловили рыбу, девочки загорали, Наталья Георгиевна с дочкой Дарьей и Евгением Елистратовым собирали ягоды к чаю, дежурная Ирина Саньярова во главе с шеф-поваром готовили обед, собаки охотились на лягушек и мышей.

Лес наполнен звуками: соловей, дрозд, глухарь, барабанная дробь дятла, шмель гудит. И слышно, как дышит лес, как идет по земле зеленый шум. Ничто лучше, чем эти звуки, не может в нас разбудить задремавшую радость. День промчался незаметно. Вот наступил вечер. И тут оказалось, что наш капитан ещё и банщик. Вместе с ребятами он соорудил походную баню. Вдоволь напарившись березовыми вениками, искупались в теплой, прогретой за день реке, и это было невыразимо приятно. Прозрачная вода бурлила, сверкая у самого берега. И можно было разглядеть все камушки на дне. Сквозь густые кроны деревьев нежно розовело закатное солнце. Над рекой пролетела стая птиц. Они спешили на ночлег, и вечерний воздух наполнился хлопаньем их крыльев, а угасающее солнце окрасило перья в нежно-розовый цвет. Сейчас птицы напоминали драгоценные камни, рожденные в воздухе и сплетенные в длинное ожерелье, которое висело высоко над голубой гладью реки.

Чайвскипятили на костре, послушали, как засыпает лес, как гудят сосны, потерявшие под старость сон, как шепчет что — то задремавший подросток, как шуршат в траве, торопясь на ночлег, муравьи.

И хотелось еще плыть по реке, слушать голос ее струй бьющихся о камни, хотелось в жизни перемен.

Впереди новый день и новые приключения!

Нас ждали новые пещеры: Каменная, Танцевальная, Чердачная, проходная, Маковка — пещерный комплекс.

Ещё поразил своей красотой и чистотой фонтан. Бьет из земли холодной чистой струей. Поток бурлит и пенится, стекая по каменистому руслу, мириады разноцветных брызг взлетают в воздух. Тут, около фонтана, и решили провести последнюю ночь. Душистый ветер дремал под деревьями. По реке плыли серые утки на своем отражении. Камыш шуршит, поднимается тонкими стеблями, колышется на ветерке. Редко прокричит ночная птица и тут же замрет, испугавшись своего шума. Все тревоги и напасти последнего времени куда-то исчезли, их смысла текущая вода. Июньская ночь на реке. Мокрая трава. В темноте кричат коростели.

Нам казалось, что о такой ночи мы мечтали всю жизнь. Любовались закатом: небо стало розовым, потом оранжевым, потом лиловым, а когда солнце ушло за горизонт черным. Сидели у костра, говорили, со вниманием слушая друг друга, давая возможность выговориться, с радостью убеждаясь, как много у нас общего, несмотря на разницу в возрасте, на условия жизни, несмотря ни на что.

Антистапель — так называется этот день, день прощания с рекой и окончание похода, ритуальное сжигание неуносимых частей судна, а также торжественная клятва, что этот сплав не последний!..

Утренний туман над лугом, костер зябнет у воды. Далеко в тумане петух прокричал, где-то недалеко деревня — и наш поход закончится, и я решила проститься с нашей гостеприимной рекой. Пошла вдоль берега к тому месту, где особенно много цветов. Очень захотелось нарвать себе букет на память. Осторожно притянула к себе один цветок, заглянула в него: в крахмально-белой, словно алебастровой, в чаше его топорщились тычинки, их нежная желтизна отражалась в лепестках. К сказочно красивому цветку, изящному и хрупкому, страшно было прикоснуться. Казалось, он тотчас завянет, не вынесет такого грубого обращения. Так и не сорвав ни одного, вернулась к ребятам. Немного грустно, но в такое тихое и мирное утро совершенно невозможно ни на кого сердиться.

И вот последние километры и поселок Лаклы, где и заканчивается наше путешествие. И мы рады, что все так хорошо на этой земле — лес, небо, трава, птицы, верные друзья. Хорошо, что мы есть на этом свете, на этой земле полной тайн и загадок.

Мы сидим в автобусе умиротворенные и приветливые с мечтами о новых приключениях. Анатолий Михайленко написал такие слова:

Напрасны, друзья, разговоры,
Где лучше на свете края?
Так вот же Уральские горы,
Так вот же Россия моя!

И еще вот эти строки:

Привет тебе, Уральский край,
Привет реке с названием Аи.
Её скалистым берегам,
Лесам дремучим и лугам,
Её прозрачным родникам,
В ней отразившимся векам!

г. Миасс

Гостевая

Алексей Еранцев

Метель

Натосковалась, нашталась,
Сгребла мой город за вихры.
Из лапы в лапу, обжигаясь,
Подкидывает фонари.
В сугроб — березу на развилке.
Потехи ради, не назло,
Как даст избушке по затылку —
Из окон искрами стекло!
Ей волю дай — накуролесит!
Но вот облаял гостью пес,
И, осмелев, подкрался месяц
И обрубил метельный хвост,
Ударил ветер по загорбку,
Боднул увал, кольнула ель...
С метлой к воротам вышел дворник
И вымел за город метель!

***

Поэт над братьями не княжит,
Он книги им читает вслух,
Молотит, стряпает, портняжит,
Он служит нянькою у слуг.
Для них штиблеты драит ваксой,
Белье стирает добела,
Питье заморское и яства
Несет на тридцать три стола.
Конюшню чистит и коровник.
Он служит сотни лет подряд.
Но только рот они откроют —
Его словами говорят.

***

Пью воздух осенний,
А кажется, льдинки глотаю,
И ясно в душе,
И надежды чисты и остры.
Бросаю тебя,
Бесшабашность моя молодая,
Пылайте прощально,
Знамена мои и костры.
Мне больно и скорбно
В капроновых путах привычек,
Я слух напрягаю, глотаю дыханье,
И вот
Земля окликает меня,
И сиротство по имени кличет,
И вдовья судьба,
Надрываясь,
На помощь зовет.
И чья-то любовь,
Восходя по ресницам пушистым,
Меня приглашает:
Ты счастье со мной раздели...
Сгорает листва под ногами,
И, ветром освистан,
Качается лес
На ладонях прощальных земли.

г. Курган

Лирика

* * *

Я видел, как дрожала роща,
Когда над ней катился гром,
И высь тишайшая на клочья
Была разорвана огнем.

Но медленно сдвигались за лес
Тяжеловатые грома,
Огня с водою видя замесь,
Я видел — это жизнь сама.

Что в новизне первоначальной
Еще не начатого дня,
Мир завтрашний, как отзвук дальний,
Когда-то повторит меня.

Не знаю, что со мною это,
Когда, качаясь как весы,
Опять уводит сердце эхо
Туда, в агонию грозы...

* * *

Еще грозой тяжелой высь закрыта,
Еще идет она по кроне дня,
Но тишина сдвигается с зенита,
Овальная, возникнув из огня.

За кроной дня — и пустота, и нежить,
И вздрогнешь вдруг, что где-то в глубине,
Глухонемое завтра не пробрезжит,
Не засияет в рожденном дне.

А мир еще не знает в нетерпенье
Грозы, принесшей радуу вдали,
Что тополя отбрасывают тени,
Бесстрашно на ту сторону земли...

* * *

Чего ты сердце ждешь гармонии
И песни, вспомнившей меня,
Той, что сама из-под ладони
В пургу срывается, звеня?

Мотиву старой песни грустной,
Как это было до сих пор,
Охвачен тишьою захолустной,
Не отзывается простор.

И я среди равнины ровной
Боюсь хранить свою печаль,
Моей любви беспрекословной,
В безвестность канувшую даль.

И потерявши песню где-то,
Я взял на веки из всего
И этот бор, и поле это
На кромке века моего.

Так отчего все больше боли,
Той, что хочу прочесть в тоске,
На этом чистом снежном поле,
Как будто в тайном дневнике?

* * *

Раскрылись в осень рощи, отзвенов,
Сошел покой к березе и сосне,
Лишь паутинки обнаженный нерв,
Отпрянул, прикоснувшись к тишине.

Вот здесь, где умер тихо листопад,
От века не бывало никого,
Как будто лишь мгновение назад,
Меня придумал кто-то самого.

Нерв паутины — эхо бытия,
В ней есть со мной таинственная связь,
И кажется, что это боль моя,
Внезапно тишине передалась...

Пружинка нежности

Дочери Елене

Утро солнечным зайчиком дразнится,
Пусто в кровати... Опять
Ты упорхнула куда-то, проказница.
Где же тебя искать?

Гнездышко в теплой подушке. Лучик
С окна на подушку — скок.
Как часовая пружинка, закручен
В гнездышке твой волосок.

Это пружинка нежности нашей,
Доченька ты моя.
Этой пружинкой нежности наша
Заведена семья.

Что бы мы значили друг для друга?
Кто бы нам больше помог?
Нежность — в пружинку закрученный туго
Твой золотой волосок.

Опыт

Чужое время не торопит,
Ни грез уже, ни звонких дел,
За это все дается опыт —
Дар одиночества в удел.

Так что же ты дивишься диву,
Словно в плену у неких сил?
Не жизнь свою, а душу живу
Самодержавно изводил.

И вдруг в забвение и нежить
В груди, где мучило и жгло,
Такая рань опять забрезжит,
Такая даль сверкнет светло.

Ты что, зима, прядешь, как пряха,
Из снежных нитей, блеснок льда,
Из холода, из горсти праха,
Пурги, где падала звезда?

А жизнь все та же — боль и смута,
А жизнь страшна и хороша...
Но то, что отдана кому-то,
Еще не ведает душа...

***

Умолкли ручьи. Уже не играют
Губные гармошки сточных канав,
Май по рассветному саду гуляет,
Легкая блузка в зелени трав.

Грядки дымят. Прошлогодного сора
Дым голубой выдыхает земля,
Рушится гордая слава забора —
Будто бы пешка бьет короля.

И поколение новое рядом
Тычется в руки, как теплый телок,
Чтобы башкой или взглядом
Кто-то в забор упереться не смог.

***

Безвозвратно уходят секунды,
Исчезают часы и года.
Наверстать, что упущено трудно,
Что прошло, не вернуть никогда.

Я хотел бы, друзья, вместе с вами
Побывать в нашей юности вновь,
При луне в саду с соловьями,
Повстречать бы впервые любовь.

К сожаленью, уже невозможно
Повернуть нам историю вспять,
Но назад оглянуться мы можем,
Чтоб ошибки свои отыскать.

Пусть они нам послужат уроком
На оставшийся жизненный век,
Чтоб отнесся к минувшему строго,
Без поблажек себе, человек.

***

Не впускает душа впечатлений —
Положила для чувства предел,
Точно твой человеческий гений
Гениальностью вдруг оскудел.

У меня, как у лучника, зренье,
У тебя, как у егеря, слух,
Но впадает душа в оскуденье —
Твой смотрящий и слышащий дух.

И повергнутый в эту разруху,
Точно мчащий за что-то судьбой,
Представляешь ты правую к уху,
Водишь левою перед собой.

Загадка

Загадок много на планете —
Так необъятен мир живой!
Как разгадать мне тайны эти,
Вопросов столько — Боже мой!

Что там, за синим небосводом?
И почему вдруг кислород
Проник в деревья, землю, воду,
И все им дышит и живет?

Как появляются зарницы
На кромке неба вдалеке,
И почему летают птицы,
А щуки водятся в реке?

Откуда взялись лес и поле,
Миры животных и людей,
И чьей они послушной воле,
Какой их создал человек?

На сотни тысячи вопросов
Найди попробуй ты ответ.
Одно я понял, что непросто
Оставить на земле свой след!

г. Южноуральск

Колючее приземление

В последние дни мая наконец-то пошёл долгожданный дождь, уже второй день, да и дождём-то его можно было назвать с большой натяжкой, так, изморозь. Земля ещё не напилась, впитывала в себя живительную влагу, как губка.

Подругам снова нужно было ехать теперь уж на последнюю консультацию. Потом замены. Оседлав железных коней (все проспали, да и дождь задержал), поехали в школу. Навыки вождения велосипедом у Вареньки отсутствовали. Дали «дамский» — доедешь. По дороге она зайцем петляла, ехала как контуженая, спина затекла так, что потом с трудом разогнулась, но все-таки, с горем пополам, до школы добралась, хотя руки намозолила здорово. Варенька действительно не умела ездить на велосипеде, просто у неё его никогда не было. От перенапряжения руки тряслись, как у не опохмелившегося алкаша.

Буквы вместе с руками веселились, заваливаясь на бок в разные стороны.

— Что с тобой Варенька, почему руки так дрожат? — спросила учительница.

— Я, Роза Ивановна, впервые села на велосипед и проехала четыре километра.

— Узнаю тебя, это могла сделать только ты, теперь мне всё понятно.

Девушка кое-как вошла в колею после первого урока. Домой возвращались в тумане из дождя, короче не дождь, а, как и говорила, изморозь — дождевая пыль, будто осень на дворе. В гору мы вели велосипеды и промокли насквозь, хоть и были в болоньевых плащах, но они по швам пропускали влагу. Полчаса маяты и мы уже почти были у цели: дома — осталось только спуститься с этой Длиннохвостой, но не очень высокой горы.

У подножья, в долине расположилась наша небольшая деревенька Верхнее Усцелёмово, с одной улицей, длиной в один километр и двумя короткими улочками в начале и в конце деревни, прижавшихся к речке Кашиндык.

Ну, в общем, заползли мы в нашу (так мы её называли) гору, немного отдохнули — впереди был сложный крутой склон. Отдохнув, мы с Сашей поехали, пожелав Вареньке успехов. Она не могла никак осмелиться, не хотела оконфузиться — упасть на глазах у всей деревни — увидит одна женщина, значит, узнают все. Тут сарафанное радио работало чётко, без перебоев. Она не хотела стать надолго предметом их насмешек, но ей снова повезло, как утопленнику.

— Господи, помоги мне преодолеть этот склон и не упасть, — помолилась девушка и поехала.

Едва наши кони взяли разбег, как из деревни на большой скорости, выскочил грузовик набитый златоустовскими рабочими — шефы строили птичник.

— А-а-а-а, — завопила Варенька и боясь попасть под машину, повернула велосипед через пахоту прямо на пшеничное поле, где на краю, сразу за пахотой, стояла старая трухлявая копёшка, а перед ней — камень валун.

Вот в него-то и врезалась она на приличной скорости. От удара её подкинуло высоко и она ласточкой, вниз головой влетела в середину этой копёшки так, что и ног не было видно. От пыли она начала чихать и задыхаться.

Подруги стояли на краю деревни, ожидая подругу, и тревожно смотрели вдаль.

Помогли Вареньке выбраться из трухлявого плена рабочие, видя её полёт. Гора загремела от хохота, когда её освободили из заточения (сама бы не смогла, задохнулась бы, и всё). Она была похожа на лешего — вся в сенной трухе и ей было не до смеха, задыхалась, как будто миллион иголок проглотила, даже дышать было больно, судя по выражению её лица.

На этой же машине рабочие доставили Вареньку в медпункт, а оттуда, на машине скорой помощи, в районную больницу, где через энное число дней её поставили на ноги.

К экзаменам она выздоровела, и мы все вместе успешно сдали их и получили свидетельство о восьмилетнем образовании и поступили в автомеханический техникум на бухгалтерское отделение.

Началась самостоятельная жизнь, новые открытия, новые знакомства, но это уже другая история.

Змеинная гора

Утром жаркого августа группа детей подалась в лес за вишней на Змеиную гору. Хотя вышли рано, солнце уже палило, а идти нужно ещё добрых шесть километров. Ужасно хотелось пить, всех замучила жажда. Огурцы и помидоры очень скоро были съедены. Язык

прилипал к горлу. Немного прошли лесом, но он только частично спасал от жары. Духота всё ниже и ниже гнула к земле. Впереди замаячила Павлова пустошь, которая растянулась на полтора километра, и пересечь её предстояло по солнцепёку. Детей уже порядком разморило, передвигались еле-еле, дыша как загнанные кони.

На краю пустоши находилась Змеиная гора, местечко, куда они шли. Там вишни всегда было море и ничуть не меньше змей. Взрослые туда не ходили — боялись, а дети не верили, а зря и это поняли позже.

У подножья горы находились развалины когда-то очень недурного поместья Павловых, судя по руинам, очень большое. Когда-то шикарный сад, теперь сильно преобразился (не в лучшую сторону). По одну сторону — развалины конюшни приличных размеров — видимо, держали не только выездных, но и рабочих лошадей немало. Сейчас здесь всё заросло плющом и кустарниками. По другую сторону находились развалины хозяйственных построек — время наложило на них свой отпечаток.

Дети стали срывать плоды одичавших яблонь и груш: однако жажду утолили только частично. Пошли искать колодец и наткнулись на сливовую рощу и с удовольствием стали поедать сочные нагретые солнцем плоды, но жажда только усилилась — пошли искать колодец дальше. И ведь нашли — недалеко от слив. Обрамление колодца приказало долго жить.

Связали всё, что можно было, чтобы сделать верёвку, привязали бидон и опустили в колодец. На их счастье вода в нём была, да ещё такая чистая, ледяная, что даже зубы сводила и очень вкусная, но напиться невозможно. Животы раздуло, как барабаны, а пить всё равно хотелось.

Со вторым бидоном из воды выскочила жаба прямо на лицо приготовившегося пить Юры. От неожиданности, он завопил так, как будто его режут и упал навзничь вместе с жабой, которая тут же покинула орущую мордашку. Раздался дружный хохот. Смеялись до слёз и добрых полчаса подтрунивали над парёнком. Жабу поймали и вернули в том же контейнере на то же место. Догадливая оказалась: бидон пришёл с водой, но без неё. Попили ещё на посошок и пошли собирать ягоды, искать их не нужно было — кругом было много.

Я любила уединение, тишину, поэтому тихонько ушла подальше от всех.

Почти на самой верхушке горы нашла — правда место было неудобное, зато вишни очень много — крупная, сочная, ну очень вкусная, некоторые ягоды переспели и полопались.

Вишняк был довольно высокий. Тень падала от горы, да ещё ветерок слегка обдувал, в общем, собирать ягоды было нескучно. Перед лицом была, как огромным ножом отрезанная, скала, а с неё свисали ягоды спелые, аппетитные. Кругом камни, валуны, едва втиснула впереди себя ведро. Сзади тоже был валун, который не давал лишний раз пошевелиться.

Ведро ягод я насобираала очень быстро (мама меня научила собирать ягоды и траву полоть обеими руками, за что я ей очень благодарна). Осталось набрать кружку, как вдруг почувствовала чей-то пристальный, магнетический взгляд.

«Вот, черти, всё-таки нашли, хорошо, хоть успела ведро набрать», — подумала я и посмотрела вверх. Сквозь ветки вишняка на меня смотрела и шипела змея. Она была огромная — таких больших рептилий я видела только в кино, а в жизни нет.

Встретившись взглядом со змеёй, я оцепенела на какие-то доли секунды, но инстинкт самосохранения взял верх над ужасом. Вскрикнув и упёршись руками о скалу, резко сделала сальто назад, через валун за спиной, удачно приземлившись на ноги. Я слышала, как звякнула дужка ведра и зазвенела крышка — а это значит, что змея прыгнула в ведро.

— Змея, змея, — закричала я и сломя голову, помчалась вниз, цепляясь за ветки, то и дело падая.

У подножья горы стояла грузовая машина с дошколятами на борту. Дети там спокойно играли — пока их родные собирали ягоды. Я хотела к ним присоединиться и вдруг, о, ужас — с колеса на борт переползла змея средних размеров. Схватив толстую палку, я стала бить змею до тех пор, пока она не свалилась бездыханная. Потом залезла в кабину и стала сигналом звать помощь.

Ягодники стали сбегаться к машине. Узнав, в чём тут дело, быстро собрались в обратный путь. А ведро мне принёс благодарный отец и всех нас довезли до дома. А гора-то не зря называлась Змеиной, ведь в тот день все встречались с ними, и только я одна видела такую огромную змею. Как хорошо, что всё так хорошо закончилось.

Прости меня, мама

и другие рассказы

Послезавтра Новый год, а в доме Носовых нет запаха мандаринов и аромата пушистой, наряженной елки тоже нет. Стоит лишь приторный лекарственный дух, оставшийся в их доме — после скорой. Гришкину маму увезли в больницу с сердечным приступом, а сам он сидел на кухне и скулил в кулак, смахивая со щек слезы, боясь разбудить младшего брата. Славика он еле уложил спать, тот беспокойно ерзал и всхлипывал во сне. Никогда еще за свои 13 лет Гришка не чувствовал себя так плохо, горько и одиноко. Мир словно перевернулся и виной тому стал он, «поддержка и опора семьи», как говорила мать, — на деле же просто слабак и дешевка. Гришка ругал себя последними словами. Почему-то вспомнил отца, так подло сбежавшего от них три года назад, как только родился Славик. Он, видите ли, встретил свою любовь — длинноногую, грудастую Светку, с пошло-ярким ртом и обесцвеченными до голубизны волосами, а заодно, видно, и мозгами, если не побрезговала увести у них отца. Не на кого было сейчас Гришке положиться, бабушек и дедушек давно не было, а единственный родной, все понимающий человек сам теперь нуждался в помощи и поддержке. Снова и снова мысленно Гришка возвращался в тот злополучный день, когда было брошено гнилое зерно вседозволенности и бесшабашного желания «быть как все». Пацаны из его 7«а» часто похихикивали над примерным маменькиным сыночком. Дружно ржали, когда, впервые выпив баночку приторной «отвертки» и покурив с их подачи, какой-то «пробивной классной травки», его вывернуло фонтаном на снег. В голове кружились, какие-то мыльные шарики и лопались, щелкая в висках. Потом перед глазами мутно-серое чудовище орало голосом Витьки Басова, как в кино 3D: «Ну, че? Слабо тебе с пацанами дело замутить, прикинулся в непонятках? Типа — самый чистенький? Братва, а может, нам его в святые записать, молиться на него станем?» Гогот толпы отдавался в голове эхом — и Гришка опять стошнило. Кто-то привел его домой.

Мама тогда очень испугалась, отпаивала сына чаем с лимоном, на голову прикладывала компрессы, подумала — переутомился, да и витаминов не видит. Накупила яблок, апельсин, гематоген — поделила им со Славиком, сама не притронулась: «Мне ж не расти!» Она вообще все лучшее им берегла, любое угощение с работы, а работала за копейки в садике воспитателем, да по выходным пол мыла в бассейне, что почти рядом с домом. Сыновья приходили ее встречать — получалась и прогулка перед сном и матери не одной по темну возвращаться. Как-то в вестибюле бассейна высокая женщина в спортивном костюме крикнула: «Валюх, твои что ли?» «Мои!» — улыбаясь, гордо ответила мать, смахивая со лба мокрую челку. «Старшего могу взять в свою группу на тренировки по вторникам и пятницам. Беру бесплатно, не переживай!» И стал Григорий два раза в неделю по два часа плавать в большом бассейне. Тренер Ирина Ивановна учила группу мальчишек из семи человек плавать кролем, брасом, бабочкой. Хвалила Гришу: «Ты ж прирожденный пловец», — а он действительно чувствовал себя в прозрачно-бирюзовой воде ловкой, большой рыбой, и очень ему это нравилось!

В школе же все было по-другому. Среди одноклассников Гришка слыл «белой вороной». Он неохотно шел на уроки, да и не было там такого предмета — лечить животных, а он любил любую «животину» и хотел, чтобы они были сыты и здоровы. Мечтал: «Скорей бы окончить школу и учиться на ветеринара». Только об этом никому не говорил, а то засмеют пацаны, еще и кличку издевательскую прилепят — не отмоешься. А так — с 3-го класса «Нос», ну и ладно, слышал, что есть такая профессия редкая. Сейчас, вспоминая тот ужасный вечер, думал Гришка, что и болван он тоже... редкий.

В тот день Витьку с 7«а» исполнилось тринадцать. Шумная компания сидела дружно в дворовом «грибке», сыпались матерные прикольные шуточки, хором ржали, у каждого в руке было по банке «отвертки». «Уже темнело, когда мы со Славиком шли с детсада. Вдруг меня окрикнул кто-то с «грибка»: «Нос, иди к нам, тусим по поводу Витюхиной денюхи. Или че, у тя детское время тью-тью, закончилось?» Меня неприятно передернуло от этих слов, но я крикнул «щас выйду». Дома включил младшему мультики, налил молока двоим найденьшам Ваське и Мурке, и вышел во двор. «О! Нос катит! Давай, присоединяйся, харэ у мамки под юбкой сидеть!» Витек сунул мне в руку яркую холодную банку «отвертки». Я сказал: «Поздравляю!» — «Ага! — захихикал старший брат Витька, «бабла немерянно желаю!» — и опять все хором заготовали. Я, как все, тянул в себя сладковатую, шипучую

жидкость, и голова начала плавно кружиться, мне тоже становилось смешно от любой брошенной фразы. Пустые банки летели в темную пустоту двора У меня в руке опять оказалась красивая блестящая баночка, я пил наравне со всеми, чувствовал себя по-взрослому свободно, покатывался со смеху от крутых походов Витька и его выдавшего вида брата. Все стало «по барабану». Я даже не вспомнил, что сегодня надо встретить маму с бассейна. Вдруг все разговоры стихли, Витек толкнул меня в бок: «Смотри, Нос, бабка с твоего подъезда по какой крутой мобиле общается, нафига он ей? А у тебя-то моб — игрушечный совсем! Тебе бы такой в самый раз по пацанскому прикиду. Хочешь, поможем тебе с братвой приобрести этот крутяк?» «Это как?» — промямлил я. «Да, задом об косяк! Бабка в темноте и ойкнуть не успеет, как мобила у тебя окажется» Вся толпа быстро пошла к соседке, громко говорившей по телефону: «Не переживай, сынок, я уже к дому подхожу». И тут меня так сильно толкнули, что я упав на бабу Шуру, кубарем скатился к подъезду и услышал хриплый стон «Боженьки мои». Все пацаны врассыпную, Витек схватил меня за пуховик и толкнул в дверь: «С почином!»

Меня лихорадочно трясло, голова разрывалась от бешеной пульсации в висках. Трясушимися руками открыл дверь и скинув пуховик с сапогами, упал на свою кровать. Вскоре открылась входная дверь. Славик выбежал с детской и повис на маме. «Гриша, ты здоров? Не встретили меня сегодня, а я, как назло шлепнулась на углу дома — гололед. Спишь уже что ли?» — «Да! — отозвался, — голова разболелась».

Проснулся, как в тумане оттого, что за плечо тряс милиционер: «Поднимайся, расскажи где был три часа назад?» Часы показывали 11 ночи. «Дома был с братом». «Неправда, ты был во дворе с компанией подростков. Вы громко разговаривали, смеялись, а у гражданки Синицыной, что живет рядом с потерпевшей Петровой Александрой Макаровой, форточка была открыта, и муж ее с работы возвращался — видел вас в грибке в 6 часов вечера. «Какая потерпевшая? Что с ней?» — Гришка представил, что баба Шура могла умереть от удара о лед или от испуга, она ведь старая уже... Ужас происшедшего отразился на его лице. И тут из-за участкового он увидел мать. Держась за дверной косяк детской, та медленно скользила вниз, хватая ртом воздух и осела, как тряпичная кукла. Милиционер, охнув, стал набирать номер скорой со своей рации, а Гришка упал на пол возле матери и завыл, зажимая рот кулаком. «Что я наделал, — ругал он себя, — зачем пошел со всеми, я остановить их должен был! Ведь баба Шура часто угощала своей стряпней, приглядывала за малым во дворе. Мать ей лекарства покупала. Что с ней теперь? Что будет с мамой? Зачем напился этой поганой жижи, видно она и вправду мне мозги отвинтила, если за несколько часов преступником стал. А так хотел лечить животных... Когда Гришке было 7 лет, у них умирала ризеншнауцер Тина от чумки, и он дал себе слово выучиться на ветеринара. А что теперь? — жизнь его стала стыдом и страхом. «Какие теперь соревнования по плаванию, теперь я плаваю в полном дерьме», — терзал себя он, сидя этой страшной ночью на кухне. «Да, теперь, дружок, уповай на Бога, — сочувственно проговорил участковый, — оклемается Макаровна, и, если не вернете телефон, напишет заявление на вашу компанию, тогда вызову повесткой. В ваших интересах отдать телефон и слезно просить прощения, пока не поздно». «Я не знаю, где телефон, не брал я! Толкнули меня — упал, и баба Шура от толчка упала. Не нужен мне ее крутой телефон, Витька предложил, а я и не собирался!» «Не собирался он! А как же ты вместе с этой шпаной около соседки вашей оказался вечером у подъезда? Эх, Гриша, никогда бы не подумал про тебя такого, что за помутнение на тебя нашло? Пил чего? Курил травку?». — «Пил со всеми “отвертку”, у Витька день рождение было». «Понятно... Ну ладно. Спать ложись, утро скоро. Мать навести, ее в кардиологию увезли, вторая палата».

Утром Гришка кое-как собрал Славика в садик, острой болью в сердце отдавался вопрос братика «А где мама?» — «Ты не плачь, все будет хорошо, мама выздоровеет, обещаю тебе». Взяв с материнного кошелька 100 рублей, он накупил хурмы, апельсинов, бегом помчался в больницу. На первом этаже в кардиологии завершался ремонт. Гардероб был закрыт. Молоденькая медсестра попросила Гришу убрать куртку в пакет и выдала ему белый халат для посетителей: «Вторая палата направо по коридору». Гриша встал у закрытой двери, чтобы отдышаться, и вдруг услышал за ней голос бабы Шуры: «Павлик скоро будет звонить, вот беда-то, как же теперь? Он ведь на Камчатке у меня который год служит и родных-то у нас нет никого. Одни мы с ним друг у друга. Тем летом возвращались они с женой и сыном с дачи. Обгонял их какой-то пьяный лихач. В общем... сноха с внуком до больницы не дождали, в «скорой», умерли, горе-то какое! Я потом и попала в больницу с приступом. А сынок полгода в военном госпитале отлежал. Поэтому нынче ко мне и не приехал. Про-

ездом был у меня его товарищ, подарил телефон, все учил, какие кнопки нажимать, чтобы я могла с сыном разговаривать».

Гришка уже развернулся, чтоб бежать от стыда куда подальше, но ведь он даже мать не увидел! Вспомнил слова участкового и с опущенной головой взялся за ручку двери, но тут из его пуховика раздалась звонкая мелодия. Она настойчиво разливалась по коридору больницы прямо из Гришкиного пакета. И тут он все вспомнил! Да к вот что означали слова «С почином!» — Это он, Витек, выхватил телефон у соседки, а потом сунул ему в карман. Вот гад! Мелодия играла все настойчивей и Гришка больше не мог стоять у двери, он заставил себя быстро зайти в палату и протянул дрожащей рукой вибрирующий телефон Макаровне. Та, сначала с удивлением, а потом со слезами радости проговорила: «Слушаю тебя, здравствуй, сынок! Все хорошо у меня, сейчас вот обедать буду. Как ты? Ну и слава Богу! Фрукты? Беру конечно, сейчас хурмы поем. Счастливо тебе, сынок! Ага, до вечера».

Гриша уже сидел на материнной кровати и, опустив голову, чистил апельсины. Она лежала не шевелясь. От одной руки тянулись трубки к капельнице, что стояла рядом с кроватью, другой она держала руку сына и молчала. А в глазах была такая печаль, что сердце зануло у Гриши: «Что он натворил?!» Наконец, разделив фрукты пополам, со слезами просил прощения у обеих женщин. Рассказал все, как было и баба Шура, взяв с Гришки слово — никогда больше не общаться с той компанией, простила его: «Вы ж мне вместо родных, что ж я тебя казнить буду? Ты мне еще пригодишься! Помнишь, мальцом слово дал ветеринаром стать? Заболеет моя Маруся, кто ее лечить будет? Кстати, Гриш, возьми ключ, корми ее два раза в день, пока я тут. «Конечно, накормлю, Маруся голодной не останется, не переживайте».

Он сел к матери на кровать и глядя ее теплые руки, сказал: «Прости меня, мама. Все будет у нас хорошо, поверь. Никогда ты не будешь больше плакать из-за меня. За сегодняшнюю ночь я понял, что, однажды смалодушничав, можно уже ничего не поправить. Выздоровлявай. За нас со Славиком не переживай, справимся». По палате несмело струился праздничный запах апельсинов.

У матери по щекам медленно текли слезы, смахнув их ладошкой, она улыбнулась и сказала, что верит своему старшему сыну, ведь он ее поддержка и опора на старости лет.

Из цикла «Мы так жили»

О, Рио-Рита!

Как сейчас помню этот солнечный радостный день. На дворе начало мая. Наш большой палисадник у дома благоухает яблоневым цветом — все деревья в бело-розовом наряде! Во дворе на большом деревянном столе, как по мановению волшебной палочки, появляются блюда с разносолами. Все жильцы нашего двухэтажного дома дружно носят блюда, тарелки с едой, квас в трех литровых банках, бутылки с наливкой. А мы, малышня, шумной стайкой крутимся рядом, с нетерпением ожидая праздничного обеда. Мужчины ловко носят из квартир табуретки, отдавая нас запахом махорки и «Шипра». Вот и наши мамы косынки и фартуки сняли, бегут, такие красивые, воздушные в платьях шелковых с оборочками, шарфиках газовых, приглашая всех к столу. От них веет розовой помадкой, «Ландышем» и «Красной Москвой!» Из окна на первом этаже тетя Зоя выставляет патефон и звучит фокстрот «О, Рио-Рита!» Мы ловко устраиваемся на коленях у родителей и не спускаем глаз с орденов и медалей на пиджаках старших мужчин. Встает дядя Вася — лицо его пересекает шрам, усы седые, а в глазах слезы. Тонко так зазвенели медали на его груди. Смахнув слезу, он провозглашает тост: «Сегодня двадцать лет, как прогнали мы фашиста с земли нашей. Вечная слава всем, кто победил зверя лютого, кто в бою, кто у станка. За Победу, родные мои! За мирное небо над головой! Чтобы внуки наши никогда не испытали ужасов войны!» Пожилые женщины стали вытирать глаза платочками. Баба Шура молча плакала — она совсем одна, — мужа и двух сыновей унесла у нее война. Баба Лиза в концлагере чуть от голода не умерла, ладно наши солдаты подоспели и взяли Берлин весной, освободили еле живых женщин и детей... Все начали чокаться стаканами с наливкой, мы квасом и дружно закричали «Ура!!!». Баба Лиза, выкурив «Беломорину», затушила «Вот кто-то с горочки спустился». А мы, детвора, тем временем уплетали за обе щеки сало с картошечкой горячей, винегрет, селедку, холодец, пирожки с капустой да ливером, помидорки соленые, беляши с мясом... Опять заиграл патефон и мы, наевшись от пуза, выкатываясь от стола, плясали «Барыню», «Камаринскую», «Валенки» под задорный голос Лидии Руслановой. Вскоре и

взрослые начали кружиться в вальсе «Пусть я с вами совсем не знаком и далеко от сюда мой дом, я как будто бы снова возле дома родного...» А потом мой папа взял баян и женщины, одна заменяя другую, звонко пели частушки, выбивая каблучками дробь. Дядя Леня забежал к ним в круг и трижды пытался пропеть свою частушку «Ты, фашист, ядрена вошь...», но откуда не возьмись, резво подлетала тетя Рая и закрывала ему рот ладошкой.

Все, хохоча до слез, наблюдая эту сцену, замахали на нас, пострелят, руками. Мол, хватит со — взрослыми, детское время кончилось — и мы всей ватагой побежали играть в прятки, понимая, что хорошего помаленьку, что начинает смеркаться — успеть бы дотемна набегаться вдоволь. Уже за полночь, намытая мамой, засыпаю в своей кровати под звуки песни, летящей в открытую форточку: «А у нас во дворе все пластинка поет, все пластинка поет, и уснуть не дает, ча-ча-ча».

Ночь на Ивана-Купалу

Эта поистине волшебная ночь дарит нам, собравшимся на высоком берегу у озера ку-пальщикам, неповторимые ощущения единства с природой, ее силы и благодати. Ярко горит высокий костер, разожженный совместными усилиями. Расстелена на траве большая скатерть-самобранка. В центре стоит большой термос с травяным чаем, рядом пирог с ягодами, домашнее печенье крендельками, булочки маковые, а по краям — фрукты. Угощайтесь все праздничными дарами! И вот тяжелое малиновое солнце начинает медленно погружаться в озеро, будто растворяясь в нем, окрашивая волны в красно-розовые тона. Они плавно подбегают к ногам, щекочут и зовут нас плавать. Тишина стоит звенящая, лишь изредка крики чаек разрывают ее. Сумерки стужались, сжимая пространство, и постепенно осталось обозримо только мерцающее бликами озеро, наш яркий, потрескивающий сухоостер костер, да темно-синее небо, сияющее для смельчаков звездами-сапфирами. Наступила полночь, и пора искупаться, принять благодать от целительной силы воды. Сначала по телу прошел озноб, но, окунувшись, понимаешь, что озеро теплое, совсем парное. Плынешь, глядя в бархатное, словно разлитые чернила, небо. На миг охватывает страх: ты словно песчинка в этой необъятной, всепоглощающей мощи. Но видишь высокий костер на берегу, как маяк в ночи; слышишь до боли родную, стелющуюся по воде старинную песню, и покой разливается в теле. И понимаешь: сейчас все едино и безгранично: и вода, и небо, и ты. А вот уже первые смельчаки прыгают через костер трижды, веря, как и наши предки когда-то, в очищающую силу огня этой волшебной ночи. Самые отчаянные смело бегут по растянутой из костра огненной дорожке. Она завораживающе мерцает горячим алмазным песком, и словно Млечный путь уходит с высоты обрыва прямо в бездонное небо. Из-под пяток бегущих фонтаном летят золотые искры, в глазах задор и удаль... На рассвете медленно идем домой, словно боясь расплескать живительный дар этой поистине чудесной ночи.

Луч света

Яркий луч света от кухонного окна тянется по коридору прямо до детской. Сладко потягиваюсь на пороге, тру сонные глазки и вижу: вся в солнечном свете стоит моя бабушка. Ласково улыбаясь, она стряхивает «мучные», натруженные руки: «Ульянушка наша проснулась, иди ко мне, доченька. С добрым утром!» Я шлепаю босиком по светлой, нагретой лучем солнца дорожке и оказываюсь в бабулиных объятиях. «Хочешь булочку горячую с молоком топленным?» И вот я, наскоро умывшись, улетаю пышную, хрустящую булочку-розочку, запивая теплым томленным молочком. А на блюдечке уже лежит моя любимая коричневая пенка, ее бабушка сняла для меня с большой кастрюли в духовке, где давно томилось домашнее молоко. В завершении своего раннего завтрака, зажмурившись от удовольствия, разжевываю эту сливочную пенку, беззаботно болтая ногами. Смотрю на огонь в печи, он весело потрескивает углем, щелкает время от времени и падает прогоревшими шаящими точками в поддувало. Искры, подмигивая мне, медленно гасли, за ними веером сыпались другие... Я совсем замлела от тепла и глазки мои начали слипаться. Кот Васька щекотал усами мои пятки, тархтел, поглядывая преданными глазами. В руках бабушки плавно взлетало масляное перо, она смазывала им румяные булочки. Наверное, меня совсем разморило, потому что бабуля, наклоняясь ко мне, вытерла липкий ротик своим мягким фартуком, поцеловала в раздумянную щечку: «Иди, доченька, поспи еще, раноставка моя». Я сползла с табуретки и медленно пошла по солнечной дорожке обратно в спальню, досматривать сладкие детские сны.

В Зазеркалье

На волнах быстротечного времени из своих беззаботных 1960-х, не успев оглянуться, я оказалась в прагматичном XXI веке. И все бы ничего, но память детства не отпускает меня: она точно знает, что и как должно быть.

Воздух моей юности весной благоухал раскрывающимися липкими тополиными листочками, летом землянично-малиновым ароматом, осенью пряным свежескошенным сеном, зимой родниковой свежестью, напоминающей запах свежесрезанного огурчика. Почему сейчас, в любое время года в воздухе витают какие-то противные, дурно пахнущие химические выбросы? Не хочу есть продукты, напичканные ГМО и всякими консервантами. Я точно знаю вкус шоколадного сливочного масла, докторской колбасы и меда. И сколько бы я не пыталась найти настоящее эскимо — все бесполезно — пускай подороже и название, как в СССР, но такого, как нашего, по одиннадцать копеек — нет!

Я видела настоящих врачей: детского доктора, у которого все больные дети были «зайчиками»; женского врача, высокого, сильного мужчину, который нес на руках роженицу, не дождавшись «скорую». Где же вы, добрые глаза и сильные, уверенные руки дающих клятву Гиппократу?

Я точно знаю, как смотрят глаза любимого человека — свет их любви перетекает в тебя, преображая все вокруг и хочется всех любить и творить добро. А что захочется от отношений, напоминающих скорее вязку животных, чем нежные человеческие чувства. Жалко молодежь, которая теперь учится «любить» по телепередачам и реалити-шоу; ведь они обречены на вымирание. Им позволили медленно разрушать себя пивом, табаком и наркотиками. Юные, неокрепшие и ничего еще не понимающие души угасают, совсем ничего не поняв в этом мире. В их годы мы пили газировку из автомата на улице — вкусней ее не было! Играли всем двором в волейбол дотемна. У костра в лесу, чумазые от горячей печеной картошки мы дружно пели под гитару. Сейчас дети целыми днями играют в боевики за экраном монитора, зарабатывая сколиоз и очки.

Весь мир как будто в кривом зеркале! Искажены до неузнаваемости люди, чувства, вещи... Мы живем в эпоху Зазеркалья? Кто остановит это безумие?

Кандалы раскованы!

Наш двор оживал ребячьим гомоном, доносившимся с первыми лучами весеннего солнца, в распахнутые форточки коммуналок. Солнце все настойчивее растапливало лед, а наутро мелкие лужицы по дороге в школу промерзли и становились совсем белыми, хрустящими львками. Первопроходцы наперегонки разбивали их пятками. Хрупкий лед с треском лопался и разлетался на множество колких льдинок.

Чуть запоздавшим доставались большие лужи с толстым, темным льдом. И если упрямо долбить его сапогом, то брызнет наконец фонтан грязной, ледяной воды прямо на штаны смельчака! Тогда или ходить в школе с мокрыми ногами, или бежать домой переодеваться, рискуя опоздать на урок.

Но вот дороги стали сухими, майское солнышко щедро дарит нашим мордашкам россыпь веселых веснушек, и места на асфальте у дома для девчоночьих игр сколько хочешь. Красиво, как по линейке, начерчены классики и ловко скачут по очереди девочки с квадратика на квадратик, цокая новыми сандалиями. Мелькают в воздухе косички и хвостики с бантами, да юбочки цветные. А вот и любительницы «резиночки» — растянули ее и такие кренделя выписывают ногами, глаз не оторвать! Выкрикивают хором смешные считалки, щебечут, что стайка сорочат!

Мальчики же дружно играют в битку. Делают маленькую ямку, чертят от нее линии и мечут свою битку с серьезными лицами, как будто делают одно большое дело.

Ура! Родители с работы возвращаются. И что-то кушать захотелось. Наскоро чмокнув маму в щечку, мажем ржаную корочку хлеба чем-нибудь съестным, мчимся на улицу — игра не ждет! Кричим, выбегая: «Сорок один, ем один!» До чего же вкусной была эта корочка, до блеска натертая чесноком с солью! Какой-то счастливчик важно, не торопясь, идет с ломтем белого батона, намазанным сливовым джемом, — и все к нему: «Сорок восемь, половину просим!»

Так играли мы во дворах, дети 1960-х, до первого снега. И было у нас этих игр не счесть: штандер, вышибала, прятки, жмурки, салочки, кондалы, лапта, колечко, глухой телефон! Всеми днями, в любую погоду носились мы на свежем воздухе, сбивая коленки в кровь. Коросты на них не успевали заживать на фоне нового слоя зелени. Но такие мелочи не могли

остановить азарта к победе. А щеки наши всегда горели здоровым румянцем! И болела ребятня в основном детсадовскими болезнями: свинкой да ветрянкой.

Росло здоровое поколение СССР. Мы жили своими дворовыми играми. Став взрослей, дотемна пока виден мяч, играли в волейбол. И вот уже наши дети, сверстники 1980-х кричат во дворе, взявшись за руки дружной шеренгой «Кандалы, раскованы! На кого? На брата моего! Как звать его? Сергей!»

Зачем люди женятся?

Зачем люди женятся? — думала я, сидя во дворе на лавочке. Дело было летним вечером. Взрослые возвращались с работы, с учебы, с отпуска. Вон, соседка наша тетя Аня, давно с работы пришла, стоит с мусорным ведром и говорит, говорит о чем-то со знакомой тетенькой. Они у мусорки встретились. А дядя Федя, муж ее, уже сто раз с балкона ее зовет, а ей хоть бы что! Может, он без нее кушать не хочет, а она ноль внимания, значит не любит, а поженилась. Тетя Наташа с коляской гуляет, у нее лялька маленькая часто плачет и тетя Наташа тоже часто... вон глаза красные какие. Нам со второго этажа слышно, как ее злой муж ругается по всякому. Ну зачем она его мужем выбрала? Ведь если детей в капусте находят, искала бы одна, зачем она этого злыдня позвала? Это тетя Зина его так злыднем называет. Вот она хорошо замуж вышла. Дядя Боря у нее добрый-добрый! Он и птичек зимой кормит и кошечек. Они всегда-всегда вместе: и в магазин за продуктами, и в сад полить, и в гости с подарками. И дочки у них хорошие Надюша с Тоней. Они мне волосы в «корзинку» заплетают и черешней угощали и здороваются со всеми, даже с маленькими! У них даже «красные» дипломы есть. А вот и Лариса-секретарша с работы идет, с малюсенькой белой сумочкой. Волосы у нее как огонь горят, а глаза синие прям до бровей, губы красные, будто в малиновом варенье! Туфельки на тонюсеньких длинных шпильках так и переливаются. Вот бы мне такие, я бы тоже не захотела никому борщи варить и носки стирать. К дому «Волга» подъехала — это дядя Валера с Ниной с отпуска вернулись. Тетя Зина говорит, что они не пара, что Нинка из него всю кровь выпьет! Я представила, что у худой черноволосой Нинки через красные губы зубы торчат — жуть. Мне стало жалко дядю Валеру, ну зачем он на ней поженился? Лучше бы на Тоне или Надюше, они и варенье варят, и платья сами шьют, детей любят — у них точно клыки не вырастут!

Ура!!! Мама с папой с работы приехали! Идут, улыбаются друг другу, как будто сто лет не виделись. У папы в кармане наверняка гостинец от зайчика, ведь я сегодня хорошо себя вела — сидела себе смиренно и о жизни думала.

Вот вырасту и стану самой главной начальницей в ЗАГСах. Буду разрешать жениться только тем, кто добрый! Кто детей и животных любит. И станет тогда наша страна большой дружной семьей!

«Кто курит — тому смерть!»

Какая я, оказывается, счастливая! У нас в семье никто не курит. А вот у Виталика и папа, и дед курят. Недавно мы пошли в первый класс. Виталья теперь мой сосед не только по дому, но и по парте. А вчера он в школу не пришел, моя бабушка сказала, что у ребенка нервный срыв какой-то, что он плачет и совсем замкнулся. А я знаю, почему он плачет! В воскресенье мы гуляли во дворе и Виталик такие страшные слова сказал, что его папа и дед умрут от какого-то рака! Что он все их сигареты прячет, а потом выбрасывает, потому что на пачках тех написано: «Кто курит — тому смерть!» Ужас какой-то! До чего взрослые люди ребенка довели. Ведь Виталья так любит папу с дедом, а они ради ребенка не могут какие-то противные сигареты бросить! Мы вот с мамой шли вчера с магазина, а впереди нас дяденька, так у него прямо из ушей дым валил, да такой вонючий, что мама не вытерпела и сказала: «Ну надо же, просто паровоз какой-то ходячий», и мы перебежали на другую дорогу. А Виталик-то куда от своих курак перебежит? Мы с бабулей передачу по телевизору видели, там врач предупреждал, что очень вредно находится в накуренном помещении, что тем кто дышит дымом, а не курит — им еще хуже! Ой, пойду к маме Виталика, скажу, что он, наверно, этим дымом курильным отравился! Что ему срочно надо свежий воздух! А его мужчинам выскажу, если они не прекратят это безобразие — заживо умирать и травить ребенка, то мы Виталю к себе жить заберем! Слава Богу, у нас воздух всегда чистый.

пос. Старокамышинск

И вот пошла писать контора

Бык и Баран

(басня)

Баран, уставясь в новые ворота,
Не мог понять, откуда что взялось,
И у быка ответа не нашлось:
Им лишь бы есть, у них одна забота.

Зачем же тратить скудные мозги
На незнакомые и чуждые понятия:
Какое на хозяйне сегодня платье,
Зачем он точит нож,
Хозяйка греет воду,
И, несмотря на скверную погоду,
Пришел сосед. Ну как тут их поймешь?
И бык с бараном заодно ели сено,
Пока хозяин тонкое полено
Крепил сноровисто и ловко
К высокой перекладине веревкой.

Баран и есть баран! Он хоть бы почесался,
(Ему как раз зеленый сена клочок попался
И он его терзал.), но бык забеспокоился, когда
Хозяин привязал ему веревку на рога.
И у быка мозги зашевелились,
Он понял для чего ворота появились.
— Зачем обрадовался я, что сено без осота,
Ведь мог же разломать я новые ворота.
И он взревел: «Беги, баран, беги!
Ведь ты еще успеешь,
И ворота перескочить сумеешь!»
Но было уже поздно, а не рано:
Сосед уже вязал беспечно барана.

*

Вот и у нас, когда грозит беда,
Надеясь на авось и бога Саваофа,
Мы думать начинаем лишь тогда,
Когда уже случилась катастрофа.

Сон

В моем сне ты, как Ева Эдемского рая
Из каких-то неведомо-дальних широт,
И ни горя, ни бед в этом сне не бывает,
Только чей-то счастливой судьбы поворот.

Пусть мой сказочный сон не кончается вечно,
Явь в сравнении с ним и нема и бедна.
В этом мире большом все серо и конечно,
Только эта любовь бесконечно одна.

Я не знаю другого такого блаженства,
Я не знаю, где Муза Морфея жила.

В проявлении чувств и любви своей женской
Ты такой наяву никогда не была.
Предо мной возникал образ

трепетно-нежный,

Говорящий на тихом святом языке,
И казалось, что счастье придет неизбежно,
Счастье в простеньком ситцевом белом
платке.

И мне кажется, что не совсем я проснулся,
Не закончен еще этот чудный полет,
Я к душе твоей чуткой своей прикоснулся,
Пусть живой этот сон во мне вечно живет.

Воспоминание

В пыли и дыму надрывались машины.
Солдат молодых загорелые лица.
Колонна, ворча, от хвоста до вершины
Жевала проселок, блестя гусеницами.

Шумел перелесок, поля зеленели,
И с ветром играла над нами погода.
Нам песню моторы солдатскую пели,
Тогда мы служили три года, три года.

Внизу с жеребенком паслась кобылица,
Родная деревня в распадке виднелась,
И сердце забилося подраненной птицей,
Как в детские годы домой захотелось.

И я размечтался, и время к обеду,
Представил друзей удивленные лица,
Когда вдоль деревни на танке проеду,
Как мама, увидев меня, удивится.

Сквозь зелень листвы, луговую отаву
Смотрел на деревню я, вытянув шею.
Сказал лейтенант: «Никакого я права
Тебя отпустить ну никак не имею».

Промчалась колонна, не видев распадка,
Вокруг лишь унылая степь бесконечно.
И вот на привале мы рядом с палаткой
Сидим у дороги под солнцем беспечно.

Проходит автобус, и вдруг остановка,
Как будто в упор, тормоза закрипели,
Откинулась дверь. Тяжело и неловко
Старушка седая выходит из двери.

За нею в открытую дверь из салона,
Как будто последним дыханьем рожденный:

«Да это же сын мой! Вы видите? Вон он!»
Я крик этот слышу душой опаленной.

Представить себе, да и то очень сложно,
Какие должны быть могучие корни,
Родное дитя чтобы выделить можно
Средь сотен солдат в одинаковой форме.
Ну как же ты, мама, сюда ненароком?
Родная, утешься! Припали друг к другу.
И радости слезы! — горячим потоком,
Сигнал «По машинам!» — конец их досугу.

Графоман

Когда обложила рутина,
Читать мораль уж старо.
Когда уж клин не выбить клином,
Тут он берется за перо.

К чертям прогулки и беседы,
К чертям рыбалку и грибы,
Плевать на горести и беды,
Плевать на происки судьбы!

Пока удачу видит око,
Пока душа его горит,
Он вдохновенно и высоко
С капризной Музой говорит.

И вот пошла писать контора,
Крутая рифма гонит слог,
И критика известный норов
Остановить его не смог.

То Фету явно подражает,
То под Есенина «косит»,
Подругой Музу называет,
А то врачом провозгласит.

«Ты графоман и чудик нервный. —
Сказала женщина одна, —
Но без таких натур, наверно,
Была б поэзия бедна».

К музе

Зачем, капризная подруга,
К тебе никчемные мечты
Несу в короткий час досуга,
Когда другому служишь ты?

Зачем с надеждою напрасной
В твой неприветливый приют
Стремлюсь я странником несчастным,
Которым редко подают?

Быть может новую попытку
Навек оставить в забвении,
Освободиться от избытка
Своей назойливой любви?

Но нет! Я малую награду
Приму в душе своей храня,
И с удовольствием присяду
У возрожденного огня.

Когда ты взор свой без сомнений
Ко мне направишь, как привет,
Богиня тихих песнопений,
Как называл тебя поэт.

Тогда услышу голос страстный
Средь песен нынешних наяд,
И я на образ твой прекрасный
Накину праздничный наряд.

Материнское горе

К чему слова?
Не надо сожалений!
Перед тобою виновата я одна,
И я упасть готовый на колени,
Чтоб ты не пил ни водки,
ни вина.

В наркотиках искать тебе забвенья?
Жизнь так красна,
так радостен напев!

Невеста у тебя
достойна умиленья,
А ты все пьешь,
жениться не успеv.

Ты вспомни, сын,
как я тебя любила,
Ты был мне ближе,
чем родная дочь,

Ради тебя была готова
лечь в могилу,
Все, что ты требовал,
я исполняла вточь.

А ты теперь
уносишь все из дома,
И пенсию у бабушки
хотел отнять,
Друзей приводишь в дом
каких-то незнакомых

И крестик золотой
с меня пытался снять.

А я уж не ропщу,
когда твоя долука
Мое терзает сердце день и ночь.
Надежда мнимая —
мне слабая порука,

И я все думаю,	От зелья навсегда
как мне тебе помочь.	душой освободиться,
Ты духом укрепись и силу воли	И сам себе
На помощь призови,	ты станешь господин.
молитву сотворя,	А мне теперь зачем
И может быть,	корить себя напрасно?
когда в твоей несчастной доле	Пусть мой пример
Участие мое окажется не зря.	послужит всем другим.
И доктор говорит,	Растить детей, лаская ежечасно,
что можно излечиться,	Без строгости —
Забывать про шприц,	лишь на несчастье им.
укол и кокаин,	г. Верхнеуральск

Андрей Смолюк

Рассказ длиною в четыре часа

Пролог

Если кто-нибудь вам скажет, причём даже человек, считающий себя заядлым туристом, что на гору Юрму забраться очень даже запросто, то вы можете смело сказать, что это не турист и что на этой самой Юрме он вовсе никогда и не был.

Нет, если, конечно, использовать моторизованные вещи, типа мотоцикла «Урал», то точно подъём на Юрму займёт у вас не больше получаса, а вот если идти пешком, да ещё с полными рюкзаками за плечами, то тут получасом совершенно не обойдёшься. Лично у нас этот подъём занял ровно четыре часа и вымотал нас, так что мы были похожи, когда забрались на Юрму, на выжатые лимоны и даже, не скрою, что нас посещали мысли, а зачем мы вообще взялись за такое дело, как поход на Таганай, и не лучше ли нам было сидеть дома в тепле и уюте.

Однако сами понимаете, что сидеть в тепле и уюте — это, конечно, дело хорошее, но тоскливое порой до умопомрачения. Тем более что мы были молоды, а молодость она на месте сидеть давала плохо, и нам чего-то требовалось для души. Вот из-за этой-то души мы и лезли на всякие там Юрмы и Таганай, считая, что чем больше познаёшь собственный край, тем лучше. И, в общем-то, это было правильно, как я сейчас с возрастом понимаю.

Ну, мы, конечно, обращались к опытным туристам за консультацией и те нас заверили, может быть, даже к сожалению, что всякие там Таганай и Юрмы — это мелочь и ни в какое сравнение не идут, скажем, с Памиром.

Но до Памира было далеко, да и вообще мы считали, что там слишком холодно для нас, а посему решили, что пусть всякие там «таёжные волки» и говорят про Юрму снисходительно. Для нас это было новым местом, где мы ещё не бывали, тем более что это место находилось у нас под боком, и до него было каких-то сто километров или даже ещё меньше.

Так что мы выбрали Юрму и Таганай и, как потом оказалось, совершенно не напрасно. Но подъём на Юрму — это было испытание будь здоров. Как я уже сказал, этот подъём длился четыре часа, но мы его всё-таки прошли, причём надо сказать, к нашей гордости. Так что я прямо заявляю, что Юрма и вообще Таганай — дело стоящее и не такое уж простое, как иногда кажется всяким там «заядлым» туристам.

* * *

От Каслей, где было начало нашего путешествия, до Карабаша, откуда начинался подъём на Юрму и на весь тамошний горный хребет, можно, собственно говоря, добраться двойко. Можно сразу от Каслей доехать на автобусе до этого Карабаша, а можно сначала так же на автобусе доехать до Кыштыма, а затем на поезде и до Карабаша.

Конечно, прямой путь от Каслей до Карабаша на автобусе более сподручен, но зато он менее удобен, поскольку этот автобус от Каслей отправляется рано утром, а доехать от Снежинска до Каслей с утра проблематично. Тут надо либо вставать в пять утра, чего нам не хотелось, или иметь какой-нибудь свой транспорт, чтобы он подвёз тебя к самому автобусу до Карабаша.

Своего транспорта у нас не было, а посему мы выбрали путь сначала от Каслей до Кыштыма на автобусе, а дальше на поезде, который представлял из себя товарняк с прицепленными к нему двумя пассажирскими вагонами.

А нас было всего-то четверо. Поначалу получалось, что команда наша будет состоять, чуть ли не из десяти человек, но потом это число стало уменьшаться с катастрофической быстротой, поскольку тепло и уют домашний делали своё дело. Не всем хотелось тащиться куда-то, ведь проще лежать дома на диване или, что, наверное, ещё лучше, на пляже и наслаждаться ничегонеделаньем после экзаменационной сессии в институте. Так что в конечном итоге нас осталось четверо, самых, так сказать, рьяных и непоседливых. Причём это даже оказалось к лучшему, потому что толпой в десять человек это хорошо пить водку, где-то на озере Ташкуль, а не тащиться куда-то в горы. Сколько людей, столько мнений, а посему в толпе из десяти человек могли начаться «распрочки» или даже «распри», куда идти направо или налево, когда выяснится, что поход на Таганай — это тебе не тихий Ташкуль, где мирно лежишь на берегу почти что в домашнем уюте.

В Касли из Снежинска нас поехало четверо самых заядлых друзей: Вячеслав, Сергей, Александр и я. Как мы добирались до этих Каслей, особо описывать не стоит, поскольку это очень просто: сел в семичасовой автобус и уже через сорок минут ты в Каслях.

В восемь часов билеты на десятичасовой рейсовый автобус до Кыштыма уже были у нас в карманах, и нам только оставалось ждать. А на каслинском автовокзале как всегда было грязно и как-то неуютно. Пахло какой-то кислятиной и прелыми мужскими носками.

— Ну, и запахок, — так сказал Сергей, у которого в смысле обоняния нос был самым мощным из всех наших носов. — Не знаю, как вы, а лично я пойду, найду где-нибудь травку зелёную и расположусь на ней.

Мы с ним все согласились, хотя на автовокзале был буфет, в котором, как мы знали из прошлых поездок в Касли, даже неплохо кормили. Я, как самый прожорливый из всех, несмотря на свою худобу, даже было направился в этот буфет на разведку, но меня моментально схватил за руку Вячеслав и заявил, что в дороге есть много вредно, от этого может произойти всякое разное с кишечником, что, в общем-то, и нехорошо. Понимая, что Вячеслав где-то прав я согласился с ним, хотя запах из буфета так и тянул меня туда. Но пришлось пожертвовать своим желудком ради друзей, а чего ради друзей и не сделаешь.

Потому мы пошли искать какую-нибудь зелёную травку поблизости от автовокзала, чтобы на ней слегка можно было отдохнуть, правда, ещё пока не понятно от чего.

Какими же мы были наивными. Последняя травка в районе автовокзала была, наверное, съедена коровами лет так за семь до нашего появления здесь, но зато Сергей, вот уж беспокойная душа, нашёл небольшую лавочку, что торчала посередине кривой каслинской улочки и, наверное, только мешала разным автолюбителям, особенно в подогретом состоянии.

Но Сергея это не очень волновало и он, сняв с себя рюкзак, первым плюхнулся на эту скамеечку. За ним последовали я и Александр, а вот Вячеслав, прежде чем сделать тоже самое, долго ходил вокруг нас и нашей лавочки и прикидывал: а выдержит ли эта самая лавочка нас всех четверых.

Лавочка, как ни странно, но выдержала, правда со скрипом, причём с большим. Мы так и сидели, боясь шевельнуться, поскольку каждое наше шевеление отдавало скрипом старых гвоздей и старых досок, из которых была сколочена эта скамеечка. Даже разговаривать побаивались.

Но худо и бедно до десяти часов утра мы просидели, неспеша ведя разговор о том, о сём, а значит, ни о чём. А в десять пошли на автобус, который должен был нас доставить до Кыштыма.

А автобус, надо сказать, был ещё тот. Где такой откопали здешние работники автовокзала, было не очень понятно, поскольку им, наверное, пользовались ещё наши дедушки и бабушки. Так, по крайней мере, нам показалось сначала.

— Главное, чтобы он ехал, — заметил Сергей, — а всё остальное дело поправимое.

А автобус, между тем, ехал, хотя его трясло на каждой выбоине на дороге, что говорило о том, что рессоры к этому автобусу точно забыли приделать. Ну, а поскольку дорога до Кыштыма — это горная дорога, то нам всем, пассажирам этого автобуса, естественно, досталось. У меня, по крайней мере, аж попка заболела от тряски. Но друзья мои на это не обращали особого внимания, так как весело перекидывались в картишки, не позвав меня, знали, что я предпочитаю смотрение в окно всем этим картишкам. Так мы и ехали до Кыштыма, ребята играли в дурака, а я любовался прелестями дороги. И надо сказать, что любовался я,

по крайней мере, не зря, потому что дорога до Кыштыма очень и очень красива. Здесь и горы, и лес, и бесчисленные озёра, на которые можно смотреть и смотреть до бесконечности.

Обычно автобус до Кыштыма из Каслей идёт минут пятьдесят-шестьдесят, что не утомляет. Но наш драндулет проковырялся полтора часа, и, не знаю, как у кого, но к концу пути у меня затекли ноги, и я с радостью выбрался на площадь перед железнодорожным вокзалом Кыштыма. Я даже радовался, что сейчас мы поедem на поезде, с детства очень люблю эти самые поезда, пусть и товарняк с прицепными вагонами.

Но моей мечте не суждено было сбыться. Пока я расхаживал свои ноги, ребята втроем сбегали на железнодорожный вокзал к кассам и выяснили там следующее: этот автобус, на котором мы ехали, обратно до Каслей сейчас не пойдёт, а пойдёт до Карабаша, поскольку утренний этот карабашский автобус сломался, где-то между Кыштымом и Дальней Дачей и ему требовалась замена. Так что нам предстояло на этом автобусе, которым пользовались ещё наши дедушки и бабушки ехать дальше.

Друзей моих и особенно, не знаю почему, Вячеслава это чрезвычайно обрадовало, а вот меня не очень. Опять испытывать себя на изгиб автобусного сидения, у меня не было никакого желания. Однако против большинства я пойти не мог и со скрипом полез опять в автобус.

— Вы хоть, рахиты, билеты до Карабаша купили? — поинтересовался я.

— Нам сказали, — ответил за всей Анатолий, — что в пути с нами будет кондуктор и вот с ним мы и расплатимся за билеты.

А кондуктором оказалась старенькая бабуленька, как раз под стать этому «дореволюционному» автобусу 1913 года. Да, да, не удивляйтесь именно 1913 года, поскольку в то время развитого социализма, всё у нас мерялось почему-то 1913 годом.

Но бабуля-кондуктор оказалась человеком, да и ещё даже и очень хорошим. По крайней мере, её подвели глаза ибо, бегло осмотрев наши билеты от Каслей до Кыштыма, которые ей с некоторой наглостью подсунул Сергей, она почему-то решила, что эти билеты до Карабаша, а посему с нас не взяла ни копейки. Это обстоятельство нас чрезвычайно обрадовало, все мы знаем, что деньги лишними никогда не бывают и смело ехали, так сказать «зайцами».

А к концу путешествия моя попочка окончательно отказалась сидеть на креслах этого автобуса 1913 года. То же самое, очевидно, происходило и с моими друзьями, они стали ёрзать на сидениях и даже привставать на ухабах дороги. А дорога от Кыштыма до Карабаша, если ехать напрямую, а не через озеро Увельды, ещё та. Грунтовая с бесконечными следами прошедших здесь когда-то машин, причём по воде. Это сейчас дорогу сделали более или менее приличной, по крайней мере, хоть плиты бетонные кое-где положили вместе с асфальтом. А тогда, в дни нашей юности, по ней не каждый ещё и рискнул бы поехать, но водитель нашего автобуса, видно, решил, что на таком автобусе, раз он дожил до нашего времени, можно и море переехать.

Так или иначе где-то в первом часу дня мы вылезли на железнодорожном вокзале Карабаша, чему были чрезвычайно рады. По крайней мере, можно было дать отдых себе и размять ноги. Определённая часть нашего путешествия закончилась благополучно. Дальше нам предстояло идти пешком!

* * *

Карабаш нас встретил неприветливо. Во-первых, это окружающий пейзаж, напоминающий мёртвую марсианскую равнину, ибо всю здесь растительность повыжег местный медеплавильный комбинат, а, во-вторых, у самого вокзала стояла кучка из пятнадцати парней, и от них исходила, прямо скажем, угроза. Было такое впечатление, что они искали себе на голову приключений и, похоже, нашли их в нашем лице.

— Что-то мне тут не нравится, — заявил Александр, которому в драке как-то вот такая же кучка парней в нашем социалистическом городе перебила нос, — дело пахнет керосином.

И он оказался прав. Не успели мы выгрузиться из автобуса 1913 года, как попали сразу же в каменный век с неандертальцами местного пошиба, которые моментально окружили нас, причём с явными желаниями почесать свои кулаки.

— Вы откуда? — спросили нас эти неандертальцы, поскольку без прелюдии, как известно, никакие неандертальцы драки не начинают. Причём это «вы откуда» прозвучала как угроза.

В переговоры с неандертальцами вступил самый сильный из нас, Вячеслав.

Не моргнув глазом на вопрос «Вы откуда?», он ответил:

— Из Челябинска!

— А откуда из Челябинска? — последовал следующий вопрос и при этом неандертальцы взяли нас в кольцо, отчего нам пришлось занять круговую оборону.

— Из Ленинского района, — опять же не моргнув глазом, соврал Вячеслав.

После такого заявления произошло, прямо скажем, неожиданное. Мы друг почувствовали, что напряжение спало, а на лицах местных неандертальцев вдруг появилось нечто напоминающее улыбку.

— У-у-у! Блатные, — заметил самый здоровый и высокий из неандертальцев. — Ну, раз так, то тогда и ладно!

После этих слов круг вокруг нас разомкнулся и мы поняли, что можем продолжать путь дальше. А неандертальцы местные все разом заулыбались, видно приняли нас за своих. После этой улыбки мы как-то раскрепостились и спокойно вздохнули, а Сергей, вот тоже смельчак, поскольку тут надо было брать руки в ноги и быстрее вперёд, неожиданно спросил:

— Как тут до Юрмы добраться?

И самое, что странное, но местные неандертальцы всё нам и рассказали, куда, зачем и как. Тут уж и я набрался смелости и заявил:

— Давайте-ка я вас всех на память сфотографирую!

Ну, фотографироваться любят все, особенно неандертальцы, ибо любят свои рожи до умопомрачения, а посему долго упрашивать никого не пришлось и я сделал свой первый снимок этого похода.

— А как бы нам потом фотографию заиметь? — неожиданно спросил один из неандертальцев.

В таких случаях я обычно говорю, что, дескать, давайте адрес, вышлем вам фотографии. Тут вперед вышел самый высокий и здоровый и назвал адрес.

— А фотографии точно будут? — спросил он.

— А почему бы и нет, — ответил я, уже окончательно осмелев. Кстати сказать, фотографию я потом выслал без указания обратного адреса и думаю, что фотография им очень даже понравилась.

После этого с местной компанией мы расставались чуть ли не в обнимку!

И мы пошли по Карабашу, по его центральной улице, которая петляла туда-сюда.

— А откуда ты про Ленинский район знаешь? — поинтересовался Александр у Вячеслава.

— А это единственное, что я в Челябинске вообще знаю, — ответил Вячеслав, — а про то, что там оказывается, все блатные вообще первый раз слышу!

— Ну, тогда нам, надо сказать, здорово повезло, — заметил Сергей.

— Да уж, — заметил на это я, — начинать путешествие с синяками и кровоподтёками, как-то не очень хорошо! Да и фототехнику мою они бы, эти местные неандертальцы, запросто могли попортить.

— Фототехника-то ладно, вот сломать они в нас чего-нибудь запросто могли, — тоже заметил Александр, почёсывая свой перебитый нос.

— Ладно, — подвёл черту разговоров Вячеслав, — что было, то было, давайте-ка лучше наслаждаться окружающим пейзажем, окружающей природой.

И мы, было, попробовали последовать совету Вячеслава, но любоваться в этом Карабаше было абсолютно не чем. Как я уже говорил, всё здесь пожёт местный медеплавильный завод, а посему всё вокруг напоминало марсианскую равнину, фотографию которой лично я недавно видел недавно в одном научном журнале. Ни травинки, ни деревца, ни кустика. Даже ручьи здесь имели какой-то рыже-бурый цвет, вызывая в душе только отвращение. Так что природа в Карабаше — это ещё то зрелище.

По дороге мы ещё встречали местных жителей, которые были настроены, прямо скажем, более миролюбиво, чем их соплеменники на железнодорожном вокзале, и которые подтвердили нам, что на Юрму мы идём правильно.

Примерно через полчаса мы вышли из Карабаша. Природа вокруг нас сразу приобрела нормальные очертания, по крайней мере, берёзку от сосёночки можно уже было отличить и от этого мы повеселели и ещё бодрей зашагали по дороге, надеясь, что, как говорили местные жители, через каких-то полчаса будем на Юрме.

Но первым не выдержал Сергей, очевидно, ему просто сегодня хотелось отдохнуть и лезть куда-то, да ещё неизвестно зачем, он попросту не собирался.

— Слушайте, — заявил он, — а может, на сегодня хватит. Впечатлений от дороги мы набрались сполна, так что, по-моему, нам попросту надо сделать привал. Отдохнём здесь, переночуем, а потом и полезем на эту Юрму, тем более до неё-то всего полчаса ходьбы, как говорят местные жители.

— Слушайте, а это вообще-то мысль, — неожиданно поддержал Сергея Вячеслав. — Соберемся с мыслями и утром полезем в горы.

— А может, сейчас, — возразил Александр, самый нетерпеливый из нас, — тут всего-то полчаса ходьбы. Сходу залезем, а там и отдохнём.

— А ты чего молчишь? — толкнул меня локтем Сергей.

— Да мне как-то всё равно, — ответил я. — Можно и залезть, можно и отдохнуть, природой насладиться. Вон здесь даже и ручеёк уже имеет нормальный вид и очень даже красив. А что касается берез, сосен и всего остального, то они тоже нормального вида. Видать, досюда ещё медеплавильщики просто не добрались. Так что, если народ не против, можно и задневать.

— Тогда ставим вопрос на голосование, — сказал Сергей.

Мы проголосовали и, оказалось, что двое за днёвку, один против, а один, это я, вообще воздержался. Большинство голосов было за днёвку.

Мы сразу остановились и как по команде сбросили с себя уже поднадоевшие рюкзаки. Конечно, то, что рюкзаки поднадоели уже в самом начале похода, было несколько странным, но такова уж участь всех рюкзаков, ибо даже самые заядлые туристы таскают их на себе без особой радости. Просто без них в походе нельзя, со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Полянку для днёвки мы нашли быстро на берегу ручья, который сверкал в лучах солнца, распространяя вокруг себя какую-то живительную силу.

Мы разбили палатку, сообразили обед или ужин (называйте, как хотите) и примерно через час начали заниматься, прямо скажем ничегонеделаньем. А именно вести разговоры, которые ни к чему не обязывали и, из которых не вытекало никаких выводов. Завтра нас ожидал подъём, который ничего, как говорили местные жители, из себя сложного не представлял, но который в конечном итоге вылился в испытание на прочность. Но мы об этом пока не знали и полдня и вечер откровенно балдели, радуясь природе и тому, что вот вырвались из городской суеты, которая порядком надоела.

* * *

На следующее утра мы встали рано, едва только солнышко выглянуло между горами. Было тихо, ни ветерка и только лишь птички нарушали покой. Этот покой нас как-то расслабил и ввёл в умиротворительное состояние. Никуда не хотелось идти, тем более, в гору. Хотелось просто полежать на спальнике и наслаждаться утром. Но нас звала дорога. Мы понимали, что сюда приехали не для того, чтобы слушать всяких там птичек, их мы могли послушаться и на своём любимом озере Ташкуль.

Мы позавтракали, свернули палатку, собрали рюкзаки и, перекрестившись, сказав «с богом», двинулись по дороге. Впереди нас ждала Юрма, на которой мы собирались быть через полчаса. Правда, если честно, то мы здесь впервые чего-то засомневались относительно этих полчаса, поскольку вершина Юрмы маячила где-то там впереди, довольно далеко от нас. Но руководствуясь рассказами местного населения, мы считали, что через минут сорок, ну, час будем праздновать победу над первой нашей вершиной.

Итак, мы двинулись в путь по просёлочной дороге, которая и должна была нас вывести на Юрму.

Вот, собственно говоря, с этого момента и можно было начать рассказ длиною в четыре часа, а именно столько занял подъём на Юрму, но все требовало вступления, пусть даже такого длинного, как получилось у меня.

Мы шли по дороге, радуясь природе, радуясь своей молодости, и всё нам казалось в радужном свете. Рюкзаки ещё были легки, поскольку не оттянули своею тяжестью нам плечи, а дорога была только чуть-чуть в гору, что тоже нас радовало.

Первый забил тревогу по поводу получаса Вячеслав:

— Странно, — сказал он, — по моим понятиям, мы уже должны подходить к вершине Юрмы, а на самом деле чего-то этой вершины и не видно!

— Ничего страшного, — отреагировал на это Сергей, — ну, полчаса, ну, час, какая разница. Главное, скоро мы залезем.

Но это скоро не получалось. Дорога пошла покруче, и мы первый раз с утра ощутили, что у нас на плечах рюкзаки. Кроме того, мой фотоаппарат, висящий на животе, начал «путаться под ногами» и дупить по этому животу изо всех сил. Я всё время пытался его, так сказать, урезонить и призвать к порядку, но это удавалось лишь тогда, когда я его брал в руки и делал какие-то снимки, как своих друзей, так и окружающей природы.

Александр, самый нетерпеливый из нас, через полтора часа подъёма начал проявлять первые признаки нервозности.

— Интересно, — произнёс он, обращаясь то ли к самому себе, то ли к нам, — каким образом эти местные жители здесь меряют время и пространство. Тут какая-то загадка.

— Загадка не загадка, — отвечал на это Сергей, которому по своей натуре всё было трын-трава, в том числе и уже затягивающийся подъём, — но надо идти, идти, и идти. В этом вся суть, как известно, туристического похода.

А Вячеславу приходилось хуже, чем всем остальным. Он был большой и крупный, быстро покрылся потом и ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

— Надо передохнуть, а то эти полчаса местных жителей чего-то меня маленько подвымотали!

Мы с Вячеславом согласились, ведь рюкзаки на плечах давали о себе знать. Правда, Александр по причине вечной своей спешки, что-то там себе под нос пробурчал, и смысл этого бурчания сводился к тому, что вот, дескать, не успели выйти, как уже привал.

Но мы шли уже два часа, рюкзаки были тяжелы, а дорога все круче и круче поднималась в гору, так что привал был нам нужен.

Но привал привалом, а лично для меня в таких привалах и начиналась работа. Я буквально дал себе пять минут отдохнуть, скинув рюкзак, затем снял с живота фотоаппарат, отбивший мне уже этот живот, и пошёл, как сказали бы художники, на пленэр.

И первое, на что я обратил внимание — это было изобилие грибов. Такого количества красненьких в наших лесах я ещё просто не видел.

«Отлично», — подумал я, ведь поесть я, как уже говорил, люблю, сделав пару снимков этих грибов, — значит, у нас будет грибница, а это очень хорошо. Тушёнка с макаронами, обычная туристская еда, как правило, быстро набивали оскомину.

На пленэре я был минут двадцать, когда услышал голоса друзей. Я понял, что нам пора двигаться дальше, преодолевать эти «полчаса» местного населения.

Когда я вернулся к ребятам, то сразу понял, что Александр, вечно куда-то спешащий, толком отдохнуть не дал. Особенно Вячеславу. Хотя с другой стороны и действительно нечего было отлёживать свои бока, это отлёживание, при желании, может перейти в хроническое состояние.

— Ребята, — сказал я, — а знаете, сколько тут грибов? Море. Так что вечером грибница за мной.

Моему сообщению друзья обрадовались и, Сергей быстренько достал котелок с требованием, чтобы я его наполнил подосиновиками.

— Хорошо, — на это молчаливое задание ответил я, — грибов я соберу, только повыше к вершине, чтобы ещё мне и котелок не так сильно поднадоел. А то рюкзак, фотоаппарат и теперь ещё котелок с грибами.

— Собирай, где хочешь, — заявил Александр, — но чтоб грибница вечером была!

После этих слов мы дружно встали, надели на слегка отдохнувшие плечи рюкзаки и снова пошли по дороге, которая давно, как мы поняли, превратилась в нудный тягун со всеми отсюда вытекающими выводами.

А через полчаса подъёма случилась новая напасть. С гор, прямо по дороге, по которой мы шли, потекли ручейки. Сначала их было немного, так струйка и мы их мужественно обходили или перескакивали, но чем дальше, как известно, чем дальше в лес, тем больше дров, и постепенно эти ручейки превратились в потоки. А раз они превратились в потоки, то обходить их стало трудно, и мы шли прямо по ним. Из под наших ног летели брызги, которые ярко и весело сверкали на солнце.

Одним словом, через каких-то минут сорок после привала ноги наши были мокрыми и неприятно чавкали в ботинках.

— Тепло не сыро, — выдавил вот такую фразу из себя Вячеслав и, руководствуясь ей, мы продолжали шлёпать по воде.

— Скорей бы этот чёртов тягун кончался, — пропел себе Александр. Но это было не нытьё, как мы знали, Александр был далеко не нытик. — Всё-таки мне непонятно, чем же меряют здешние жители время и пространство.

— А может, тут какая другая дорога есть, — подумав, сказал Сергей, — просто мы о ней не знаем.

— Может и есть, — отреагировал Вячеслав, — только то нам не известно и местные указывали вот на эту дорогу.

— Минут двадцать-тридцать, и ещё сделаем один привал, — добавил он, — надо хоть маленько выжать носки, а то тоска...

Мы с ним согласились, потому что хоть и «тепло не сыро», но, тем не менее, всё время чавкать по воде, да в воде, дело скучное. К тому же, если честно, то все мы начали уже уставать. Мы уже давно поняли, что полчаса местных жителей — это совсем не наши полчаса и уже не так рвались в бой за вершину. Вершина будет, это мы знали точно, но только весь вопрос когда?

Привал мы сделали, как и собирались, через полчаса. Просто прошло уже три часа, как мы рьяно пытались взять Юрму, и, которая почему-то не очень хотела, там нам уже казалось, чтобы мы её взяли.

Пока ребята отдыхали, сбросив рюкзаки, я поправил свой фотоаппарат, взял ещё и котелок для грибов и пошёл изучать местные окрестности. Как у меня хватало сил для подъёма и всего этого изучения мне, если честно, было не очень понятно. Может быть, просто страсть к фотографиям тянула меня на это, а может, просто я не мог, как всегда, усидеть на месте.

Нет, я тоже отжал свои носки, как и все, потому что ходить сырым всё-таки не очень и здорово. Правда, через две минуты моего блуждания по окрестностям нашего привала, я опять стал мокрый, но просто я, похоже, уже к этому привык и особо не переживал. На фотографирование у меня ушло минут двадцать, а после этого я стал собирать грибы на грибницу. Это оказалось очень простым делом, поскольку грибов, особенно красненьких, везде было полно, так что только успевай наклоняться и складывать в котелок. На это у меня ушло минут десять.

Котелок я наполнил, и тут опять раздались крики моих ребят, которые звали меня, потому что привал надо было кончать. Так особо и не отдохнув, в мокрых носках я опять нахлобучил на себя рюкзак и пошёл вслед за друзьями дальше в гору.

И тут дорога сделала поворот. И как только она это сделала, так мы сразу выскочили на горное плато, которое увенчивала вершина Юрмы. Тут мы, честно говоря, вздохнули облегчённо, поскольку воочию увидели, что теперь-то точно до Юрмы оставалось минут сорок, ну час ходьбы. Более того, неожиданно под ногами опять стало сухо. Видать водоносный слой земли мы прошли. Это нас тоже чрезвычайно обрадовало и в душе возникло ощущение, что вот Юрма гостеприимно открыла нам свои ворота и ждёт не дожждётся, когда же мы взойдём на вершину.

Всё это нас сразу успокоило. Вячеслав перестал пыхтеть, Александр куда-то торопиться, Сергей перестал ворчать, а я перестал идти с кислой миной, которая у меня возникла где-то ещё в середине подъёма и была связана с фотоаппаратом, который мне всё же живот отбил. Я видел, что теперь есть простор, есть красивые места, а это значило, что фотоаппарат мой сейчас займётся настоящей работой.

Я избавился от котелка с грибами, передав его Сергею, сказав, чтобы он берёт его как зеницу ока.

Сергей, правда, поворчал по этому поводу, что, дескать, насобирал там разных «мухоморов», так неси сам. Но я заметил, что искусство требует жертв, а фото дело — это тоже вид искусства. Так что пришлось Сергею тащить котелок аж до самой вершины.

Но подъём здесь уже был крутым, и идти стало тяжело. Но конечная цель была видна, и это давало нам силы.

Одним словом, протопав по горной дороге четыре с небольшим часа, мы наконец поднялись на вершину. И тут сразу поняли, почему местное население отводило на подъём на Юрму всего-то полчаса. На вершине Юрмы мы увидели мотоцикл и двух парней, приехавших за грибами. Очевидно, этот мотоцикл и совмещал пространство и время местных жителей. А посему весь подъём у них и занимал полчаса.

Но прежде чем осмотреться вокруг, мы полчаса лежали на вершине в изнеможении, не в состоянии шевелить ногами и руками. Всё-таки этот подъём нас всех доконал и выжал, как лимон.

Только после этого мы стали осматриваться вокруг и даже завели разговор с местными парнями о том, куда нам двигаться дальше до Таганая. Местные указали направление и до-

бавили, что тут рядом, два часа, и вы будете там. Ну, что это за два часа местных жителей мы уже знали и были готовы к новым трудностям.

А красотища кругом была просто неопишима. Кто был на Юрме, тот меня поймёт, ну, а кто не был, так тех мне остаётся только пожалеть. Просто иногда надо быть заинтересованным в изучении родного края. Хотя бы так, ради спортивного интереса, как мы.

Отдохнувшие и повеселевшие, мы озирались вокруг, поскольку такого ещё не видывали. Нет, горы мы, конечно, видели и даже на них залезали, но это были невысокие горки вокруг нашего города да озеро Ташкуль. А на такой высоте мы были первый раз. И сразу нам стали приходить в голову мысли, что вот мы не зря все же пошли сюда, что не зря четыре часа ползли на эту Юрму, устав при этом, как не знамо кто. Единственное, что портило впечатление, так это всем известные надписи на камнях, типа «Здесь был Вася!». Очевидно, просто русский человек не может обойтись без подобных надписей и считает, что все должны знать, что он, Вася, тут всё же побывал. Однако общего впечатления эти надписи не портили, и их можно было попросту не замечать.

Так и провели мы на вершине Юрмы около часа и никак не могли насладиться пейзажем, который с неё открывался. Как я уже сказал, это была первая наша большая гора и впечатлила она нас будь здоров. Даже вот память о ней мы пронесли через года не забывая подъёма длиною в четыре часа, о котором я только что вам, дорогие читатели, всем и рассказал.

Заключение

С тех пор прошло уже много, много лет. Нам всем за пятьдесят, недавно последнего из нашей компании по этому поводу обмыли. Но ведь помним Юрму, не забываем её. Причём помним все, чуть ли ни до мельчайших подробностей. И автобус 1913 года, и неандертальцев карабашских, и как местное население время совмещает с пространством при помощи мотоцикла.

И сейчас в нашей компании, если вместе соберемся, так или иначе начинаются разговоры про Юрму, Таганай, реки Инзер и Зелим, а так же более сложные походы в дальних краях, например, в Горной Шории. Но всё это не так важно, кроме Юрмы, потому что она зажгла в нас дух туризма, дух дружбы, дух познания родной страны.

Мы, конечно, после первого посещения Юрмы ещё пару раз были на ней, один раз даже совместив пространство и время на мотоцикле. Но мотоцикл — это уже совершенно не то, поскольку особой памяти этот подъём в нас не вызывает. Что там мотоцикл, когда мы и пёхом смогли покорить эту Юрму.

И я хочу пожелать подрастающему поколению, например, моему сынишке и его компании, чтобы тоже в жизни у него была своя Юрма, которая так порою в судьбе необходима!

И кончаю я своё повествование песней, которую я сочинил для пятидесятилетия Александра и которая так и называется «Юрма»!

Юрма

Это было как будто вчера,
Киалим, лес и искры костра,
Ну, а рядом Юрмы высота,
И туда нас тянула мечта.

И забыть это нам не дано,
Впрочем, так и, наверно, должно,
Просто юность стремилась в полет,
В небеса, а не наоборот.

Припев:

Карабаш, ну, а дальше пешком,
И с тяжёлым причём рюкзаком,
И подъём, и подъём, и подъём
На Юрму, все мы помним о нём.

А сегодня, мой преданный друг,
Тот же самый мальчишеский круг,
Только всем на уже пятьдесят,
Годы, знаем, все быстро летят.

Мы смеёмся слегка над собой,
Вот дожили, по нраву покой,
Вот дожили, и что там Юрма,
Посмотри, в голове уж зима.

Припев.

Только сны возвращают назад,
И из нас каждый снам этим рад,
А всё просто, ведь память жива,
Значит живы о дружбе слова.

Ладно, ладно, бывает и грусть.
Ну, бывает, бывает и пусть,
Но Юрма, ах, Юрма, ох, Юрма
Как и прежде, нас сводит с ума!

Припев.

г. Снежинск

Мария Спяшева

Помню

Снег пройдет и растает,
Но тепла уж не жди...
Моя милая мама,
Все уже позади.
Позади мои годы,
И сама уж не та.
Как бы не было плохо,
Я была молода.
Но когда я расстанусь,
То оставлю здесь все:

Белоснежную церковь
И людское тепло.
Мои милые внуки,
Вас я очень люблю!
Вам удачи и счастья
Я у бога молю.
Снег пройдет и растает,
Но тепла уж не жди.
Моя милая мама,
Все еще впереди!

п. Межозёрный

Ольга Фомичёва

Путь-дорога дальше, дальше

Афганистан

Всем, прошедшим горнило Афганистана.
Не рассказать, не описать словами
Каких парней теряли мы в Афгане:
Горели в «бэтээр» и «вертушках»;
Гранатой рвали и врагов и душу;

Под снайперским огнём в глухих засадах;
Срывались с узких тропок в камнепадах;
В бою дневном... ударом в спину ночью;
Без сил в душманских ямах одиночных.

Юнцов, что никого не целовали,
Как равнодушно горы убивали.
Каких парней теряли мы в Афгане!
Скупой слезой оплакивали сами...

А на зубах сухой песок скрежещет,
И солнце раскалённое трепещет.
В пробитой фляге полглотка — как мало!
Перед глазами... дом родной... и мама.

Товарищей я потерял уж сколько.
Сегодня лучший друг погиб мой — Колька!
Роднее брата был в горах Афгана;
С ума сойдут от горя батя с мамой.

В разгаре лютый бой на перевале.
Отборный мат, что дома не слышали.
И раскалён курок у автомата,
На пальцы плюю, и дальше жми, ребята.
До зелени, до одури, до рвоты...
Полуживых — десяток нас от роты...
Глаза прикрою и опять воочью:
Тела... тела... и чьи-то клочья... клочья...
Я выжил... К непогоде ноют раны.
— За наших! — третью молча из стакана...
Честь не отдать (пустой рукав в кармане)...
Я — здесь. Душа — осталась там, в Афгане...

Циклоп

Зимней проруби глазница
То задремлет, то заснёт.
В ночь крещенскую толпится
Перед ней честной народ.

Топорами подновляют,
Спать Циклопу не дают:
Праздник тела отмечают;
Очищенья душам ждут.

Но Циклоп, он парень добрый.
Нагишом? — не испугать.
Будет он всю ночь проворно
Православных освящать.

Чтобы силы прибывало,
Чтоб в душе был мир — покой,
Подходите, стар и малый,
И ныряйте с головой!

* * *

Раскудрявился туман над рекой,
Обещая долгожданный покой.
Ясный месяц вновь лучину зажжёт,
Созывая звезд-сестёр в хоровод.

Девы-звёзды в руки прялки возьмут,
Да серебряную пряжу сплетут.
Будут братцу и картуз, и кафтан.
— Да не смей, бесстыдник, лазить в бурьян!

Об колючки весь кафтан изорвал,
Когда алую зарю целовал.
Что хмельному пересуды сестёр?
С милой вместе и бурьян как шатёр.

Путешествие из Челябинска в Магнитогорск

1

Наш автобус — как карета,
А за кучера — шофёр.
Нынче я в Магнитку еду
Расширять свой кругозор.

По своей, по доброй воле
Повышая статус свой
Еду лесом, еду полем.
Эх, путь знаний не простой!

2

Поле, речка, полустанок,
Снова поле и река.
Удивляться не устану —
Как Россия велика!

То пригорок, то овражек,
Придорожный куст раки.
Путь-дорога дальше, дальше
Серой змейкою бежит.

Впереди село большое,
Церкви маковка — крестись!
Прихожане к ней гурьбою
К богомолью подались.

И опять: то лес, то поле,
Речка дремлет подо льдом.
Это русское раздолье,
Сердцу милый отчий дом.

3

Час, и три, и пять в дороге.
Кучер, жми на газ, родной.
Длинный путь к концу подходит.
Распрощаюсь я с тобой.

По центральному проспекту,
По Магнитке напрямик
Знаний университеты
Выхожу я покорить.

г. Снежинск

Другим и быть не собираюсь**Деревенская любовь**

Ты честно поступила,
Что от меня ушла
К чубатому Даниле
С соседнего села.

Не смог тебя такую
Я крепко удержатъ.
За это и тоскую —
Приходится страдать.

А чем же все ж Данила
Тебя приворожил?
Я слыхивал — по силе
В селе он первый был.

И в пляске деревенской
Всегда он был лихой.
И взгляд ловил он женский
С особой хитрецей.

Играет на гармошке
И страстный куплетист.
Задел меня немножко,
Негрубо, как артист.

Наверное, куплетом
Тебя он зацепил.
И этим самым, этим...
Душу твою пленил.

И ты — не устояла,
Наживку проглотив.
Его рабыней стала
Меня навек забыв.

Да, было это, было...
По глади голубой
Ты лебедем уплыла,
Остался я с тоской.

Комар-агрессор

Мне кажется комар — фашистский «мессер»,
Жужжит кругами плавно надо мной.
Ведь чувствует, писклявенький агрессор,
Где может дать решающий мне бой.

И вот на лоб мой плавно приземлился,
Свой хобот-штык примеривает он.
Вонзив его, он даже не смутился
И не услышал мой протяжный стон.

Спокойно в зеркало смотрю я,
Как этот маленький вампир,
Беду свою совсем не чуя,
Вершит на мне кровавый пир.

И наливается, краснея,
Совсем не ведая о том,
Что скоро вся его затея
Предстанет — роковым пятном...

Да, я такой...

Да, я такой — и все ж не каюсь,
Но если подвести итог:
Другим и быть не собираюсь,
И вряд ли я иным стать мог.

И больше я не сожалею,
Что не родился под звездой.
И эту мысль уж не лелею,
В мир уплыла она иной...

Но может, кто-то в этом мире
Меня с надеждой нежно ждет.
Закрывшись в городской квартире,
Сигнал свой сердцем подает.

Игрушка

Предстанешь перед ним в угоду
Вдруг феей сказочной, святой.
Ведь он богат, одет по моде,
А я — немного не такой...

Запомни, милая подружка,
Что, как его ни ублажай,
В его руках ты лишь игрушка,
Хоть каждый день наряд меняй.

Вагоны

(воспоминания)

Вагоны, вагоны, вагоны,
На рельсах построились в ряд.
Под куполом небосклона
Всю ночь часовыми стоят.

В те годы, в морозную стужу,
Вагон был как райский уют.
Семье неимущей что нужно?
Нашла она в нем свой приют.

Углем раскаленная печка
Очаг согревала теплом.
И кошка, свернувшись колечком,
У входа спала сладким сном.

А утром, протяжно взывая,
Будил всех горластый гудок.
Как маршал, повелевая
Всем влиться в рабочий поток.

Людмила Кулкова

Нам не хватает времени так часто Заметки на полях

Сыплет яблоня белой метелью
Лепестки своих нежных цветов.
И ложится неслышно на землю
Летний снег из несбыточных снов.
Он кружится, летает, летает...
Им играет шалун ветерок.
Он летает, кружится, не тает
И кладет к лепестку лепесток.

* * *

Май отмаялся, отбуйствовал, отцвел,
Ранним птичьим пеньем отзвенел.
Первою грозью отшумев,
Легкой дымкой в небо улетел.

* * *

За окном свирепствует мороз.
А на подоконнике зимой
Розы расцвели и нежной красотой
За душу берут и трогают до слез.
Тонок их чудесный аромат.
Поразительно изящные цветы
О весне грядущей говорят
И надежды будят, и мечты.

* * *

Деревья с прожелтью,
Что люди с проседью:
Жизнь продолжается, но осень ждет.
Зима отцарствует —
Деревья в зелени.
А к человеку молодость вновь не придет.

* * *

Порыжело поле.
Лес прозрачней стал.
Потускнело небо, дождик зарыдал.
У степной дороги горбятся стога.

Я помню, как шли работяги
Со смены — слегка под хмельком...
И каждый считал ведь за благо
Увидеть на рельсах свой дом.

Вагоны, вагоны, вагоны,
Как больно мне вас вспоминать.
В душе отозвались со стоном,
И вас — никому не отнять.

г. Челябинск

Затерялось лето в заливных лугах.
Пусть сегодня солнце скупо светит
И негорячи его лучи.
От беседы с добрыми друзьями
Можно больше пользы получить.

* * *

Замечательно сказал поэт Дементьев!
Не устану строчку повторять:
«У меня от хамства нет защиты».
Хамам это не дано понять.

* * *

Нам не хватает времени так часто.
Мы все бежим, торопимся, спешим.
Одной минуты доброго участия
Не можем уделить любимым и родным.
Потом жалеем, мучаясь, страдаем,
Казним себя за суетность житья.
И ничего вернуть не успеваем.
Никто: ни он, ни ты, ни я.

* * *

В августе звезды яркие.
В августе звезды падают.
Частью — на клумбы астрами,
Чаще — дождями ненастными.
К счастью, гадаю, к несчастью ли
В бездну звездочки канули?
Что звездопад предвещает?
Кто-то, наверное, знает...

* * *

Грядет мой час,
И я уйду навек.
Туда, где путь земной свершает человек.
Там тишина, покой и свет.
Там вечна жизнь, а смерти нет!

г. Верхнеуральск

Сашенька

Рассказ

179

Графоман № 1(17)-2014

Её с самого раннего детства звали Сашенькой. Ни Шурочкой, ни, хотя бы иронично, Александрой. Нет, только Сашенька. Она росла хорошенькой, напоминала куколку, и взрослые непроизвольно тянулись погладить её по красивой светловолосой головке, обязательно чем-то угостить, будь то конфетка, или яблоко, и всегда умиленно улыбались, глядя как она двигается, как смеется, играя серыми выразительными глазками.

С первого класса, куда она пришла уже умеющей читать и немного считать, она стала круглой отличницей, и мальчишки в классе начали подтягиваться в учебе, а выходя к доске косо поглядывали в её сторону — каково впечатление от их уверенного, бойкого ответа. Но она не устаивала их вниманием, общалась, как все девчонки, со сверстницами, шепталась с подружками на переменах, а после занятий никогда не оставалась в школе даже ненадолго.

В третьем классе она неожиданно для всех начала петь. Петь на общешкольных собраниях, которые проводились в их начальной школе в зале, служившим одновременно и актовым залом и залом спортивным. Школа была старинной постройки, с примыкающим к ней особняком какого-то прежнего богача. Её много раз ремонтировали, но время брало свое: старые дугообразные рамы осыпались отлетающей краской, полы в единственном зале рассыхались, и щели между половицами становились все заметнее. Тем не менее многострадальный зал привлекал всех — и начинающих спортсменов, и самодеятельных артистов.

В пении Сашеньки удивлял не только чистый голос, но и та абсолютная уверенность, с какой она держалась перед зрителями. Голос её был приятный, не тоненький и не низкий, хорошего тембра и наполнения, и в период обучения в третьем и четвертом классе она снискала известность как признанная юная солистка. А врожденная уверенность в себе проявилась даже на снимке выпускного четвертого класса. Сашенька сидела в первом ряду, в центре, и невольно притягивала внимание не только своей незаурядной внешностью, но и открытым взглядом. Взглядом, лишенным всяких признаков смущения или застенчивости.

Когда она закончила четвертый класс, отца перевели в областной центр, на повышение, и Сашенька впервые ощутила веяние большого города. Просторная их квартира почти в самом центре выходила окнами на перспективу главного проспекта, уходящего вдаль к старинному парку культуры и отдыха, и не шла ни в какое сравнение с тем провинциальным жильем, из которого они выехали. Тамошняя трехкомнатная находилась в так называемом коммунальном кирпичном доме, где из удобств присутствовала только холодная вода. Правда дом имел удачное расположение на холме, на возвышенности, откуда хорошо виделась близкая Сашенькина школа, а в окна с другой стороны видно было водную станцию на пруду, где родители часто катали дочь на лодках, взятых на станции напрокат. Теперь же, в настоящей благоустроенной квартире, она наслаждалась комфортом, а город познавала все лето-они переехали в него в начале июня. Город ей нравился. Она была совершенно очарована обилием света на главных площадях и проспектах, её завораживали неоновые рекламы, изобилие которых создавало иллюзию непреходящего праздника. Вереницы трамваев с характерными звонками, троллейбусы, такси — все рождало в душе ощущение размаха и мощи. А начавшееся строительство метро вызывало у всех горожан справедливое чувство гордости — «и у нас не хуже, чем в Москве!».

В сентябре Сашенька пошла учиться в престижную физико-математическую школу с углубленным изучением английского. Разумеется, это была заслуга отца, вернее, его должности, но и Сашеньке не за что было стыдиться — начальную школу она окончила с похвальной грамотой, без единой четверки, и это, конечно, очень понравилось директору новой школы. Понравилось тем, что ему не подсовывают под давлением липовых отличников или откровенных бездарей. А конкурс все же был, негласный конечно, но не менее значимый-конкурс именитых родителей. Тем более удивительным стало появление в школе Ирины, будущей подруги Сашеньки. Поговаривали, правда, что она — дальняя родственница директора, но это не афишировалось и никогда Ириной не озвучивалось впоследствии, не смотря на близкую дружбу с Сашенькой.

Поскольку класс стихийно оказался сборным, это дало и хороший и плохой результаты. Хороший потому что попали Сашенька в уже сложившийся, утрясенный коллектив, она, как

любой новичок, должна была бы либо принять правила игры, либо стать изгоем, что нередко случается с красивыми девочками. Здесь же почти все имели статус новеньких, притираться друг к другу стали постепенно, однако процесс этот оказался не столь гладким. К третьей четверти сплотилась небольшая группа местных, коренных, считающих себя чуть ли не столичными отпрысками, золотой порослью. Они быстро организовали замкнутый круг, куда Сашеньку не приняли. Формально она не была местной, на самом деле девочки в образовавшемся кастовом полуклане имели внешности неяркие, неброские, и потому путь в «светский» кружок ей был заказан. Наверное, это обстоятельство как-то ненавязчиво и естественно подтолкнуло Сашеньку к дружбе с Ириной. Сказалось и то, что Ирина большой привлекательностью отмечена не была. В ином случае Сашенька дружить с ней не стала бы ни минуты.

Ирина отличалась высоким для своих лет ростом, и в целом была бы даже мила, если бы не один недостаток: её нос сильно опускался к верхней губе, как бы висел над ней, за что наблюдательные и наивно жестокие в этом возрасте одноклассники тут же прозвали её «внучкой Бабы-Яги». А когда в седьмом классе Сашенька стала носить красный берет, классные остряки прозвали их дружную, неразлучную пару «сестрами братьев Гримм»!

В пятом классе, пока шла притирка в коллективе, Сашенька на публику не пела. Пела дома, немного подтреникивая себе на гитаре — играть на дилетанском уровне научила её мама, Зоя Николаевна, некогда даже игравшая в любительском струнном оркестре. Вновь на публику Сашенька вышла только в шестом классе. И опять она видела блестящие глаза слушателей, особенно мальчишек и классной руководительницы. И это вдохновляло её и возносило над другими сверстниками на высоту, недостижимую ими, по её мнению, никогда.

В восьмом классе, в соответствии со всеми законами природы, у Сашеньки произошла ломка голоса. Ломка никогда не задевает слуха, и если он есть — тонкий и музыкальный, то он и остается и тонким и музыкальным без изменения. А вот голос при ломке бывает меняется и не всегда в лучшую сторону. С голосом Сашеньки это и произошло — он потерял былую красоту. Тембр его изменился, появилась какая-то давящая составляющая, и от былой его юной прелести не осталось и следа.

Она спела на школьных вечерах раза три, подумывала об участии в конкурсе молодых исполнителей области, но по реакции слушателей поняла, что успеха она как солистка не имеет. Последней каплей, переполнившей чашу, стало высказывание её одноклассницы, давнишней её вражины, явно завидующей её красоте, и потому выдавшей Сашеньке прямо в лицо с непередаваемым ехидством:

— С таким голосом, Александра, надо на паперти выступать — может, чего и подадут! Сашенька с трудом сдержалась, чтобы не вцепить ей по физиономии.

— На паперти лучше выступать с твоей внешностью, Катя, — сказала она с глубочайшим сарказмом. — Подадут ещё больше! Из жалости!

Обе посмотрели друг на друга с такой яростью, что только случайное появление одноклассника спасло их от спонтанной драки.

Петь она с тех пор перестала. Иногда дома, для себя, она тихо напевала под гитару, но на публику больше не выходила. Плакала она крайне редко, в основном в далеком детстве, да и то от полученных травм. Но в этот период слезы появлялись у неё ночью — произвольно, неожиданно и порою обильно. Она сознавала, что одна из сторон её превосходства над другими ушло. Ушло в небытие. И в эти ночи ей часто снились сны, где она пела в старой школе, в зале с разохшимися половицами, где даже во сне были видны блестящие глаза мальчишек и учителей. Сашенька резко просыпалась, долго смотрела в потолок, и испытывала почти физическую боль — так было тяжело на душе!

В десятом классе они с Ириной стали явными соискателями медалей. И если у Сашеньки тылы были мощными, то медаль Ирины напоминала выигрыш в лотерею — то ли будет, то ли нет. Выпускные экзамены они сдали превосходно и медали все же получили. Сашенька — золотую, а Ирина, несмотря на блестящие знания, — серебряную. Будто бы где-то и когда-то у неё закралась злополучная четверка по химии.

Выбор профессии у них с Ириной предопределен еще в девятом классе, когда пожилкой, но все еще элегантный преподаватель физики стал читать им курс электротехники. Вскоре он заметил, что обе девочки тяготеют к электричеству. Возможно, сказались чистота лаборатории, подтянутость педагога, вкус в его одежде, его тактичность и умение объяснять. Да и логика электричества показалась девушкам более внятной, чем логика железа, «сопромута», как называла его Сашенька.

— Ну представь, — говорила она Ирине, — что мы будем изучать разные там болтики, гаечки, шестеренки! Бред какой-то!

На электронный факультет знаменитого на всю страну политеха они поступили безо всякого протекже — сдали как медалистки по одному экзамену и оказались досрочно принятыми. Начиналась новая полоса их жизни — неизвестная, манящая этой загадочной неизвестностью и все же полная оптимистических ожиданий.

* * *

После полугода занятий в институте после успешно сданной сессии Сашенька и Ирина сочли, что их взгляды на многие вещи кардинально поменялись. Подруг просто захлестнул поток новизны. У Сашеньки стремительно затухал школьный роман, тянущийся аж с четвертого класса, когда сын военного, Олег Колесниченко, понравился ей впервые за время учебы в начальной школе. Чернобровый высокий мальчишка выделялся среди сереньких, невысоких, смешливых сверстников. После выпускного собрания он проводил её до дома, неловко поцеловал её в губы и с непонятной поспешностью удалился.

Когда семейство Саши переехало в областной центр, и Олег потерял её из виду, он прислал ей два наивных письма, в которых она сквозь несовершенство текста все же уловила большую симпатию. Симпатию искреннюю, неподдельную, с оттенком грусти от невозможности встреч. Вскоре, однако, его отца перевели в гарнизон поближе, и Олег стал приезжать к Сашеньке. Она уже училась в восьмом классе, и однажды их юный роман пришел к тому, чем и должен быть продолжен — первой близостью, неумелой, неловкой, но все же близостью.

После школы Олег решил пойти по стопам отца и поступил в военное училище аж в далеком Тамбове. Встречи их с Сашенькой прекратились. Письма он ей писал регулярно, в них уже не стеснясь он говорил о любви, о том, что он мечтает видеть Сашеньку своей женой. Но после полугода занятий в институте Сашенька увидела сколько среди студенческого потока интересных парней, сколько молодых амбициозных доцентов, тоже не лишенных привлекательности, и поняла, что её роман с Олегом — приятное прошлое и не более того. Чтобы предотвратить его визит в каникулы, она скоротечно отправила ему отказное письмо. Реакция Олега, как и ожидалось, оказалась бурной. Он беспрестанно звонил, ежедневно писал ей письма, которые буквально заполнили их почтовый ящик, и Сашенька, поняв что при личной встрече напор будет ещё сильнее, уехала на каникулы в Москву, где жили их родственники по линии матери.

У Ирины все складывалось и сложнее, и проще одновременно. Сложнее потому, что быть подругой красавицы — ноша нелегкая. Видеть восхищенные взгляды парней на подругу и снисходительно-вежливые на себя, замечать знаки внимания в её адрес, иногда нелепые, но всегда откровенные, и отсутствие таковых в свой адрес — не каждый сможет это переварить. Но Ирина нашла в себе то, что помогало преодолевать ей колкие моменты — она начала входить в роль некоей наставницы, ненавязчивой, тактичной советчицы Сашеньки. И это начало у нее получаться, поскольку она всегда зрела в корень явлений. Проще потому, что мужским вниманием она обделена не была — её роман тянулся с девятого класса и не прерывался по той простой причине, что её друг Денис был редкостно надежен, а к Сашеньке, несмотря на её завидную внешность, относился по принципу «свой парень».

Денис, надо было сказать, имел своеобразный характер. Он не был открытым, но его нельзя было причислить и к когорте нелюдимых, он был незлобив, но мог быть и жестким, хотя в основном был спокоен и уравновешен. Увлечений он имел всего два-одно с детства, другое с юности, вызванное житейской необходимостью. С детства он любил механику, ковырялся часами в разных механизмах, и в школе многие искренне уважали его за мастеровитость, за основательность, присущую всем мальчишкам, всерьез занимающихся техникой. Вторым его увлечением стал бокс, которым он стал заниматься поначалу вынужденно. Однажды его побили пацаны с соседней улицы. Побили без злобы, но чувствительно, побили как бы просто так, с подтекстом «знай наших», но на самом деле дали понять, что коль ты не такой, как все, коль избегаешь компаний, значит, задавака и потому должен знать свое место. Произошло это летом, а осенью Денис записался в секцию бокса, где быстро прогрессирует и уже через два года поимел первый разряд. У него был очень сильный боковой удар левой — он был левша, и многим противникам на ринге он был неудобен, а боковой левый стал «автором» уже десятка нокаутов.

Как-то на пути домой ему встретились его обидчики. Они подросли, окрепли и, похоже, знали о его спортивном занятии. Но зачастую это подзадоривает, тянет на проверку навыков, тем более вчетвером. Правда, настрой у них по виду был мирный, но кто их знает, что у них было на уме. Зачинщик той драки, а ныне явный лидер в команде, неожиданно произнес фальшиво ласковым голосом

— Ты, Денька, нас не бойсь! Будешь хорошо себя вести — мы тебя не тронем!

Удар Дениса оказался столь мощным, что «оратор» улетел метра на четыре. Туда же отправились еще два его товарища. Четвертый отбежал подальше и крикнул злобно:

— Мы тебя все равно отметелим!

Однако обещание свое они не выполнили — все-таки за спиной Дениса стояла секция бокса, а связываться с боксерами — себе дороже! Дениса после этого инцидента зауважала вся округа, поскольку молва о потасовках расходитя среди пацанов не хуже, чем цыганская «почта» среди цыган. Ирине и вовсе это понравилось — Денис в её глазах стал настоящим защитником, не показным и недеklarативным, а по-мужски крепким и нестигаемым в любой ситуации.

Второй семестр подруги закончили опять только на пятерки, впереди светили два месяца каникул и они разъехались в разные стороны — Ирина к бабушке в Саранск, Сашенька с родителями — в Сочи. Её отец, ныне важный и ответственный работник, признавал только один вид отдыха — отдых в Сочи. Многие девчонки из их группы уехали в стройотряды зарабатывать себе на модную одежду. В отличие от них Сашеньке не надо было портить руки и фигуру тяжелой работой на стройках. Все дефицитные одежды того времени находились в её гардеробе. В институт она ходила нарядная, меняла платья через день, а общий стиль одежды — каждый месяц.

Родители Ирины, будучи простыми рабочими, одевали единственную дочь тоже не плохо, поскольку гордились, что она получает высшее образование и не должна выглядеть «белой вороной» среди детей интеллигенции и местной элитарной прослойки.

Второй курс был отмечен резко возросшим вниманием к Сашеньке со стороны мужской половины институтской публики. Надо сказать, что, повзрослев, Сашенька из миленькой блондинки-подростка превратилась в настоящую брюнетку, и в сочетании с большими серыми глазами её темно-каштановые волосы создавали неповторимый облик. Её заметили ещё на первом курсе, но многие соискатели знакомства посчитали, что время активных действий наступило именно сейчас.

Первым пошел в атаку некий Гена Маслов, прославившийся на все факультеты тем, что зимой носил шубу из натуральных волчьих шкур. То ли его дядя служил егерем, то ли ещё что-то в этом роде. Про него говорили, что в институт он поступил уже второй раз. Первый раз его отчислили за неуспеваемость — сказались его увлечения картами и девочками. Слыл он несусветным донжуаном — позволяла внешность и любовь к нежному полу. Он был высок ростом, русоволос и довольно приятен. Говорили, что ни одна девчонка не могла устоять перед ним, а он только и менял их, менял небрежно, безоглядно, снисходительно улыбаясь.

С Сашенькой он хотел познакомиться в своей безотказной, как он считал, манере. Однажды в начале ноября, когда наступили ранние морозы, Сашенька, уже в легкой норковой шубке, стояла перед зеркалом гардероба, поправляя головной убор, как сзади неожиданно раздалось:

— Свет мой, зеркало, скажи и всю правду доложи, хороша ли я собою?

Сашенька удивленно обернулась.

— Меня зовут Гена. Но я не крокодил! А тебя как зовут?

Обращение «тебя» неприятно резануло Сашеньке ухо.

— С каких это пор мы на «ты» ?!

— Ах, мадам, извиняюсь. Как Вас все-таки звать-величать?

Переход от напора с наглинкой к слащавой иронично-шутливой вежливости вовсе разозлил Сашеньку. Она молча пошла к выходу, а когда, выйдя из здания, увидела, что хлюст в волчьей дохе идет за ней, остановила частника и быстренько скользнула в салон.

Геннадий больше не появлялся, зато почтовый ящик Сашенькиной квартиры стал разбухать от писем разных парней. Она читала их и выбрасывала — заочную любовь не признавала. А в реальности не было никого, кто бы привлек её драгоценное внимание. Никого и нигде.

После зимних каникул Сашенька позволила себе короткий роман с бывшим школьным воздыхателем. Роман она завела от скуки, завершила его вскорости и сама. При этом сложно построенной фразой дала партнеру понять, что как любовник он не столь хорошо,

как хотелось бы. И потому «продолжение следует» не произойдет, а сама в копилку своего нарастающего любовного опыта положила важное наблюдение — такую оценку парни воспринимают крайне болезненно. Зато отрезало раз и навсегда. Правда существовал риск мщениия в виде нехороших, порочащих слухов, но это Сашеньку ничуть не пугало.

По окончании занятий они с Ириной частенько ходили в кино, где лицезрели прибалтийских актеров, которых в тот период стало модно снимать в разных ипостасях — то в роли немецких офицеров, то в ролях средневековых рыцарей, то в ролях наших современников. Статные сдержанные красавцы отличались не только нерусской внешностью. В них наблюдался некий шарм, некая загадка в движениях, жестах, в выражении глаз, которые были порою красноречивее всяких слов.

— Вот куда надо ехать женихов выбирать! — подвела итог восхищенная Ирина.
«Странно, — подумала Сашенька, — А как же твой Денис?»

* * *

К июню по факультету пронесся слух, что в деканате будут формироваться две группы по новой, впервые организуемой специальности. Называлась она просто: «Разработка и эксплуатация электронно-медицинской техники». Что тут началось! Магия белого халата затмила у многих разум! Обычная инженерная работа выявила столько желающих, что телефон декана раскалился докрасна! Пошло откровенное состязание весов, каковые имели в обществе родители обоих полов.

Сашенька тоже подключила отца, и они с Ириной попали в заветный список, благо учились обе на «отлично». Теперь они с нетерпением ждали начала занятий на третьем курсе — группа их по существу формировалась заново. «Сборная детей лейтенанта Шмидта, — комментировала Ирина с сарказмом. — Что там от наших останется?!» Дни каникул тянулись почему-то медленно, а хотелось побыстрее узнать новый состав, вникнуть в очередную новизну, обжиться в ней... Но события развивались по неведомому сценарию. Зоя Николаевна, мама Сашеньки, заявила мужу, что Сочи ей надоел. На самом деле, в кругах её знакомых все чаще говорили о Прибалтике как о кусочке Европы в Союзе. И супруг Зои Николаевны сдался — достал путевку в самую южную прибалтийскую республику — Литву. За два дня до отъезда Зоя Николаевна вдруг свалилась с высокой температурой — видимо, простудилась на даче, и отец без колебаний отдал путевку Сашеньке с Ириной. Такая решительность папаши вызвала у Сашеньки подозрение, что ехать в филиал Европы отец не больно-то и хотел. Он был настоящий фанат Сочи, а Сашенька, напротив, действительно устала от него. Устала от праздношатающихся шалопаев, жаждущих познакомиться, устала от кавказцев, пожирающих её темными глазами, устала от пляжей и от концертов халтурящих второсортных артистов. А теперь предстояла поездка, которая по значимости затмила интерес к новому составу группы. Особенно радовалась Ирина. «С чего бы это? — думала Сашенька. — Прямо-таки жеребчий восторг!»

Они прилетели в Вильнюс глубокой ночью. И сразу возникло первое разочарование — аэропорт был старый, со шпилевыми башнями и явно проигрывал новому аэровокзалу их родного города. Тот блистал стеклом и мраморной отделкой, по нему хотелось просто гулять, а здесь... Конечно, многое было непривычным — надписи на двух языках, дороги освещенные, как днем, гостиница «Туристас» с безупречно обставленным номером на двоих.

Десять дней поездки пролетели как один день. Их возили на экскурсии по столице Литвы, по окрестным поселкам, где аккуратные дома удивляли необычной архитектурой и обязательным цветочником перед домом. Возили в старинный замок Тракай, еще не до конца отреставрированный и показавшийся им мрачноватым. После Вильнюса туристическая группа переехала в Каунас, бывшую столицу республики. И здесь они с Ириной, не стовариваясь, пришли к выводу, что город хорош! В Вильнюсе, несмотря на суперсовременные проспекты, диссонансно смотрелись дома послевоенной постройки, расположенные близко к центру, а в Каунасе, несмотря на низкоэтажность, все как-то гармонично сочеталось. А музеи янтаря, музей Чюрлениса с его необычными картинами, музей витража и колокольная музыка под открытым небом добавили особый колорит в общую картину городских впечатлений. Вечером, накануне отъезда, состоялся банкет в кафе, где артисты пели песни на литовском, русском и украинском языках. И этот банкет, мелодичные песни на разных языках, прозвучали как апофеоз поездки, как заключительный её аккорд.

Все дни пребывания в Литве они присматривались к публике — образы прибалтийских актерских знаменитостей из памяти не уходили, не выветривались. Но в реальности

мужчин с такой внешностью было очень немного, они практически отсутствовали в обычной житейской сутолоке.

В родной город они прибыли с полными сумками сувениров для родственников и друзей, а себе купили по трикотажному литовскому платью, только входивших тогда в повседневную моду. Встретиться они решили дня через три, чтобы прибалтийские «картинки» смогли немало потускнеть, а впечатления — осесть как золотые крупинки в лотке старателя.

Они пришли в свое любимое кафе-мороженое, стоящее немного в стороне от проспекта и потому умеренно заполненного публикой. Буфетчица Нина Евгеньевна давно знала их, и, как всегда, налила им по фужеру благородного Токайского вместо простого «Рислинга». Такой чести удостаивались немногие, даже постоянные клиенты не ощущали щедрости Нины Евгеньевны так, как ощущали её подруги. Объяснялось все просто — девушки нравились ей давно. И нравились очень.

Сашенька и Ирина расслабились, вспоминали эпизоды поездки, перебивая друг друга и как-то обходя стороной тему о прибалтийских мужчинах. И вдруг Ирина с затуманенными глазами озвучила заветное, замалчиваемое, сокровенное

— А вообще-то, Сашка, дуры мы дуры! Ну где мы в обычной нашей жизни найдем таких обаятельных мужчин, каких в кино увидели?! Можно хоть в Париж ездить, хоть в Нью-Йорк! Это все-таки богема, а туда еще проникнуть надо! И тут у меня мысль возникла, — она сделала многозначительную паузу, лукаво улыбнулась. — Тебе в театр надо пробиваться, Сашенька! Не делай удивленное лицо! Я не профессиональный театр имела в виду. Наш институтский «Арлекин». Он, оказывается, нынешним летом завоевал чуть не первое место на фестивале студенческих театров! Представляешь! А у тебя все данные есть — и внешность, и дикция!

Сашенька задумчиво смотрела на подругу и ничего не отвечала.

В начале сентября группа собралась на первое организационное собрание, и Сашенька просто диву далась! Из прежнего состава группы остались только четыре парня-отличника, встретившие Ирину и Сашеньку как родных. Остальные были новые, и, что самое неприятное для Сашеньки — в группе стало десять девчонок, и три из них были прямо-таки «симпатяшечки». Сашенька перестала быть королевой бала, и это только подстегнуло её желание пойти на пробы в студенческий театр «Арлекин».

* * *

Через две недели она пришла в малый зал института, где регулярно проходили репетиции театра. Встретил её мужчина слегка за сорок, высокий, представительный и, судя по некоторым признакам, характера не слабого.

— Вы что-то хотите? — спросил он вежливо

— Я прочла, что вы объявили дополнительный набор в театр.

— Ах да, мы дали объявление в многотиражку. Но там указан другой час, попозже.

— Извините, тогда я пойду.

— Нет, нет, коль уж пришли, пойдёмте ко мне.

Они прошли в небольшую комнату, сплошь оклеенную афишами театра разного размера — от маленьких, до гигантских, во всю стену.

— Борис Александрович Драгинский, режиссер, — представился мужчина.

— Саша Владимировна, — ответно представилась Сашенька. Она всегда называла фамилию, когда с ней знакомились официально, поскольку отец часто выступал по телевидению, и фамилия его у многих горожан была на слуху. Делала она это неспроста. Это был своеобразный психологический тест, тест «на симптом холуйства», как она его прозвала сама. О нем она никогда не говорила никому, особенно Ирине, поскольку с её пролетарским происхождением она могла подумать Бог знает что. А так, по реакции собеседника, она определяла «кто есть кто». Были случаи поклонения, были — откровенного угождения, но практически никогда не было равнодушия. Борис Александрович видимого удивления не выказал. Очевидно, лауреатство значительно добавило ему достоинства, но в глубине его глаз искорки все же зажглись.

— Вы что-то приготовили? — спросил он.

Саша прочла ему стихотворение Есенина, потом басню, хотела прочесть кусочек прозы, поскольку немало её читала, но режиссер остановил её.

— Не надо! Вы нам подходите!

Сашенька даже глазом не моргнула. Она нисколько не сомневалась, что её возьмут. Спустя неделю в театр пришла ещё одна девушка — Людмила. Тоненькая, изящная, с боль-

шими ясными глазами и очень подвижной мимикой лица, она тепло была встречена любительской труппой. К появлению Сашеньки все отнеслись по-разному. Большинство парней — хорошо, с приветственными улыбками, но некоторые — настороженно, как будто примеряя будущее отношение к себе столь броской девушки. Самодеятельные актрисочки, а их было четверо, — без особого восторга. Обычная женская реакция на неё Сашеньку не удивила. Она к этому привыкла.

Занятия в театре начались, и они Саше понравились. Сценическую речь ставила дама в возрасте, бывшая прима местного драмтеатра. Дама претендовала на суперграмотность, не выносила сленга, даже студенческого, и бесконечно всех поправляла: «Не ложить, а класть, не катáлог, а каталóг, все французские фамилии имеют ударение на последнем слоге...». Начитанная Сашенька внутренне с ней соглашалась, других бывшая артистка раздражала. Сценические движения ставила тоже пенсионерка, но пенсионерка молодая — в балете рано уходят на пенсию — бывшая балерина оперного театра.

В труппе было немало парней, но Сашенька сразу выделила двоих, потому что по замыслу режиссера они изображали танцы с обнаженными торсами. Оба, Семен и Костя, были хорошо сложены, особенно Костя — до института он занимался греблей. Но Сашенька не влюбилась ни в одного. Многого ей было надо, чтобы влюбиться, хотя реально любовь и не спрашивает о желании. Парни ей, конечно понравились, но не более того. А Костя, к тому же, начал встречаться с Людмилой, и на репетициях они частенько обменивались многозначительными взглядами.

Смотр спектакля проходил как обычно, в начале марта. Пришла приемная комиссия, представляющая собой весьма любопытную группу. Костяк её составляли бывшие актеры столичных театров. Несостоявшиеся в Москве, они в провинции держали себя этакими мэтрами, корифеями театра. Говорили они низкими голосами, делали многозначительные паузы, почти все были в париках, и беспрестанно курили редкие в те времена сигареты «Мальборо» и «Кэмэл».

Спектакль «Арлекина» комиссия приняла с незначительными замечаниями. А вот Сашенька смотрелась в нем бледно — была малоподвижна, а если и двигалась, то была далека от тех канонов пластики, каковые прививала и показывала бывшая балерина оперного. Мимика Саши также была невыразительна и только слегка затушевывалась неплохой дикцией. В целом, конечно, Саша для сцены не родилась. Это уже через десять минут просмотра поняла прозорливая Ирина. Но говорить об этом подруге она не собиралась. Решила её пощадить.

Вечером после спектакля Борис Александрович организовал банкет, на котором поблагодарил всех за выступление, за участие в премьерке. Особенно он выделил Людмилу. Она действительно показала явные способности к перевоплощению. Хвалил её не только режиссер. Ребята за столом то и дело вставляли в разговор комплименты в её адрес. О Сашеньке никто ни слова не сказал. Правда ни отчуждения, ни даже намек на критику она не заметила. Ни во взглядах, ни в разговорах. Но и успеха не было, это было очевидно. Повторилась ситуация восьмого класса, когда драматическая ломка голоса лишила её продвижения в вокале... По окончании банкета Борис Александрович призвал всех не расслабляться, продолжать репетиции до лета, дабы отшлифовать отдельные мизанцены, и откорректировать, как он сказал, общую ритмику постановки.

Как обычно в среду собрались на репетицию. Лучезарно светилась Людмила и прямотаки порхала на сцене малого зала. Потом извинилась и умчалась пораньше, послав Косте прощальный жест. Все продолжили движения и Костя, обнаженный по пояс, случайно задел Сашеньку. Она чуть повернула голову и улыбнулась так, как только она умела делать загадочно и чуточку призывно.

После репетиции Костя вызвался её проводить. Сашенька изобразила легкое смущение, затем выдержала необходимую паузу и согласие дала. У дома Костя пытался её поцеловать, но она подставила щеку и спешно пошла в подъезд.

На следующей репетиции Людмила была мрачна, неохотно выполняла режиссерские посылы — стало ясно, что ей уже обо всем донесли. Но видимо, не теряя надежды, она расценивала ситуацию как некую случайность. Однако, замешкавшись с режиссером, она не заметила, как Костя схватил Сашеньку за руку и потащил к их раздевалке. Там он по армейски мгновенно оделся, накинул куртку на Сашу, и они помчались к выходу. Очевидно, он опасался скандала и постарался его избежать. Сашенька, немного удивленная и запыхавшаяся, подняла на него глаза, но Костя приложил палец к губам и повлек её к остановке. У дома он поцеловал Сашеньку, и на сей раз она ему ответила.

На следующую репетицию Людмила не пришла. Ситуация повторилась и на следующих двух прогонах спектакля. Борис Александрович звонил ей домой несколько раз и в конце концов был вынужден пригласить какую-то новенькую — полную девушку в очках с сосредоточенным лицом. Девушки из труппы приняли её холодно — жалели Людмилу и косо смотрели на Сашеньку. Борис Александрович был одержим идеей участвовать в очередном фестивале и ни на что не обращал внимания. А Сашенька продолжала встречаться с Костей, и вскоре поняла, что он любой ценой хочет добиться близости. И это вызывало в ней некое отторжение, хотя ханжой она не была никогда. Все должно быть естественно, а такая настойчивость вызывала подозрение, что он один из тех многочисленных мужчин, которые считают близость, даже случайную, своей победой. Хотя давно известно, что самая неодолимая привязанность — привязанность душевная, и никакой интим не в силах её перебороть. И еще что настораживало Сашу — это то, с какой легкостью Костя бросил Людмилу. «Предавший один раз, предаст и второй», — думала она. В её практике были такие эпизоды — немало парней бросали своих якобы возлюбленных ради неё. Кто-то ради престижа, кто-то ради спортивного интереса, кто-то из-за личных амбиций. Но все терпели неизменное фиаско. Костя вроде был неплохой парень, но по-настоящему Сашенька уважала все-таки Дениса, для которого Ирина была единственной и желанной девушкой.

В начале мая Костя был у Саши в гостях, настроен был решительно, но Сашенька не дозволила ему вольностей, сославшись на то, что мама-домохозяйка может в любой момент зайти в комнату. Недовольный Костя собрался уходить, Саша пошла его проводить, и на пути к остановке они лицом к лицу столкнулись с Людмилой. С близкого расстояния Саша увидела как задрожали у неё губы. Бывшая подруга Кости резко повернулась и почти бегом поспешила в сторону. Костя смущенно кашлянул.

— Завтра в двенадцать в парке — хладнокровно произнесла Сашенька и сделала прощальный жест.

Они встретились в парке, который по существу был лесопарком — огромные сосны и березы росли целыми участками, а между ними располагались круглые водоемы со скалистыми, остроугольными берегами. Саша с Костей погуляли по центру, потом ушли в уединенную аллею и сели на скамейку возле прудика. Костя обнял Сашеньку, хотел поцеловать, но она подставила щеку, а когда он потянулся второй раз к её губам, Саша закрыла их ладонью и слегка отстранилась от него. Костя недоуменно спросил:

— Что случилось, Саша?

— Я хотела с тобой поговорить на днях, но пусть это будет сегодня. Нам надо расстаться, Константин!

— С чего это вдруг?!

— Не хочу тебя обманывать, я влюбилась в другого мужчину. Именно мужчину, он старше меня.

— Уж не в Бориса ли Александровича? — спросил уязвленный Костя.

— Да нет, конечно, ты его не знаешь.

— Может, встреча с Людмилой на тебя так подействовала? — молодой человек все еще не терял надежды.

— Я еще раз говорю — я не блефую. А встреча с Людмилой для меня вообще ноль!

Костя обескуражено молчал, а Саша встала и сказала:

— Не провожай меня! — Сказано это было таким тоном, что даже самый дерзкий ухажер не пошел бы её провожать.

У входа в парк такси высаживало пассажира, Саша успела его перехватить, назвала адрес и резко повернула голову к окну — не хотела, чтобы водитель увидел её торжествующую улыбку. Улыбку триумфатора.

Сессию они сдали с Ириной, как всегда, на отлично, и Ирина опять уехала в Саранск, где у неё сильно болела престарелая бабушка. А Сашеньку отец направил на курсы водителей. «Своя машина не за горами!» — многозначительно произнес он. Отец любил дочь и видимо, заметил её настроение, а оно было неблестящим — скука в нем преобладала. Курсы отвлекли её от минорных веяний, а вождению учил её сам отец на своей бежевой «Волге». В начале августа Саша получила права, и пока думала о дальнейших планах, отец приподнес ей очередной сюрприз. Дома он достал с книжной полки кожаную папку и вручил её дочери. Саша недоуменно открыла фолиант и ахнула — в нем красовалась туристическая путевка в Финляндию. Но путевка почему-то необычная. Следовало ехать в Петрозаводск,

а уже оттуда — поездом в страну Суоми. Обычно все туры отправлялись из Ленинграда. «Ленинград не такой город, чтобы смотреть на него проездом» — так пояснил свой выбор отец.

* * *

Вскоре Сашенька отправилась в путь. Самолет в Петрозаводск прибыл за четыре часа до отхода поезда, и Саша по пути из аэропорта смогла увидеть только центральную часть города — невысокие дома старого типа, памятники и чистые улицы. Оценить город было трудно, но первое впечатление оказалось благоприятным.

После таможни, перед пересечением границы, Сашенька взволновалась до сердцебиения — столь велик был интерес к другой стране, столь нетерпеливым ожидание какого-то чуда. Наверное все выезжающие за рубеж впервые испытывают нечто подобное.

Финляндия не разочаровала Сашеньку. Более того, она ей сильно приглянулась. Литва несколько поблекла в сравнении. Хельсинки она непроизвольно сравнивала с родными пенатами. Не уступая в масштабах, родной город проигрывал столице финнов и в чистоте, и наличии малых форм дизайна, которые вносили изюминку во внешний облик улочек, уютных городских уголков и скверов. А поездки в малые города и вовсе Сашу очаровали. Дома финнов — аккуратные, привлекательные, живописно расположенные среди бережно охраняемой природы, радовали глаз, а наблюдения как неторопливые местные жители стригли газоны возле домов или обрезали ветви деревьев специальными удлиненными сучкорезами, вызывали уважение к их трудолюбию и стремлению к ухоженности места обитания. О посещении памятника Сибелиусу, гордости музыкальной Финляндии, Сашенька вспоминала на обратном пути, когда в поезде почти всю дорогу звучали его произведения — очень лиричные, с легкой грустинкой музыкальные поэмы.

Когда Саша прибыла домой, она тут же позвонила Ирине. Та нетерпеливо выспрашивала подробности.

— Буду телеграфно краткой, — сказала Сашенька, — Финляндия — страна золото! И все, буквально все, с кем я общалась, свободно говорили по-английски! Каково!

Они встретились в любимом кафе, и когда устроились за столом, Ирина сказала:

— Чокаться не будем! Бабушка умерла в начале августа.

— Прими мои соболезнования, — искренне сказала Саша.

Потом, помолчав вдвоем, они разговорились. Саша стала рассказывать о поездке. Ирина слушала её необычайно внимательно, иногда вставляя уместные реплики, затем попросила выйти, а на улице достала пачку сигарет. Сашенька изумилась «Ты что!!»

— Не удивляйся! Пока бабушка умирала, я такого насмотрелась, не приведи Господь. — Она глубоко затянулась. — Тяжело уходила из жизни, не передать!

Они вернулись в кафе и Ирина начала говорить

— Новостей — ворох! Во-первых, лабораторные мы делать на факультете оборонки. До него, между прочим, минут двадцать ходьбы. Далековато, конечно, но зато оснащение у них — дай Бог! Во-вторых, команда КВН нашего института заняла хорошее место и вошла в высшую лигу. А это событие с далеко идущими последствиями. Мне, честно сказать, думается, что тебе туда надо пробиваться. Там особо изображать никого не надо, вышла, пару фраз произнесла — и вся страна тебя узнала! Телевидение, то да сё. «Арлекин» не вариант. Посмотри — даже талантливые актеры зачастую невостребованы, а что уж говорить о любителях! А в КВН, глядишь, и в дикторы пробьешься!

Ирина говорила убежденно, похоже роль наставницы ей пришлось по душе, свыклась она с ней, сроднилась.

— Ну а в третьих, — она сделала паузу, и заговорила потише, — Денис мне предложение сделал! Родители его квартиру кооперативную купили, а дом оставляют ему. Денис сказал, что из дома он сделает конфетку. Ну в это-то я верю! Техникум он окончил, работает сейчас механиком милицейского гаража. В армию не возьмут точно. Так что все распланировано на годы вперед, все на годы известно.

— Тебе это не нравится?

— Я попросила его подождать до весны. Все-таки четвертый курс оканчивать будем...

Они вышли из кафе и Ирина опять закурила, затягиваясь глубоко, как будто курила давно. Вид у неё был смятенный.

«Странно, — подумала Сашенька, — все замуж стремятся, тем паче жених надежный, мастеровой и, главное, в Ирине души не чаёт! Что еще надо!»

Дома она глубоко задумалась. Личная жизнь, такая, какая ей хотелось, не складывалась. Съездив в Прибалтику и Финляндию, она поняла, что нравятся ей все-таки нерусские типажи, как говорил Борис Александрович. Откуда это взялось, с её-то русскими корнями до седьмого колена, она не знала. Иностранцы в их городе бывали, но отец категорически запретил ей с ними общаться. Это могло помешать ему в продвижении наверх. Так он ей объяснил свое требование и намекнул, что его продвижение Сашеньке только на пользу. В Литве и Суоми она не смогла высмотреть ничего выдающегося, заслуживающего её внимания. Ирина оказалась права — в других кругах, наверное, обитают желанные и привлекательные. В институте молодые доценты не оставляли попыток познакомиться с Сашей поближе, но ни один из них не вызвал у неё живого интереса. А в голове частенько всплывали слова отца: «Ищи равного себе — молодого, но уже поднявшегося, успешного, о внешности тоже не забывай. Мы тебя красивой создали, так уж ты сереньких не выбирай! Береги породу!» И еще её озадачила Ирина — что-то непонятное её угнетало.

В начале октября они впервые попали в здание оборонного факультета. И здесь, сняв куртки, они увидели возле гардероба молодого человека, явно постарше других студентов. Сашенька начала припоминать, где она его видела и быстро вспомнила, потому что тогда врезались в память два момента — его плохая недорогая одежда и его взгляд на неё. Было это на первом курсе, также возле гардероба. Собственно, Сашенька потому его и заметила, потому что в толпе всегда выделяются либо модники, либо одетые уж совсем неважно. И еще, к сожалению, инвалиды. А взгляд этого парня запомнился тем, что в нем явственно читалось: «Да, ты, конечно, хороша, а я не супермен, но пресмыкаться я не намерен!». Сейчас же перед её взглядом находился совершенно другой человек. Модное полупальто, кепочка-финка, в проеме пальто — темная водолазка, популярная в этом сезоне. И фигура, хоть и невысокая, но ладная, крепкая, смотрящаяся. Лицо его типичным русским назвать было нельзя — проглядывались то ли французские, то ли итальянские черты, но проглядывались неявно, тонко, и потому еще более импонирующие. Ирина и Сашенька переглянулись, гримасками изобразили приятное удивление, на минутку замолчали — молодого человека ординарным назвать было нельзя!

После занятий они неспешно пошли к остановке, и Ирина неожиданно спросила:

— Хочешь, я о нем справки наведу?

— О ком?

— Не притворяйся, Сашка, ты знаешь о ком!

— Как ты это сделаешь?

— Есть знакомые на их факультете, да и вообще, какая разница, как я это сделаю? Если я берусь, значит что-то могу! — Несколько раздраженный тон Ирины Сашеньку, мягко говоря, удивил.

Через неделю Ирина уже рассказывала о «субъекте внимания»:

— Учится после армии, на первом курсе смешил всю группу своим английским — часто повторял при устном разговоре «do she», «души» по-русски, за что его тут же прозвали «Отелло». Но сейчас английский знает досконально. Учится хорошо, упорно. Все время подрабатывает — родители у него на пенсии, и он им запретил ему помогать. В стройотряды не ездит, только на «шабашки» — там заработок больше. Говорят, что уже чуть ли не на кооператив заработал. Пробивается в профком института, будто бы там проще пробить кооператив. Не пьет, не гусарит, как многие. Вообще отзывы о нем неплохие. Есть ли подруга — не выяснила. Но одно могу сказать — из таких быстро вырастают лидеры, директора, главные инженеры... — Ирина последние фразы произнесла прямо-таки со смаком. Она закурила и посмотрела вдаль задумчиво, сосредоточенно.

— А ты, Саша, подумай все же о КВНе. Верное дело говорю!

«Странные речи, — подумала Сашенька, — уж не положила ли ты глаз на этого молодого мужчину! А если это так, то уж конечно не за один день — подозрительно быстро и детально досье собрала! А меня усиленно толкает в КВН, говорит, что там ребята очень интересные. Неужели конкуренции опасается, хочет меня в сторону отвести?! Дениса она не любит, теперь это ясно как божий день. Но сомневаюсь, что она добьется успеха у этого полуфранцуза. Судя по одежде, у него неплохой вкус. А я встряну, если что, и он вряд ли устоит, да не то что вряд ли, просто не устоит!»

Дома она весь вечер думала, размышляла, сопоставляла. «А все-таки попробую в КВН! — подумала Сашенька. — А этот парнишка все равно от меня никуда не уйдет. Он на меня все же посмотрел, повнимательнее, чем на первом курсе, и взгляд его был непрост. Ох, как непрост!».

Так думала она с присущей ей уверенностью, что человек сам делает свою судьбу. Разговоры о судьбе предначертанной Саша не воспринимала вообще, считая фаталистов либо лентяями, либо трусами, либо людьми со слабым характером. И с присущей ей решительностью выстроила в голове планы дальнейшего продвижения. Продвижения только вперед!

* * *

Клуб КВН располагался в отдельной большой комнате оборонного факультета, где в углу находились невысокие сценические подмостки, стояло пианино, за которым восседал молодой мужчина, высокий, породистый, с лицом напоминающим античную скульптуру. И что-то барское прослеживалось в повороте его головы, положении рук на клавишах фортепьяно, в ранних задатках вальяжности.

Когда Саша вошла, мужчина прекратил наигрывать и спросил: «Вы к кому?»

— Может быть, и к Вам!

— Михаил Марчук, — представился мужчина. — Помните, Марчук играет на гитаре, а море Братское поет! Ну, а если серьезно? Садитесь, пожалуйста!

Сашенька не стала называть фамилию — понятно было, какие люди здесь обитают, коротко рассказала о себе. Оделась она на сей раз демократично — джинсы, свитерок, недорогая куртка.

Михаил в раздумье сплел пальцы рук, немного наклонил голову.

— Если честно сказать, мы сами приглашаем в команду. Но Вам повезло — девушка нам требуется, потому что одна есть, а этого, по разным сценариям, мало. Я капитан команды. Через час ребята подойдут, и я Вас с ними познакомлю.

Через час ребята пришли, и среди них девчонка лет двадцати с ямочками на щеках и косичками, забавно торчащими в разные стороны. Как-то сразу поверилось, что она только для КВН и создана. Парни понравились Сашеньке сразу, а вот девушка, которую звали Алена, — не очень, потому что, когда Михаил представил ей новую претендентку, та не смогла скрыть малорадостного выражения лица. Очевидно, ей было комфортно существовать одной в окружении остроумных, интеллигентных и не простых внешне парней.

Занятия в клубе чем-то напоминали театр, но изобилие шуток, неожиданные находки неистощимых на выдумки ребят, бережное, несмотря на подначки, отношение друг к другу, и всеобщая веселая атмосфера, отличали клуб от «храма искусства», где всегда шла незримая борьба самолюбий, поединки амбиций, интриги. Сашеньке атмосфера эта понравилась. И лишь Алена, вроде помягчешшая, вызывала у Саши ощущение спортивного соперника, догоняющего, дышащего в затылок, соперника, лишённого ненужного ему сантимента.

Командой они съездили три раза в небольшие города области, где имели оглушительный успех и где Сашенька, не мудрствуя лукаво, произносила коронные фразы хорошо поставленным голосом. Алена при этом была ближе к клоунаде. Это получалось у неё неплохо, но за кулисами она все также недобро глядела на Сашу. Встречалась она, как Сашенька поняла, с одним из команды — Василием, которого все почему-то называли Василием Ивановичем. Может за усы, может за полное совпадение и имени и отчества с именем легендарного полководца — героя анекдотов, может, просто шуточки ради. Парень был высок, довольно симпатичен, и имел своеобразную манеру говорить — редко произносить слова. И это умело обыгрывали парни из команды, вставляя Василия в нужный момент и в нужное место.

Новую программу начали разрабатывать после Нового года, чтобы весной сразиться с командами других городов. Сашенька активно участвовала в обсуждениях — чувство юмора у неё имелось в достатке. После одного из таких дебатов она заметила, как Василий Иванович посмотрел на неё не так, как раньше — умом Сашенька все-таки была не обделена. Сашенька присмотрелась к нему. При всей его будто бы простоватости он был отнюдь не так прост. Впрочем в клубе тускловатых личностей быть и не могло. Не прижились бы они здесь никогда — ни одного дня и ни одного часа.

Спустя неделю споры закончились и началась шлифовка фраз, сценических действий и порядка выхода «персонажей». По окончании занятия, когда Сашенька неспешно двигалась к раздевалке, её начали обгонять Алена и Василий. Пропустив Алену, необычно веселую на сей раз, Сашенька взглянула на Василия, взглянула мельком, но уловила, что его ответный взгляд отдает теплом. Пара прошла к выходу, Алена что-то весело говорила Василию на ходу, поминутно смеялась, даже не подозревая, что её карьера в клубе уже обречена!

г. Миасс

Виктор Калугин

Анна

Анна проснулась, и, открыв глаза, стала осматривать комнату. Бирюзовый рассвет только-только потревожил два квадрата неба в оконном проёме. С того места, откуда она вела свои наблюдения, хорошо просматривалась левая сторона комнаты. Ещё не старый плательный шкаф стоял около её кровати и всеми дверками отражал противоположную часть комнаты с диваном, на котором коротал ночь её сын Николай. За шкафом прятался небольшой холодильник, когда то гордость хозяйки, а чуть поодаль на неё смотрела старинная тумбочка с коваными ручками и телевизором «Весна». Но хозяином комнаты себя считал большой круглый стол, занимающий всё пространство от окна до дивана. На середине стола, в стеклянной кефирной бутылке, стояли степные колокольчики и розовая душистая кашка. Анна улыбнулась. Голова была ясна, мысли стройны, как солдаты на параде. Впервые за два с половиной года она почувствовала лёгкость в своём старом, переломанном жизнью теле. Хотелось спрыгнуть с ненавистной кровати и бежать, нет — лететь над духмяным, зеленым, из её детства лугом и заглядывать в глаза ликующим от солнца озёрам и петь! Как тогда, в далёком, смутном девятнадцатом году на Голиковой заимке...

...Нюрка проснулась засветло, и легко спрыгнув с полатей, юркнула в сенцы и выскочила на мокрое от росы крыльцо. Рассвет золотился над макушками сосен, луна бледным пятном сползала к противоположному горизонту, пытаясь скрыться от заполняющего восток солнца. В ночной рубашке, лёгкая, словно пёрышко, она скользнула с крыльца и побежала босыми ногами по росной траве, смеясь и повизгивая от охватившего восторга, растревожив птиц и дремлющее утро. Закружившись, Нюрка упала в тугую, готовую к покосу траву и стала кататься, впитывая в себя всю прелесть и силу июльского дуга.

— Божечка, спасибо тебе, что ты надоумил маменьку отправить меня на дальнюю заимку. Я туточки все ягодки соберу да пересушу. То-то радости будет: на святки тятенька воротится с войны, а у нас всё ладом. И сено прибрано и пироги с духмяными ягодками на печи. Соберётся родня. Придёт крёстный, Димитрий Лексеич, первый казак с чёрными, кверху закрученными усами и обязательно одарит её, Нюрку, стеклянными бусиками или колечком. То-то радости будет!

Воспоминания прервала назойливая муха, пытаясь в который раз утнеститься в глубокую межбровную складку. Анна привычным движением, единственно послушной руки отогнала надоеду и погрузилась в прошлое.

...Солнце давно перевалило за середину неба, и оттого косые красные лучи обжигали васильковые Нюркины глаза. Она минутой ранее уловила еле различимый топот, и теперь зорко вглядывалась в горизонт. Вот уже неделю живёт она на заимке. Заимка небольшая: изба-пятистенок, сеник да колодец — вот и всё подворье. Питаясь подножным кормом да хлебушком, что маманя испекла, Нюрка набрала уже дюжину корзин ягод и грибков. Ягодки-то порассыпала на подоловке, а грибочки-то в избе развешала, точно гирлянды новогодние...

Между тем, топот усилился, из-за бугра поползла пыль, а за ней прыгающие головы в фуражках и шеломах со звёздами. Головы поднимались выше, и люди, как бы вырастали из облака пыли. Потом возникли кони, и уже явственно стал слышен дробный стук копыт и металлическое позвякивание конской сбруи и оружия. Это был небольшой отряд красноармейцев в пять сабель. Вдруг один из всадников, коренастый, с лихо закрученными усами отделился от отряда и поскакал прямо к Нюрке. Нюрка не испугалась, она выросла в казачьей семье, и вооружённый всадник её не встревожил, а лишь вызвал любопытство. Подскочив, казак перетнулся в седле, и ловко подхватив девчонку, усадил на коня. Только тогда Нюрка узнала смеющиеся глаза Дмитрия Алексеевича.

— А я тебя не сразу и признал, Аннушка. Думаю, кто это там, на кумовой заимке хозяйничает? А это ты, вот стрекоза! Сколь годков-то тебе нынче?

— Двенадцатый пошёл, — краснея, пролепетала Нюрка.

— Ну, совсем невеста стала, — пробасил Дмитрий Алексеевич, и достал из потаённых глубин форменных брюк бирюзовые бусики, ну в точь, о каких мечтала Нюрка. Она быстрым, едва заметным движением чмокнула дядьку в колючую щёку, и, спрыгнув с коня, закружилась с бусиками в распростёртых руках под дружный хохот подоспевших всадников...

Муха никак не хотела покидать глубокую впадину на лбу Анны, и, потирая лапки, устремилась к только что образовавшейся росинке пота. Горячая волна прокатилась по телу Анны. Она стала слышать голоса...

— Михайло, не рубай за раз, то ж я Димит... — но разящий клинок уже летел, вспарывая предутренний сумрак, и вонзился в горло Дмитрию Алексеичу, оборвав его последний крик. Всё стихло, только Дмитрий Алексеич еще какое-то время издавал хрипы. Потом и он затих, устремив вопросительный взор куда-то вверх, откуда пришла беда...

Когда началась заваруха, Нюрка первая чутким ухом уловила посторонние звуки на дворе и, скатившись с полатей, юркнула под пристенную широкую лавку, потому что в сенцах уже был слышен громкий топот подкованных сапог.

И теперь, ещё не осознав произошедшего, онемевшая от страха, она робко выглядывала из-под лавки, прикрываясь подолом ночной рубашки.

Над телом лежащего на кровати Дмитрия Алексеича склонилась крупная с детства знакомая фигура отца. Он стоял на коленях, уронив голову на ещё тёплую грудь кума, и только плечи под взмокшей гимнастёркой ходили ходуном. Отец плакал. Нюрка неслышно подошла и, опустившись рядом с тятенькой, обняла его за шею, прижалась всем телом и зарыдала в голос:

— Тя-тя... Тя-тя-а... Тятенька-а...

— Тятя, тятенька, — закричала Анна.

— Мама, что с тобой, тебе плохо? — встревожился проснувшийся сын.

— Нет, Коленька, мне сегодня хорошо, старое приблазилось. Ты поспи, чать рано ишо. Воспалённое сознание, только ему известным путём, быстро вернуло Анну на заимку.

...Отец, было, отрядил Нюрку «спроводить» тело кума в село, как снова началась суматоха.

— Красные, красные! — донеслись крики с подворья.

— Схоронись, дочка, в колодце, уступ там, у воды, — на ходу бросил Михайло Александрович и скрылся за дверью.

Когда стихли крики и сабельный звон, Нюрка, прихватив с собой самое ценное, как ей казалось: бусики и всё съестное, что осталось от угощения вчерашних весёлых сотоварищей Дмитрия Алексеича, опустилась в колодец.

Сначала её забавляло прятаться от неизвестных врагов. Ведь врагом мог оказаться кто угодно. Но в её крошечное сознание стал доходить страшный смысл слов, сказанных отцом: «Будь она проклята эта гражданская война».

Выходит, эдак-то завтра брат брату врагом станет. Такого открытия детское сознание не могло выдержать, и Нюрка спрятавшись за шторы сна, отключилась от настоящего. Во сне она увидела залитый солнцем двор, смеющегося Дмитрия Алексеича, подбрасывающего её, Нюрку под самое небо. На крыльцо вышел тятя и шутливо закричал:

— Воды бы дали коням, скаженные!..

— Воды бы дали коням, скаженные, — прокричал чужой голос наверху, и старое ведро поплыло наверх мимо притихшей девочки, роняя ценную влагу через прохудившееся дно. Ведро пролетало мимо Нюрки много раз, больно ударялось о толщу воды, обрызгивая край её схрона, и наполняясь, натужно поднималось наверх, где давно уже был день и светило тёплое солнышко. По телу Нюрки побежали мурашки. Только теперь почувствовала она, как продрогла. Подвернув ноги калачиком, она достала из узелка сваренную в «мундире» картошку, лук, сало и стала, быстро-быстро есть, чтобы согреться. Сверху донеслись глухие хлопки.

— Стреляют окаянные, — проглотила последний кусочек Нюрка, и, выглянув из убежища, посмотрела в створ колодца. День явно перевалил за середину, догадалась Нюрка, потому, что тень от ворота падала аккуратно в другую сторону, не как поутру. И тут её охватил страх, нет, ужас пронзил всё её маленькое тельце.

Но не от того, что стреляли, а что стрельба давно затихла, а ведро с цепочкой осталось наверху. Ведь никто в мире не знает, что она, Нюрка в колодце на Голиковой заимке. Никто, кроме тятеньки. И тот, коли, жив, вона как палили давеча. Нюрке стало жалко себя, и она тоненько завывала, запричитав:

— Божичка милостивый, матушка небесная, спаси и сохрани тятеньку мово. Спаси-сохрани, спаси-сохрани... Спаси...

Сознание вновь спасительно оставило Нюрку. Она провалилась в забытье...

...Нюрка сидела на белом облаке, свесив ноги и не падала. Впрочем, ног она не видела за толщей густого облака. Рядом плыли такие же облака, а вокруг только голубое небо. Ей

было легко и спокойно. Она вдруг поняла, что может легко, если захочет, перелететь на другое облако, но не стала. И здесь было уютно и неповторимо. К ней стремительно приближались три фигуры в длинных белых одеждах. Двоих по краям она сразу узнала, это были ангелы. У них за спинами были видны крылья, но они ими совсем не размахивали, но приближались быстрее птиц. Ещё мгновение и они остановились перед Нюркой, излучая золотистый свет. Тот, что был посредине, взглянул на неё своими чистыми зелёными глазами и заговорил, не открывая рта. Впрочем, голоса Нюрка не слышала, но всё понимала.

— Я помогу тебе, Анна. Забирать тебя рано, ты нужна там. Отца твоего я спасу, но грех его смертный искупать будешь ты всей своею жизнью. Аминь.

Видение пропало, и Нюрка подумала, что надобно возвращаться. А то, как воротится тятенька за ней, а её нет. Ей-то хорошо здесь, на облаке, свесив ножки сидеть, а тятя будет кликать её: «Нюра, Нюра!», подумает последнее — шибко расстроится...

— Нюра, Нюра, — доносилось сверху.

— Здеся я, тятенька, — наконец отозвалась она.

Через минуту Нюрка была наверху в крепких руках отца. Вечер уже заполнил всё пространство. Жёлто-красавый диск убывающей луны завис над крышей.

— Слава Богу, цела, — шептал отец, крепко прижимая к себе дочку. А я ведь нынче чуть не сгиб. Дважды мы принимались выбить красных с заимки, да уж шибко укрепились они. Насилу выманили их в засаду. Зарубились мы с детиной, он и вышиб сабельку-то у меня. Собрался было рубать меня, как вдруг отпрянул и понёсся прочь. Не иначе, Господь отвёл...

— Господь, тятенька, Господь, — прошептала притихшая Нюрка и перекрестилась.

На рассвете, отец запряг чудом уцелевшего коня кума, уложил тело Дмитрия Алексеевича на солому, прикрыв свежескошенной травой, и собрав нехитрый скарб, отправился с Нюркой домой, в Чесму. Всю дорогу он разговаривал с мёртвым кумом: просил прощения, оправдывался, ругал все власти, себя, а пуще всего — войну.

— На што она нужна, энта война, ежели я свово друга разлюбезного через неё порешил?! Не пойду боле воевать, пушай убьют, а не пойду, баста!

г. Магнитогорск

(Продолжение следует)

Антонина Полякова

До корней волос я крестьянка

Рассказ танкиста

(быль)

Последние часы войны.
Дело было в Златой Праге.
Мы уральские сыны,
Нам не занимать отваги.

Враг в агонии предсмертной
Еще дрался за углом.
Одному из нас посмертно
Орден выдадут — потом.

А пока мы все четыре
И приказ у нас такой:
В бронетанковой машине —
Марш на Прагу строевой.

Мы не спали третьи сутки —
Все смешалось впереди:
Рев моторов, взрывы. Шутки —
А война уж позади!

Вот и Прага, дым пожарищ
В предрассветной мгле видны.
Веселее, друг-товарищ,
Знать, пришел конец войне!

И гроза — «тридцатьчетвертки»
Двинулись в последний бой,
А «пантеры» из задворков
Выползают к мостовой.

Ликовала Злата Прага
В тот победный новый день —
Слились мужество, отвага,
А кругом — весна, сирень!..

Впереди большая площадь —
Пули по броне — тук, тук.
Знамя ветерок полощет —
Люди нас встречать бегут.

Лихорадочно смотрю я
Через смотровой прибор,
Вижу, девочка босая:
И на нас направлен взор.

Солнце выше поднималось
В долгожданный этот день.
Она к танку приближалась,
А в руках ее — сирень!

Очередь из пулемета
Перерезала ей путь.
Но ни пуля, ни пехота
Не могли ее вернуть!

Танк рванулся ей навстречу —
Поспешил ее укрыть.
Люк открылся — вой картечи —
Командир? Не может быть?!

Вот и кончилась война —
Долгожданная Победа!
Ликовала вся страна —
Сыновья, отцы приедут!

Но один из них остался...
Будет в Праге он стоять, —
Бронзовый костюм достался,
Руки — девочку держать!

Жизни колесо

Аппетит у птенчиков — отличный.
Невдомек им, что сдает уж мать...
Что отец-скворец подрезал крылья
И не может долго он летать.

Оперятся, улетят, забудут
Мать скворчиху и отца-скворца,
А они их долго помнить будут:
До последнего, до самого конца.

Жизни колесо идет по кругу:
Повзрослели юные скворцы.
Каждый подыскал себе подругу,
Снова кормят деток их отцы.

Птицей время быстро пролетает:
Постарели юные скворцы.
Вот ведь штука вышла-то, какая:
Тоже позабыли их птенцы!

Боль, обида душу их терзает,
Тут бы им напомнить было впрок:
Повторили дети, — кто их знает! —
Может ими прожитый урок.

Не в укор, а лишь в предупрежденье
Повела такой я разговор.
Пусть такое в жизни наважденье
Не затронет твой и мой забор!

* * *

До корней волос я крестьянка —
Неустроенный сельский быт.
Никогда не была хулиганкой,
Но задор в моем сердце горит.

Так и хочется горы сдвинуть,
Превозмочь невозможную суть:
Мне б крестьянскую шкуру скинуть,
Малой звездочкой в небо пульнуть.

Засветиться б мне яркой звездой,
Осветить голубой небосвод,
И виток над родною землею
Совершить в наступающий год.

Чтобы люди с восторгом смотрели,
Удивлялись, откуда взялась,
А попутные ветры им пели:
Что крестьянкою я родилась.

Прикипела к любимой сторонке,
К ее пашням в сиреневой мгле,
И, как прежде, босая девчонка,
Я счастливой живу на Земле!

Кукушка и Воробей

(басня)

Однажды воробей сказал
Кукушке:
«Ты не кукуй — чирикаю
здесь я.
Тебе лишь петь в лесу,
там у глухой опушки,
где нету человеческого
жилья.

Здесь я пою под окнами —
все слышат
Меня — и мой послушный
хор —
И гордо голову поднял
он выше —
Такой подслушала я
птичий разговор.

Кукушечка, кукушка!
Песнь твоя грустна,
И все же людям
нравится она,
А воробьи чирикают
весь год,
Но плохо слышит их
народ!

п. Урлядинский Верхнеуральский район

Марина Лукашенко

Любить Урал

Пустыня Каракумы, которую называют «страной чёрного песка», занимает 80 процентов туркменских земель. Пески тянутся, как бесконечные песни, которые льются с неба.

В солнечный день 17 сентября 1926 года в крестьянской семье появился сын. Его нарекли Иваном, а через шесть лет семья Шутовых перебралась в Кизыл-Арват. Там Иван пошел учиться в школу. Однажды он сидел дома и вдруг почувствовал, что меняется все вокруг. Как будто кто-то взмахнул волшебной палочкой!

По радио пела скрипка. Её голос уносил мальчика в мир, в котором ему хотелось жить постоянно. Но вдруг дрогнул и стал ослабевать голос. Что-то большое и сильное сдавливало его. Словно скрипка с кем-то боролась и не уступала. Стало совсем трудно маленькой скрипке. В отчаянном мужестве, растратив силы, струны заплакали по-детски беспомощно. Как же тогда захотелось мальчику помочь бедной скрипке! Какой-то прилив сил вдруг всколыхнул его. В детском сердце вспыхнула удивительная уверенность. Мальчик смело подошёл к двери и открыл её. Доброе солнце щурилось в небе.

Первое знакомство со скрипкой запало в душу, и Иван в 1938 году поступил в Ашхабадское музыкальное училище на скрипичное отделение. В 1942 году он написал первую песню и получил одобрение педагога. Он боялся услышать убивающие мечту слова: «Что ж, похвально, но...» Но ведь главное — самому признать, что ты совершил задуманное! Правда, талантливые люди недолго радуются достигнутому, они не знают слова «предел».

Наслаждение сделанным — сказочно, как свободный полёт над миром. Прекрасно, но кратковременно. А потом — долгие муки желания наслаждаться еще чем-то более чудесным. Они тяжелы, но чем тяжелее, тем выше новый взлёт и новое проникновение в мир прекрасного...

Советскую землю солдатскими сапогами уже топтала Великая Отечественная война. В 1944 году Ивана Шутова призвали в армию. Война вскоре закончилась, оставив в юной душе глубокие шрамы воспоминаний.

Демобилизовавшись, Иван Исидорович Шутов стал жить и работать в Карталах. Он был, пожалуй, единственным музыкантом в городе и районе. С аккордеоном приходил в детские сады и школы, руководил хором Клуба железнодорожников и Полтавским народным хором.

В 1954 году в Москве, на семинаре самодеятельных композиторов, были исполнены его песни «На полевом стане», «Лирические припевки» и «Что ты ходишь стороною». В 1956 году Иван Шутов окончил Магнитогорское музыкальное училище по классу теории музыки и дирижерско-хоровому.

К тому времени он освоил игру на многих музыкальных инструментах, и молодежь бегала в ДК на танцы, чтобы послушать иронические наигрыши и лирические напевы в его исполнении. Он любил Урал, любил музыку и умело воплощал эту любовь в своих произведениях.

Себя он считал композитором-любителем. Эх, скромность, скромность! Она всегда соседствует с талантом. Хороша она, как человеческое качество, но трудно с нею добывать себе место под солнцем.

Однако И. Шутова заметили и рекомендовали посетить занятия в секции при областном Доме творчества.

Худощавый и невысокий, он был почти незаметен в толпе, но процесс превращения начинался во время выступлений, а после концерта зрители не спешили расходиться, и вновь звучали песни в зале под аккордеон Wellmistier.

Триста песен написаны Иваном Исидоровичем, выпущены пластинки фирмой «Мелодия». В них собраны любовь, боль, история его жизни.

Они проникновенны и глубоко патриотичны. Не зря на сцене Большого зала Московской государственной консерватории имени Чайковского в 1984 году заключительный концерт Всероссийского смотра профессиональных хоров открывался песней «Степь широкая», а завершался песней «Люблю Урал».

В 1988 году не стало И. Шутова. Огромная всенародная любовь не смогла удержать на земле удивительного композитора и учителя.

С 1960 года и до последних дней жизни И.Шутов работал в Челябинском Доме офицеров. Дело его жизни продолжает дочь — Лира, профессор музыки.

В связи с 80-летием И. Шутова в Карталинском краеведческом музее была открыта выставка, посвященная творчеству нашего земляка, педагога и композитора. Как завершение экспозиции и как жизнеутверждающий дивертисмент в ЦД «Россия» состоялась встреча-память «Поющее сердце Урала», в которой приняли участие 15 творческих коллективов.

Жители города и района услышали песни, которым рукоплещет вся Россия. И, как много лет назад, сводный хор исполнил ставшую гимном песню «Люблю Урал».

Разбуженное сердце

Солнце прикоснулось к вершинам деревьев лучами и, не спеша, отправилось на покой. Тишина разлилась по дорогам и тротуарам.

С наслаждением, выдохнув остатки дневных забот, я наблюдала, как день спешит к своему логическому завершению.

Тополя застыли в холодном величии, ни один листочек не дрогнет.

Ни кошек, ни собак... Лишь вечерняя прохлада и воздух, который можно пить и дышать не напиться!

С балкона видны металлические крыши гаражей, картонные коробки на мусорной свалке...

Распахнулась дверь соседнего дома, и во дворе появился человек.

В руках у него была Скрипка. Не замечая, что на улице он совсем один, человек прикоснулся смычком к струнам, и в небо полетела Мелодия!

Она рассказывала о невзгодах и счастье, о далекой стране, в которой я никогда не бывала.

Она пела о первой любви и о друзьях, которые никогда не предадут. Человек играл так, как будто в огромном зале его слушали очень близкие и дорогие сердцу люди. Это был Музыкант.

Вскоре я его встретила в пригородной электричке. Он сосредоточенно перебирал листы бумаги в картонной папке и поправлял седые пряди у виска, размышляя над строчками рукописей. Откликнувшись на разговор попутчика, он начал читать. Его стихи пришли ко мне не на мягких кошачьих лапах. Они разбредили сердце, расцарапали. Это был Поэт.

Многие в юности пишут стихи, прячут их от постороннего критического взгляда. Я ничем не отличалась от своих сверстников. Поэтому свой блокнот с первыми поэтическими пробами никому не показывала.

Вместе с дочерью мы написали детскую песенку «Карталинка», и однажды она исполнила её.

После выступления Иришка получила подарок. Издалека я наблюдала, как к ней подошел Поэт и Музыкант. Он пожал руку, и пожелал ей творческих успехов и ещё чего-то, но я не расслышала. Зазвучала музыка и на сцену поднялась Наташа Самолетова, ученица Эвальда Карловича Роба — Педагога...

Много стихов и песен написал он с любовью к карталинской земле и посвятил их простым людям.

Имя этого человека мы бережно храним в своих сердцах.

Тётя Аня с двойным сиропом

Сегодня каждый ребёнок знает, что такое пепси-кола. Это газированная вода в бутылках, которую можно купить в любом магазине. А несколько лет назад газировку продавали на улице в специальных торговых палатках, оборудованных сатураторами. Эти аппараты предназначались для насыщения воды углекислым газом и состояли из газовых баллонов, соединённых с водопроводом.

В жаркие летние дни, чтобы утолить жажду, народ стоял в длинной очереди у киоска. стакан воды стоил три копейки, а кружка — восемь.

В киоске торговала тётя Аня. Весь город знал её по имени.

Она неспешно брала стеклянный стакан, ополаскивала его холодной водой из фонтанчика. Правой рукой поворачивала стальной рычажок и выключала фонтанчик. Отряхнув

остатки воды в поддон, она подставляла стакан под прозрачный сосуд с делениями, чтобы отмерить количество сиропа.

Дети неотрывно смотрели, как густой клубничный сироп медленно вытекает из маленького краника в стакан. Хотелось, чтобы тётя Аня налила сиропа больше, чем положено по норме. Но она никогда не ошибалась! Газированная вода шипела, пенилась и пузырьками взрывалась во рту, вызывая восторг малышей.

Утолив жажду, они поднимались на цыпочки, чтобы вернуть стакан, говорили: «Спасибо!» Затем дети бежали по своим делам, а тётя Аня продолжала свою работу.

Оля и Юля учились в первом классе и были очень самостоятельными девочками.

Однажды, прогуливаясь во дворе, они нашли в песочнице десятикопеечную монету. Хозяин этой маленькой денежки так и не нашёлся, и девочки решили потратить её.

Они долго рассматривали поздравительные открытки в киоске. Но так как именин у друзей не предвиделось, они отправились к киоску с газировкой.

Очередь медленно продвигалась. Девочки оказались у маленького окошка, через которое тётя Аня подавала стаканы с водой.

— Нам два стакана воды на все! — сказала Юля и протянула монетку.

Тётя Аня налила сироп в стаканы и добавила газированную воду из сатуратора.

— Два стакана с двойным сиропом! — объявила тётя Аня и подала сестрёнкам газировку. Какая она была сладкая!

Оля и Юля во весь дух побежали домой, и попросили у мамы денег на газировку.

Они снова отстояли очередь и, подав деньги в окошечко, попросили:

— Два стакана с тройным сиропом, пожалуйста!

Но тётя Аня строго сказала, что с тройным сиропом газировки не бывает, и налила им два стакана обычной газированной воды.

г. Карталы

Виктор Фатеев

Нить бытия, или Вокруг себя любмиого

Глава XII

Осенью Людмила пошла в школу. Сашу определили в детский садик. Малыш был на редкость спокойным, очень редко плакал — лишь когда стукнется или напустит под себя — не любил мокроту. Нина часто находилась в разъездах, так как работала товароведом на хозяйственной группе.

В силу того, что я работал сутки через двое, то большей частью воевать с ребятами приходилось мне. В 1969 году взяли под сад участок земли, купили мотоцикл «ИЖ-ЮПИТЕР» с коляской, и закипела работа.

Изредка принимал заказы на оформительскую работу — в основном, зимой (плакаты, лозунги). Это было неплохим подспорьем в пополнении семейного бюджета. На протяжении шести лет наша 23-я часть занимала первенство среди подразделений пожарной охраны Магнитогорска по оформлению Ленинской комнаты и служебных помещений, за что частенько, обычно к праздникам, премировали 10—15 рублями. С 1969 по 1971 гг. учился в школе рабочей молодёжи. Словом, скучать и «закладывать за воротник» было некогда. Службу в пожарной части нес исправно на протяжении девяти лет, но с приходом к руководству части бывшего зама возникли трения, компромисса достичь не удалось, и службу пришлось оставить.

В качестве бойца приняли художника-оформителя Кейлер Александра Фёдоровича, оклад 91 рубль, плюс все льготы, но он ещё выговорил себе разрешение работать по совместительству в другой организации. В результате он приходил в часть к восьми утра, до 12, иногда до 13 часов поболтается и уходит на шашку, там тоже зашибает не меньше 100 рублей. А шеф по старой привычке насаждает на меня, чему я категорически был против, за это и впал в немилость. Начались бесконечные разборки на «ковре», на совещаниях сержантского состава. В конце концов, мое терпение лопнуло, я подал докладную на увольнение и распростился с родной пожарной.

С полгода поработал в Агаповской жилищной конторе и ушёл заместителем председателя исполкома Агаповского поселкового Совета. К тому времени я уже второй созыв избирался в депутаты и не штатным замом, а поскольку штатная должность пустовала, меня и пригласили занять её. Приглашение принял, прошёл через «номенклатурное сито» и приступил к исполнению своих обязанностей. Пока работал под крышей шефа Ивана Яковлевича Бондяева, было как-то незаметно той ответственности, сложности, а порой и бесполезности нашей деятельности. Я ни в коей мере не ставлю цели очернять ушедшую в историю советскую систему. В ней было очень много положительного. Но и негатива хватало. Ведь не секрет — все директивы спускались «сверху» и дублировались до самого «низу». Зачастую абы поставить «галочку», что мероприятие проведено. Проработано такое-то постановление партии и правительства, принято решение одобрить-с и т. д. Спрашивается, кому нужно наше «решение одобрить-с», если уже там, наверху, оно принято??

Почувствовал это всем нутром, когда через три месяца шефа забрали инструктором в райком партии, а я остался и. о. председателя. И пришлось мне в самый разгар предвыборной кампании и страшной засухи 1975 года мотать «мокроту на кулак» одному, пока назначили нового председателя. А через два-три месяца и его — под зад. Оказался замешан в криминальном деле.

В этой связи нужно отдать должное истинному энтузиасту своего дела, на протяжении более двух десятков лет бессменному секретарю Исполкома Агаповского поселкового Совета — Елене Алексеевне Недоносковой. Она всю свою жизнь посвятила бескорыстному служению людям — это было её призванием. На её огромный опыт и была вся надежда.

Засуха 1975 года захватила весь Южный Урал и ряд других регионов. Знаменитая река Урал пересыхала почти полностью, приходилось экскаваторами прокладывать по руслу арыки, чтобы вывести воду из глубоких впадин к поливным насосам оросительных систем. Списанию подлежали практически все посевные площади. Глобальное сокращение поголовья в общественном животноводстве, в виду отсутствия кормовой базы, грозило большими неприятностями в сельском хозяйстве. Поднялся ажиотаж с составлением списков на получение картофеля населением и комбикормов для частного подворья. Бесконечные обиды тех, кого не включили в списки. И во всех бедах крайними оказывались Исполнительный комитет и аппарат из пяти человек. Так получалось, что Исполком виновен даже в том, что где-то на отделении совхоза вовремя не провели закрытие влаги — поэтому де поле пришлось списать. А сколько тратилось впустую нервов и времени в период предвыборной гонки. Сначала подготовка и утверждение списков членов избирательных комиссий: столько-то рабочих, членов КПСС, комсомольцев, женщин, мужчин, служащих, инженерно-технических работников. Потом протоколы, их утверждения. Такая же картина на составлении списков депутатов по 75 округам.

Вся работа местных Советов построена на общественных началах: депутатские группы, уличные комитеты, женсоветы, народные дружины и т. д. Но вся несовершенство такой системы заключается в том, что мы абсолютно не похожи друг на друга не только внешне, но и по характеру. Вот и получается, если из всего общественного актива наберётся половина добросовестных членов, это уже отлично. Остальные — абы как, и им ведь не прикажешь.

Посмотрел я на всё это и пришёл к выводу: сия стезя не для меня и надо из неё выпарапываться. Во-первых, я по натуре исполнитель, трудоголик, а повелевать, указывать перстом не умею, и администратора из меня не получится. Заикнулся, об этом, да не тут-то было. Цепочка на шею накинута: член КПСС — трудись там, куда партия пошлёт. А вступил я в неё тоже «добровольно по принуждению», и это не единственный случай, поэтому и пишу это откровение.

Занимаемая мною новая должность обязывала присутствовать на конференциях, закрытых аппаратных совещаниях, а беспартийному туда путь закрыт. Дабы не обострять отношения и не накликать беды на себя и детей, мы на семейном совете решили подыскать работу и жильё в Красноармейском районе. Получил добро, рассчитался, выписался, снялся с партучета.

В Красноармейском районе обратился сразу же в райком партии. Мои документы посмотрели, в том числе и сопроводительную рекомендацию, предложили ряд вакансий, но предупредили, что с жильём туговато, и вопрос жилищный будет решён не ранее, чем через два-три года. Отдельного жилья найти не удалось. Имелись варианты с подселением, но вновь скитаться по чужим углам, опостылевшим с детства, уже не хотелось, предложенные варианты работы хоть и устраивали, но без жилья какая жизнь и работа?

Времени было в избытке, чтобы расслабиться после нервного напряжения предыдущей работы. Поехал я, погостил у тещеньки с тестюшкой, на обратном пути сделал отметку об убытии в Красноармейском райкоме. Погостил у мамы Дуси в Челябинске и вернулся в Агаповку, ставшую теперь уже родной. Вновь встал на учёт, прописался. Работать устроился временно в Агаповское ЖКО, так как освобождалась вакансия подручного аппаратчика на участке производства карбида кальция Известняково-доломитового производства Магнитогорского металлургического комбината. В июне 1977 года перешёл работать на «карбидку».

Место это на примете было давно, но всё получалось вокруг него. Здесь в своё время работал отличный мастер жёстяного дела Исупов Леонид Кузьмич, и меня от ЖКО в 1963 году посылали к нему обучаться жёстяному делу. Мне довелось две недели подменять заболевшего подручного аппаратчика. Предоставлялась возможность остаться там, но начальник ЖКО Ипатов Василий Порфирьевич воспротивился и меня не отпустил, а я постеснялся поперечить, о чём впоследствии очень сожалел. Больше такой возможности не было до настоящего времени. Работа на участке трудоёмкая и вредная, но привлекало то, что посменная, хорошо оплачиваемая. Смена 6 часов, поэтому оставалось много свободного времени. И, пожалуй, самым привлекательным был стаж — 10 лет по первой категории, в 50 лет на пенсию. Поэтому желающих попасть сюда было больше чем достаточно.

Основанная в 1942 году без учёта применения какой-либо механизации (тогда шла война, и было не до этого) карбидная мастерская для ММК на современном уровне технической оснащённости равносильна бельму в глазу, но закрыть её не могли, так как спрос на продукцию был достаточно велик.

Орудия труда составляли кувалда, лом и совковая лопата. Из механизмов: мостовой кран, электролебёдка и кран-укосина. А основными орудиями оставались руки, ноги и «пупок» (так в народе именуют брюшной пресс). Самым трудоемким процессом считалась загрузка прямого парка, то есть, погрузка карбида кальция, упакованного в жёстяные барабаны от 130 до 145 килограммов веса в вагон. Бригада в три человека обязана — выплавить норму продукции, три, остывшие плавки — сменную норму в полторы тонны раздолбать и упаковать в барабаны и, если поставили вагон в начале смены, загрузить минимум половину вагона. Это 150 барабанов — и все это за шесть часов. Естественно, после такой смены одно желание: помыться и добраться до койки, всё остальное уже не существует. Особенно трудно поначалу, когда нет сноровки. Вот здесь основной инструмент — «пупок» — и помогает. Со временем приходит навык, работают только руки и ноги, чтобы было ясно, приведу простой пример.

Мне нужно укатить в вагон барабан-бочку весом 140 килограмм. Я вижу, что напарник катит свой барабан на ребре, слегка поддерживая его руками — вроде барабан катится сам. Ставлю и я на ребро — одно-два движения, и мой барабан на боку, приходится его поднимать. Два-три вращения и мой барабан вновь на боку, и так несколько раз. А напарник уже второй барабан покатила. Делаешь ещё попытку — и опять неудача. Потом уже катишь барабан катком, почти по-пластунски, а это в два раза тяжелее, чем на ребре. К концу смены хоть самого кати, как барабан...

Сам же карбид получается из извести и кокса под воздействием вольтовой электрической дуги, проходящей между двумя электродами. Создается температура в 1800—2000 градусов. Начинается реакция плавления, которая длится два часа.

Процесс производства карбида кальция несколько сравним с выплавкой металла, естественно, масштабы в десятки раз меньше. А выпуск в изложницы жидкого карбида — зрелище неопишуемой красоты — сравнимо с выпуском стали, поэтому не случайно нас в шутку называли «микро-сталевары».

Мне доставляло огромное удовольствие наблюдать за Серебряковым Александром Владимировичем во время этого процесса. Фигура у него внушительная, и выглядел он этакой глыбой возле раскаленной изложницы. Суконная роба полностью распахнута. Рубаха растегнута почти до пояса. На голове защитная каска, к козырьку прикреплены синие очки, а поверх них щиток из оргстекла. Руки заключены в вачиги (суконные, покрытые кожей рукавицы). Все это освещено бело-оранжевым светом. Каждое его движение — сплав силы и красоты. Прошло уже более тридцати лет, а как будто сейчас вижу все это.

Последнее время я работал старшим аппаратчиком на подмене, то есть всё складывалось, как нельзя лучше, и тут случилось то, чего я уж никак не ожидал — вдруг пропал слух. Это крах всем моим мечтам, планам на будущее в 40 лет. Но самыми главными были

вопросы: как жить дальше? Кому я нужен глухой? Где искать средства для дальнейшего существования? Как общаться с людьми???

Вопросы, вопросы, вопросы и — ни одного ответа. Прошёл курс лечения, но слух не возвратился, а зрение «съехало» с 1 до 0,9 диоптрий. Выписали слуховой аппарат в очках. А дальше что? Бездна! Постоянный шум в ушах и головные боли. С карбидки сразу же списали на третью группу инвалидности, предложили два варианта: художник-оформитель или зав. складом. Выбор пал на второй вариант, от первого отказался, побоялся, что засосет тоска над буквами, не выдержу одиночества, от тяжких мыслей «крыша» поедет. И с 13 апреля 1980 года до 24 марта 1988 года заведовал центральным складом ИДП ММК.

Адаптация к слуховому аппарату длилась на протяжении двух лет. За это время освоился с занимаемой должностью. Не знаю, выдержал бы я это испытание, не окажись рядом надежного друга, опоры — моей дорогой жёнушки Нины Ивановны. Я пребывал в самом, что ни на есть крайнем состоянии отчаяния, и только с её помощью, благодаря её убеждениям, что ещё не всё потеряно, удалось перебороть этот кризис.

(Продолжение следует)

с. Агаповка

Галина Енюшкина

Олеся

(сказка)

На берегу небольшой речки стояла хатка. В ней жили в согласии и любви муж и жена. Все бы хорошо было, да грусть-тоска по детям омрачала их жизнь. Мечтали они о дочке, а ее все не было, и не было.

Хозяин землю пахал, зерно сеял, урожай собирали вместе. А уж какие пироги стряпала хозяйка! Круглые булки — легкие, пахучие! Разрежешь их, а они ноздрястые.

Возьмет хозяин булку хлеба в руки — нажмет на корочку, а она снова поднимается, как пружинка, на место возвращается.

Вечерами муж с женой любили у речки сидеть, на воду глядеть, слушать плеск воды да стрекотанье кузнечиков в траве возле речки...

Однажды уже поздно вечером сидят муж с женой рядком, да ведут разговор ладком, все о дочке. Тишина... И вдруг, всплеск над речкой услышали. Над водой рыбка показалась, изогнулась дугой, засверкала серебристыми чешуйками и медленно исчезла под водой. И такая тишина наступила, что жутко стало. Ждали, ждали муж с женой, что рыбка еще появится, но она так и не появилась больше.

Ночь прошла, прошел и день. Снова идут они к речке. Снова хочется им увидеть рыбку в серебре!

Увидели её! Рыбка, сверкая серебром, изогнулась дугой и медленно в воду ушла. И опять, как в прошлый раз наступила тишина...

Дождаться не могут муж с женой, когда же следующий вечер наступит! Вот и вечер наступил, и всё повторилось, как и в первые два вечера.

Уж ночь наступила, на небе звезды высыпали. Спит муж. Темно в доме, не спится жене, зажгла она свечу, в подсвечник поставила, да все мысли про дочку, про серебристую рыбку вспоминает. Вдруг по дому треск пошел, дымок от свечки поднимается, а сквозь дым образ той серебристой рыбки виднеется.

Говорит рыбка печально человеческим голосом: «Я судьба ваша, дочка ваша! Околдована я, мне только вы поможете со своей любовью и вниманием, да еще собака, которая рано утром пробежит мимо вашего дома, к лесу, а вы должны за ней бежать, да с той стороны зайти в лес, с которой она забежит. Увидите необычное дерево. Дальше сами поймете, что делать надо!»

Образ рыбки исчезать начал, но она несколько раз успела выкрикнуть: «Не забудьте о лесе... не забудьте о лесе». Смотрит женщина, свеча потухла, догорела вся. Сон сморил её, да не надолго.

Утром вместе с петухами и хозяйки встают, Буренушек, Зорюшек, Дочек, Звездочек, Марточек в стадо провожают. Вот и наша хозяйка встала рано, подоила коровушку Зорюшку да в стадо проводила, а сама всё думы думает.

Пруток положила, а сама за воротами осталась посмотреть, с какой стороны появится собака, а может, ей только показалось?

Зародилась в её сердце надежда, может, и правда дочка у них появится!

И вдруг увидела женщина, что белая большая собака с черными пятнышками на голове бежит с восточной стороны и прямо к их дому.

Крикнула жена мужа, да он не услышал её, работой был занят. Пришлось ей одной бежать за собакой, а та рысцой бежит на южную сторону леса. Прибежала на опушку и исчезла.

Испугалась женщина, что делать ей одной. Вошла в лес, солнышко первые лучи на землю послало, осветило и утренний лес. И вспомнила она слова серебристой рыбки: «Увидите необычное дерево...» Стоит женщина и смотрит, где же это необычное дерево? Все деревья, как деревья. Шагнула она в глубь леса, стоят березы дружной семьей.

Одну из берез обволакивает туман, а на стволе ленточка розовая привязана как пояс. Ноги сами понесли женщину к этой березке, руки сами потянулись к этой ленточке, развязали её. И вдруг услышала она вздох облегчения, детский плач. В руке женщины пояс, а перед ней маленькая, хорошенькая синеглазая девочка в голубом платьице с белыми оборками.

Взяла женщина девочку на руки, обняла, к груди прижала и услышала вдали лай собаки. И лай этот добрый был, приветливый.

Вернулась женщина домой с девочкой, а муж журит её: «Куда это ты запропастилась с утра пораньше?»

А жена счастливая, улыбается ему и отвечает: «С доченькой тебя! Посмотри, какая она у нас замечательная! Красавица! Ай да рыбка! Ай да молодец!»

Муж с женой стали думать и гадать, как же доченьку назвать. И одно имя не нравится, и другое...

В спорах вспомнили слова серебристой рыбки: «Не забудьте о лесе...» На том и порешили. «Олеся... Олесенька».

Живет, поживает и по сей день семья, где растёт и умнеет, все умеет доченька Олесенька, любящая песенки, музыку и танцы. А мама с папой часто, вместо имени, Нашей Рыбкой её зовут.

г. Трехгорный

Михаил Рудковский

За Полярным кругом*

Из дневника сплава по реке Котуй

15 августа. Красноярск.

Прибыли вовремя. Нежарко. Связались с Леной (подругой племянницы), убедились, что она нас ждёт и двинулись к камере хранения. Командор ушел в длительную разведку, как оказалось, совершенно не нужную, так как у всезнающего штурмана все сведения были в документах, в кармане. Расписание автобусов в аэропорт на весь день.

Стали сдавать рюкзаки по 180 рублей за место, и молодой человек уже с намечающейся трудовой мозолью на животе, вероятно от тяжелой работы, заявил:

— Все привязанные к рюкзакам вещи засчитываются за отдельное место, даже полторашки.

Вот это порядки! Не поспоришь. Пришлось срочно всё привязанное ликвидировать. Сдали на семь мест. Сумки, мелкие вещи взяли с собой. Командор и Инженер, прихватив два двигателя, собрались в аэропорт, а я, Штурман и Бард на троллейбусе покатали по известному адресу, к незнакомой девушке, в незнакомую квартиру, чтобы перекантоваться там до самолета. Неблизко. В пути — 50 минут. Нас встретила маленькая, шустрая девушка, проводила в двухкомнатную квартиру, проконсультировала как кормить рыбок, двух собак-такс, когда с ними гулять, что есть нам на обед и ужин и упорхнула домой, оставив нам ключи, пообещав, что завтра появится часов в 10⁰⁰. Так мы стали, по сути, владельцами хорошей квартиры, которая была еще в состоянии неполной функции. Не разобранные картонные ящики, сумки аккуратными горками заполняли одну комнату вместе с диваном,

* Продолжение. Начало в № 3, 4 за 2013 год.

вторая была практически пустая, но кухня отвечала всем самым изысканным требованиям. Наша тройка пообедала и стала ждать своих товарищей из аэропорта. Я вздремнул, т. к. сегодня проснулся в 4⁰⁰, а Штурман с Бардом произвели неглубокую разведку: что и где купить. Сидим, ждем. Звонок по домофону. Беру трубку.

— Это я, иду с Вами на Таймыр!

— Юля, что ли?

— Да, это я, откройте, пожалуйста.

Так, в нашей компании появилась маленькая, непосредственная девушка с открытыми на мир глазами, автостопистка, которая за 15 минут умудрилась стать подругой трёх мужиков. Начались расспросы, рассказы, изучение души и биографии. Юлия, ничуть не смущаясь, не стесняясь, свободно и четко отвечала на все вопросы, даже на вопросы с двойным дном. Обаяние, откровение и поражающая незащищенность невольно брали собеседника за душу и требовали взаимного откровения. Я разговаривал с Юлей и сам не заметил, как выложил ей почти всю свою биографию, свои взгляды на жизнь и убеждения. Бард обрушил на нее весь свой юмор, мы поддерживали его, надеясь как-то смутить эту леди, которая выглядела значительно моложе своих лет. Не тут-то было. Наш юмор отскакивал от ее лукавой улыбки, а глаза лучисто играли. С нашими друзьями, сдающими моторы в багаж, связь была неустойчивой, но мы все-таки узнали, что их проблемы облетчили нашу финансовую платформу на 14 тысяч рублей. Настроение у всех опустилось ниже некуда. Оно вообще бы упало на дно, если бы мы тогда знали, какие подлости нас ожидают на следующий день.

Наконец-то Командор с Инженером появились с растрепанными нервами, уставшими лицами и с долгом, т. к. наличности у них с собой не было. Они рассказали, что там произошло. Если кратко: нам обещали помочь, посодействовать, смягчить проблемы знакомые Максима, но они оказались трепачами, не умеющими держать слово. Получились пустые хлопоты; много шума из ничего. Но надо жить, терпеть и надеяться. Мы так и сделали. У нас уже было: два килограмма пельменей, чебуреки и три штуки пива. Пельмени варили, сделали салат из хозяйских помидоров (нам разрешили) распечатали пиво и с удовольствием поужинали. Потом Бард взял гитару и мы вновь оказались власти его голоса, его песен, его настроения. Юлия слушала, замерев, не спуская глаз с его рабочих пальцев, которые смотрелись необыкновенно ловкими на гитарном грифе. Выяснилось, что и Юлия умеет петь и знает несколько аккордов. Уступая нашим просьбам она спела, но предупредила, что будут песни по теме совсем другие. Получился минимальный концерт. Я хотел помочь музыкантам, дать им отдых, пока я почитаю дневник, но Командор меня остановил — команда не в полном составе. Завтра к нам присоединится Максим, вот тогда и найдем время для дневника. Разошлись по спальным местам. Я с Командором на диване, остальные на полу. Командор пообещал нам, что утром погрееет чебуреки. Или это обещание, или неприятные ощущения в животе, а быть может и какие-то неприятные предчувствия на завтра не давали ему спать. Как тень отца принца датского Гамлета, он всю ночь бродил по квартире. Встанет, сядет, ходит, ляжет, опять сядет. И так всю ночь. Прямо Ванька-встанька. А вместе с ним и я не спал, а был в полусне. Вероятно, сработала чуйка на предстоящие неприятности, которые нас ждали завтра.

16 августа

Встали дружно, но особой бодрости не чувствовалось. Какая-то не то тревога, не то волнение повисли в двухкомнатной квартире. Даже ласковые таксы уже не вызывали особых восторгов. Командор колдовал с чебуреками. Инженер успел куда-то смотаться в город на разведку. Надо было найти банкомат для Юли, чтобы автостопка, автостопочка, автостопушка и автостопушонка смогла получить презренные пиастры. Решили сниматься с якоря в 9⁰⁰, поэтому я позвонил Лене и попросил ее придти за ключами в 8³⁰. Завтрак прошел почти в молчаливой переработке чебуреков с помидорным салатом. Командора угнетал оставшийся долг за отправку моторов, автостопушонка — отсутствие налички, меня — воспаление десны, Инженера — как сделать приятное Юле, чтобы у неё было всегда хорошее настроение. Орфей молча играл словами, которые должны быть собраны в очередную песню, а Штурман мыслями уже был там, на Котуе.

В общем, душевного равновесия, спокойствия как-то не наблюдалось, тем более, что седьмой наш товарищ — Максим еще где-то болтался, но обещал сегодня утром воссоединиться с нами. А скорее всего, это были последствия убывания 14 штук. Инженер с Юлей

и двумя таксами ушли на прогулку. Собак они, вероятно, взяли для удобрения газонов и охраны, так как обратно возвращаться будут с деньгами. Стали ждать их возвращения. Уже и Лена пришла, а... Германна все нет, то есть Инженера с Юлей и таксами. Командор все глаза просмотрел в окна, опасаясь... опоздания.

Ну, наконец-то все в сборе. Рассыпаемся в благодарностях за приют, за прием и вперед... заре на встречу.

Получили багаж, встретили Максима и на автобусной остановке обдуваемые свежим красноярским ветерком, застыли на троллейбусно-автобусной остановке. Вернее, застыла только наша автостопушечка в своих коротеньких шортиках, в рубашке нараспашку. На все наши просьбы одеться потеплее она с подкупающей улыбкой сообщала, что теплые вещи на дне рюкзака, который своим минимальным размером, вызывал серьезные сомнения — они вообще-то там есть или нет. Инженер, как истинный рыцарь, которые еще не перевелись в нашей мужской популяции, решительно распаковал свой рюкзак, с его глубины извлек теплую куртку и надел её на Юлю. Слава Богу, я был освобожден от необходимости лечить простуду или, не дай Бог, воспаление легких. Вдруг, относительную тишину привокзальной площади разорвал тревожный крик Командора.

— Автобус, наш автобус, вперед!

Мы хватаем рюкзаки, сумки, сумочки, тубусы, пакеты и устремляемся за Командором и Максимом, которые с завидной скоростью помчались к заветному транспорту. Не успели мы их догнать, как они идут обратно с огорченными, вытянутыми лицами, словно их шахранули мешком с сеном по голове.

— Уехал, гад! — вымолвил Командор, чувствуя серьезный прокол в руководстве.

— Как он проشمыгнул, зараза, так что мы не заметили. Вирус неудачи просочился в наш коллектив. Мы ещё не понимали, что это начало страшной эпидемии, которая разыграется сегодня в нашей команде. Начался мозговой шторм, что делать дальше, куда, когда и на чём двигаться.

— Наш, наш, — не знаю, кто крикнул. Рюкзаки, пакеты, сумки, сумочки, тубусы, какую-то железную, то есть алюминиевую фиговину и еще что-то хватаем, передаем, погружаем, завалив весь зад салона, и отправляемся. Фу! Наконец-то хоть куда-то, но вперед. На автовокзале опять рюкзаки, пакеты, сумки, сумочки, тубусы алюминиевую фиговину, офицерский планшет хватаем, взваливаем, берем и какими-то извилистыми, ну очень извилистыми путями достигаем посадочной автоплощадки в направлении — аэропорт. В душе уже появились ростки какой-то благодати. Долгожданный самолет все ближе и ближе. Как жестоко мы заблуждались. Тетя Невезуха от удовольствия хрюкала и потирала руки. Ждите! Ждите! Погрузились удачно. Весь груз в багажные емкости автобуса. Как белые люди, а мы все белые, чистые, т. к. имели возможность принять душ или ванну в квартире. Про Максима — не знаю. Можно или нельзя использовать его носки в виде орудия для пыток водителя автобуса, удравшего от нас утром на железнодорожном вокзале. Разберемся позднее. Вот и аэродром, тьфу — аэропорт.

Рюкзаки, пакеты, сумки, сумочки, тубусы, какую-то алюминиевую фиговину спокойно извлекаем из багажного отсека автобуса и мелкой рысью двигаемся к зданию аэровокзала. А на входе проверка багажа, т. е. наших рюкзаков и др. И началось!

— О! Тут нож.

— ОГО! Еще один нож.

— Да тут в каждом рюкзаке нож.

— Опля! Ещё и ружье! В сторону, в сторону.

Максим куда-то исчез, а это он должен был решить все вопросы с опасными вещами. Командор успокаивает сотрудников.

— Сейчас, сейчас, объясним. Сейчас он придет.

Кто придет, что объяснит? Нож есть нож, ружье есть ружье. Сотрудники и полицейские напряглись. Нарисовался Максим и как, я не знаю, но все вопросы по этому поводу были сняты.

В это время я проходил металлоискатель.

— Звенит.

— Телефон, мелочь, все железо из карманов на стол. Я все высыпал — звенит.

— Что еще нет?

— Ничего.

— Ну, еще разок!

Иду — звенит.

Ёлки-моталки. Шарю по карманам — ничего нет. Что же звенит. Наконец в заднем кармане брюк нашел фонарик. Всё — не звенит.

Уже привычно, рюкзаки, сумки, сумочки, алюминиевую фиговинку, тубусы, офицерский планшет — все на себя и к стойке для сдачи в багаж.

Всё, груз уехал, мы заулыбались. Самолёт, самолётик наш дорогой совсем близко. Рано, рано радуется товарищи. Тётя Невезуха, мрачная зараза, улыбается своим щербатым одноступенчатым ртом.

1. Перегруз +36 кг облегчил наш финансовый план на 11 тысяч 360 рублей. Оплатили. Можно успокоиться? Отнюдь.

2. Максим умудрился вместе с рюкзаком сдать в багаж разрешение на ружье, без которого в самолет не пустят. Ударив своим обаянием по очаровательной сотруднице аэропорта, он выудил свой рюкзак и достал заветный документ. Фу! Ну, все в порядке. Не тут-то было.

3. Наша автостопушечка, скромно потупив глазки, сообщила:

— А у меня в рюкзаке паспорт остался.

— Почему ты его не взяла? — еле сдерживая раздражение, спрашивает Командор.

— А мне его негде хранить.

Командор икнул, окинул взглядом ее бюст и, не найдя слов, умолк. Мы тоже ошарашенно молчали. Мимо проходит обалдевшая от обаяния Максима сотрудница аэропорта.

— А у меня там паспорт.

— Где там?

— В рюкзаке, что мы сдали.

— Да вы что? Ну, прям детсад какой-то. Пойдемте. И они юркнули в какую-то служебную дверь. Минут через 15 кто-то завозился за ней. Инженер сбегал, проверил.

— Юля, это ты?

Там действительно была Юля, но замок в дверях заело.

Тётя Невезуха пригласила к себе в гости подружку Непруху и они злорадно наблюдали за нами, потирая руки.

— Ну все, пошли на воздух, перекусим.

Мы отлично устроились на лавочках веранды аэропорта и почти в антисанитарных условиях, с организмами, у которых ни в одном глазу, шикарно перекусили двумя прозрачными ломтиками сала на миниатюрной краюшке хлеба и половинкой красного помидора.

— А у меня в сумке до сих пор полторашка спирта, — вдруг завил Бард. Немая сцена.

— Как спирт? — Штурман чуть не подавился салом, — Нельзя же, — отберут при посадке.

— А я про него забыл!

— Мужики, да вы что, с ума сошли. — Максим развел руками, тут же забыв, что сам начал эту петрушку.

— Пойдем. Будем искать эту... Мадам Баттерфляй. Ну, вы даете! Блин! Подружки Невезуха с Непрухой вместе с бабкой Шапокляк принялись танцевать краковяк, притопывая, прихлопывая, припевая.

— Еще не вечер, еще не вечер...

Сидели, дремали, ждали. Пригласили на регистрацию. Опять рамка, проверка...

— Раздевайтесь!

— То есть как... Совсем или до трусов... С нами между прочим дама.

— Верхнюю одежду снимайте, куртки.

— Ааа! А штаны — это нижняя одежда, ее не надо.

— Проходите, ближе ко мне.

Очаровательная проверяльщица в целлофановых перчатках принялась меня ощупывать в разных местах.

— Повернитесь!

Прогулялась по спине... и ниже. Хотел возмутиться.

— Это же настоящий обыск.

Но потом остановился и захотелось пройти еще разок тот тщательный контроль. А вдруг у меня где-нибудь в глубине да что-нибудь и спрятали недозволенного. Команда устремилась вперед и я отказался от повторного осмотра. Стали ждать. Непруха с Невезухой и бабкой Шапокляк уже икали от гомерического смеха, глядя на наши физиономии,

полные надежды на скорый вылет. Время шло. Объявили задержку на 1,5 часа, затем на 2 часа, затем еще и еще. Энтузиазм сдох! Терпение заканчивалось. Многочисленные звонки Максима ничего успокоительного не приносили. Тура — наш пункт прилета — не принимает по метеоусловиям. Ну-ну! Что называется влипли, а не прилетели. И влипли в него, в это самое, российское. Хуже не бывает. Бывает, да еще как! Нас приглашают покинуть зал накопителя, где мы ожидали посадки. Ничего себе! И что дальше? А дальше объявление.

— Рейс 53 (это наш) отменяется. Просим пройти к терминалу и получить свой багаж... и молчок.

Народ обалдел. И что? Теперь куда? Страсти накаляются. Непруха с Невезухой и старухой Шапокляк пригласили в гости к себе дядюшку «Полный писец» и распечатали бутылочку армянского коньяка за успешно проведенную операцию. Гуляем, чернота. Постепенно в толпе, то есть среди пассажиров нашего рейса, стали прорезаться лидеры. Две шустрые маленькие женщины громко стали успокаивать друзей по несчастью.

— Представителя, мы должны найти представителя этой авиакомпании. Мы найдем его, из-под земли достанем.

— Это же издевательство какое-то. Просто маразм. Надо взорвать Интернет безобразиям, которое тут творится, — негодовал Командор.

А у меня в мозгах, как часы тикает — 11 штук, 11 штук, 11 штук. И что? Это коту под хвост или еще глубже? Народ кипит, бурлит, кидаются то к администратору, то в офис компании, который закрыт. В общем — хаотичное, броуновское движение. Настроение — ноль. Ясности — ноль. Надежды — ноль. Вдруг прошла волна.

— Идет, идет... Представитель.

Представитель, разговаривая по сотке, встал у стойки. Его тут же окружила толпа, от которой шли мощные флюиды раздражения и даже злости. Он, не обращая ни на кого внимания, продолжал разговаривать по телефону, мол, мы еще и не такое видели. Закончил разговор и выдохнул.

— Здравствуйте, товарищи пассажиры.

Он нам рассказал, что мы сейчас бесплатно сдадим багаж в камеру хранения, повторно за него платить не надо, потом нас покормят и поселят в гостинице. Информация о вылете будет завтра в 10⁰⁰ по местному времени.

Все! Ну и ну! Приехали. Попали по полной программе! Дядюшка «Полный писец» был чрезмерно доволен. Из всей информации исходил главный вывод: вертолет, который должен забросить нас к речке, улетит без нас. Мы не успеваем! Но хоть мрачная, но все-таки какая-то ясность. Ну и уже привычно: рюкзаки, сумки, сумочки, алюминиевая фиговина, тубусы, пакеты получаем в багажном отделении и несем, волочем, везем на тележках в камеру хранения, где, конечно, наша родная российская очередь с обязательными шустрыми женщинами, протискивающимися без очереди. Выдержали. Сдали. Поели в столовой. В 23³⁰ местного нас в шикарном автобусе доставили в гостиницу, с издёвкой называющуюся «Полет». Опять очередь. Опять женщины без очереди. И наконец-то кровать с белоснежными простынями, о которых мы уже постепенно стали забывать. Номера отличные. Можно спать! Да нет же! Звонок и нас приглашают в 1³⁰ в кафе поужинать. Сервис, блин. Полусонный, проглатываю сосиски с гречкой и проваливаюсь в крепкий сон.

Так закончился этот удивительный день, но не наши приключения, не хочу писать неприятности. Что мы будем делать в Туре (если доберемся туда) я не знаю. Куда? Когда? На чем? Остаются вопросами с секретным ответом.

Прекрасная и удивительная жизнь иногда и подленькая штука. Но мы будем жить, ждать, надеяться и побеждать во что бы то ни стало.

17 августа

Звонок администратора. Нас вежливо приглашают позавтракать. Я начинаю уважать порядки в этой гостинице. Ненавязчивый сервис. За свои слова отвечают. Чисто. Удобно. Поели и стали ждать автобуса. Последние двое суток это стало нашим основным занятием. Ждать, ждать, надеяться, разочаровываться и вновь ждать. Скажу вам, не очень веселое занятие. Вновь звонок вежливого администратора и приглашают на обед. Хорошо, конечно, но лучше бы пригласили в самолет, который уже в сознании стал превращаться в какой-то фантом. Неуловимый, капризный. В 14⁰⁰ отправились в аэропорт, переполненные надеждой на вылет. Слишком переполненные. Пора бы уже реальнее смотреть на Емельяновский аэропорт и порядки, в нем существующие. Здесь властвует один закон. Ни в чем нельзя быть уверенным. Ситуация меняется часто и неожиданно. Объявили регистрацию. Об-

радованные пассажиры нашего несчастного отмененного 53 маршрута ринулись к стойке. И нате вам. Вы думали что хуже, вчерашнего быть не может. Еще как может! Нам объявили, что мы вылетаем через 1,5 часа, а наш груз будет в Туре только в понедельник, то есть через три дня. Что тут началось! Толпа кричащих женщин окружила представительницу авиакомпании и пыталась что-то доказать. Не на ту нарвались. Она, саркастически улыбаясь, отвечала на любые пакости и в конце концов договорилась до гениальной фразы:

— Тогда никуда вы сегодня не полетите.

Кто-то стал кричать:

— Записывайте, записывайте ее слова, у кого есть диктофон.

Кто-то угрожал прокурором, многие включили «сотки» и громко, чтобы перекричать толпу орали в аппараты, пересказывая ситуацию. Все это слилось в какую-то какофонию. Максим периодически куда-то исчезал, появлялся с грустно-постным лицом, что-то шептал Командору и вновь исчезал. Гора наших рюкзаков, сумок, сумочек, пакетов, с алюминиевой фиговинной тоскливо возвышалась у регистрационной стойки, а возле них, как часовой, на посту маячил Командор. Что творилось под его красной курточкой, в его душе, можно было догадаться по его смурному растерянному лицу. Он не привык быть в мелкой роли, когда не владеет ситуацией и не может на нее повлиять. Как-то само собой получилось, что, благодаря связям, знакомствам с авиаторами, благодаря своему неотразимому мужскому обаянию, руководство командой в аэропорту перешло к Максиму. Командор обречено являл, когда ему задавали вопросы.

— Я сам ничего не понимаю. Сплошной маразм, беспредел.

Кричащая активистка с ребенком в коляске орала:

— Не сдавайте багаж, не сдавайте... Только так мы можем их заставить...

Что она хотела заставить делать авиакомпанию было не совсем понятно. Людское море кипело, штормило, порой затихая, чтобы через несколько минут вскипеть с новой силой. Максим продолжал мелькать туда-сюда, а мы обреченно ждали хоть какого-нибудь, но четкого приказа. Все тщетно, мутно, непонятно, грустно и раздражительно. Вдруг произошло какое-то движение и народ стал сдавать багаж. Мы вежливо отстояли в стороне. Вежливые, культурные, благородные. Паша даже помог женщине с ребенком, Максим шепнул:

— Надо облегчить рюкзаки и до 5 кг взять что-нибудь в ручную кладь.

Ну, вот и занятие. Все лихорадочно стали наводить ревизию. Инженер пришел в ужас. В его рюкзаке распечаталась банка с топленым маслом. В центре зала ожидания Паша разложил свои кульки и кулечки, пытаясь разобраться, что еще можно спасти, а что требует стирки или выброса. Пока мы шаботились, все наши спутники по несчастью сдали багаж и ушли в накопитель. Пришло наше время. Сдаем паспорта, ну кажется лед тронулся, господа присяжные... Вот именно... кажется. Регистраторша долго что-то выясняла, позвала еще одну и... вернула наши документы ничего не объясняя. Уже значительно позднее выяснилось, что пассажиров вместе с грузом взяли на борт и набрали положенный для самолета вес. На нас и нашу гору вещей свободных килограммов не оказалось. Вежливые, культурные, терпеливые рыцари остались с носом. Максим исчез и исчез надолго. Командор растерянно торчал около рюкзаков, мрачней с каждым часом. Время словно замерло, минуты растягивались, замирали, а Максима все нет. Что делать? Привычное занятие — сдавать в камеру хранения рюкзаки, сумки, сумочки, пакеты и алюминиевую фиговину. Сотрудники камеры хранения уже здороваются с нами, как со старыми знакомыми. Перетащили, сдали и, облегченные и удрученные, слоняемся по залу ожидания, в душе завидуя тем, кто уже в самолете. Зря завидовали. Непруха, Невезуха, бабка Шапокляк и дядя Писец праздновали свой звездный час. Наши горластые спутники радостно посидели в самолете, а потом их вежливо попросили покинуть борт, так как вроде бы в Туре не принимают. Представляю что там творилась. А может и ничего. Люди уже настолько устали, что на возмущение нет сил. Нехорошо конечно радоваться, что у соседа корова сдохла, но мы непроизвольно почувствовали облегчение. Даже настроение поднялось. Нам не надо вновь получать багаж и сдавать его в камеру хранения. Мы это уже сделали без дополнительной суеты. Максим предложил остаться в гостинице аэропорта и не ехать в город, но здесь без питания. Голодать никто не хотел. Решили ехать со своими несчастными спутниками, которые уже пере-знакомились и начали обмениваться адресами, телефонами. Максим в очередной раз исчез. Появился он с двумя большими сумками, в которых было порционное питание для пилотов и пассажиров. Как ему удалось обаять, оболгать, уговорить, доказать нашу необходимость владелицу этого богатства, осталось его тайной. Настроение подпрыгнуло и мы бодро зашагали в гостиницу. Оформились. В нашем трехместном номере, где поселились

я, Командор и Бард, открылось кафе: «Нелетная погода». Нам подавали коньячок, спиртик, мясо с гречкой, сыр, масло, булочки. Известный в Челябинске и уже в аэропорту Емельяново наш Бард радовал всех прекрасными песнями. Один из посетителей кафе так увлекся пением, что разбудил отдыхающий через стенку экипаж самолета. Нам сделали замечание. А зря. Завтра праздник, День воздушного флота, вряд ли пилоты будут спать в эту ночь. Но все-таки мы притихли. Вечер прошел в полном взаимопонимании, взаимоуважении. Инженер успел постирать свои промасленные вещи, Юля подремать на плече небритого деда, что незамедлительно зафиксировал Штурман на фото. Шантажировать меня этим документом не получится. Просто будет хороший кадр: молодость и зрелость. Не очень твердой походкой разошлись по своим номерам. Надежда не умерла, хотя Непруха, Невезуха, бабка Шапокляк и дядя Писец старались изо всех своих сил. Мы выдержали и упали в постели, крепко обнимая надежду на лучшие времена. Завтра будет... А что будет, то будет. Мне все надоело, черт возьми, когда-то надо улететь.

(Продолжение следует)

г. Челябинск

Валентина Сиводанова

ПОБЕДА

75

В тылу врага

Цикл фронтовых историй о наших земляках

В доме, где разместился штаб, собрался весь командный состав, чтобы обсудить план освобождения польского города Остров Мазовецк. Моторизованная немецкая группировка вот уже несколько дней прочно удерживала город в своих руках. Фашисты отчаянно сопротивлялись, не давали окружить себя, предпринимая военные хитрости и прямые атаки. Потери русских с каждым днем становились все ощутимее. Разведке удалось выяснить причину столь ожесточенного сопротивления врага. Оказалось, что противник из страха гибели группировки, не мог решиться и отступить по открытой местности. Маскируя отступление, фашисты всё-таки медленно отходили на северо-запад по единственной тянувшейся из города дороге среди заболоченных лесов и полей. Это был их единственный путь для спасения. Противник понимал, что отдать дорогу советским войскам — значит оказаться в кольце окружения. Немецкие стратеги допустить провала не могли.

Об этом сейчас шел разговор в штабе дивизии. Командиры решали стратегическую задачу, как обхитрить противника, выбить его с плацдарма и освободить город.

— По моему, все стало понятно, — сказал полковник Игнатов, подходя к карте, — надо во что бы то ни стало перекрыть дорогу. Отрезать фашистам путь к отступлению. Я думаю, что сделать это надо в районе деревни N-ской... У кого иные мнения?

— Разрешите мне, товарищ полковник, — сказал, вставая, майор Петров. — Не слишком ли близко придвинется бой к городу? И потом: разведчики обречены на гибель. Они не смогут дать отпор многочисленной группировке, до зубов вооруженной...

— Не вижу угрозы городу. До города километров десять будет. Опасность выпадает на долю участников самой операции... Но другого выхода у нас нет. Осуществление операции, к тому же, хороший психологический маневр. Фашисты, конечно, не ждут у себя под боком засаду. Бой во вражеском тылу их несколько обескуражит. Пройдет время, прежде чем они предпримут какие-либо действия. Это нам и нужно. Именно в этот момент начнем наступление мы. Сегодня-завтра должно прийти подкрепление. Такая вот, товарищи командиры, перед нами сегодня задача. Надо четко продумать, кто сможет достойно выполнить сложную военную операцию. Поговорите с солдатами. В разведку должны пойти самые опытные, отчаянные и... добровольцы.

Через час разведгруппа капитана Александра Симова уходила на задание. Пятнадцать молодых воинов, в их числе и наш земляк Василий Московченко, уходили той ночью в самое логово врага.

Путь в десять километров пересекал обусловленную точку — деревню N-скую. Десять тысяч метров по незнакомой местности, восемнадцать тысяч шагов в тылу врага, где нас подстерегала неведомая опасность, где каждый куст, каждый камень на родной земле был сегодня чужой и мог в любой момент выстрелить.

Разведчики шли молча, давно привыкшие к строгой дисциплине. В их службе лишний шорох, одно неосторожное движение жизни стоит.

Позади уже больше половины пути. И вдруг парни почувствовали, что за ними, явно, кто-то следит. Вокруг ночная тишина, все замерло, но опытному разведчику «седьмое чувство» подсказывает опасность. Выбрали прямой, залегли. А еще через пару минут, совсем рядом, услышали торопливые шаги. Точно: на фоне ночного неба отчетливо замаячила фигура в военной форме, отнюдь не похожая на форму советского солдата-красноармейца. Фриц был один, возможно, охранял тропу.

Разведчики пошли на хитрость и помогли противнику обнаружить себя, чтобы выявить, а нет ли поблизости другого фрица. Двое из них вылезли из прямка и направились вдоль тропы, да так, чтобы фашист их увидел. Теперь разведчики и противник наблюдали друг за другом. Фриц не подозревал, что за его спиной в прямке еще несколько русских солдат, потому и не осторожничал, не спешил стрелять. Своей жертвой он выбрал командира Симова, именно за ним последовал фриц.

Разведчики обошли фрица с флангов. Московченко сквозь заросли кустарника отчетливо видел командира. Он подал ему вопросительный жест: «Пора?» Симов утвердительно кивнул головой. В ловком прыжке, одним ударом, без лишнего шума, дотошный фриц был снят. Из его путаной речи разведчики поняли, что он часовой, другие постовые стоят в этом месте через двадцать метров и общаются каждые полчаса.

— Русиш капут уще, — засмеялся фриц и пальцем на часы указал. И без него было всем понятно, что надо быстрее уходить, что вскоре обнаружится разрыв в караульной цепи противника, и тогда поднимется тревога, их будут преследовать.

— Ваня, смотри, — шепотом сказал связист Володя Колосов и указал вправо. Все, как по команде, посмотрели в ту сторону. Там отчетливо была видна другая фигура в длинной шинели с автоматом. Не дойдя метров двести до разведчиков, фриц остановился. Ни о чем не подозревая, фриц закурил сигарету, уходить, не собирався.

— «Этого» ждет, гад, — зло выругался капитан. — Не дождется, так тревогу поднимет.

— Товарищ капитан, снять бы его тоже надо, — также шепотом сказал Иван Лаптев. — Пока на том посту спохватятся, пройдет час, полтора. Мы тем временем далеко уйдем.

Осторожно, словно кошка, выполз Степан Фомин из укрытия. Все замерли в ожидании. Но шли секунды, минуты. Фигура фашиста так и маячила на одном месте. А Степана не было видно. Наконец, все ясно услышали немецкую речь. Симов, немного знавший немецкий язык, уловил обрывки фраз: «...прямо... русиш... Один русиш капут... Скорей... сигнал дать...».

Раздумывать было некогда.

— Надо срочно убрать и этих гитлеровцев, убрать без шума и быстро. — Симов послал на задание Василия Московченко, Аркадия Крылова, Женю Сычева и Рашида Илькина. Прошло минут восемь. Трое разведчиков уже вернулись. Не было Московченко. Волнение охватило всех.

— Я с Васькой рядом был. Вместе одного фашиста сняли, — рассуждал Рашид Илькин. — Куда Васька делся, понять не могу?

— Нам надо выполнить основное задание — взять в плен немецкого офицера и занять в N-ской оборонительную позицию. Ждать больше нельзя, товарищ командир, — виновато проговорил Валька Гарин. — Если Василий, как Степан, погиб, оставаться здесь нельзя. Тот фриц уже, наверняка, сообщил по радию куда надо.

И словно в подтверждение его слов, сейчас же над головой проскользнул ослепительный луч прожектора. А еще через минуту, тяжело дыша, к разведчикам подполз Московченко. Он был не один. Рядом с собой он волоком тащил захваченного в плен немецкого офицера.

— Васька, ты где был, ума не приложу? — сказал Рашид и крепко обнял друга за плечи.

— В гостях был у фрицев, Илька. У меня задание похлеще было, — ответил он Илькину и показал всем кожаную сумку немецкого офицера, в которой, по всей вероятности, лежали данные, интересные для штаба.

К утру разведчики вышли к болоту, а потом достигли дороги. Выбрали место в небольшом лесочке. Рядом метрах в пятнадцати виднелась деревушка N-ская. Валька Гарин уже смотался туда и, возвратившись, доложил, что ни одной живой души не обнаружил. Разведчики направились к крайнему пустовавшему дому.

Володя Колосов расположился с рацией в одной из комнат дома. Надо было срочно сообщить в штаб о результатах операции, что условной точки достигли и имеют при себе интересную «посылку», за которой сюда и ходили. До рассвета оставалось два часа. Сейчас бы отдохнуть, в самый раз, но на дороге, метрах в семистах, неожиданно показались немецкие танки и самоходки, а из леса вышли каратели, очевидно, по их следам. Вывод напрашивался сам по себе: фашисты, узнав, что в тыл проникли русские, затеяли операцию на уничтожение.

Разведчики заняли позиции у окон и двери, получив от Симова приказ:

— Каждую пулю — в цель. Стоять до последнего патрона, ребята. Бой будем принимать группами в два-три человека. Надо протянуть время, может подойдут наши. Последний, хоть тресни, должен доставить офицера в штаб.

Первый бой с фашистами приняли Иван Лаптев, Валька Гарин, Женя Сычев, которые их и увидели. Остальные остались в доме. Парни отчаянно сопротивлялись. Подбили танк, одну самоходку. Но фашистов было гораздо больше, слишком неравные оказались силы.

Наблюдать из окна, как гибнут товарищи, с каждой минутой становилось страшной пыткой. И не выдержали нервы. Не сговариваясь, в бой пошли остальные разведчики группы. Их внезапное появление и рьяный порыв солдат обескуражил фашистов, не ожидавших столь смелой поддержки. Противник отступил. Всего-то на полчаса удалось приостановить стрельбу карателей. Однако, этого хватило, чтобы разведчики сгруппировались и успели занять новые позиции. Фрицы, очевидно, пределали это же самое.

Вскоре последовала более мощная атака фашистов. Сопротивление разведчиков становилось бессмысленным, и они приняли решение: в плен не сдаваться, последний патрон из обоймы — его.

— Московченко, дуй в дом, — крикнул сквозь шум стрельбы Симов. — Передай в штаб о происходящем... и про офицера помни. Его в штаб надо! Понял? Все!

Когда Василий вбежал в дом, радист Володя разговаривал со штабом.

— Ясень! Я — Береза! Ясень! — кричал радист, но ему никто не отвечал. Связь неожиданно оборвалась. В проем окна Василий увидел, как фашисты окружили его товарищью и вели прицельный огонь. Василий видел, как застрелился Симов, как упал скошенный фашистской пулей сержант Файзад Талтыбеков, как фашисты раненых смяли под гусеницами танков. А потом по деревне из дома в дом пошли каратели. Зашли они и в этот дом, но Московченко с радистом, прихватив связку гранат, сдвинув на полу половицу, спустились в подпол, прихватив с собой пленного фашистского офицера. Прикрывая створ подполья, Василий умудрился уронить висевший на пристенке деревянный шкафчик и повезло: он упал прямо на лаз.

Но им не повезло в другом.

Немецкие солдаты остановились именно в этом доме. В течение четырех суток делали подкоп разведчики. Они уже изучили время смены патруля и готовились к побегу. В ночь на пятые сутки им удалось бежать. Они сняли часового. Гранатами забросали открытые окна дома. Погони, на удивление, не было. Под утро, с большим трудом миновав караульные цепи немецких линий, вышли к своим.

Еще через сутки город был взят, немецкая группировка была обезврежена. Василий Московченко за секретные данные, доставленные из разведки, за взятие в плен немецкого офицера, за храбрость, проявленную в бою при освобождении города, был награжден вторым орденом «Красная Звезда». Связист Володя Колосов был награжден медалью «За боевые заслуги».

От автора: Василий Дмитриевич Московченко — опытный механизатор, тридцать три года проработавший в совхозе «Петропавловский» Верхнеуральского района. Он был многократным участником Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. Награжден двумя трудовыми медалями.

Но я расскажу о другой стороне его жизни — фронтовой. Василий Дмитриевич, начиная с 1941 по 1946 год, прошел всю войну в составе особого разведывательного батальона. Требования к разведчику — самые высокие. Московченко соответствовал этим меркам: сильный, смелый, храбрый и умный, находчивый воин, награжденный за особо проявленное мужество на фронте двумя орденами Славы II и III степени, двумя орденами «Красной Звезды», медалью «За отвагу», «За боевые заслуги», медалями за взятие городов.

г. Челябинск

Вокруг детства

Пепел в сердце

Два года, я, девятилетняя девочка, прожила на территории, оккупированной немцами. Об ужасах пережитых в то время я не могу вспоминать даже сейчас. Не смотрю фильмы и не перечитываю книги о войне. А начиналось все так...

В дверь забухали кованые сапоги — мы открыли. Вошли немецкие солдаты, не обращая на нас внимания, натаскали в комнату соломы и уснули. Так, у городка на границе Украины и России началась жизнь в оккупации. А в пяти километрах «шумел сурово Брянский лес». Партизаны были вездесущи, немцы — беспощадны. Все деревни и хутора, примыкавшие к лесу, были сожжены, жители уничтожены. Все оставшиеся в городе коммунисты были расстреляны в первую же ночь оккупации. Однажды утром проснувшись, мы увидели хлопавшие на ветру двери пустых еврейских домов. Их хозяев расстреляли в глубоко вырытых впадинах сада, носившего имя старого его владельца — «Макаренков».

Говорят, что дети не боятся смерти. Наверное, это так. Мне было девять лет, когда я со своим сверстником решили подкрасться ближе к этому месту. Стоял декабрь, морозило, но снега не было. Не доходя до сада, увидели телегу, заиндевевшую лошадь и двоих мужчин, которые складывали как дрова, вытянувшиеся тела наших военнопленных в легком летнем обмундировании.

Территория местного завода была превращена в концлагерь. Узников кормили лошадыми, павшими от сапа. Люди заболели, и их, заколотив окна помещений, сожгли живыми. Наверняка родные потом получили похоронки с горькой строчкой «пропал без вести».

Один человек, когда-то даже состоявший в компартии, спрятал у себя чету пожилых евреев, но нашелся «доброхот»: евреев повесили, а дядьке Подобедову «всыпали» пятьдесят шомполов. Он выжил, но до конца жизни ходил, касаясь земли руками.

Город жил в страхе, уверенности не было ни в чем. Виселица на площади почти никогда не пустовала. Страшно было смотреть, как расстреливали партизан, пытаясь поставить их на колени. А они упорно стояли.

На акции против партизан вместе с немцами ездили власовцы. Мы их отличали по нашивкам на рукавах: триколор и буквы РОА (Российская освободительная армия). Эти, с позволения сказать, «освободители» привозили с набегов груды окровавленной одежды. Забыть невозможно.

Это была одна сторона медали, а на другой — моя собственная жизнь, висевшая на волоске. Стояла золотая осень. Ветки в садах гнулись от обилия плодов. Удивительно, но за два года оккупации сады не плодоносили вообще. А тут даже природа чувствовала близость освобождения. Фронт подходил к нам, уже было слышна канонада. Наш городок был укреплен и часть жителей уходила от «боя». Моя названная мать вместе со мной и несколькими десятками женщин ушла в село Чернацкое за семь километров от дома. Вечерело и мы остановились ночевать в старом овощехранилище. Посмотрев на место ночлега, я решила проявить самостоятельность и сказала соседке, что здесь не останусь и уйду домой. Что и сделала. Надо сказать, что в нашем доме жила семья инвалида первой мировой войны и, естественно, никуда уйти она не могла. Я спокойно прожила с ними два дня и, когда начался обстрел, спустилась в подвал. Через некоторое время вошел немец и сказал, что надо эвакуироваться. И вот здесь я принимаю решение вернуться к матери. Наша улица была перпендикулярна к центру города. Выбежав в центр, я остолбенела: горели двухэтажные дома по обе стороны, образуя громадный огненный коридор. Я мчалась по булыжной мостовой. Пятки жгло, сверху сыпались искры. Вот и окраина. Увидела свою подружку с сестрой, которые стояли у ворот дома. Коротко бросила на бегу, что и как. Позднее их мать скажет мне, что будь она там, то никуда бы меня непустила. Выбежав из города, я понеслась по глубокому свежерытому кювету вдоль тракта, по которому ехали мне на встречу от линии фронта немецкие танки с пехотой на броне. Когда не было сил бежать, бросалась на дно канавы. В небе советский самолет разбрасывал листовки. На одной из них был изображен немецкий солдат и плачущая девочка с надписью «Дочка ждет отца, а он убит в России. Солдаты, сдавайтесь!». Читать я могла, так как две зимы мы учились при немцах в школе, где

преподавали в основном немецкий, немного арифметики и чуть-чуть украинский. Восточные рабы должны были понимать язык своих хозяев. По обочинам дороги горели старые скирды соломы, зажженные от прямого попадания снарядов. Наконец я добралась до села. Естественно, своих я не нашла и вообще село было безлюдно — жители его покинули. Кругом немецкая техника и солдаты. Впервые за этот день мне стало страшно. Я шла посреди улицы и громко ревела. Из углового дома вышел немецкий солдат и сказал:

— Не плачь, подожди.

Я остановилась и замолчала. Он вынес из дома булку хлеба, кольцо колбасы и сказал:

— По этой дороге за углом жители ушли в лес.

Кивнув головой, я, не раздумывая, кинулась в сторону леса. Там я где шла, где бежала, на ходу разрывая колбасу зубами и глотая её вместе с кожурой, заедая хлебом и запивая водой из луж. Успокоилась, страха не было: кругом тишина, дубы стоят не шелохнувшись. День уже клонился к вечеру, когда я вышла на поляну, где было вырыто несколько землянок. Мое появление было полной неожиданностью для жителей этого поселения. Небольшого роста девочка с полбуханкой хлеба в руках стояла перед остолбеневшими людьми. После моего рассказа они поручили меня старенькому дедку, попросив беречь хлеб, потому что еды у них было мало. Две ночи я спала у деда, закутавшись в его огромный тулуп. По вечерам мы наблюдали зарево пожаров и слушали отзвуки далекого боя. Наконец все стихло. Одна молодая женщина была послана «в разведку» и взялась доставить меня домой. Мы дошли до села. Увы, его не было. На пепелищах одиноко стояли печные трубы. В нашем городе никого не эвакуировали, видимо, произошла какая то ошибка. Моя мать встретила меня словами:

— Если бы с тобою что-нибудь случилось, что бы я сказала твоему отцу?

Мне суждено было жить. Помню ночь, когда проснулась от грохота выстрелов. Это наши солдаты падали из всех видов оружия в окна с выбитыми стеклами и кричали «ПОБЕДА!». Помню площадь, запруженную народом, где на импровизированной трибуне выступал наш земляк, трижды Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета Иван Кожедуб. Заключительной фразой были слова: «Мы поставили на фашизме крест».

Прошли годы, но до сих пор никто не собирает яблоки в страшном Макаренковом саду, поросшим густой травой, не знающей косы. Нас называли потом «дети войны». Но она не сделала нас жестокими, мы выросли патриотами своей страны. Выпускники нашего класса были переростками, но только двое пошли в техникум, все остальные окончили вузы.

Давно закончилась война. Мы перевернули эту страницу и остались людьми.

Катамаран

В День Рождения мне подарили катамаран. Сначала я думал, что это самолет, но когда раскрыл коробку... Там были две лодочки соединенные вместе. Это как если бы мы с Сережей взяли за руки. Сразу захотелось на озеро. Но надо было ждать выходного дня, когда родители не работают.

— Иди в ванную, налей воды и играй, — сказала мама.

Эх! Как мы играли! Я делал бурю, опуская катамаран на дно, а он упрямо выскакивал вверх. От такого усердия забрызгался весь пол, и сам я был как после дождя.

— Женя, хватит, — ужаснулась мама, увидев меня мокрого как лягушонка.

— Хватит — так хватит, — вздохнул я, переделся, лег на пол и стал строить из кубиков разные башни; полистал книгу «Рассеянный с улицы Бассейной»; попрыгал на мячике, даже посидел на меховой лошади... Скучно...

Пожинал и пошел спать. Все уже уснули, а я все ворочался и ворочался. И так мне захотелось еще поплавать с катамараном, что я встал, пошел в ванную и плотно закрыл дверь, чтобы никто не услышал шума воды. И опять мы ныряли и плавали вместе с катамараном. Потом захотелось спать, я быстренько закрутил кран, лег в кровать и уснул. Мне снилось, что я на озере, плещутся волны, гремит гром. И от этого грохота сразу проснулся — в квартире горел свет, соседка стучала в дверь и кричала, что мы её затопили. Я сел на кровать: по комнате плавали мои кубики, мячик резво прыгал под ногами у мамы, которая собирала в ведро воду. Моя лошадь намочла и свалилась набок.

— Ты закрыл только один кран, «Рассеянный с улицы Бассейной» — сердито сказал папа. — Катамаран я забираю, до выходного ты его не увидишь!

«Больно надо», — подумал я и сунул голову под подушку. Глазам стало горячо о мокро.

Я — не трус

Вот говорят: «зайчишка — трусишка». Это не правда! Я просто осторожный очень. Ну как не быть осторожным? Если тобой хотят пообедать и рыжая хитрющая лиса, и зубатый волк. А уж если рысь прыгнет с дерева — мало не покажется! Зимой еще охотники с собаками жить не дают. Хорошо летом! Я серый, незаметный, каждый кустик ночевать пустит. Но и тут осторожность нужна: я — заяц и запах у меня — заячий, его хорошо чуют мои враги. Поэтому я маскируюсь: как летом мех — серый, так зимой — белый. Эх, если бы еще на снегу следы не оставлять! И так, и этак пробовал — не получается. В эту зиму я бегаю обедать в коллективный сад «Дачный». Коллективный — это потому, что нарезан на много участков и у каждого участка свой хозяин — человек. А на каждом участке есть мои любимые деревья и кустики. Там такие вкусные веточки, что просто лапы оближешь! Часто пробравшись через дыру в заборе, слышу, как дед у одной из крайних дач ворчит: «Опять зайцы ветки стригут, управы на них нет, куда только охотники смотрят?» Вот я сегодня чуть правда от страха не умер. Дело было так. Бежал я в сад, полакомиться. Солнце светит, не холодно, снег как ковер и забыл об осторожности — выскочил на дорогу... А там охотники с собаками! До изгороди сада всего десяток прыжков. Помчался, шмыгнул через дыру в заборе, собаки за мной, но пока лезли следом — отстали немного. Дедова дача была открыта и он сам, широко расставив ноги, покуривал трубочку. Я, проскочив у его ног, спрятался в даче под лестницей. И только тут услышал, как дед прогонял собак, чистил снег, подметал крыльцо. Но вот он пришел, поставил инструмент и стал одеваться, чтобы уйти. «Пора!», — сказал я себе и промчался мимо удивленно ахнувшего деда: «Ай да молодец косой! Зря говорят, что он трус!».

Я же говорю: Я НЕ ТРУС!

г. Миасс

211

Графоман № 1 (17) - 2014

Николай Карасев

Подвиг пилота

Мой рассказ посвящен реальному событию, невольным свидетелем которого я стал в далеком 1961 году... Это событие очень сильно потрясло меня, поскольку на моих глазах произошла катастрофа с героической гибелью одного из пяти военных летчиков, выполнявший групповой пилотаж в небе над летным полем центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова по программе подготовки к воздушному параду...

Я родился и вырос в Москве, только закончил школу в восьмом классе 174-й Московской средней общеобразовательной школы, перешел в девятый класс. Еще в третьем классе средней школы я решил связать свою судьбу с военной авиацией и стать военным летчиком, мечтал быть летчиком-испытателем...

Стоял жаркий солнечный летний день, безоблачная погода. У школьников продолжались каникулы. Узнав из газет о проходивших тренировках к воздушному параду, я решил не пропускать столь знаменательное событие.... Сначала на троллейбусе, затем на трамвае я доехал до аэродрома «Тушино», забрался на высокую насыпь судоходного канала, расположенного недалеко от границы летного поля центрального аэроклуба им. В. П. Чкалова...

Группы самолетов, вертолетов, спортсменов-парашютистов выполняли над аэродромом самые сложные полетные задания и парашютные прыжки, — одиночно и в группе, сменяя друг друга в строю по времени программы подготовки к воздушному параду...

Особое впечатление на меня произвел высший пилотаж одиночно и в паре на спортивных самолетах Як-18П, затем пролет над аэродромом стратегического сверхзвукового бомбардировщика М-50 с треугольным крылом и четырьмя реактивными двигателями в сопровождении реактивных истребителей МИГ-21, затем пролет и пилотаж современных сверхзвуковых бомбардировщиков и истребителей....

Наконец над аэродромом появилась пятерка реактивных истребителей МИГ-17 в строю «клин» с дымящимися цветными дымами на консолях крыльев.

Пятерка МИГ-17 выполнила групповой пилотаж и, завершив проход над аэродромом, начала энергичный набор высоты над окраиной города Москвы...

Я внимательно провожал взглядом набирающие высоту самолеты. Когда самолеты набрали примерно 400—500 метров, я услышал резкий хлопок, из сопла двигателя левого крайнего ведомого самолета появилось пламя и дым...

Левый, ведомый МИГ-17 свалился на левое крыло и начал падать с вращением по спирали. Я замер от напряжения, поскольку внизу под падающим самолетом, видел многоэтажные жилые дома окраины столицы, ожидая не минуемой трагедии с гибелью большого количества людей...

Все происходило очень быстро. Положение летчика падающего истребителя МИГ-17 было практически безысходным...

Как только самолет скрылся за многоэтажными домами, я услышал и ощутил своими ногами его удар об землю, поскольку земля на расстоянии около двух километров от места падения, сильно вздрогнула.

Я стремительно бросился вниз с насыпи судоходного канала и быстро побежал по тоннелю под ним, затем огородами выбежал к месту падения...

Я оказался внезапно в 30—40 метрах от самолета, лежащего на земле под углом 20—30 градусов на нос, с подломанными крыльями, закрытым фонарем летчика.

Возле самолета уже работал пожарный расчет. Пожарные пытались открыть фонарь кабины летчика. Самолет лежал на земле примерно в 70 метрах от подъездов крайних многоэтажных жилых домов столицы...

В окнах некоторых квартир я увидел напуганные лица их жителей...

В 30—40 метрах впереди самолета задымился деревянный сарай, в который, видимо, попала раскаленная часть от реактивного двигателя, пожарные приступили к его тушению.

Милиционеры быстро остановили движение автотранспорта по примыкавшей к месту падения самолета улице столицы, на которую уже приземлялся вертолет МИ-4 с аэродрома «Тушино». Подростки залезли на близстоящие деревья и оттуда наблюдали за тем, что происходит на месте падения самолета, но милиция и пожарные быстро согнали их с деревьев, оцепили место происшествия, ограничив тем самым к нему доступ посторонних. Я стоял потрясенный напротив разбившегося самолета в 30—40 метрах от него и эта жуткая картина отчетливо запечатлелась в моей памяти и сознании на всю жизнь. На обратном пути домой в троллейбусе я услышал разговор между двумя пассажирами, из которых один говорил другому о том, что погибший летчик получил после отказа двигателя и доклада ведущему группы приказ на катапультирование, но летчик отказался выполнить этот приказ, потому что самолет падал на многоэтажные жилые дома... Летчик принял решение бороться до конца не за свою жизнь, а за жизнь жителей этих домов. Это был подвиг настоящего пилота, отдавшего свою жизнь ради спасения многих других жизней.

Я регулярно покупал в газетных киосках газету «Красная Звезда», поскольку собирался после окончания средней школы поступать в высшее военное авиационное училище летчиков. Спустя некоторое время, мне попал в руки номер этой газеты со статьей на второй странице сверху о подвиге военного летчика первого класса, в звании старшего лейтенанта, фамилию, имя и отчество уже не помню. Из газетной статьи я еще раз узнал о его подвиге и о том, что за проявленный героизм и летное мастерство по спасению жизней других людей Указом Верховного Совета СССР он был награжден орденом Красного Знамени...

У него остались супруга и маленький ребенок, судьба которых к сожалению не известна. Не известно был ли его подвиг отмечен мемориальной доской на стене одного из спасенных им жилых зданий, либо памятником...

Думаю, что этот вопрос требует размышления и неминуемого положительного решения.

Окончив в 1964 году 174-ю среднюю школу города Москвы и 3-й Московский городской аэроклуб, я не изменил цели своей жизни, поступил в Тамбовское высшее военное авиационное училище летчиков им. М. М. Расковой, которое успешно окончил в 1968 году.

27 лет своей жизни я посвятил летной подготовке военных летчиков и штурманов в Челябинском высшем военном авиационном училище штурманов на командных летных должностях от командира экипажа реактивного фронтового бомбардировщика Ил-28 до командира учебного авиационного полка, вооруженного учебно-штурманскими самолетами Ту-134 ш, начальника военного авиационного гарнизона в составе до пяти воинских частей и до 1500 человек военнослужащих. 4500 часов я налетал безаварийно на реактивных самолетах: Л-29, Ил-28, Ту-124 ш, Ту-134 ш, выполнил 240 учебно-тренировочных прыжков

с парашютом с аэростата, самолетов, вертолетов, но всегда помнил подвиг того военного летчика, очень серьезно готовился к полетам сам и готовил своих подчиненных.

Видимо поэтому среди моих воспитанников два заслуженных военных летчика, два заслуженных военных штурмана, два генерала, 4 командира авиаполка., большое количество командного летного состава и более 1200 штурманов дальней и фронтовой бомбардировочной (ракетноносной) авиации.

Подвиг того летчика всегда напоминал мне об особой ответственности авиационного командира за качество летной подготовки своей и своих подчиненных. За строгое соблюдение законов летной службы.

Мой многолетний труд по подготовке летных кадров был оценен государством орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР 3-й степени».

Я до сих пор помню подвиг погибшего летчика и хочу сделать так, чтобы память о нем была увековечена мемориальной доской на одном из спасенных им жилых зданий, либо памятником на месте падения его самолета...

Хочется узнать и о дальнейшей судьбе семьи погибшего летчика...

Встречаясь с молодежью, я рассказываю о службе в военной авиации. Об аварийных ситуациях в полете, в которых мне и моим подчиненным приходилось действовать и принимать решения, о героическом подвиге этого летчика, фамилия и инициалы которого, к сожалению, у меня не сохранились.

Подвиг пилота достоин вечной памяти его потомков и военных авиаторов новых поколений.

После этой авиакатастрофы 1961 года и проведения воздушного парада на аэродроме «Тушино» очередной воздушный парад состоялся уже не над столицей, а над аэропортом «Домодедово» в 1967 году. Государственная власть приняла решение в целях обеспечения безопасности полетов, жизни жителей столицы и самих авиаторов, участников воздушного парада. Это решение было вполне оправданным. Возвращаться к прежнему порядку проведения воздушных парадов с пролетом самолетов и вертолетов над большими городами не безопасно, поскольку никто никогда не может гарантировать безопасную работу сложной авиационной техники...

Жизнь продолжается, но горькие уроки прошлого должны напоминать нам об бдительности и ответственности при подготовке и проведении воздушных праздников.

г. Южноуральск

Пётр Мунеев

«С чего начинается Родина...»

«Со страницы в своём букваре...» О Родине было написано множество произведений, стихов и песен. На понятии Родина воспитывались все поколения Советских людей. Что же осталось от определения Родины в современной России. Заглянем в «Новую иллюстрированную энциклопедию», состоящую из 20 томов 2004 г. В ней на страницах 15 т. даётся скромное определение понятия Родины. «Родина — место, страна, где человек родился; где впервые сложился, возник этнос». На этом заканчивается патриотический пафос определения.

С детских лет с молоком матери мы воспринимаем понятие Родины, связывая с этим словом своё происхождение, своих предков, родителей, местность на которой мы живём, своих первых друзей.

С понятием Отечество связываем отчий дом, свою родословную. С особым трепетом я вспоминаю своих первых учителей, потому что свою сознательную трудовую деятельность я и сам начинал после окончания средней школы, учителем русских классов в малокомплектной Кужебаевской начальной школе. Выбрав однажды профессию учителя, в работе я по долгу службы общался с учителями начальных классов, среди которых очень часто встречались талантливые люди в этой профессии.

Плаксина Анна Васильевна, учительница начальных классов, объявилась в Фершампенуазской средней школе после окончания педагогического училища, когда мы учились в

седьмом классе. В седьмом классе преподавался предмет «Конституция СССР». Этот предмет был очень неудобен для преподавания даже историку с высшим образованием, состоял он из свода законов, собранных из статей основного Закона. Параграфы были маленькие. Для нас плохо знающих русскую словесность приходилось зазубривать непонятные для нас выражения. Учебников не было, трудно ей приходилось в этом новом качестве учителя. Однако не одним этим предметом ограничивалась её педагогическая деятельность. Она была пионервожатой, руководила школьным хором. На смотрах художественной самодеятельности, которые проводились в дни весенних каникул, мы лихо отплясывали белорусский танец «Крыжачок» на сцене старого деревянного районного клуба и всегда занимали призовые места. Шли годы. Анна Васильевна со своим мужем Александром Андреевичем поступили на заочное отделение Магнитогорского пединститута, обучалась она на только что открытом педагогическом факультете этого института. В эти годы я заканчивал институт. Дальнейшая судьба моя проходила в иных плоскостях. Когда я вновь вернулся в Фершампенуазскую школу через 30 лет моих скитаний, она уже работала учителем начальных классов и была известной в районе учительницей. Привожу здесь «Незаконченное письмо» Анны Васильевны своей дочери, опубликованное её мужем Александром Андреевичем Плаксиным в газете «Всходы»:

«22 мая не стало учительницы Плаксиной Анны Васильевны. После её кончины было обнаружено письмо к дочери, которое покойная закончить так и не успела: смерть пришла раньше. Принёс его нам в редакцию муж Анны Васильевны Александр Андреевич Плаксин.

...Мои родители — выходцы из крестьян. Отец, Соколов Василий Николаевич, родился в зажиточной семье. Его отец построил очень хороший по тем временам дом — пятистенки.

А мать была из бедной семьи. Но она была очень красивая (кудрявые волосы, большие тёмные глаза). Отец влюбился и женился без благословения родителей. Мой отец был очень способным, с прекрасной памятью, человеком. Он имел среднее образование. В 1930-е годы в глухой деревушке это было большой редкостью. Отец работал в колхозе бухгалтером. Погиб весной 1941 года. После войны его в колхозе долго вспоминали: вот Яся (прозвище у него такое было — Вася-Яся) посмотрел бы на потолок и сразу назвал бы любую цифру.

Мама, Евдокия Степановна, окончила 4 класса, умела читать и писать. У них родилось 5 детей, но выжили только я и брат. Когда началась война, мне было 6 лет. Мама научила меня читать. Однажды к нам зашла учительница и увидела, что я читаю книгу. Взглянула она на обложку и, наверное, ужаснулась: сопливая девчонка читает... «Милого друга» Мопассана! «Приходи в школу, — сказала она, — я дам тебе хорошую книгу». Я пошла. Учительница дала мне стихи Агнии Львовны Барто. Это было для меня какое-то чудо! Я выучила много стихов наизусть, а когда понесла книгу обратно, в перемену читала стихи ученикам.

В 1943 году я пошла в первый класс. Зашла в класс и говорю учительнице: «А где тут у вас первая парты?» И важно уселась за неё. Учиться было трудно, не было учебников, тетрадей, ручек. Учебник был один на всю деревню. Не было бумаги, писать было не на чем. Писали на любом клочке, на газетах. Мне повезло: после отца остались канцелярские книги наполовину чистые. Чернила делали из сажи, свеклы. Ручки делали из стебля малины. В школе было холодно, сидели в верхней одежде.

Учёба мне давалась легко. Я ни разу не сдавала вступительных экзаменов, семилетку окончила с похвальной грамотой, а педучилище с красным дипломом.

Как мы жили. Дом большой, посередине русская печь. Во второй половине дома почти всегда жили квартиранты: учителя, медики. Электричества не было. Печку топили ежедневно и зимой, и летом. Варили сразу на весь день, в печке всё оставалось тёплым до вечера. На печке спали, в печке мылись — бань в нашей деревне не было. Было очень голодно, всё время хотелось есть. Как ни трудно было, но мама корову держала. Косили траву вручную и для своих, и для колхозных.

Работать в деревне начинали рано. Все мужчины ушли воевать, многие не вернулись. Весной ребятишки вывозили на поля навоз, вывозили не только из колхозных сараев, но и из личных подворий. Взрослые накидают на телегу, а ребята отвозят его в поле. Потом начинается сенокос. Взрослые уходят косить очень рано. Детей и стариков бригадир отправляет на луг сушить сено. Если оно в копнах, то надо его раскидать, а если раскидано — надо граблями перевернуть сено на другую сторону. После обеда сено убирала в сарай.

Мы, дети, раскладывали его, утаптывали. Потом начинается уборочная. У нас сеяли рожь, ячмень, овёс и лён. Взрослые убирали хлеб, а дети и бабушки теребили лён.

В 1950 году я поступила в педучилище в г. Красный Холм. В городе жила сестра отца, тётя Катя. Но я стала жить в общежитии. В комнате жило 8 человек, жили только на стипендию, родители нам помочь не могли. Да и отцов-то ни у кого не было.

В 1954 году окончила педучилище, получила диплом с отличием. Тогда было государственное распределение. Из 60 наших выпускников 20 человек направили в Казахстан, 10 — в Узбекистан и только 6 человек — в Челябинскую область. Многие хотели сюда попасть, считали, что это русская область. Поскольку я хорошо училась, в комиссию по распределению меня вызвали одной из первых, вот так я и попала сюда. Единственный район, куда надо было три человека, был Нагайбакский. Вот мы и решили сюда ехать, лишь бы быть вместе

Приехали в Фершампенуаз, остановились на площади около школы. Вокруг разговаривают на каком-то языке, мы ничего не понимаем. Вот тебе и русская область! Переночевали в интернате: полчища клопов, вода отвратительная, её носили с речки. На следующий день сидим в РайОНО, ждём. Тут заходит Ф. Н. Брагин, директор Фершампенуазской школы. Спрашивает: «Кто из вас поёт?» Девчонки показывают на меня. «Пойдёшь старшей вожатой?».

Я согласилась. Вот так я оказалась в Фершампенуазской школе. Так я проработала до 1957 года. В этот год райком КПСС решил перевести меня в райком комсомола заведующей школьным отделом. Директор нашей школы, теперь уже Михаил Иванович Артемьев, не хотел меня отпускать, учил, как отказываться. Но с райкомом особо не поспоришь. И стала я там работать. Особых подвигов не совершила.

В этом году познакомилась с твоим отцом. Во время посевной и уборочной компаний мы в составе агитбригады ездили по колхозам и совхозам. Я пела, твой отец вёл программу, читал стихи, был конферансье, словом, «хохмил». Так на ходу между концертами забежали в Требии в сельсовет и зарегистрировались. Стали мы жить в землянке, 6 человек в одной комнате. Вскоре брат Александра Андреевича построил домишко, второй брат ушёл в армию. Стало посвободнее. А в декабре родился Серёжа.

В 1960 году я поступила в пединститут на заочное отделение. После рождения Серёжи я в райком не вернулась. В школе мне дали класс. В этом классе учились Алёша Третьяков (сейчас директор Гумбейской школы), Саша Васильев (учитель физики в ФСШ). Я была на 4-м курсе, когда родился Саша. Бабушка твоя в это время жила в городе, у другого сына. Вот я беру Сашу на руки, еду в город на экзамены, там сдаю его бабушке и еду в институт. Когда пришёл вызов на сессию и госэкзамены, у меня из-за болезни Саши образовались огромные «хвосты»: 3 экзамена, два зачёта да ещё курсовая работа. Но я смогла сдать задолженности и гос. экзамены, экзамены сдала с одной «четвёркой». В 1965 году я окончила институт. В этом же году снова образовался Нагайбакский район. Стали строить жильё. Мы к тому времени жили в доме, который стоял на том месте, где сейчас управление сельского хозяйства. Властям надо было срочно строить это управление и нас переселили в здание райкома партии, выделили там кабинет. В первой же построенной двухэтажке нам, наконец-то, выделили квартиру.

Вот так и проработала я 45 лет, пережила 15 директоров школ. Но зато дома я многое недоделывала, обделяя вас своим вниманием...

На этом письмо обрывается. Анна Васильевна не написала, что за годы работы ей вручили почётные грамоты райкома КПСС и райисполкома, райкома комсомола, райОНО, областного отдела народного образования, Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации, Министерства просвещения РСФСР. Ей была присвоена высшая квалификационная категория, звания «Старший учитель», «Отличник народного просвещения». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1981 г. она была награждена медалью «За трудовое отличие». Обо всём этом Анна Васильевна умолчала. Может, поскромничала, а может, не успела — смерть опередила её.

Другой не менее знатной учительницей нашей сельской школы была моя ровесница Васильева Ольга Григорьевна. Родилась она 3 марта 1940 года в посёлке Ново-Бурановка Нагайбакского района (ныне Агаповского) в рабоче-крестьянской семье. Отец Васильев Григорий Николаевич принимал участие в Великой Отечественной войне и погиб в 1943 году в кровопролитных боях под Сталинградом на берегах великой русской реки Волги. Окончив Ново-Бурановскую среднюю школу, поступила в Магнитогорское педагогическое училище.

Комиссия по распределению выпускников направила её в Петровскую начальную школу Нагайбакского совхоза, знаменитого в те годы по производству зерна. На данном отделении была секретарём комсомольской организации. Работая учителем в школе, она заочно закончила Магнитогорский педагогический институт.

Из Петровской начальной школы была переведена в Третьякскую начальную школу, где проработала только два года и в связи с реконструкцией района была переведена на работу в отдел образования заведующей методическим кабинетом, затем инспектором райОНО. После 13 лет работы в РайОНО в связи с открытием в райцентре учебно-производственного комбината, была назначена заместителем директора данного учреждения. После УПК два года работала заведующей отделом культуры. Но всё время стремилась в школу и в 1982 году Ольга Григорьевна перешла работать в Фершампенуазскую среднюю школу, где проработала до пенсионного возраста. Трудовой стаж — 40 лет. Имеет награды: много почётных грамот не только за трудовую деятельность, но и за общественную работу, начиная со школьной скамьи, участница художественной самодеятельности, Почётная грамота Президиума Федерации профсоюзов области, юбилейная медаль «100 лет профсоюзам России», медаль «Ветеран труда», значок «Отличник народного просвещения».

После моих многолетних скитаний по городам России в 1988 году я вернулся на свою малую Родину в Фершампенуазскую среднюю школу и стал работать учителем физики и математики. Одной из моих коллег по педагогическому цеху стала Галина Павловна Герасимова. Вместе со всеми учителями мы осваивали различные методики обучения. Использовали в своей работе опорные сигналы Шаталова, принимали участие в семинаре Александра Ивановича Подольского по методике эвристического обучения детей, применяли методы коллективного способа обучения, использовали методику программированного обучения по линейным и разветвлённым обучающим программам. В то время компьютеры в школах ещё не использовались, а составление обучающих программ осложняло нашу работу. В современной школе, когда школы снабжены персональными компьютерами или компьютерными классами, эта работа могла быть наиболее перспективной, однако данная методика обучения забыта учителями, используется только один элемент разветвлённой программы, как опросник для выявления знаний учащихся в ЕГЭ. Это приводит к деградации процесса обучения. О своей судьбе и работе рассказывает сама Галина Павловна мне остаётся повторить её откровения без комментариев, признавая её талант и способность красиво излагать свои мысли:

«Родилась 14 ноября 1958 года в городе Магнитогорске Челябинской области в семье рабочих Магнитогорского металлургического комбината самым младшим четвёртым ребёнком. Наша дружная и большая семья Заварухиных состояла из родителей (Александра Ивановна — 1927 г. р. и Павел Александрович — 1925 г. р.), бабушки (Анисия Ефимовна — 1880 г. р.), двух братьев (Николай — 1951 г. р. и Владимир — 1953 г. р.), сестры (Надежда — 1956 г. р.) и меня.

Из воспоминаний раннего детства в памяти осталась любовь родных ко мне, круглосуточное пребывание в детском саду (родители работали посменно, а бабушка была уже старенькая), сад за городом, который был моим ровесником, где я провела всё своё детство (он существует и по сей день, где хозяйка — моя мамочка), игры в куклы в уголке, за дверью детской комнаты, где я могла находиться часами, а так же — желание всё знать и уметь, как мои старшие братья и сестра. С 7 лет и до 18 я посещала много всяких кружков и увлекалась разными видами спорта: балет, гимнастика, танцевальный, лыжи, фигурное катание, лёгкая атлетика, велоспорт, вязание, мягкая игрушка и др. Очень любила животных, и в доме всегда были кошечки, рыбки, попугаи. Когда я была в шестом классе, брату Володе приобрели щенка — овчарку. Но через полгода брата забирают в армию и он отдаёт нашу Ладушку мне на воспитание. Так я начала постигать профессию кинолога.

Игры в куклы привели меня к тому, что я с пяти лет стала нянчиться с племянниками своих двоюродных братьев и сестёр. Очень скоро мне стали доверять малышей настолько, что я могла с ними гулять, их кормить, подмывать, укладывать спать и т. д. Конечно же, это сыграло большую роль в выборе моей профессии. Это было заложено, думаю, и генетически. До революции дядя моей бабушки по маминой линии (А. И. Тарасов) работал учителем в церковно-приходской школе в посёлке Куликовка, а мамин дедушка (Фёдор Мельников) по отцовской линии был атаманом казаков.

Учась в школе, как и все дети того времени, я прошла все этапы воспитания от октябрёнка до комсомолки. В старших классах решила, что после восьмого класса буду поступать в педагогическое училище.

В 1974 году я поступила в Магнитогорское педучилище на школьное отделение, где уже заканчивала учёбу старшая сестра. Училась неплохо и с большим желанием. На третьем курсе меня премировали поездкой в Москву.

Это была моя первая поездка по стране. На четвёртом курсе я проходила сплошную практику в посёлке Смеловский Верхнеуральского района. Меня всегда тянуло жить в деревне, и эта поездка, возможно, повлияла на то, что я вот уже 33 года живу в Фершампенуазе. В Смеловске я жила на квартире у добрых и простых старичков, которые меня кормили и лечили от простуды. На всю жизнь запомнила эпизод. Иду утром в школу с сумкой в одной руке и с пачкой тетрадей в другой. Навстречу идёт старичок и, когда мы приблизились, он снимает шляпу и кланяется мне. Как же тогда профессия учителя выросла в моих глазах!!!

В 1978 году по направлению я уехала в город Чебаркуль. Первый год проработала учителем в детском туберкулёзном санатории «Каменный цветок». Жила в городе в четырёхкомнатной квартире пятиэтажного дома, где жили кроме меня ещё пять учителей. Работать ездила на электричке на станцию Кисегач. Уезжала в 12 часов дня и возвращалась в 22 часа. Но попала под сокращение и была переведена в начальную школу № 5 города. В школе проводилось много экспериментов и были частые проверки. Это помогло мне набраться опыта. Работала в две смены с 7:30 до 19:00. В школе не было столовой (детям приносили еду из соседней школы). Вечером уставшая и голодная я шла домой, а в магазинах были пустые прилавки. На каникулах я уезжала в Магнитогорск к маме, которая меня откармливала и собирала неподъёмные сумки на обратную дорогу. Помню, приезжаю в очередной раз в Чебаркуль. Еле тащу сумки. Тут подходит зрелый мужчина, берёт мою дорожную сумку и, с предложением помочь, её несёт. Через 50 метров он бросает сумку, спросив: «Ты кирпичи везёшь?», и уходит. Так, с Божьей помощью, мне приходилось начинать свою трудовую деятельность. Получала я тогда 85 рублей. Платила за общежитие, шила в ателье платья, ходила один раз в месяц в кинотеатр, с каждой зарплаты откладывала 10 рублей на сберкнижку и на железнодорожные билеты.

В 1979 году я поступила на заочное отделение в Магнитогорский пединститут по специальности «учитель начальных классов».

В 1980 году вышла замуж за Анатолия Владимировича Герасимова, 15 августа 1957 года рождения, и переехала в Фершампенуаз. В феврале 1981 года нам с мужем дали двухкомнатную квартиру в новом доме № 34 по улице Механизаторов.

После свадьбы устроилась воспитателем в детский сад «Улыбка», но через два месяца попала под сокращение. В школе мест не было, я устроилась работать в райисполком инструктором орготдела.

14 декабря 1981 года родился сын Александр.

В 1984 году я закончила институт. Тянуло в школу. В 1983 году я назначаюсь на должность заведующей орготделом райисполкома. Перспектива в работе есть. Но я хочу вернуться в школу!

В 1986 году в начальном звене школ страны изменения — внедрение четырёхлетнего обучения. В 1987 году меня берут на работу в Фершампенуазскую среднюю школу учителем начальных классов, где я работаю по настоящее время.

С каким упоением и радостью я вновь начала работать в школе! Это был один из лучших периодов в моей биографии. Только через шесть с половиной лет перерыва я смогла в полной мере оценить профессию учителя и окончательно понять, что работать учителем начальных классов — моё призвание. Уже через месяц работы в первом классе я провела серию открытых уроков перед учителями школы и района. Самостоятельно изучала передовые педагогические методики, ездила на курсы, разрабатывала свои методы и приёмы обучения и воспитания младших школьников.

В 1990-х годах Фершампенуазская школа сотрудничала с лабораторией Подольского на базе Магнитогорского педагогического института. Это были первые шаги по пути развивающего обучения. Работа была интересной и вдохновляющей. Каждый проведённый урок по «системе Подольского» (так мы называли сотрудничество с МПТИ) придавал сил и энтузиазма. Я научилась не бояться даже тогда, когда не всё получалось. За год мной было дано открытых уроков около двадцати.

В эти годы я испытывала внутренний подъём. Вот, что значит окунуться в любимую стихию. В это же время я начала писать стихи, посещать ансамбль народной песни и играть на домре (после педучилища я не брала инструмент в руки более 10 лет). А в 1992 году под

руководством А. В. Кузьмина мы организовали ансамбль казачьей песни «Талица», где мне посчастливилось быть ведущей и составителем программы наших выступлений.

Не обошла меня стороной и общественная работа в школе — шесть лет профсоюзной работы (сначала член профсоюза, потом — председатель).

В 1992 году узнала о методике Дьяченко «Коллективный способ обучения» от своей сестры, которая в то время работала преподавателем в МГПИ. Написав письмо автору этой методики и получив приглашение на обучение, мы слетали на недельные курсы в г. Красноярск. Это был для меня ещё один толчок к творчеству и реализации себя в профессиональной деятельности.

В своей работе с детьми я работала по принципу гармоничного развития личности. Обучение, развитие и воспитание учеников в моей работе всегда шло параллельно. Когда кто-то говорил, что он учитель и должен только давать знания, я это не принимала. Поэтому, всегда стояла и стою на позиции всестороннего развития ребёнка. С этой целью с 90-х годов разрабатываю свои программы «Уроки человечности» и «Уроки здоровья», которые внедряю в своей работе по сей день.

В 1995 году была награждена значком «Отличник просвещения».

В 1997 году родилась дочь Юлия. Это было чудо, о котором мы уже перестали мечтать. В этом же году наша семья переехала в новый дом, который мы строили своими силами восемь лет. В это время я покидаю ансамбль и перестаю писать стихи.

В 1998 году муж переносит инсульт, а в 1999 году — инфаркт. В этом же году сын оканчивает школу и поступает в МГТУ им. Носова.

Итог — муж-инвалид, сын — студент, 2-летняя дочь, три коровы, полный двор скотины, огород, сад за рекой...

Я выхожу с декретного отпуска и ухожу с головой в работу. У меня — сложный класс из 30 человек, двадцать из которых можно было отправить в класс ЗПР. Казалось, что фортуна от меня отвернулась. Но любимая работа меня спасает. Я с головой ухожу в развивающее обучение по системе Занкова. К концу четвёртого года обучения лишь три ребёнка выйдут с диагнозом ЗПР. С этим классом мы создаём детскую организацию «Светлячок», что позволило добиться положительных результатов в воспитании детей. Весной 2003 года в районном конкурсе детских организаций мы завоёвываем первое место.

Осенью 2003 года я беру 1-й класс, куда идёт моя дочь Юлия. У меня появляются новые силы, мне хочется ещё больше работать. Мы с учителем параллельного класса Р. А. Сеиловой работаем по новой интересной программе «Гармония» и выпускаем в 2007 году хорошие классы. Провожу много открытых уроков и мероприятий на школьном, районном, региональном уровне. Осваиваю компьютер. Занимаюсь развивающим обучением.

В 2006 году я выигрываю в районном конкурсе «Самый классный классный». Весной 2007 года участвую в первом областном конкурсе «Самый классный классный». В этом же году получаю Грант губернатора области в 50 тыс. рублей.

С 2002 года и по сей день работаю преподавателем основ православной культуры в Воскресной школе при храме Покрова Пресвятой Богородицы села Фершампенуаз.

С 2008 года и по сей день работаю после основной работы с больными детьми, находящимися на индивидуальном обучении. Горжусь тем, что научила читать и писать ребёнка, которому врачи поставили диагноз «необучаемый». А его родители от радости перестали пить и начали жить нормальной жизнью.

С 2007 года в своём классе от ФОКа веду уроки валеологии.

В последние годы со своими учениками ведём исследовательские работы и участвуем в конкурсах ЛЕГО-конструирования.

Занимаем и призовые места. В 2012 году ученица класса Горбунова Анастасия заняла 2 место в областном конкурсе чтецов, посвященного поэту Мусе Джалилю. Осенью 2013 года ученик класса Мамедалин Владислав занял 1 место в областном конкурсе исследовательских работ.

Такие требования выдвигают перед учителями Федеральные Государственные Стандарты. Третий год, работая по ФГОС, после уроков веду ребят на дополнительное образование, где реализовываю свои «Уроки здоровья» и «Уроки человечности». После 15 часов работа с больным ребёнком. Потом проверка тетрадей и подготовка к следующему дню. Примерно, в 20.00 — домой. По такому распорядку живу не первый год.

В 2008 году женился сын Александр на Елене Константиновне Маметьевой (1983 г. р.) из села Фершампенуаз. Сейчас проживают в г. Магнитогорске и воспитывают двух дочек — Ангелину (2009 г. р.) и Анну (2011 г. р.).

В 2011 году посчастливилось побывать с группой учителей и учеников в первой заграничной поездке в Италию.

С 2012 года получала выслугу, а с осени 2013 года стала пенсионеркой по старости. В 2012 году получила звание «Ветерана труда».

Дочь в настоящее время учится в 11-м классе».

(Продолжение следует)

с. Фершампенуаз

219

Графман № 1 (17) - 2014

Мargarита Кельвер

Нечистая сила

Свой родной дом я помню до мелочей, хотя уехали мы с Уфалейской улицы, когда мне было шесть лет. Узнала впоследствии и связанную с ним историю, раскрывающую уклад и «антиповский», упертый (как сказали бы сегодня) характер.

Началась эта семейная история в родовом гнезде Семеновых, на Ерзовке. Здесь к тому времени теснились дед Семен, бабушка Настя, семья моего отца с двумя детьми и его родного брата с ребенком, младший, еще не женатый брат и их две незамужние сестры. Сами понимаете, климат был не из веселых.

А тут еще отец масла в огонь подлил — вступил в партию и то и дело после работы ему приходилось то на собрание, то по какому — нибудь поручению вечерами отлучаться из дому. Мать его — на дыбы: или мы, или партия. Вот и пришлось семье переезжать в еще недостроенный дом, под ее угрозы: «Провалиться бы вам, антихристовы дети!». «Знать вас не знаю!»...

Мама плакала от такого страшного напутствия, а еще ее мучали всякие страхи. Тем более, и соседство для нового жилья выбрано было, по ее мнению, неудачное: напротив единственного в этом месте улицы Уфалейской здания Даниловской школы и возле каменной ограды приходского поселкового кладбища. Что иногда рождало какой-то суеверный страх перед разными и вроде не объяснимыми происшествиями: могилки-то рядом, мало ли что может приключиться или померещиться.

В голову то и дело лезли бабушкины рассказы о домовых, леших, букарушке, липунюшке, о колдунах и прочей потусторонней нечисти. Которая то устраивает шабаш, то защекотит до смерти, то уморит со страху, то порчу наведет на доброго человека или живность.

Братья мои (их было трое в семье) открыто потешались над этими, как им казалось, пустыми страхами. Но порой и у них мурашки по коже пробегали...

Этот осенний вечер сеял каким-то унылым дождичком. Мы, оставшись дома одни (родители ушли куда-то по делам), рассредоточились по углам, каждый со своим занятием, в передней избе. В доме уставилась гулкая тишина. И вдруг отчетливо: тук-тук-тук! из дальней горницы. У всех у нас в глазах вначале недоумение (никого же, кроме нас, в доме нет!), а после очередного: тук-тук-тук! — и страх. «Кто там?» — спросил один из братьев. В ответ снова: тук-тук-тук! Не стовариваясь, вооружились, кто чем мог — вальком, кочергой, ухватом, даже косарем, почти по-пластунски, не дыша, двинулись к двери, то и дело, замирая на ходу.

Рывком отворили дверь в горницу, включили свет... И чуть не попадали от хохота — наша серая любимица Мурка в одиночестве совершала моцион по стульям. А так как они не все стояли ровно, их ножки и стучали по полу: тук-тук-тук!

Страх вроде улетучился, но еще долго он слышался в нашем нервном смехе: «Ха-ха-ха! Букарушка!»

Но иногда мальчишки из соседних домов изобретали шутки «погорячее». На месте кладбища, за каменной стеной по решению поселкового Совета депутатов было решено построить новую школу-десятилетку. Началось это строительство с рытья котлована, потревожив покой давно «уснувших» покойников. Прах некоторых родные перенесли на новое, отведенное для этого места упокоения, а остальные, сами понимаете...

Вот и придумали соседские ребята зловещее озорство. Наденут на палку чей-то череп с горячей внутри свечкой и темным вечером постучат кому-нибудь в ставню. Выглянет кто в

окно, а с улицы смотрит на него оскаленная голова с пылающими глазами. Однажды и под наше окно постучали, а я сидела как раз напротив. Жуть! Картина не для слабонервных, и я так закричала, что меня успокаивали всей семьей.

На следующее утро соседки делились: «Опять видение было», «Нечистая сила проявилась», «Теперь не отвяжется»... И кручинились: не к добру это.

Тогда-то отец и соседские мужики договорились дежурить вечерами и поймать «озорников». После первого же рейда и проведенной беседы с пристрастием «призраки» прекратили свои похождения. А вскоре мы переехали оттуда на улицу Макарова.

Здесь веселей было, весь квартал давно полностью застроен и соседей много. Часто вечерами женщины собирались возле чьих-нибудь ворот, посиделки устраивали. Тут уж кто что знает, выкладывал, только успевай слушать свежую «информацию».

Чаще всего разговор затевала баба Вера, жившая напротив нас в избушке, доставшейся ей после раздела с братьями большого дома. С ней всегда что-нибудь приключалось: иногда верилось, порой сомнение брало — правду или нет рассказывает. А истории были занятные...

— Родилась-то я и выросла в Нижнем Уфалее. Мама родила меня и сразу померла. Отец на другой женился. А тут семнадцатый год, отец на войну ушел. Вскоре на него похоронка пришла. У мачехи своих двое было, кому лишний рот нужен. А время голодное было. Вот я собрала как-то свои пожитки в мамин сундучок да что на мне было и ушла из дому. Пешком, босиком отправилась на Верхний. Думала, у тетки, маминой сестры пристроюсь, поживу. Кое-как ихний дом в Шуранке нашла. Богатый, большой. Тетка меня маленько покормила, да и проводила за ворота: иди, мила дочь, на все четыре стороны.

Потыкалась я, потыкалась, у людей поспрашивала. Мне и подсказали: Воробьевы, что на углу Ерзовки, няньку ищут.

Долго я у их жила. Тут нашелся и на меня жених. Он глухонемой был, но красивый и добрый. На метзавод уголь с Ураимской томилки, что у самого Куватала, возил. Две дочки у нас выросли — Маргарита и Ольга.

Тридцать лет мы с им прожили тихо, в согласии. А потом как опоили его чем. Стал пить, задумываться о чем-то. А как напьется, все тятеньке, мамыньке (а их уж давно в могилу опустили) и нам грозит: «Я вам всем попомню». А потом в прорубь на пруду залез, да и замерз совсем.

С тех пор и началась у нас эта чехарда.

Каждый вечер, поди-ка-ся, повадился «он», приходит: то в ворота, то в окошко стучится. Спросишь: «Кто там?», брякнет щеколдой: отвориай, мол, а голоса-то и нет.

А то ночью из угла в избе вылезет огромный черный котиче, крадется, мурлычет, как будто наговаривает что. Девчонки за меня прячутся, режут. Так и жмемся друг к дружке до утра, а я все молюсь.

Покучалась я про то бабке Шепталихе. Она говорит: «А ты сходи в церкву, принеси освященной воды и поставь ее во всех углах в блюдечках».

Послушалась я, сходила в церковь. Вечерами, как спать ложиться, все окна, двери переkreщу, воду расставляю и на девчонок крестики не забуду надеть (в школу-то они их не носили, просмеют — пионерки, а на шее крест).

Первые-то после этого вечера тряслись мы по-прежнему, ждали «нечистого». А он чего только не выделывал, чтоб в избу к нам попасть. То в ставни застучит, то воротами захлопает, то хохочет, то стонет, о стены чем-то брякает. Потом, слышим, заскулил кто-то, да так жалостно, будто плачет. Девчонки мои режут: «Мамынька, холодно ему, открой!». Нет, говорю, потерпим.

И перетерпели. Потом все стихло, хоть я все еще опасалась: вдруг снова придет. И по привычке все время на ночь кресты клала на окна, на двери; воду святую держала наготове. Стала своим рассказывать, родня меня на смех подняла: мерещится, мол, тебе.

— И крест не снимала? — спросил кто-то.

— Он меня всю жизнь оберегал от разных напастей.

— Ой, не придумывай, баба Вера, — возразила молоденькая Нюрашка. — Так мы тебе и поверили...

— А не веришь, и не надо, твое дело, — отмахнулась баба Вера. Тут и разгорелся жаркий спор. Каждая свое доказывает относительно потустороннего вмешательства в нашу жизнь.

Спорили жарко и не заметили, как тихонько подошел к ним развеселый плясун и хохотун Мишка, сосед из дома напротив.

— Об чем баталия, бабоньки? — разудало развел он гармошку.
— Хватит балясы точить, давай оторвем плясовую. Й-и-эх! Баба Вера первая выскочила на мостик через канаву и под Мишкин аккомпанемент зачастила:

На стене висит пальто,
Меня не сватает никто.
Пойду, выйду, закричу:
«Караул, замуж хочу!»

В ответ Мишка встречает:

Как у нас на Суховязе
Баба трактор родила.
Четыре года восемь месяцев
Беременной была...

Только собрался еще одну, с картинками выдать, как бабы, похватав рукоделье и зажимая уши, бросились врассыпную, и хохоча: «Ну нечистая сила, вражина, лешак его знает, откуда только что и выкопает такое».

г. В. Уфалей

Петр Овинов

Директор школы, заведующий районным отделом народного образования

Период, занявший в моей трудовой деятельности почти шесть лет: с июня 1960 по сентябрь 1965 года. Я сознательно объединяю эти два, конечно же, отличающихся друг от друга отрезка своего профессионального пути, ибо оба они, вместе с тем, составляют нераздельное целое — моё служение в системе народного образования, к чему я готовился, где хотел и должен был работать.

К работе в школе я приступил 20 июня, то есть в самом конце 1959—1960 учебного года. Все учащиеся, кроме одиннадцатиклассников, были на каникулах, большинство учителей — в отпуске. Поэтому знакомство с новым местом работы я начал с хозяйственных вопросов.

С прежним директором, это был Карп Абрам Исаакович, мы договорились, что учебные дела текущего учебного года до конца доводит он, я их не касаюсь. К тому же, на будущее он оставался в руководстве школой в качестве её завуча, а потому ему, как говорится, и карты в руки. Кстати, с поста директора он отпросился сам, ему претила хозяйственная сторона работы. Он не хотел и не умел ею заниматься. Зато знал и любил учебное дело, и в последующем мы с ним отлично сработались.

Впрочем, в одном вопросе, относящемся к завершению текущего учебного года, мне пришлось вмешаться. Об этом совсем недавно напомнил мне тогдашний выпускник школы Виктор Потолаха. С ним мы встретились совершенно случайно на одной из улиц Челябинска.

В разговоре он, в частности, рассказал как они: Анатолий Белоусов, Лариса Важенина, Иван Гробовой, Владимир Селютин и Иван Хохлов — не добившись от прежнего директора разрешения на то, чтобы на выпускном вечере вместе с родителями отметить завершение учёбы шампанским, решили обратиться ко мне. (Тогда в очередной раз в стране был введен запрет на использование спиртного.) Я, взяв грех на душу, разрешил, за что получил нахлобучку в райкоме партии. Они это знали, и, оказывается, помнили до сих пор.

Хозяйство мне досталось не простое. Это была даже по городским меркам очень крупная средняя школа, в которой одновременно, в две смены, занималось около 1200 учащихся, не считая вечерних классов. Количество учителей и обслуживающего персонала составляло более сотни человек.

Представлял мне материальную часть Георгий Иванович Шевкунов, много лет работавший в качестве завхоза в данной школе. В неё входили: три отдельно стоящих учебных здания: одно — кирпичное, 1928 года постройки, стоящее особняком, в поселке Благовещенка.

В нём располагались начальные классы. Два других, где обучались учащиеся с 5 по 10-й классы, находились в самом центре Октябрьского. Оба деревянные, 1937 и 1938 годов, постройки. И то, и другое нуждались в хорошем ремонте. Кроме того, школа имела ещё три ветхих деревянных дома, отданных под школьный интернат. Все здания, включая учебные, были с печным отоплением.

В хозяйстве школы имелось несколько ветхих подсобных построек, две лошади и жеребёнок, отдельно стоящий конный двор, конные грабли и сенокосилка, сеновал, кроме того, дровяник, три отдельно стоящих выносных туалета, огромный двор, запущенный до безобразия. В одной из построек с дырявой крышей располагалась кроличья ферма, с полусотней взрослых крольчих и крольчат.

При школе был хороший, недавно посаженный сад с плодовыми деревьями и кустарниками, дело ума и рук замечательного биолога и организатора производственной практики Нины Константиновны Громовой. Это был, пожалуй, единственный объект, который произвел на меня при знакомстве отрадное впечатление.

Георгий Иванович принял моё явно не восторженное отношение ко всему увиденному довольно странно, если не сказать, ревностно. По ходу осмотра, когда я спрашивал, что нам надо сделать, чтобы устранить тот или иной дефект, он пытался убедить меня, что «вообще-то, он делает всё, что может». А потому и делать, на его взгляд, особо ничего больше не надо.

Он был намного старше меня по возрасту и заслуженно считался хорошим хозяйственником. За много лет его работы в школе сменилось несколько директоров. И у всех ему постоянно приходилось просить денег, а их то, как всегда было крайне мало. Так что его снисходительный тон в отношении моих замечаний и предложений был вполне понятен.

К тому же, из-за этих самых денег у него шла то тайная, то явная, но никогда не прекращающаяся война с бухгалтером школы Сидоренко, жесткой и властной женщиной, свято исполняющей все каноны сохранения и расходования мизерных бюджетных средств. К тому же, чтобы подчеркнуть свою значимость, она, нередко, намеренно ужесточала их. В этом я убедился совсем скоро.

Зайдя как-то на конюшню и увидев у одной из лошадей в кровь сбитое плечо, я спросил у Георгия Ивановича, что это значит. На что он сердито буркнул: «Спросите у нашего бухгалтера!» Оказывается, на две лошади у нас имелся лишь один хомут. На второй, по его словам, бухгалтерша не даёт денег, сколько он ни просил.

Меня, с детских лет страстного любителя лошадей, этот ответ возмутил до крайности. «Бухгалтер бухгалтером, — еле сдерживаясь, возразил я, — но кто Вам дал право издеваться над беззащитным животным? Вы же прекрасно понимали, чем обернется Ваша езда». «А что мне прикажете делать?» — запротивился он. «Нет упряжи, не калечь коня!» — отрезал я и отправил его вместе с лошадьё в районную ветлечебницу. Сам же пошел в бухгалтерию.

Оказалось то, что говорил завхоз, было чистой правдой. Сидоренко с первых же моих слов, не дослушав сказанного, пустился в крик, что смета есть смета и бюджет есть бюджет, и сама она деньги не рисует. А потому знать ничего не знает и другого ничего не может.

Спорить было бесполезно. Будучи в райкоме комсомола распорядителем кредитов, я знал, что такое финансовая дисциплина и понимал, что самоуправство здесь не пройдёт. А потому пора было самому разобраться, сколько и на что выделено школе средств и, в связи с этим, решать, что можно и чего нельзя на них делать. К тому времени у меня накопилось, кроме хомута, уже немало и других хозяйственных вопросов, на которые не было пока ответа.

Я прямиком отправился к нашему кредитору, в районный отдел народного образования. Заведовал РОНО в то время Михаил Яковлевич Шаталов, много лет до этого проработавший директором этой самой школы. Главным бухгалтером отдела работала Казанцева Тамара Афанасьевна, оба прекрасные специалисты и замечательные люди. Им импонировало то, что с первых шагов своей деятельности молодой и, как им говорили, строптивый директор сам пришел посоветоваться, как вести хозяйственную деятельность, не нарушая финансовой дисциплины.

Они с готовностью помогли мне советом и не только. На счетах Райпотребсоюза у РОНО были перечисленные и ещё не израсходованные деньги, на часть которых мне тут же была выдана доверенность отдела. К тому же, Тамара Афанасьевна подготовила мне официально заверенную копию школьной сметы с подробным инструктажем и пометкой уже израсходованных и оставшихся на счётах средств.

Михаил Яковлевич, со своей стороны, поддержал моё решение положительно откликнуться на просьбу учителя математики Э. В. Адлера о проведении капитального ремонта дома, в котором тот жил с большой семьёй, пообещав, что деньги на ремонт они выделят дополнительно. Так что теперь-то я был, как говорится, во всеоружии и дело оставалось за малым — распорядиться этим с умом.

С Сидоренко, после моего похода в РОНО и детального разговора о смете и нашей совместной работе, у меня проблем больше не возникало, а вот с завхозом пришлось расстаться. В значительной степени тому содействовали новые обстоятельства, возникшие в школе.

Дело в том, что в сентябре, неожиданно для всех, вместе с началом учебного года у нас начались ни кем не планируемые большие строительные работы. В конце месяца на первом общешкольном родительском собрании, которое мы созвали, чтобы переизбрать родительский комитет, присутствовал А. Н. Саплин, первый секретарь райкома партии. Его жена, Александра Алексеевна, работала учительницей, а старший сын Слава учился в школе. В ходе обсуждения наших школьных житейских дел возник разговор о том, что дети и учителя в период холодов часто простывают и болеют. Причиной, по мнению учителя немецкого языка В. В. Гельмея, было то, что два здания школы, стоящие на расстоянии 25—30 метров, создают соблазн перебежать из одного в другое без тёплой одежды. «Нельзя ли, — обратился он к родителям, — построить хотя бы холодный тамбур, защищающий нас от ветра, дождя и снега?»

Вопрос, было, повис в воздухе. Но слово взял Алексей Назарович и неожиданно предложил методом народной стройки не только соединить оба здания, но пристроить к нему ещё и несколько классных комнат, которых уже сейчас у нас не доставало. «Смотрите сколько нас, — обратился он к собравшимся родителям. — Если каждый отработает на стройке хотя бы по 10 часов, то многое чего можно сделать. Главное — успеть до наступления морозов заложить фундамент. А возвести стены, установить перекрытия и крышу, можно и в зимних условиях. Ну, а по теплу проведём все остальные работы, так чтобы новый учебный год начать уже в готовом здании».

Это было, казалось для всех, в высшей степени авантюрное и несбыточное заявление. Но исходило оно от серьёзного и к тому времени уже ни раз проверенного делом надёжного человека.

За прошедший год, что Алексей Назарович пробыл во главе района, в райцентре, как по волшебству, построены две улицы новых домов, заканчивалось возведение двухэтажного здания райкома партии, заложен фундамент Дома культуры, практически готова была новая котельная, и велось строительство теплотрассы к вновь строящимся двух этажным восьми квартирным домам и многое другое.

На вопрос, а где брать строительные материалы, Саплин ответил так: «Дети руководителей всех районных предприятий и организаций учатся в этой же школе. Попросим их выделить, что можно, из их запасов, а остальное изыщем в районе, думаю, не откажет нам в помощи и область».

Собрание проводилось в субботу, а в понедельник, в 9 часов утра в кабинете директора школы уже находился наш районный архитектор Яков Матвеевич Шиканов с наброском примерного плана будущего пристроя. Так скоро он откликнулся на просьбу первого секретаря, с которой тот обратился к нему там же на собрании.

На чертеже виделось солидное здание, соединяющее две существующие половины школы, плюс стоящее перпендикулярно к нему ещё одно почти на 40 метров в длину, в котором разместились, как мы тогда же согласовали, три типовых классных комнаты с широким коридором и пионерская комната на 30 кв. метров. Даже на плане это выглядело весьма внушительно. И я, отправляясь вместе с автором проекта к А. Н. Саплину, честно говоря, засомневался — не переборщили ли мы с объёмами.

Но Алексей Назарович, взглянув на план, тут же его одобрил, указав, что в здании, что соединяет существующие части, никаких кабинетов не городить, а целиком оставить под фойе школы, «чтобы было место, где ребятам разгуляться, а в зимний период проводить линейки, другие общешкольные мероприятия». Наметили в самой середине здания со стороны улицы сделать главный вход, и выложить над ним для красоты высокий фронтон.

Вечером того же дня в райкоме собрались все руководители предприятий и организаций райцентра, которых ознакомили с графиком предстоящих работ, в деталях проговари-

ли их порядок, выяснили, какая из организаций и что из строительных материалов может выделить на эту с неба упавшую стройку.

Координатором всех вопросов определили, на общественных началах, инструктора райкома партии Бочкарёва Павла Ивановича, ответственным за качество работ Якова Матвеевича также, разумеется, на общественных началах. Я же, как директор школы, должен был обеспечивать необходимый фронт работ, инструменты и материалы, решать все другие возникающие на строительстве вопросы. Общее руководство всей стройкой Алексей Назарович, это он подчеркнул особо, оставлял за собой.

Работы начались на этой же неделе. Мы закупили около полусотни штыковых и совковых лопат, выделили лошаадь и телегу для подвоза воды, подключили бетономешалку, выделенную нам из «Заготзерно» для подготовки бетона и заливки фундамента.

На рытьё траншей под фундамент ежедневно приходило из организаций от 15 до 30 человек. В общей сложности надо было подготовить более 200 погонных метров траншей метровой глубины, уложить в них по всей длине песчаную подушку от 40 до 50 сантиметров, утрамбовать и выровнять её, а затем готовить бетон и залить им более чем полуметровой толщины надёжный фундамент.

Это была очень ответственная и кропотливая работа. Ведь от того, каким будет фундамент, зависела крепость и надёжность стен. К нам же приходили люди, большинство которых мало что понимало в строительных делах. Приходили одни с утра, другие после обеда и надо было постоянно находиться с ними, подсказывать, контролировать и направлять их работу.

Я приходил в школу к 7 или половине 8-го утра и уходил в 8—9 часов вечера, редко выкраивая время на обед.

Ведь Павел Иванович и Яков Матвеевич были днём заняты на своей основной работе и, нередко, только утром или вечером мы встречались, осматривали проделанную работу, намечали, кому и что надо делать. Почти всегда по утрам, когда не бывал в отъезде, стройку навещал Алексей Назарович и координировал наши действия.

Фундамент фундаментом, но надо было думать и решать проблемы завтрашнего дня: где и на что брать стеновой материал, лес на потолки и крышу, тот же цемент и даже песок на подготовку раствора, для укладки стен. Ведь не сегодня-завтра ударят морозы, пойдёт снег и песок тоже будет уже не взять. В общем, проблем хватало.

Директора предприятий и организаций: И. П. Бурцев (Автодор), И. Г. Вязко (Маслозавод), И. Я. Горбачев (Райпотребсоюз), С. Ф. Гостев (Автохозяйство), В. Ф. Журба (Райэлектросети) Т. Т. Маджар (Райзаготзерно), В. Н. Маханёк (Райлесхоз), В. В. Кафтанов (Райпромкомбинат) и другие выделяли сколько могли материалы, технику, людей. Но на одних подачках такую стройку было не поднять. И это было очевидно всем.

Ни денег, ни тем более каких-либо материалов не в каких сметах и планах предусмотрено не было. Возможности школы и РОНО были исчерпаны полностью. Мои обращения к начальнику Райфинотдела Г. С. Сибко тоже успехом не увенчались. Тогда Саплин пригласил его и управляющего банком А. М. Мочалова в райком партии.

Объяснив ситуацию, он стал, обращаясь к их родительским чувствам, просить их поискать выход и помочь школе деньгами. Но они оба отказались, заявив: «без нарушения инструкции выхода не найти, а на нарушение мы не пойдём». Разгневанный секретарь райкома подвел их к двери и со словами: «Такие помощники нам не нужны, идите», выставил их из кабинета.

«Ты видишь, Петро, — так он звал меня, когда я был в комсомоле, и теперь, и даже тогда, когда я много позже работал в обкоме партии, а он, будучи на пенсии, приходил навестить старых знакомых. — Пригрелись на тёплых стульях, прикрывшись инструкциями, и пальцем пошевелить для дела не хотят. Как прикажешь работать с такими»? И, разведя руками, показав тем самым, что сделать больше ничего не может, выставил меня за дверь вслед за ними.

А там меня ждали ещё более разгневанные, только теперь уже на меня, Сибко и Мочалов. По их предположению, это я был во всём виноват. Это я ходил жаловаться на них, и тем самым поссорил их с «Первым». В общем, получил я от них по полной. Но к моему удивлению и радости в конце крутого разговора они сообщили, что, посоветовавшись, нашли выход и завтра перечислят на счёт школы, минуя РОНО, 50 тысяч рублей. Только прямо сейчас, чтобы сгладить неприятность, я должен вернуться и доложить Саплину об их решении. Условие я выполнил. Инцидент был исчерпан, стройка продолжалась. И позже, нечасто, но теперь уже минуя Саплина, я пользовался их помощью.

Заливку фундамента и обвязку его красным кирпичом, а также кладку стен почти на метр высотой мы успели провести до больших морозов. И это была уже победа. Теперь на возведении стен работало практически на постоянной основе только три человека. Это были специалисты, выделенные хозяйствами района, чьи дети учились в нашей школе. Предприятия райцентра поочередно присылали на неделю только подсобных рабочих, обычно не более трёх-четырёх человек в день, в основном на обустройство вдоль стен строительных лесов, подготовку раствора и доставки его каменщикам. В сильные морозы и в непогожие дни не работали. Но и при этом часто размазанный по стене раствор «схватывался» до того, как на него укладывался очередной кирпич или шлакоблок.

Каменщики молчали, а из подсобников, чуть не в каждой смене, обязательно находились шутники, которые говорили: «Ну что, директор, не боишься, что придёт весна и растает твоя школа, как та лисья избушка из русской сказки?» А я, признаться, и сам не раз думал об этом. Зимняя кладка кирпичных и шлакоблочных стен на деревне в те годы была в новинку, и сомневающимся в надёжности этого новшества было, хоть отбавляй.

Но я твёрдо верил своему шефу-наставнику. Алексей Назарович знал, что делал. «Не трусь, — подбадривал он меня, когда я как-то отважился высказать ему свои опасения. — Одноэтажное здание стоит на твёрдом, добротном фундаменте, цементный раствор по мере таяния схватится ещё крепче, сверху стены будут увязаны деревянными потолочными балками, крышей, так что будет твоя школа надёжно стоять». И он, как всегда, оказался прав.

К весне стены были готовы. Каменщиков сменили плотники, уложив перекрытия и толчки, возвели крышу и принялись за укладку полов. Затем настал черёд штукатуров.

По мере готовности пристроя становилась всё очевиднее необходимость капитального ремонта существующих зданий, особенно после того, как было решено подключить школу к системе центрального отопления.

Как только закончился учебный год, из классов были выброшены печи, в том и другом здании, поочередно, снята старая и произведена новая штукатурка, заменены, где было необходимо, изношенные полы, двери, подоконники и так далее.

Вполне понятно, за всё это время от начала строительства и до его завершения, я как директор не мог уделять должного внимания учебному процессу в школе, занимаясь организацией строительных работ, добыванием денег и стройматериалов, новых парт, классных досок, мебели и много чего ещё.

Приходилось чуть не ежедневно обивать пороги кабинетов руководителей районных предприятий и организаций, неделями пропадать в Челябинске, добываясь получения распоряжений, лимитов и нарядов в Облснаббыте и ОблОНО.

Постоянно отвлекались от своей непосредственной работы и другие работники. Так, новый завхоз школы, Г. А. Прутьян, по моему распоряжению значительную часть времени был занят не школьным хозяйством, а вывозкой леса из Кусинского района. Учитель рисования, В. Г. Грехов, работающий ранее водителем, нередко вместо уроков занимался на школьном ЗИС-5 подвозом песка, кирпича и шлакоблоков, отпустив по моему указанию детей. На погрузку и разгрузку материалов систематически привлекались ребята из старших классов.

Ещё работая в комсомоле, я добивался от райисполкома и РОНО, чтобы в районе открыть Дом пионеров. Не получалось, ссылались то на отсутствие помещения, то штатов. И вот, придя в школу и обнаружив рядом полупустое старое здание, я добился при поддержке М. Я. Шаталова разрешения на открытие в нём этого Дома.

Инициатива, как говорят, наказуема. Так как решение райисполкома состоялось 19 августа 1960 года, и он открывался, как записано в решении, «временно на базе Октябрьской средней школы», то и ремонт, и оснащение его велось силами школы. Я же долгое время, будучи руководителем школы, на общественных началах исполнял ещё и роль директора Дома пионеров, отвлекаясь по мере необходимости и на решение его проблем.

Некоторые учителя увидели во всём этом моё непонимание значимости учебного процесса, игнорировании его и принялись писать жалобы во все районные инстанции, о чём, честно говоря, я даже не подозревал. Дело закончилось тем, что где-то в конце мая, когда уже над пристроем была возведена крыша, вставлены окна и в новых классах настилали полы, меня пригласили в райком партии, как оказалось, на встречу с авторами этих жалоб и для их разбора.

Зайдя в кабинет первого секретаря, признаться, я даже оторопел, увидев там нескольких своих коллег, притом из числа тех, кого меньше всего интересовали мои строительные

заботы. А. Н. Саплин, усадил меня в торец стола, куда обычно усаживают героев персональных дел. А затем, в качестве вводной рассказал, назвав присутствующих, что они в письменной форме обратились в райком партии с жалобами, ибо недовольны деятельностью директора. И, коротко, не персонифицируя, изложил их претензии, а точнее всё то, о чём я только что писал несколькими абзацами выше. Обратившись ко мне, он сурово спросил: «Ну, что скажешь?»

Что можно было мне тогда сказать? «Почти всё, о чём они писали, — начал я, — имело место быть. Всё — правда. Учителей и старшекласников снимал с уроков, завхоза превратил в экспедитора, бывало, пропускал уроки сам, не посещал, как положено, уроки других, мало вникал в учебный процесс, передоверив его завучу. Одно скажу, что это не от лени, и не от незнания дела, Меня просто на всё не хватает. Присутствующие коллеги — опытные учителя, профессионалы. И мне понятна их озабоченность. Но я хотел бы спросить: а разве можно в эти короткие сроки фактически на полуофициальных началах проделать такую гигантскую работу иначе?»

На минуту повисла тягостная тишина. А затем, поднявшись, Алексей Назарович произнёс: «А я вот, Петро Акимыч, твоих коллег не понимаю. Надо быть слепым и глухим, чтобы не осознавать, с каким трудом и для кого ведётся эта стройка. И сегодня я хочу им сказать, пусть это знают все, — Овинова мы в обиду не дадим». На этом разговор был закончен. Было и такое.

Напряжённейшая работа велась всё лето. Только в середине августа стало возможным производить побелку и покраску стен, полов и окон в старых помещениях. К работе были привлечены все: родители, учителя, учащиеся старших и даже пятых—седьмых классов. Они мыли полы и окна, заносили и расставляли по классам столы и парты. Пятиклассники вместе с классными руководителями красили ограду, наводили чистоту вокруг школы.

И сообщая мы с задачей справились. Учёбу начали в обновлённом, просторном, пахнущем свежей известью, краской и лаком едином здании, обнесённом новым только что покрашенным забором из штакетника. Главный же вход в школу украшала ажурная ограда из чугуна кузинского литья.

Преобразилось пространство и вокруг школы. После переезда райкома партии в новое двух этажное здание, его старое помещение передали школе под интернат. А её ветхие домишки напротив главного входа, снесли, приспособив освободившееся место под мини-стадион с беговыми дорожками, гимнастическими снарядами и прекрасной площадкой для игры в волейбол.

Открытие 1961—1962 учебного года 1-го сентября получилось особенно праздничным и торжественным. Поздравить учителей и учащихся пришли первый секретарь райкома и председатель райисполкома, было много родителей, обе смены учащихся. Получилось нечто вроде митинга с поздравлениями и высказываниями общей радости, откровенного удивления тем, что в невиданно короткий срок сделано большое и доброе дело.

Всеобщая удовлетворённость, эмоциональный подъём были особенно волнующими и искренними, прежде всего потому, что все — и родители, и учителя, и дети одинаково чувствовали свою личную причастность к свершившемуся событию и заслуженно гордились этим. Бесспорно, это чувство оказало своё положительное воздействие и на всю нашу дальнейшую учебную деятельность.

Что касается того неприятного для меня инцидента с жалобами в райкоме партии, я, по прошествии времени, пришел к выводу, что и он сыграл положительную роль в деятельности нашего педагогического коллектива, так как случился в самом начале моего директорства и заставил меня серьёзно всмотреться в портрет вверенного мне коллектива. А он был ой как не прост.

Во-первых, меня критиковали в своих письмах не какие-то злопыхатели, а честные опытные педагоги, болеющие за вверенное нам дело. Ведь предназначение школы — обучение и воспитание детей, ответственнейшая работа по формированию их и нашего будущего. А то, чем занимался я, преходяще, временно. Я же в то время, по их мнению, не понимал этого, главному предпочитал второстепенное.

Во-вторых, явно просматривалась неоднородность педагогического состава. Почти четверть его составляли жены районных партийных и советских руководителей, директоров районных предприятий и организаций, которые, нередко, скрытно или явно конфликтовали между собой, демонстрировали свою независимость по отношению к руководству школы, претендуя на особое к ним отношение.

Другие предпочитали группироваться вокруг руководства школы, директора или завуча, молодёжь также составляла свою отдельную группу. Особняком, претендуя на полную автономию, держалась начальная школа, возглавляемая её завучем, Анастасией Сергеевной Гнатюк, женщиной авторитарного типа правления.

Теперь, когда я наконец занялся своим прямым делом, наличие групповщины в школе особенно бросалась в глаза. На педсовете по итогам первой четверти с докладом выступал А. И. Карп. По обыкновению он остановился на цифрах, сравнивая количество тех или иных оценок по классам и параллелям, детально разбирал упущения и ошибки молодых преподавателей, ни слова упрека не высказав в адрес кого-либо ещё.

К педсовету готовился и я. За два месяца я посетил уроки почти всех учителей и у некоторых не по одному разу. Внимательно просмотрел все журналы, проанализировал их содержание. Детально изучил планы воспитательной работы классных руководителей, побывал на многих классных мероприятиях.

Уже на этих встречах те, с кем я беседовал по поводу ли урока, или проведённого ими мероприятия, смогли убедиться, что хоть я и пришел на директорство из молодёжной организации, но в школьных делах уже далеко не мальчик.

Практическая работа учителем до и после института; целеустремлённая теоретическая подготовка в педвузе; неоценимый интеллектуальный заряд, полученный мною в Высшей комсомольской школе и на руководящей комсомольской работе; наконец, короткая, но продуктивная деятельность в качестве директора Подовиновской средней школы — всё это позволяло мне чувствовать себя и быть на равных с любым из самых подготовленных и опытных учителей школы.

Было что сказать и на педсовете, в дополнение к основному докладу. Согласившись с оценкой итогов, данной завучем, отметив положительные стороны работы, я продолжал: «Вот, Абрам Исаакович налегал на критику молодых учителей. И это понятно, молодым свойственно ошибаться. Меня беспокоит другое.

Как понять, к примеру, действие опытного педагога, который в 5-х классах, наградив двойками, систематически выставляет за дверь чуть не дюжину учеников, ибо они мешают ему спокойно заниматься.

Другой, не менее опытный педагог, таких же непослушных ребят считает необходимым регулярно водить в кабинет директора и завуча на воспитание, видимо искренне полагая, что сам он призван быть исключительно лишь урокодателем. Непонятны мне и действия учителя, который на двух уроках подряд всем 27 ученикам класса одновременно выставляет по двойке. И какую оценку во всех этих случаях заслуживают уроки самих учителей? А ведь это не единичные случаи.

В одном из четвёртых классов я увидел девушку 16 лет, которая, оказывается, вот уже восьмой год учится в начальной школе. Учительница рассказала, что в первый класс, тогда совсем малышкой, её принимала она же. И вот теперь уже во второй раз занимается с ней в четвёртом.

На моё предложение перевести девочку в 5-ый класс, и дать ей возможность учиться со своими ровесниками в вечерней школе, учительница заявила, что этого она не может сделать принципиально, ибо ученица не усвоила программу начальной школы. А если я буду настаивать, то, по её мнению, должен заручиться справкой из нашей больницы, что девочка умственно не полноценна. Только в этом случае она готова оформить её перевод из 4-го в следующий класс. (По существующим тогда правилам перевод учащихся в другой класс в начальной школе единолично осуществлял учитель.)

Встретившись с родителями ученицы и увидев, как тяжело они переживают судьбу своей дочери, я, хоть и сомневался, но решил обратиться к главному врачу района Е. А. Тенегину с нашей просьбой. Он очень хорошо меня знает, и поэтому ответил, как ему свойственно, прямо: «Ну, что касается ученицы, я её не видел. А вот вам с учительницей я, если надо, по такой справке каждому, пожалуй, выдам». (Эти слова справедливо вызвали у присутствующих оглушительный смех.)

Посмеявшись вместе со всеми, я продолжал: «Что до этой девушки, то своим приказом я перевёл её в вечернюю школу, и со второй четверти она будет учиться в 5-ом классе. Но, суммируя всё вместе взятое, невольно прихожу к выводу — насколько же правы педагоги, указывающие в своих жалобах в райком, что, нередко, второстепенное (в данном случае, наши эмоции, формальный подход, сиюминутные решения) заслоняют у нас главное, основное. То, ради чего мы здесь находимся — интересы вверенных нам детей».

На одном из следующих педсоветов я поставил вопрос, о приобщении учащихся к чтению дополнительной литературы и необходимости работы учителя над собой. На него меня чисто случайно вывело одно из посещений урока учительницы, которая при объяснении нового материала, используя дополнительную литературу, старательно закрывала от учащихся название книги, из которой она зачитывала интересные примеры и факты.

Когда я спросил, для чего она это делает, она искренне ответила: «чтобы дети не нашли, откуда учительница берет интересный материал». А на вопрос: «разве мы не должны побуждать учащихся знать больше, чем они слышат на уроке, или читают по учебнику»? и вовсе не нашлась, что ответить.

Это натолкнуло меня на мысль справиться в нашей школьной и районной библиотеках о том, интересуются ли учителя тем, что читают ученики по их предметам, и как они пользуются библиотеками сами. Картина, прямо скажу, оказалась не утешительной. Из отделения связи мне также предоставили справку о том, какие газеты и журналы по предметам выписывают учителя. Она тоже не вызвала особого удовлетворения.

Обо всём этом, с необходимыми пояснениями и требованиями, я доложил педсовету. Сейчас такой нужды нет, а тогда и примеры, и справки, и факты были с конкретными фамилиями, не взирая, на то, кто к какой группе относится. А это означало — неприкасаемых не будет, всякие табу отменяются. В том числе и для жён начальствующего состава.

Подтверждением тому вскоре явился и эпизод с Р. А. Венцовой, женой начальника районного управления сельского хозяйства, в очередной раз поссорившейся с завучем. А произошло вот что. Накануне я встретил случайно её мужа. Поздоровавшись, он мимоходом спросил: «Ну, как там моя Роза Александровна трудится»? На что я также коротко ответил: «Как всегда, замечательно. Только вот с завучем по-прежнему никак общего языка не найдут». На что он, как мне показалось, добродушно бросил: «поспорить она любит». И на этом мы разошлись.

А наутро она прибежала в слезах выяснять, почему я пожаловался на неё её мужу, и в чём она провинилась. Валерий Константинович, мужик был крутой и, зная её давние стычки с Абрамом Исааковичем, выдал ей, как выяснилось, многое от себя, так что плакать было отчего. Но резонанс получился хороший. Все женщины её круга учли, что директор хорошо знаком с их мужьями и, при случае, сам может выйти на любого из них, если потребуется.

Большое положительное воздействие на всех, несомненно, оказывала Александра Алексеевна Саплина. Являясь, как бы сейчас сказали, первой леди районного масштаба, к тому же родной сестрой жены тогдашнего министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича (ей ли не загордиться), она была удивительно скромна, корректна и доброжелательна. И не только в школе.

Думается, не последнюю роль в ликвидации группировок в коллективе сыграло и моё поведение как руководителя. Я и тогда и позже, никогда не переносил деловые отношения на личные. Не был злопамятным, мстительным и заносчивым. Стремился жить интересами дела, идти в ногу со временем, быть впереди. И люди скоро увидели и оценили это.

Но главное, что сплачивает коллектив, — это, конечно же, конкретные дела.

В те годы широкую известность получил опыт липецких учителей, который с определённой натяжкой можно отнести к прообразу современного интерактивного метода обучения. Прочитав о нём статью в «Учительской газете», я решил послать в г. Липецк нашу делегацию для более полного его изучения и последующего использования в нашей работе.

Созвонился с городским отделом народного образования, договорился, что они примут нашу делегацию из трех человек. Решение кого послать, вынес на обсуждения коллектива. К своему удивлению встретил со стороны учителей полное равнодушие. Резюме сводилось, примерно, к следующему: «Хочешь, посылай. Вон молодёжь всё равно мало что знает, пусть едет и учится. Мы ж и сами с усами».

С этим я никак согласиться не мог. Уж если посылать, то наиболее опытных учителей и самых недоверчивых. И предложил кандидатуры А. И. Карпа, А. П. Кирягиной (Никифоровой) и, всегда всём недовольной, А. Т. Мудрак. Я был уверен, эти люди не клюнут на пустышку. Но, встретив рациональное зерно, разглядят его, освоят сами и обучат других. Так оно и получилось.

Уехав сомневающимися, Абрам Исаакович и Антонина Павловна (один математик, другая учитель русского языка и литературы) вернулись удовлетворёнными, полными желания соединить свой многолетний опыт с теми знаниями, которые они приобрели. Сде-

дав это, они зримо поднялись ещё на более высокую ступень учительского мастерства, чем были ранее. (Александра Тихоновна, к сожалению, вернулась ни с чем).

На открытые уроки Карпа и Кирягиной началось настоящее паломничество, сначала учителей нашей школы, а затем и других школ района. Кроме того, их приглашали с докладами в Областной институт усовершенствования учителей, к ним приезжали учителя из соседних районов и даже из г. Копейска, шефа нашего района.

Всё это не могло не сказаться на школе в целом. Внедрение приобретённого новшества дало эффект мультипликатора. Коллектив охватило стремление к творчеству, поиску и внедрению в преподавание каждого предмета чего-то своего, нового, результативного. Ведь в то время в школе работали подлинными мастера педагогического труда, преподаватели:

математики — Эдуард Владимирович Адлер, Роза Александровна Венцова, Нина Петровна Кабанова, Кузьма Никонович Кирягин, Владимир Селивёрстович Фигалев (физик);

русского языка и литературы — Татьяна Васильевна Верховова, Татьяна Сергеевна Горожанина (Милованова), Зинаида Ивановна Горбачёва, Лина Аполинарьевна Самарина;

биологии, географии — Анна Лаврентьевна Балашова, Нина Константиновна Громова, Андрей Афанасьевич Звездин, Нина Владимировна Полтавская, Валентина Фёдоровна Россошанская, Тамара Григорьевна Шульгина, Валентина Николаевна Харитоновна;

истории — Любовь Сергеевна Овинова, Иван Васильевич Самарин, Любовь Илларионовна Сырцова, Клавдия Дмитриевна Трипольская;

иностранный язык — Василий Васильевич Гельмель, Нина Васильевна Симон, Иван Андреевич Штирц;

физической культуры и спорта — Фаина Ивановна Пустозёрова, Сергей Григорьевич Шульгин.

Преподавателем производственного обучения работал у нас тогда дипломированный инженер — Геннадий Григорьевич Россошанский, учителем пения — общий любимец, Виктор Александрович Гильбутовских и многие другие.

Кстати, в этой школе сразу после нашего институтского распределения начинали свой трудовой путь мои сокурсницы: Нина Андреевна Кудрявцева (Малкова) и Валентина Ивановна Усагова (Ярьско). Правда, к моему приходу в школу они уже из неё выбыли, но оставили о себе у коллег и учащихся, как мне говорили, хорошую память, что вызывало у меня нескрываемую гордость.

Во все времена Октябрьская средняя школа славилась тем, что давала прекрасные знания учащимся. Её выпускники не боялись поступать в любое выбранное ими учебное заведение тогда, и что отрадно, сейчас. Об этом я могу судить не понаслышке. С 1993 по 2012 год я работал в Челябинском экономическом колледже. И более 10 лет фактически возглавлял приёмную комиссию учебного заведения.

Все эти годы я искренне радовался тому, что к абитуриентам Октябрьской школы, да и других школ района, по части знаний у нас претензий практически не было. А в те годы конкурсы по отдельным специальностям в нашем колледже составляли от 2-х до 4-х человек на место.

Много сил и времени педагогический коллектив уделял совершенствованию воспитательной и, подчеркну особо, внеклассной работе с учащимися.

Я уже писал об открытии районного Дома пионеров на базе нашей школы. В его кружках занимались наши дети. Первый год инструктором Дома и старшей пионервожатой в школе была моя жена Л. С. Овинова, также на общественных началах вели кружки: баянистов — В. А. Гильбутовских, швейного дела — Э. А. Штирц, домоводства — С. С. Карп, рисования — В. Г. Грехов. Бумага, краски, кисти и другие материалы покупали за счет школы, на занятия по швейному делу и домоводству дети приносили, что необходимо, из дому. Всё это было дополнением к тому, что делалось непосредственно в школе. Важно было занять полезным делом как можно больше ребят. С приходом на штатную должность директора Дома пионеров в январе 1963 года Карповой Валентины Павловны его деятельность заметно активизировалась и расширилась.

Наладилась работа учителей гуманитарного цикла школы с районной библиотекой (её заведующие — Эмма Генриховна Полосуева, Клавдия Аркадьевна Левчева). Совместные читательские конференции для учащихся различных возрастов и параллельных классов, обзоры и обсуждение книг и журналов, отдельных статей теперь проводились согласованно и на постоянной основе. Библиотекари рекомендовали учащимся для чтения книги, которые они, как правило, подбирали вместе с учителями.

В тесное творческое сотрудничество переросли отношения школы и районного Дома культуры с появлением в нём таких специалистов клубного дела, как Л. Г. Устинов, директор РДК, Н. Я. Канищева (хоровик), Н. И. Чугаева (хореограф).

Я, как постоянный участник художественной самодеятельности, сотрудничая с ними, активно содействовал тому, чтобы наши учащиеся 10—11-х классов как можно шире привлекались в различные кружки при РДК. Особенно много девочек и мальчиков разных возрастов занималось в танцевальных группах Надежды Чугаевой. Её танцевальный коллектив позже получил звание «народный ансамбль танцев», основу которого составляли наши учащиеся.

Основной состав народного хора Октябрьского РДК также долгое время представляли учителя нашей школы. Мой призыв «всем коллективом в хор» был услышан ими и принят. Около трёх десятков учителей с удовольствием занимались хоровым пением под руководством Нины Яковлевны Канищевой, замечательным музыкантом и человеком.

Немало интересного появилось и во внеклассной работе в стенах самой школы. В просторном фойе и классах стало нормой проведение творческих вечеров с чтением стихов, короткими постановками, диспутами физиков и лириков, лекциями о смысле жизни. Ребята участвовали в конкурсах и смотрах художественной самодеятельности, занимались в спортивных секциях, участвовали в соревнованиях по легкой атлетике, лыжам, ходили в туристские походы, совершали коллективные поездки в театры Челябинска.

До сих пор помнится моя первая поездка с классом в театр оперы и балета на оперу «Евгений Онегин». Идея родилась на уроке литературы при изучении этого гениального произведения А. С. Пушкина. Рассказывая о нём, я сказал ребятам, что другой гений, композитор П. И. Чайковский написал оперу одноимённого названия, положив содержание романа, идеи, заложенные в нём на музыку. И предложил поездку в челябинский театр оперы и балета, где эта опера шла. Предложение было принято на ура, и поездка состоялась.

По дороге в город часть мальчиков, не отягощённых особо лирическими проблемами, предложила заменить посещение театра — на поход в цирк. Но идея не прошла, я легко переубедил ребят в её ошибочности. И на обратной дороге они благодарили меня за это.

Совместное восприятие происходящего на сцене, обсуждение в антрактах либретто, изложенного в программках, которыми я снабдил перед этим каждого, сравнение его с пушкинским текстом, который мы здесь же вместе вспоминали, и, главное, очарование бесмертной музыкой Чайковского сделали своё дело, ребята были потрясены.

На следующий год при знакомстве с изумительной трагедией немецкого классика Иоганна Гёте «Фауст», учащиеся, узнав от меня, что в театре идет одноименная опера французского композитора Шарля Гуно, прямо-таки заставили меня организовать им поездку в Челябинск. И были удивительно серьёзны и задумчивы после посещения спектакля. Размышления гениев двух народов о смысле жизни, предназначении человека на земле, выраженные посредством искусства, глубоко запали в их юные сердца.

Поэзия и музыка — всемогущи. Плод человеческой деятельности — они, как ни странно, только и делают человека человеком.

Учащиеся средних классов вместе с преподавателями с охотой участвовали в походах по изучению родного края. Наш район называют краем озёр. Ребята, и я вместе с ними, объехали на велосипедах все крупные озёра в окружности райцентра, изучили и описали их флору и фауну. С полученными результатами туристский отряд школы в назначенное время во главе с директором отправился в двухдневный велопробег из села Октябрьское в город Чебаркуль, где проходил областной слёт школьников, и занял там первое место среди всех сельских школ области.

Туда и обратно мы ехали с ночёвками в палатках, кострах, с удивительно интересными откровенно доверительными беседами, признаниями, спорами. Необычайно интересно было наблюдать за ходом мыслей детей, их своеобразным восприятием мира, нередко, оригинальными выводами из того, что нас каждодневно окружает.

Я всегда любил такое общение, особенно с озорными, хулиганистыми ребятами. Как правило, это были деловые, активные мальчишки и девчонки. Многие существующие правила ограничивали их деятельные натуры, и тогда они нарушали эти правила, стесняющие их жизнь.

В отряде же они свободно реализовали себя в зависимости от своих способностей. Одни исполняли роль механиков и с удовольствием вели бесконечные ремонты своих велосипедов, и велосипедов товарищей. Другие демонстрировали пристрастие к кухне и

свои поварские способности. Третьи, мы их называли исследователи, постоянно торчали у берега, разыскивая и изучая в воде всякую живность. Четвёртые не отходили от костра, следуя древнему зову предков, их преданности огню. В общем, каждый находил себе дело по душе.

То же самое я наблюдал и в палаточном лагере на берегу прекрасного озера Деньгино, где каждое лето вольготно жили члены нашей производственной бригады школьников 7—10-х классов, приобретая навыки сельского труда и оказывая посильную помощь совхозу «Маякский».

В те годы в стране, (чтоб ускорить приход коммунизма), появилось немало модных движений, типа: «трамвай без кондуктора», «буфет без продавца», «касса без кассира», «класс без классного руководителя» и другие.

Мог ли я, вчерашний комсомольский лидер, не отреагировать на эту моду? Конечно, нет. Буфета у нас в школе тогда не было, а вот классов сколько хочешь. Только 5-х, 6-х и 7-х — по 3—4 класса в каждой параллели. Обдумывая ситуацию, средние классы отмел сразу. И с классными руководителями иногда с этим народом сладу не было.

Поставил на педсовете вопрос о 9 «А». Классным руководителем в нем был В. В. Гельмель. Человек старой закалки и сторонник строгих мер, он давно уже находился в затяжном конфликте с учащимися. Я преподавал в этом классе литературу и ребята постоянно, во многом справедливо, жаловались мне на своего куратора. Появилась возможность освободить опытного педагога от этой обязанности без морального стресса для него.

Педсовет меня поддержал, но при условии, что негласным руководителем класса буду я. Пришлось согласиться — мода тоже «требует жертв». Так и работал я два года: директором, а на общественных началах, ещё и классным руководителем. Кстати, ребята в классе оказались замечательные. Это, к примеру, Коля Поткин, Лёня Черноштанов, Нина Верховова и ещё два десятка замечательных мальчишек и девчонок. Работалось мне с ними легко и интересно, и совсем не обременительно.

Действовала у нас и своя «касса без кассира», где главным исполнителем эксперимента тоже оказался я. Дело в том, что по существующим тогда правилам бухгалтер нашей школе был положен, а вот кассира иметь не полагалось. Теми же правилами совмещение в одном лице обязанностей бухгалтера и кассира было запрещено. И если все хозяйственные расходы школы, осуществлявшиеся тогда только по безналичному расчёту, вела бухгалтер, то деньги на зарплату учителям в банке получал и выдавал я. Так вот процедура этой выдачи и была мною «модернизирована».

Делалось это так. На столе у директора лежали ведомости на получение зарплаты, рядом на широком блюде лежали денежные бумажные купюры разного достоинства, а также различные металлические денежные знаки. Любой из пришедших находил свою фамилию в ведомости, уточнив причитающуюся ему сумму, расписывался, и, отсчитав её из разложенных купюр, удалялся. Мы же с Абрамом Исааковичем (у нас был один кабинет на двоих) занимались своими делами. Никакого контроля за тем, какую сумму забрал получатель и соответствует ли она указанной сумме в ведомости, не было.

Поначалу некоторые учителя, особенно начальных классов, сильно переживали, боясь просчитаться и взять лишнее, просили слёзно меня или Карпа пересчитать то, что они брали, но затем привыкли, и в течение всего учебного года касса функционировала нормально. Нормально, не учитывая одного — уже в первой получке я не досчитался пяти рублей. Естественно, я отнёс это к случайной ошибке, просчёту одного или нескольких получателей. Но когда пяти рублей не хватило во второй, а затем и в третий раз, стало ясно, кто-то один в большом коллективе позволяет себе прихватить лишнего. На то, что только один, указывала эта самая повторяющаяся раз от разу пятёрка.

Я решил рассказать об этом Абраму Исааковичу. Его услышанное известие не только расстроило, но и заставило смутиться. Ведь он много раз оставался во время получки в кабинете один, когда я шел на урок, или куда-либо ещё. А в это время люди тоже приходили за зарплатой и получали её в его присутствии. Более того, деньги свободно лежали в сейфе, которым мы пользовались совместно.

Мне с трудом удалось успокоить его, чтобы обговорить, что же делать? На его предложение немедленно прикрыть, как он говорил, «эту лавочку», я ответил категорическим отказом, ибо это значило поставить под подозрение весь коллектив учителей. Просидев битый час, мы так ничего путного и не придумали. И я, взяв с него слово, что об этом, кроме нас, никто не будет знать, включая жён, решил пока оставить всё как есть.

Но Абрам Исаакович не был бы самим собой, если бы не придумал способ, каким образом вычислить нашего обидчика. Наутро он пришел с решением: каждый раз мы на блюдо теперь выкладываем только по 1000 рублей. Когда деньги заканчиваются, мы, втайне зафиксировав получателей, сверяем сумму, причитающуюся им по ведомости с той, что они забрали со стола. Как только найдём несоответствие (тысячи хватало на зарплату 6—8 человек) так будем отслеживать только этих, попавших под подозрение людей. И таким образом выйдем на нужного нам человека. Способ хлопотный, но верный.

Между тем изъятия продолжались. К тому же из новогодней полочки (свою зарплату я получал последним, то есть забирал то, что осталось) я не досчитался 10 рублей, но далее опять всё вернулось к пресловутой пятёрке. Однако и круг не прошедших проверку людей с каждым разом сужался. Нам не хватило одного месяца, чтобы выйти самим на нашего любителя прихватить лишнего. Случилось следующее.

В конце мая выпускники 11-го класса сдавали экзамены по профессии. Одни на трактористов, другие — на шоферов. В оборудованном для этого классе стол накрыли красной скатертью, а стулья — белыми чехлами, которые хранились в школе для таких торжественных случаев. После экзамена чехлы исчезли. Нашли их через час в доме учительницы. Её видели последней выходящей из этого класса. Женщина была из новеньких. Маленькая, хромёнькая, тихая и незаметная, она никогда ни у кого не вызывала другого к себе отношения, кроме сочувствия.

Уже уличённая, в беседе со мной она рассказала, что воспитывалась в детском доме. Там пристрастилась к мелкому воровству, переросшему в болезнь. На мой вопрос: «Так это, возможно, вы брали у нас деньги при получении зарплат?» «Я, — спокойно ответила она. И как бы извиняясь, добавила, — так я же понемногу, всего по пяти рублей. Только на новый год взяла десять». Призналась она также легко и в том, что все мелкие кражи в учительской, что случались в течение года, это тоже её рук дело.

Как было с ней поступить? На радостях, что наш коллектив учителей оправдал мою веру в него и остался чист, уволил я её «по несоответствию», минуя милицию, и исчезла она из наших мест «как сон, как утренний туман».

Так закончился наш эксперимент с этим «ростком коммунизма», который, между прочим, тоже принес определённую пользу. Учителя, узнав о том, что я почти весь учебный год терпел регулярное обворовывание, но не сворачивал начатое дело ради того, чтобы не травмировать коллектив, оценили поступок должным образом. Я получил, в свою очередь, их полное доверие.

Всё выше сказанное, исключая неприятный и случайный инцидент, изменили жизнь и самих учителей. Творческий характер труда, занятия художественной самодеятельностью, участие в районных и областных смотрах, делали её интереснее, духовно богаче. Совместное проведение праздников и вечеров отдыха, даже коллективные выезды на заготовку дров и сенокосы — всё это сближало нас, укрепляло дух коллективизма и товарищества.

Дружным, творчески нацеленным коллективом начали мы 1962—1963 учебный год. Но закончить его вместе со всеми мне не довелось. В марте 1963 года я был утверждён заведующим районным отделом народного образования. Прямо скажу, это меня не обрадовало. Жаль было коллектива. Я обычно быстро и близко схожусь с людьми, привыкаю к ним, а потому расстаюсь всегда с неохотой.

Новое назначение было не по душе ещё и потому, что ущемляло меня и материально. В школе мой заработок составлял 210 рублей в месяц плюс летний отпуск 48 рабочих дней. Оклад заведующего отделом составлял 170 рублей и 24 дня отпуска. И никаких денежных премий и поощрений. Грамота райкома или райисполкома — высшее признание тогдашних заслуг государственного служащего любого ранга. Так ценилась работа чиновника в советское время. При этом многим из нас не по своей воле приходилось делать подобные переходы довольно часто. Перефразируя известный комсомольский слоган, жили мы по принципу: «партия сказала надо — коммунист ответил — есть».

К тому времени в районе действовало около 50 школ, в том числе 7 средних, 13 не полных средних и 27 начальных. За партами в них ежегодно сидело около 9 тысяч учащихся.

Новую должность освоил быстро. Работа в школе учителем и директором дала мне профессиональный опыт, работа в комсомоле — знание района, его школ, их учителей и руководителей.

С моим приходом в отдел и здесь не обошлось без нововведений. Новый липецкий метод преподавания теперь уже официально стал активно внедряться во всех школах района.

Фронтальные проверки школ со стороны РОНО превращались всё больше в организованный всеобщий учителей проверяемых школ.

Методисты отдела: Анна Ивановна Григорьева, Валентина Карповна Новикова, Людмила Григорьевна Маджар, сами прекрасные специалисты, вместе со мной подбирали в состав проверяющей комиссии лучших учителей района, перед которыми ставилась задача не столько проверки, сколько методической помощи и обучению проверяемых передовым методам работы.

Особое беспокойство вызывало положение дел в малокомплектных школах. У многих учителей этих школ, закончивших лишь 11-й педкласс в городе Миассе, не было опыта работы. Они, горожане, как правило, на селе больше одного-двух лет в школе не задерживались. У других вообще не было педагогического образования. На первом же совещании с заведующими этих школ был поставлен вопрос, что делать?

Простого ответа не находилось. Но робкая, вроде бы не относящаяся к делу, просьба одной из них: «нельзя ли учителям начальных классов сдвинуть начало отпуска с июня на июль», подсказала выход. «А как вы смотрите на то, — ответил я вопросом на вопрос, — если первую половину июня для вас мы сделаем периодом учёбы и подготовки к новому учебному году в райцентре, а конец месяца — началом отпуска»?

Возражений не последовало, и я принялся за решение и проработку задуманного. Получил разрешение и одобрение в ОблОНО, поддержку и содействие в Областном институте усовершенствования учителей.

Съехавшиеся со всего района учителя малокомплектных школ жили в школьном интернате. Методисты, института и РОНО проводили с ними теоретические занятия в соответствии с планом учёбы.

Но, главное, у меня была договорённость с учителями начальных классов райцентра об использовании их в качестве основных преподавателей во вновь родившейся «школе для учителей». Это были асы своего дела. Среди них: Ю. Т. Агаркова, П. Е. Бочкарёва, А. С. Гнатюк, К. Г. Комарова, А. Н. Маханёк, С. Я. Мрачко, Г. П. Сметанина, Е. Д. Чебаненко и другие.

Задачу, поставленную перед ними, конкретизировал предельно просто — на занятиях, вместе с учителями малокомплектных школ составить рабочие поурочные планы на весь предстоящий год (для того класса, в котором будут работать) с подборкой и указанием в учебниках и учебных пособиях заданий, упражнений, задач и примеров на каждый урок.

Результат превзошел все ожидания. С курсов учителя уехали на 99% подготовленные к новому учебному году. Все они были вооружены готовыми планами, едиными методическими требованиями и единым по району подходом к проведению занятий. Курсы работали успешно все годы моей работы в РОНО. Заодно была решена и другая задача. Мы открыли на базе одиннадцатых классов Октябрьской средней школы свой учительский класс и не нуждались больше в приезжих горожанах.

Хорошим средством для закрепления молодых кадров в районе стали наши, ставшие традиционными, вечера-встречи молодых учителей, приехавших в район, с руководством района, ветеранами учительского труда; с теми, кто, также как они, приехали в район из других мест, но полюбили этот край, его людей и навсегда связали с ними свою судьбу. В этих же целях ужесточили требования к руководителям школ за обустройство мест проживания молодёжи, строительству домов для учителей, аренды домов и комнат-общежитий и многое другое.

Считаю большой своей заслугой и организацию централизованного снабжения школ района топливом, материалами для ремонта школ, новыми партами, классными досками и прочим оборудованием.

До моего прихода в отдел, каждый директор семилетней и средней школы должен был, как ранее и я сам, получить в ОблОНО выделенные на его школу лимит и наряды на топливо, строительные материалы и оборудование, затем «отоварить» их в Облснабсбыте, организовать вывозку, заключив договор с тем, или иным автохозяйством. После всего этого явиться в бухгалтерию РОНО с отчётом, так как бухгалтеров в их школах, кроме Октябрьской, не было. В результате, руководители школ неделями пропадали в разъездах, вместо того, чтобы заниматься учебным процессом.

Зато в бухгалтерии отдела сидело 6 или 7 женщин, явно с переизбытком. Подумалось, а если одну из них сделать районным экспедитором, поручив ей все эти однотипные заботы. Из освободившейся конюшни школы (лошадей я, ещё будучи директором, вместе с

кроликами сдал в заготконтору) сделать склад для временного хранения штучных материалов и оборудования, организовать централизованную вывозку угля для всех школ района, то всю эту канитель с директоров можно будет спокойно снять. Посоветовавшись с Тамарой Афанасьевной, главным бухгалтером, и получив её согласие, на очередном совещании обнародовал свою идею. Поддержали практически все. Идея была реализована и работала эффективно.

Как прежде, наладил тесное сотрудничество с райкомом ВЛКСМ, отделами физической культуры и спорта, культуры. Совместно с ними организовано проводили спортивные соревнования и смотры школьной самодеятельности, туристские и пионерские слёты, «зарницы».

В целях улучшения внеклассной воспитательной работы приказом по РОНО все директора школ обязывались бывать на такого рода мероприятиях, а каждая школа должна была иметь свой штандарт, который поднимался на флагштоке, если её команда участвовала в соревнованиях.

Чтобы заставить директоров знать, как выглядят их команды среди других, каковы их успехи, или провалы, я на эти дни ещё и назначал совещания, семинары, с которых мы в назначенное время организовано отправлялись «поболеть» каждый за своих. Слабое выступление команды его школы, самостоятельного коллектива или пионерского отряда, отсутствие у них, по сравнению с другими, надлежащей формы, одежды или спортивного инвентаря, лучше всяких нотаций порождало у руководителей желание поправить дело. Естественное чувство соперничества, стремление не быть хуже других, при этом срабатывало безотказно.

Благодаря росту производства и материальному укреплению колхозов и совхозов на эти и последующие годы пришлось самое активное развитие материальной базы социальной сферы района. Строились жилые дома, клубы, медпункты, столовые. Что касается системы образования, то с 1961 по 1965 годы инициативным способом были построены Маякская, Мьяконьская, Рекордовская, Чебаркульская восьмилетние школы на 969 мест, 20 начальных школ, 4 мастерских, пристроено к существующим зданиям 32 классных комнаты, спортзал, построено школьных интернатов почти на 300 мест.

Хозяйства района, их руководители как бы соревновались в том, кто больше сделает полезного для жизни людей. Этому нельзя было не радоваться. Но столь бурное строительство и расширение сети неполных средних школ в колхозах, как ни странно, имело и негативные последствия, которые конкретно для меня, чуть не обернулись завершением карьеры заведующего районным отделом народного образования.

В частности, будучи ещё директором Октябрьской школы, я был против открытия восьмилетки в колхозе «Рекорд», находящемся в 6—8 км от райцентра. И вовсе не потому, что сокращался контингент учащихся в нашей школе. Здесь в те годы в райцентре было всё в порядке. В 1962—1963 учебном году в начальных классах нашей школы обучалось 3 первых, 3 вторых, 4 третьих и 4 четвёртых классов. Меня, прежде всего, беспокоило качество обучения детей.

Ведь программа восьмилетней общеобразовательной трудовой политехнической школы 1958 года предполагала обязательное неполное среднее образование с большим объёмом общеобразовательных знаний.

На 5—8-е классы приходилась основная нагрузка в изучении и освоении правил русского языка, значительный круг знаний о писателях, их творчестве, о специфике литературы как искусстве слова, элементарные знания по теории литературы. Курс математики включал арифметику, алгебру и геометрию. Здесь преподавалась биология, включающая ботанику, зоологию, анатомию, физиологию и гигиену человека. Изучались курсы физики, химии географии, истории, рисования, черчения, иностранного языка. Кроме того, программа трудового обучения предусматривала занятия в школьных мастерских, на учебно-опытных участках, по домоводству.

Чтобы справиться с такой программой, требовались хорошо подготовленные учителя с высшим и неполным высшим образованием. А их на селе в те годы было крайне мало. Более того, если в нашей школе учителя-предметники, имея солидный педагогический стаж и соответствующее образование, как правило, вели уроки особенно русского языка, литературы и математики, к примеру, только в параллельных классах, то есть имели одну или две подготовки в день, то во вновь открывшейся «рекордовской» восьмилетке из-за малого количества классов и, следовательно, небольшой часовой нагрузки, учитель физкультуры, молодой паренёк только что вернувшийся из армии, вёл ещё рисование,

географию и историю. Агроном колхоза, по совместительству, преподавала биологию и химию. Прежние учителя начальных классов, закончившие педучилище, взялись вести, с 5 по 8 класс, включительно, одна русский язык и литературу, другая — математику и пение. Директор школы, единственный, кто имел за плечами учительский институт, взял на себя преподавание черчения и физики. О качестве преподавания в целом здесь можно было только догадываться.

Годом раньше на базе малокомплектной школы открылась восьмилетка в колхозе «Большевик». Вслед за ними население ещё чуть не десятка деревень выдвинули требование об открытии у них таких же восьмилетних школ. И родителей можно было понять — дети учатся дома, во время накормлены, всегда под присмотром.

Мне ли, кто с 5-го по 10-й класс, включительно, проучился вдали от дома, шесть лет скитаясь по квартирам чужих людей, было не знать всего этого. Но мне же, как никому другому, было известно и иное — хороших знаний в таких школах дети не получат.

А с плохими знаниями, приобретёнными в них, трудно, а то и практически невозможно было в те годы удержаться в старших классах средней школы, и, уж тем более затем поступить в нужный тебе ВУЗ, училище или техникум и получить необходимую профессию. Создавая же такие школы — уродцы, мы тем самым, напроць, отрубали ребятам эту возможность, заведомо обрекая их в будущем на примитивный физический труд.

И если я, будучи директором школы, мог лишь возражать, но никак не влиять на начавшийся процесс, то теперь, став заведующим отделом, я чувствовал себя ответственным за принимаемые решения и обязан был предложить разумную программу развития народного образования в районе. Она была, в общем-то, проста.

На центральных усадьбах совхозов должны действовать средние общеобразовательные школы, как головные организационно — методические центры для всех остальных (начальных и восьмилетних) школ данного хозяйства. Их у нас шесть. Ещё две средние школы с теми же функциями, как уже сложилось, должны продолжать работу в таких сёлах, как Большевикское и Чудиново, распространяя своё влияние на существующие школы соседних колхозов.

В наиболее крепких и отдалённых от средних школ населённых пунктах, имеющих достаточное количество учащихся, сохранить, если они есть, или открыть новые восьмилетние школы.

Что касается начальных школ, особенно малокомплектных, находящихся на расстоянии 8—10 км от средних или восьмилетних школ, то их целесообразно, оснастив материально, оставить таковыми, подчинив организационно и методически тем школам, в которые они поставляют своих выпускников четвёртого класса. Для этих детей создавать при головных школах интернаты, или организовать ежедневный подвоз. Вот этими мыслями я и решил поделиться со своим руководством.

Председателем райисполкома в это время работал Яков Егорович Ковальчук. Уроженец здешних мест, участник войны, влюблённый в свой край человек. Вернувшись после ранения, в феврале 1945 года был избран первым секретарём райкома комсомола. Среднее образование получил, обучаясь с 1947 по 1949 гг. в областной партийной школе.

По возвращении опять работал в комсомоле, затем в аппарате райкома партии. После назначения А. Н. Саплина начальником головного управления сельского хозяйства сразу трёх районов Троицкого, Октябрьского и Увельского (очередная блажь Н. Хрущёва по укрупнению и объединению) первым секретарём Октябрьского парткома при управлении сельского хозяйства, так теперь назывались райкомы партии, стал С. В. Малков, работавший до этого председателем райисполкома. Его-то и сменил Я. Е. Ковальчук.

Договорившись накануне с ним о встрече и придя к назначенному часу, я увидел у него в кабинете двух человек и решил подождать, когда председатель освободится. Но время шло, а они не выходили. Я заглянул в кабинет ещё раз. Увидев меня, Яков Егорович призывно махнул мне рукой, приглашая зайти. Я зашел, но он, показав на стул, продолжал начатую с посетителями беседу, при этом, постоянно отвлекаясь на телефонные звонки, и на те, что шли к нему, и на те, какие он считал нужным сделать сейчас же самому. Разговор с присутствующими, это были не наши люди, явно затягивался.

Между тем в кабинет зашел зав. коммунальным отделом М. Т. Коптилов и, как всегда, не обращая ни на кого внимания, стал жаловаться, что его областное руководство ему что-то не выделяет, и всё внимание председателя переключилось на него и на решение, теперь

уже с областными властями, коммунальных проблем. Заходили ещё люди, коротко узнав, зачем пришли, председатель и их усаживал вокруг себя.

Наблюдая эту, в общем-то, уже привычную картину, я тихонько вышел из кабинета и, наказав секретарю, чтобы он позвал меня, когда Ковальчук будет один, ушел в свой кабинет, находившийся тут же неподалёку от приёмной.

Освободился Яков Егорович задолго после окончания рабочего времени. А потому, когда пригласили меня, он был уже, как говорят, «не в духе» и без какого-либо желания разговаривать о чём-либо со мной. Чувствуя это, я предложил перенести разговор на другое время, но председатель, всё более и более раздражаясь, принялся отчитывать меня за то, что я без разрешения покинул его кабинет, что у него нет лишнего времени ещё заниматься разговорами со мною и так далее и тому подобное.

В общем, вместо делового разговора, меня просто грубо отчитывали, чтобы впредь знал своё место. «Когда мне надо будет, я тебя вызову сам», бросил мне последнюю фразу председатель, явно собираясь ею закончить разговор. Так беспричинно, грубо и обидно со мной ещё никто не говорил.

И я не сдержался. «На каком основании, — заговорил теперь я, — Вы со мной разговариваете в таком тоне? Я просил Вас о встрече, чтобы совместно обсудить с председателем райисполкома важный вопрос размещения общеобразовательных школ в районе, прекратить тот стихийный процесс, который наметился у нас с открытием восьмилеток. И обсудить серьёзную проблему вдвоём, а не на том базаре, что у Вас собрался в кабинете. И давайте условимся: да, Вы мой начальник, а я подчинённый. Но не раб, и не Ваш крепостной. И орать на себя я Вам не позволю. Не нравится моя работа — увольняйте. Я за своё место не держусь. Как профессионал-учитель эти 170 рублей, что мне здесь платят, я всегда заработаю». И, хлопнув дверью, вышел из кабинета.

Надо сказать, что за все годы моей работы и до этого случая, и позже, я никогда не позволял себе так разговаривать не только со своим начальством, но и с подчинёнными. А здесь прорвало. Конечно, ночь провёл без сна, перебрал по несколько раз своё поведение, прошлое и воображаемое будущее, но остался при своём мнении — я ничем не заслужил к себе такого грубого отношения.

Наутро мы с инспекторами РОНО отправились в давно намеченную командировку в Никольскую среднюю школу, откуда вернулись, как обычно, только спустя три дня.

На следующий день, как только я появился на работе, меня пригласили к Ковальчуку. Сухо поздоровавшись, он сообщил, что сегодня в 11 часов в район самолётом прибывает заведующая областным отделом народного образования С. П. Сониная (в те годы между Челябинском и районным центром действовало регулярное авиасообщение) и дал распоряжение: «возьмёшь мою машину и встретишь её на аэродроме».

Однако, когда пришло время прибытия самолёта, Яков Егорович передумал и отправился встречать Серафиму Петровну вместе со мной. Это была удивительно добрая, бесхитростная и порядочная женщина. Она возглавляла тогдашний отдел сельского облисполкома и приехала, как я понял, с готовым решением. Не успев сесть в машину, тут же заявила: «вот, приехала к вам с внезапной проверкой того, как в районе выполняется закон о всеобуче детей до 14 лет. По отчету на 1-е сентября у вас в районе не было охвачено учёбой двое, и назвала их фамилии». Я пояснил, что с ними всё в порядке, оба учатся, и напомнил, что об этом мы в своё время ОблОНО известили.

На что Сониная ответила, что «правдивость данного сообщения она и хочет теперь проверить, лично встретившись в школах с теми учащимися». При этом изъявила желание ехать немедленно. Как ни странно, но такое же желание выразил и Ковальчук.

Ребята, не явившиеся в школы 1-го сентября, были один из Мяконьской восьмилетней, другой — из Кочердыкской средней школ. Оба учащиеся 5-го класса. Я сам ранее ездил в эти школы и к родителям детей. Из имеющихся в то время фондов РОНО им была оказана материальная помощь. Я лично беседовал с родителями, а также с тем и другим парнишкой, был уверен, что с ними всё в порядке. Но, всё равно, на душе в тот момент поселилась тревога.

Невыполнение закона о всеобуче, да ещё и обман в отчётности, если они подтвердятся, достаточная причина для снятия виновного с работы. На это, видимо, и рассчитывают мои руководители. Стало вдвойне горько и обидно за себя, за то недоверие, которое они откровенно выражали сейчас в отношении меня.

Поехали, не заезжая в райисполком. В Мяконьской школе мы застали мальчика ещё на занятиях, сидящего за партой. А вот в Кочердыкской, где также ещё шли уроки, нужного

нам учащегося в школе не оказалось. Завуч школы, Зинаида Николаевна Иванова, работавшая ранее, также заведующей РОНО, нам пояснила, что мальчик действительно учится, но сейчас болен, и его в школе нет уже второй день. Это же подтвердил и директор школы А. И. Следнев, но им, как и мне, не поверили. И, прихватив с собой директора, мы отправились в Окунёво, по месту жительства учащегося.

Родители мальчика переполошились, не понимая, почему к ним привалило такое высокое начальство. Когда узнали причину, то его мать всё старалась уверить нас всех, что сын действительно болен, и как только он поправится, так сразу же его увезут в школу. Она подтвердила, что действительно им помогли и с приобретением учебников и с одеждой и обувью, так что не ходить в школу, причин больше нет. На вопрос С. П. Сониной, кого из приехавших с ней мальчик знает, он указал на Следнева, назвав его директором, и на меня, сказав, что этот дядя уговаривал его не бросать школу. Так моё «алиби» было подтверждено главным свидетелем.

Назад, высадив Александра Ивановича в Кочердыке, ехали некоторое время молча. Но затем Яков Егорович, прервав несколько затянувшуюся паузу, начал рассказывать Сониной о том, как много в районе делается для развития народного образования, перечисляя, что и где было пристроено и построено вновь за последние годы. И в том числе упомянул, что буквально несколько дней назад решено вместо начальной школы строить восьмилетку в колхозе «Красный Октябрь».

«В Буланово»?! — буквально вскрикнул я от удивления.

«В Буланово, — гордо подтвердил Ковальчук. — А ты что, против?»

«Категорически! — заверил я. — Не хватало нам ещё одной школы-уродца рядом с Октябрьской средней школой. Одна уже в колхозе “Рекорд” есть. Теперь, значит, решили на базе двух комплектной школки слепить другого уродца!»

Мои слова привели председателя буквально в бешенство. Он приказал шофёру остановить машину. Вышла и Серафима Петровна, потребовав рассказать суть дела, ведь спор касался народного образования. Я кратко изложил ситуацию: Буланово находится в десятке километров от райцентра, количество учащихся там небольшое, что не позволяет даже сформировать четыре полноценных класса в существующей начальной школе. Следовательно, не будет полноценных и 5—8-х классов, а их объединить невозможно, да и не целесообразно — рядом сильная средняя школа.

Яков Егорович возразил: «В пятые — восьмые классы будут возить учащихся из Барсучанской бригады». (с. Барсучье тогда входило в колхоз «Красный Октябрь»). «Село Барсучье от райцентра всего в 5 км находится», — парировал я. «Ну, раз ты такой умный, — не сдавался он, — поедem завтра к народу, и ты объяснишь колхозникам, почему они не могут иметь свою восьмилетнюю школу». «Поедем», — согласился я.

Изъявила желание поехать и С. П. Сониная, но попросила предварительно показать ей часто упоминаемую мной восьмилетку в колхозе «Рекорд». Наутро мы втроём уже были в Лебедках, центральной усадьбе колхоза. Серафиму Петровну умилила новенькая школка, красиво обнесённая затейливым забором. Восхитил хорошо спланированный пришкольный участок, засаженный обилием цветов, плодовых деревьев и кустарников. Профессиональная рука агронома чувствовалась на каждом шагу. Чистенько и необычайно тихо было и в самом здании. Шли уроки. «Господи, как хорошо-то, — прошептала, наклонившись ко мне, Сониная. — Вот где бы поработать!»

Но знакомство с наполняемостью классов, почасовой нагрузкой учителей и их профессиональным уровнем, выясненным во время беседы с директором школы, всё расставило по местам. Необходимого уровня знаний ребята не получали. Об этом красноречиво говорил и такой факт. Из 16 учеников 8-го класса — четверо предпочли учиться в райцентре, ибо их родители хотели дать детям полноценное образование. Трое ребят из 7-го класса также предпочли учёбу на стороне.

Встреча с членами правления колхоза «Красный Октябрь», куда мы затем приехали, длилась долго. Но, нам с С. П. Сониной (теперь она была полностью на моей стороне) удалось убедить колхозников отказаться от своей задумки. К тому же, как я и предполагал, члены правления из Барсучьего твёрдо заявили, что их дети будут учиться только в Октябрьской средней школе.

В райцентр вернулись в третьем часу. Яков Егорович, условившись с Сониной встретиться завтра в 9 часов утра в райисполкоме, поехал по своим делам, а мы с Серафимой Петровной вторую половину дня провели в Октябрьской средней школе. Спустя год после

капитального ремонта и того большого пристроя, что был нами сделан, она выглядела тоже вполне прилично: блистала чистотой и аккуратностью.

Посетив уроки математики А. И. Карпа, уроки других учителей-предметников, работающих во второй смене, заведующая ОблОНО была по настоящему приятно удивлена высоким уровнем педагогического мастерства учителей сельской школы. В ходе бесед с учителями она узнала, сколько трудностей нам пришлось преодолеть и во время строительства, и в связи с освоением новых методов педагогической работы, и, вместе с тем, сколько радостных минут принесло нам это общее интересное дело.

На утро следующего дня, как и было условлено, состоялась встреча зав. ОблОНО и председателя райисполкома, как говорят, «с глазу на глаз». Длилась она почти два часа. О чём и как шел разговор, ведомо одним им. Знаю только, что провожать Сонину в аэропорт Ковальчук не поехал, и своей машины отвезти её тоже не дал. Отвозил её я на своём вконец изношенном «москвиче». Прощаясь перед отлётом, она мне сказала только одно: «Не завидую я Вам, Петр Акимович, тяжело Вам с ним будет, ой, как тяжело».

Что ж, было не легко. Но таких жёстких столкновений у нас с Я. Е. Ковальчуком, и тогда, когда он работал председателем райисполкома, и тогда, когда он стал первым секретарём райкома партии, у нас больше не было. Как говорят в народе — притёрлись.

Заведующим РОНО я проработал до сентября 1965 года. Считаю, что за этот период дела не испортил. Я умел слушать и слышать людей, никогда не позволял себе пренебрегать советами знающих дело специалистов. А трудиться мне посчастливилось с глубоко порядочными, ответственными и профессионально подготовленными людьми.

Директорами средних школ в те годы работали: Каракульской — Никифор Григорьевич Выбойщик, Октябрьской — Михаил Яковлевич Шаталов, оба бывшие заведующие РОНО, всю свою жизнь посвятившие делу становлению сельской школы. Корифеи народного образования, директора: Крутойрской — Д. С. Атмановский, Кочердыкской — А. И. Следнев, Чудиновской — Н. Ф. Звездин, Никольской — Ф.Ф. Зель, Маякской — Д. А. Шредер, Подовиновской — С.С. Тюгаев. Заслуженным авторитетом пользовались опытные педагоги, директора восьмилетних школ: Берёзовской — М. Е. Леонидов, Уйско-Чембаркульской — Г. И. Мельников, Лысковской — В. Т. Родин и другие.

Мы сообща обсуждали и решали наши проблемы, никогда не носили друг против друга камень за пазухой, всегда открыто обменивались и нашими удачами и нашими промахами. Районные совещания, августовские конференции, проходившие не менее двух дней, всё более освобождались от формализма, становились по настоящему трибуной осмысления педагогической практики, коллективным поиском новых путей её совершенствования. Приведу лишь один пример.

При подготовке конференции 1964 года, на предварительном совещании директоров я предложил включить в повестку дня конференции, помимо основных, вопрос о самосовершенствовании учителя в виде диспута участников конференции с интригующим названием: «Куда растёт учитель и растёт ли он вообще»? Идея, правда, понравилась первоначально не всем. «О чём, мол, здесь спорить, а диспут предполагает спор, всё ясно каждому и так». Но затем договорились вынести тему за рамки официальной повестки конференции и провести как, своего рода, секционное занятие.

Мы разработали и обнародовали вопросы, нарисовали красочную афишу, вывесив её в фойе районного Дома культуры, чем также удивили и, по началу, возмутили немалое число представителей нашего педагогического сообщества. Но интрига самой формулировки темы взяла верх и над ними. После часового перерыва в зале оказались практически все участники конференции.

Трудно было начать разговор. Мысль о том, что и так понятно, что «растет», лежала, как говорится, на поверхности. После несколько затянувшейся паузы, встал Абрам Исакович и, обратившись ко мне, как ведущему, озвучил её под одобрительный шумок зала. В ответ на это задал ему вопрос я: «Скажите, а когда Ваши знания о математике как науке были более полными, в институте, или сейчас»? Он задумался.

Я продолжал: «И всё-таки, Вам удаётся следить за достижениями этой науки в настоящее время. Вы знаете, над какими проблемами работают сейчас Ваши коллеги-учёные»? Получаю отрицательный ответ и делаю вывод: «так значит Вы как математик, к нашему обоюдному огорчению, растёте, увь, не вверх, а вниз»?! Буря протеста, десятки поднятых рук. Ну, а дальше пошло и поехало. Спорили со мной, друг с другом, приводились доказательства, опровержения, примеры, обстоятельства...

Вместо отведённых 45 минут, проговорили два с половиной часа! И, если бы не кинофильм «Семнадцать мгновений весны», привезённый из Троицка, разговор продолжался бы неизвестно сколько ещё.

На следующий день конференция начала свою работу с незапланированного ранее выступления организатора и ведущего диспута. В течение 10—15 минут пришлось подвести итоги вчерашнего разговора.

Напомнив, сколь бурный характер он принял, его актуальность, остановил внимание присутствующих, и прежде всего, руководителей школ, на необходимости создания условий для его профессионального роста.

А это и хорошо составленное расписание уроков, и организованная работа кустовых и предметных методических объединений, и входившее тогда в моду наставничество передовых учителей над молодёжью, и регулярное повышение учителями своей квалификации через существующую систему института усовершенствования учителей. Не маловажное место в мотивации учителей к работе над собой должны были занять и слабо используемые пока нами возможности их морального поощрения.

В этой связи, подчеркнув ещё раз необходимость каждому из нас повышать свои профессиональные качества, привел данные, характеризующие образовательный уровень педагогического состава района. Из 450 учителей, лишь около 130 имели высшее и неполное высшее образование (притом, педагогическое ещё меньше). Средне-педагогическое, включая и тех, кто окончил педкласс, имелось у 220 учителей. Более 100 человек не имели и такого образования.

Если учитель желает учить детей, пользоваться авторитетом у них, их родителей и общественности, сделал вывод я, он должен учиться сам. Учиться постоянно на всём протяжении своей деятельности. При том, повышать не только своё педагогическое мастерство, но и знания, связанные с преподаваемым предметом, быть в курсе того, что нового происходит в науке, государственной и общественной жизни, знать положение дел на уровне страны, области, района. Принимать в этой жизни самое активное участие.

Я считал вправе сказать это своим коллегам не только потому, что занимал пост руководителя районного отдела народного образования, а ещё и потому, что постоянно учился сам.

Я уже писал, что за период работы в комсомоле закончил курсы Высшей комсомольской школы ЦК ВЛКСМ. И теперь, за относительно короткий срок пребывания в сфере народного образования, я уже успел поучиться на кратковременных курсах повышения квалификации руководящих кадров народного образования при Центральном институте усовершенствования учителей в Москве: в 1961 году, — в качестве директора школы, и в конце 1963 года — в качестве заведующего РОНО.

Я являлся лектором, председателем районной организации общества «Знание», активным участником всех общественных начинаний. Много читал, Принимал участие во Всероссийском совещании работников народного образования в Белгороде, избирался делегатом Всероссийского съезда общества «Знание» в Москве.

В 1965 году мне поступило предложение райкома и обкома партии поехать на учёбу в Новосибирскую высшую партийную школу. Нужно было моё согласие. И такое согласие было дано.

Выбор решения в пользу учёбы исходил отнюдь не из моего будущего карьерного роста. Преподавание русского языка и литературы требовало постоянного воспроизводства знаний. Я же, чем дальше, тем больше терял свою прежнюю квалификацию а, следовательно, и ту степень свободы выбора, которая у меня была раньше. По нашим с женой соображениям учёба в Новосибирске давала мне новую возможность обрести эту свободу, уже, скажем, в качестве преподавателя истории. А потому стоила тех лишений, которые нас ожидали на протяжении двух лет, связанных с расставанием, отрывом от семьи и дома.

В сентябре 1965 года я, имея за плечами одно высшее образование, вновь сел за учебную парту.

г. Челябинск

Никита Шабовта

Любовь она же навсегда

Обман

Родина

240

Граффити № 1 (17) - 2014

Вот светит вроде — но потухнет.
Вот друг, кажись, твой, тут же враг.
И с силой жизнь тебя как стукнет,
И встать-то будет уж никак.

Ведь громко слышно и стихает,
И мир тут сразу поражает.
Впервые смотришь, так приятно
И выглядит так аккуратно.
Мгновение, всё наоборот:
Уже совсем становится ужасно,
И за родных совсем опасно,
И из богатых ты уже банкрот.

Поверь в себя, послушай сердце
Послушай маму, близких всех.
И тут же приоткрыта дверца —
Здесь зарождается успех.

Из года в год друг друга учат
Про тот или иной ведь случай.
Не ошибись, сойдешь с пути —
Нет, не хочу я отойти.

Постой, дружище, понял смысл?
Да, друг мой, понял, я готов,
Послушаю теперь я близких,
Ведь много ценных этих слов.

Давно огни уже погасли,
И встать ей будет нелегко
Отчизне этой ведь прекрасной
До совершенства далеко.
Но я с тобой, я поддержу,
В беде тебя я не оставляю,
Уж лучше так я согрешу
И голову свою подставляю,
Чем ты, великая, погибнешь,
Чем ты, могучая, умрешь,
И никогда не будет сломлен,
И все падут лишь рядом сплошь.
Россия, ты мой дом родной,
Мне не забыть вовек тебя.
Хоть каждый оказался не чужой,
За это я прошу не зря,
Здесь есть семья, друзья,
Своим всё кажется не странно.
Россия — родина моя
Ты широка и необъятна,
Как сердце русского поэта,
Волнуется он за тебя,
Останется с душою света,
Моё желанье сохраняя.

Слияние сердец

Слеза упала, но глаза открой ты на мгновение,
Сердце чудесных наших двух почувствуй вдохновение,
Слияние душ моей, твоей, оно так гениально,
Воистину, произнесу, оно не виртуально.
Закрыв глаза, наоборот, просвет умрёт навечно,
И люди отнесутся к нам вот так, бесчеловечно,
Потухнет вечный тот огонь любви и начинания,
Всё верил, верил я и верил в твои ко мне признания.
И томно вечер длился тусклый,
Но мир ведь научил тебя,
Любовь, она ведь не безвкусна,
Любовь, она же навсегда...

Не раскрытый вкус души

Прозрачный вкус души твоей закрытым быть пытался,
Раскрыть её чудесный зов улыбкой попытался,
И необъятна ведь бывала, бывала скромна, но пытала
Зовущий взглядом цвет мой алый...
Загадку разгадать хотел,

Не зная, где её предел.
Ты укрощала пыл страстей,
Другая, точно потемней,
Твоей той искренней приятной
Души, и тонкой, и опрятной.
Раскрыл её бы я, но верно

Марина Баранова

Память сердца

Листает память времен страницы,
На них, нетленных, ты видишь лица
Друзей, что пали в тяжелых битвах —
Всех их помянешь в своих молитвах.
А память сердца — она как совесть
Хранит войны той проклятой повесть.

Ты не считаешь себя героем,
Моя и дети — мы слов не скроем,
Откроем окна, откроем двери:
Давай же сердца удары сверим.
А сердце вторит как звон набата:
Жива ты, память, в душе солдата.

Жива! И жить ей в семье любимой,
Детьми и мною навек хранимой.

с. Чесма

Дарья Васильева,

10 класс

История Челябинска

На берегу реки Миасс, в глухом краю,
Крепость перевалочная строилась когда-то,
И шли до тысячи подвод в страну мою
И продовольствие везли, ведь жили небогато.

Тянулись все подводы в дальний Оренбург,
Зимою в крепости лишь прерывали путь.
Так и построен город славный был,
Чтобы поспать, поесть, передохнуть.

Были бедные покуда, но не праздные,
Работы много — шли в ход пила, топор.
Там торговали и учились разному
И строили Христорождественский собор.

Тот старый град ушёл в небытие.
Всё изменилось в представлении моём.
Народный дом и клуб — позднее всё придет.
Затем легенда — тракторный завод.

Подметила она сама —
Она осталась неизменна,
И не угнать вперед туда.
Не зная, будут ль времена,
Когда люблю я пить до дна...

с. Чесма

Но главной стала в нём железная дорога,
Лишь с ней Челябинск стал воротами
Сибири,
Любой деревне, станции подмога,
Одним из крупных городов России.

*Чесменский район,
п. Черноборка*

Салимжан Бекешев

Не поздно сначала начать

Судьба на выбор

Судьба нас медленно сводила,
Играть притворно было не дано.
Молва любовь свободную клеймила,
Создать семью нам было суждено.

Твою карьеру я отверг,
Пренебрегал твоей заслугой,
Разрушил всё, как изувер,
Просил покорной быть супругой!

Старалась до меня ты достучаться,
И я был одержим тобой!
В делах ненужных я метался
И завершал всё кухонной войной!

Ты поняла! Слова звучали глуше...
Как серость жизни наши плечи гнёт!
Спасать скорее нужно наши души,
Пока нас злое горе не спутнёт!

Судьбу свою ты повернула круто,
Возмездьем покарать решив меня.
Теперь мой поезд мчится без маршрута,
И жизнь не стоит рваного рубля!

* * *

Годы идут, не вернуть!
Тень на лице от морщин.
От настоящего путь —
Работать, достигнув вершин!

Уровень жизни кризис сковал.
Дружба — мира оплот.
Лень, жалость — всегда провал,
Истерика — паники плод!

Прошлых ошибок не повторяй,
Сила духа — прогресс!
Опыт, сноровку ускоряй:
Общенье снимает стресс!

Лёгких путей не жди!
На злобу время не трать!
Трудность терпи, людей не суди,
Не поздно сначала начать!

г. Карталы

Елена Князюк

Легенда о Маканкином ключе

Жил пастух Мукан на свете,
А точнее, жил в степи.
Караваны из Европы
Через эти степи шли.
Шли они и дни, и ночи
И тянулись сотню миль.
В Средней Азии их ждали,
Чтоб они меха да шали,
Привезенные из дали,
Им скорее бы продали.
Соболь есть, и норка есть,
Их здесь столько, что не счесть.
На базаре в Бухаре
Да и, в общем-то, везде
Золото в почете было,
Деньги наши заменило.
Каравана труден путь
Здесь не скажешь: как-нибудь,
То кочевники лихие,

То ветра большие,
А неделю, как на грех,
Солнце жарит, сил уж нет.
Караванщики все знали,
Где гостеприимно их встречали,
Где прохладная вода,
Где покой и тишина.
Отдохнуть там можно всласть,
Им с Муканом не пропасть.
У Мукана есть родник.
Да он не просто был старик.
Тот родник целебным был,
Волшебство в себе хранил.
Кто изопьет из родника,
Станет сильнее богатыря.
А здоровье ваше в миг,
Сто процентов, укрепит!
Гости брали и с собой
Здоровья лучик золотой,
Чтобы в городе Хивы
Обменяться на ковры.
Много времени прошло,
Воды уж много утекло,
Да только тот родник и ныне
Бежит по степной равнине.
Людей тот радует родник,
Ведь он здоровья, силушки тайник.
Там люди счастливо живут
И гостей любимых ждут.
Маканкин ключ, степной родник
Сегодня стал так знаменит,
На все районы он гремит,
Но хвастаться нам не велит.
Место это есть на карте
Малой родины моей.
Адрес я скрывать не стану —
Черноборки он южней.
Если убедиться в правде слов моих хотите,
Непреренно в гости заходите!

с. Чесма

Даша Никитина

Собратья по разуму

— Далеко-далеко в Космосе живут планеты. Они разные по цвету, форме и содержанию. Где-то есть жизнь, и это очень интересно. Много столетий назад считалось, что мы одиноки, — сказал Командир звездолёта, обращаясь к экипажу.

В кают-компаниях находилось пять исследователей. Вместо имени каждому был присвоен порядковый номер, который крепился на правом рукаве при помощи магнитной застёжки.

Запищали приборы.

— Друзья! Судя по показаниям датчиков, мы приблизились к планете, которая, согласно данных Центра космических исследований, может оказаться обитаемой. Здесь есть кислород, солнечное тепло, и планета пригодна для жизни.

— Какое счастье! Я давно хотел встретить братьев по разуму! — воскликнул № 5.

— Я тоже был бы рад, — ответил № 2.

— Они могут оказаться враждебными, поэтому будьте осторожны! — заметил № 3.

— Отставить разговоры! Немедленно займите места в пилотируемых кораблях и приготовьтесь составить отчёты о составе планеты и наличии на ней мыслящих существ!

* * *

— Смотрите, смотрите! Это же космический корабль! — кричали люди, показывали пальцем в небо и снимали Головной космический корабль на сотовые телефоны.

Яркая вспышка ослепила наблюдателей... А в это время от корабля отделилось пять тёмных точек и стремительно приблизилось к Земле...

Отчёт № 1.

В 12:00 по королевскому времени я приземлился на планету из блестящего серебристо-белого пластичного металла. Вероятно, это железо, поверхность которого разогрета до 95 градусов. При такой температуре жизнь на планете невозможна. Живых существ не обнаружил. Задание выполнил. Возвращаюсь.

Отчёт № 2.

В 12:05 по королевскому времени я прибыл на поверхность белого цвета, непроницаемую для воды и газа. При приземлении на поверхность, планета издала характерный чистый звук «Дзинь». Пробы показали, что это огнеупорная глина, которая затвердела под воздействием высокой температуры. Учитывая это, делаю вывод, что условия для жизни непригодны.

Отчёт № 3.

В 12:10 по королевскому времени я осуществил посадку в океане. Цвет воды — коричневый. Температура около 100 градусов. В воде содержится глюкоза и элементы растительного происхождения. Однако мыслящие существа не обнаружены. На корабль взяты пробы воды.

Отчёт № 4.

В 12:11 по королевскому времени я приземлился на поверхность зернистой структуры, уникальной по своему составу, которая напоминает чернозём и может использоваться для выращивания различных растений! Однако при моём приземлении произошла сдвигка слоёв почвы, и началось её обрушение. Я попал в вихревой поток! Прощайте!

Отчёт № 5.

В 12:15 по королевскому времени я приземлился на поверхность мраморной планеты. Планета очень прочная, имеет пёструю окраску с прожилками.

Неожиданно на мой корабль обрушился ливень, и сильнейшим турбулентным потоком меня затягивает в тёмную полость. Прощайте!

* * *

Светлана Анатольевна пришла с работы и включила на кухне чайник. Из соседней комнаты доносились голоса дикторов телевидения:

— Над Карталинским районом завис инопланетный корабль. Хотелось бы установить с пришельцами дружественные отношения...

Чайник вскипел, Светлана Анатольевна взяла прихватку, чтобы не обжечься, налила кружку чая и захлопнула форточку, чтобы не дуло. При этом она нечаянно задела цветочный горшок, который тут же упал, и земля рассыпалась на пол из мраморной плитки. Пока чай остывал, Светлана Анатольевна взяла моющий пылесос и собрала мусор с пола...

Миниатюрные корабли № 4 и № 5 через некоторое время были удалены из пылесоса и вместе с бытовым мусором отправлены на свалку. Главный инопланетный корабль уже бороздил просторы космоса в другой Галактике. А в эфир неслись сообщения, что два экипажа погибли во время экспедиции на неизвестной планете, которая совсем непригодна для жизни.

г. Карталы

Александр Квятковский

Поэтический словарь

244

Графман № 1(17)-2014

ВНУТРЕННЯЯ РИФМА — слова в середине стиха, рифмующиеся или с концевыми рифмами (в конце строки), или между собой. Внутренние рифмы отмечены в стихах античных поэтов (Гомер, Гораций). Они часто встречаются в русской народной поэзии, особенно в частушках:

*У тальянки медны планки,
Тонки, звонки голоса.
Я люблю вашу природу
За кудрявы волоса.*

*Кабы шали не мешали,
Кисти землю не мели;
Кабы дома не ругали,
Не таких бы завели.*

Внутренние рифмы нередкое явление в стихах русских поэтов, например:

*Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно — холодные, вечно — свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.*
(М. Лермонтов)

*Из бездны перловые брызги летят.
И волны теснятся и мчатся назад.*
(М. Лермонтов)

*Метелица не ленится
Пригреть советский люд,
И по субботам ленинцы
В поленницах поют.*
(Н. Ушаков)

Внутренними рифмами увлекались поэты-символисты, например А. Белый:

*Блестели и пели капли,
Златился покров ледяной...
Сестрицы сидели и млели
В окошке весной под луной.*

Или Ф. Сологуб:

*Опьянение печали, озаренье тихих тусклых свеч, —
Мы не ждали, не гадали, не искали на земле и в небе встреч.
Обагрят землю кровью, вы любовью возрастили те цветы,
Где сверкало, угрожая, злое жало безнадежной красоты.*

ВОДЕВИЛЬ (франц. vaudeville, от *vau de Vire*, т. е. долина Вир) — легкая комедийная пьеса с куплетами. В XV в. в Нижней Нормандии жил поэт-рабочий Оливье Баслен, слагавший юмористические песенки; их распевали в долине реки Вир, и поэтому всякие короткие шуточные песенки стали называть «во де Вир» или, для благозвучия, «водевиль». Это название удержалось потом за всеми веселыми легкомысленными песенками, которые

в XVIII в. стали обязательными для комедий. Первоначально так и говорилось: комедия с водевилями, пьеса с водевилями, т. е. с пением куплетов. Затем из комедийных жанров водевиль выделился как самостоятельная форма театрального представления. Во Франции знаменитые авторы водевиля — Э. Скриб в XVIII в. и Э. Лабиш в XIX в. В России водевиль появились в начале XIX в. Лучшие В. принадлежали Ф. Кони, Д. Ленскому, В. Соллогубу, П. Григорьеву. Автором нескольких водевилей был Н. Некрасов. К концу XIX в. водевили почти сошли с русской сцены.

ВОЛЬНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКАЯ (лат. *licentia poëtica*) — термин старой классической поэтики, преднамеренное или невольное отклонение стихотворной речи от языковых, синтаксических, метрических и других норм. Вольность поэтическая была типична для поэтов XVIII в., когда формировался литературный стих и заканчивался процесс становления русского литературного языка, освобождавшегося от влияния церковнославянского. В то время в стихах наблюдались не оправдываемые ничем, как только условностью, вольность поэтическая, усечение слов, затрудненная грамматическая инверсия и др. отклонения от норм. Например:

Нимфы окол нас кругами
Танцевали поючи.
(М. Ломоносов)

Всегда роскошествует природа,
Искусством рук побуждена.
(М. Ломоносов)

Многитя сестры ея славят Аполлона,
Уха но не отврати и от Росска звона.
(В. Тредиаковский)

Граф — весел, как петух, — поет ку-ка-ре-ку
И, горд победою своею (в поэзии негой),
Пирихьем вновь звучит, как скриплюю телегой.
(Г. Державин)

Однако и в эпоху полного овладения стихотворным мастерством русские поэты нередко допускали в стихах вольность поэтическую:

Бродил Тригорского кругом.
(А. Пушкин)

Страшен хлад подземна ада.
(А. Пушкин)

Но струящаясь от бога
Сила борется со тьмой.
(А. К. Толстой)

В наше время случаи В. п. весьма редки. Однако для Маяковского они характерны, что объясняется своеобразием всей его поэтики; при этом нужно отметить, что вольность поэтическая у Маяковского встречаются в сравнительно ранних произведениях:

Рука
кинжала жало стиснь.
(«Человек»)

ВОЛЬНЫЙ СТИХ, или вольный ямб, — ямбический рифмованный стих, с неравным (не более шести) количеством стоп в строках, без строфы. Вольным стихом пишутся басни (И. Крылов, Д. Бедный, С. Михалков). В XVIII и начале XIX вв. вольным стихом писались

эпиграммы, эпитафии, надписи. Этим же стихом написаны комедия А. Грибоедова «Горе от ума» и драма М. Лермонтова «Маскарад». Некоторые элегии поэтов первой трети XIX в. написаны вольным стихом с небольшой амплитудой колебаний длины стихов, например «Признание» Е. Баратынского и «Погасло дневное светило» А. Пушкина. При большой амплитуде колебаний длины строк в вольном стихе лирическое стихотворение приобретает стилистический оттенок, свойственный басне, что показывает следующий отрывок из лирической баллады А. Кольцова «Наяда»:

Взгрустнулось как-то мне в степи однообразной.
 Я слег
 Под стог,
 И, дремя в скуке праздной,
 Уснул; уснул — и вижу сон.
 На берегу морском, под дремлющей сосною,
 С унылою душою,
 Сижу один; передо мною
 Со всех сторон
 Безбрежность вод и небо голубое —
 Все в сладостном ночном покое.
 На все навеян легкий сон...

Попытки некоторых поэтов писать лирику в форме вольного стиха не нашли поддержки. Единственная в русской литературе поэма И. Богдановича «Душенька» (1778 г.), написанная вольным стихом, также осталась обособленной. В исторической перспективе вольный стих представляется преемником русского народного раешника, с которым у него общая система неравносложных строк. В вольном стихе нет ритмической периодичности, поэтому он лишен той певучести, которая свойственна правильному метрическому стиху. Положенная в основу вольного стиха двусложная стопа, не обращаемая в четырехдольник или шестидольник, слишком ограничена в своих модификациях.

ВУЛЬГАРИЗМЫ (от лат. vulgaris — простой) — грубые, не принятые в литературе слова или неправильные по форме выражения, вставленные в текст художественного произведения для придания ему определенного бытового колорита или в качестве умышленного стилистического элемента, снижающего высокий тон произведения, например:

Скребницей чистил он коня,
 А сам ворчал, сердясь не в меру:
 «Занес же вражий дух меня
 На распроклятую квартиру!»
 (А. Пушкин)

А Ванька с Катькой в кабаке...
 У ей керенки есть в чулке.
 (А. Блок)

— Ах, вам не хочется ль
 под ручку пройтись?..
 — Мой милый! Конечно!
 Хотится, хотится...
 (Э. Багрицкий)

Развернулся — и с разгону
 Хлобысть по сопатке!
 (Э. Багрицкий)

Комбатанты дали деру —
 все машины увели.
 (Н. Ушаков)

Муза прозы

<...>

К 300-летию Ломоносова, несмотря на всю политику экономии на образовании и культуре, удалось добиться выделения некоторых средств на академическое издание «Словаря языка М. В. Ломоносова».

Нельзя недооценить бескорыстных усилий составителей, выпустивших тома, посвященные поэтике, метрике и строфике, а также «Словарь рифм М. В. Ломоносова». Мне как питомцу Горного института, подарили том Словаря по минералогии. Открываю на первом попавшемся месте: **медная руда...**

«Никаким минералом натура в земле так не украшается, как медными рудами, которые не только все лучшие цветы на себе имеют, но и светлостию чистому золоту иногда мало уступают. Медных руд поверхность нередко бывает разными цветами украшена, равно как голубиный зоб или павлинов хвост. Оловянная руда, светящаяся и черноватая, на хрусталь похожа, прислала к медной руде зеленоватой, украшенной золотыми звездками».

И так про каждый минерал триста раз... какая любовь!

Не могу представить, какому прозаику теперь под силу подобное описание неживой природы.

Давно уже собирался написать нечто о природе живой прозы, о прозе как природе... так вот же она! «Муза Прозы». (Вот как мог бы написать об этом современный прозаик: «Из всех минералов Михаил Васильевич больше всего любил медь, поскольку зарплату ему выдавали пятаками (знаменитые екатерининские медные бунты), а так как зарплата у академика была немалая, как и самые пятаки, равные в весовом эквиваленте стоимости серебра, то ее привозили к Ломоносову домой на подводе и ссыпали кучей прямо во дворе; академик же, обозрев кучу, зачерпывал из нее ковшиком и ссыпал в кафтан, чтобы направиться в кабак отдохнуть от борьбы с немцами в Академии, угощая более милый и понятный ему простой русский люд».)

На века были забыты древнерусские летописи, так что русская проза, догоняя эпоху Просвещения, возрождается с перевода. Следуя примеру своего учителя Христиана Вольфа, впервые читавшего свои лекции не на принятой в науке средневековой латыни, а на немецком, Ломоносов, переводя учебник экспериментальной физики своего учителя (писанный, однако, еще не по-немецки, а на латыни), делает опережающий учителя шаг, переходя сразу с устного на письменный:

«Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут».

Знакомее нам окажутся слова:

автограф, атмосфера, барометр, гашеная известь, горизонт, градусник, движение, диаметр, земная ось, квадрат, кислород, кислота, крепкая водка, манометр, метеорология, микроскоп, минус, наблюдение, нелепость, оптика, оптический, опыт, периферия, полюс магнита, полюс общества, поршень, предложный падеж, предмет, преломление лучей, преломление шпаги, равновесие, селитра, сферический, термометр, тленность, удельный вес, упругость, формула, частицы, чертеж, явление...

Явление! Преображение одного гения в то, что «знает каждый школьник». Что мы, до этого по-русски не говорили, что ли?

Каким же великим тактом и слухом следовало обладать, чтобы поставить этот абсолютный рекорд в развитии русского словаря!

Кемпинг, паркинг, бизнес, офис, маркет, маркетинг, менеджмент, менеджер, мерчендайзер, лифтинг, лизинг, политмейкер, киллер и т. д. и т. п. — какое безграмотное холуйство перед «американ-инглиш»... куда нынче подевались хотя бы лагерь, стоянка, контора, дело?..

Без Ломоносова мы бы теперь говорили *оксиджен*, а не кислород. Что ж, им и дышим.

Как тут обойдешься без ломоносовских словечек *нелепость* и *тленность*?

Тогда уж надо включить Ломоносова в книгу рекордов Гиннеса: 200 слов, внесенных в живой язык, тяжелее двухсот томов, которые не способен написать человек в одиночку.

Иван Барков (тоже, между прочим, начинавший как переводчик с латыни) обошелся только русскими словами. Так же и дедушка Крылов в своих баснях, и Державин в одах.

И если Карамзина мы можем назвать первым нашим прозаиком уже в современном, светском смысле слова, то ему принадлежит честь введения в нашу речь лишь двух слов: *промышленность* и *общественность*. А Грибоедов и Пушкин, с детства знавшие французский лучше русского, кажется, умудрились не вводить в русский язык новых слов («самостоянье человека — залог величия его»).

А самый известный в мире русский писатель (почему-то Достоевский), вряд ли так хорошо знавший французский, особенно гордился тем, что ввел в обиход глагол *тушевать* (скорее от фортепьянного *туше*, чем от русского *тушить*).

Проза есть переход из устной энергии в письменную. Да и может ли мысль, если она мысль, быть выражена слабым слогом? Не есть ли проза лишь зависимость от одного несуществующего в современном языке слова или понятия? Понятие — это уже сюжет слова. Пусть в Голливуде утверждают, что хороший сюжет можно выразить одной фразой. Проза более строгая муза, чем все остальные: у нее нет ни инструментов, ни мастерства — лишь кунсткамера опытов, еще не уложенных в слова. Так много уже всем известных слов придется потратить, чтобы высказать тебе одному открывшееся на миг одно слово!

Русской прозе есть кем и чем и гордиться, и прежде всего тем, что автор сам стремится понять и выразить, под маской художника, невыразимый опыт современности — хаос и абсурд обступившей его и никем еще не выраженной реальности. Русская проза лучше всех ничего не умеет. Не поэтому ли поэма «Медный всадник» названа «Петербургской повестью», а «Мертвые души» — поэмой? Невнятная никому реальность переходит в ранг художественной действительности. Тогда повествование можно рассматривать как доказательство, полученное в результате произведения как закон, не уступающий научному, а само название становится формулой, не вызывающей ни у кого сомнения, как «Преступление и наказание» или «Война и мир». Замысел воплощен — теорема доказана! Когда Толстого спросили, как бы он выразил содержание своей эпопеи кратко, в двух словах, он ответил: «Мог бы короче, то и написал бы короче».

И в этом усилии точности и краткости настоящая проза ни в чем не уступает науке.

Звезда. 2014. № 1

Вышли книги

- МАРКОВА Л. Серебряная роса : стихи. Челябинск : Цицеро, 2014.
ДИВЯНИН В. Душевный покой : стихи. Челябинск : Цицеро, 2014.
ГАСПАРЯН К. Товарищ Фет : стихи. Челябинск : Цицеро, 2014.
АВДЕЙЧИК М. Навсегда : стихи. Челябинск : Цицеро, 2014.
КАРНАУХОВА Л. По вере : стихи. Челябинск : Цицеро, 2014.

Когда уйду в иные дали

* * *

Конечно, я с небес упала
в твою прохладную ладонь:
очнулось осени начало
и развело цветной огонь.

Пылало ласковое лето,
линяла ливнями листва,
и столько песен было спето,
что стерлись начисто слова!

И было до небес высоко,
и близко было до любви:
несло недреманное око
туда, где скрылись соловьи.

Твоя уютная ладошка
качалась лодочкой в реке,
струилась лунною дорожкой,
следы теряя на песке...

Но нам дыханья не хватало,
от звёзд кружилась голова...
Сердце сквозное поддувало
рождало вечные слова!

* * *

Россиян узнают по походке —
за границей, за тем рубежом...
Наши люди в движениях ходки,
по привычке, в пределе чужом.

Мы — трусцой и, как водится, с грузом.
Мы готовы к броску на рожон,
когда были Советским Союзом —
по приказу и строим — гужом!

Будто бы на шарманке играя,
о мотиве не помним другом —
за пределом российского Рая
мы не шагом, а больше — бегом!

Нам нельзя совершить остановку —
паровоз наш над бездной летит...
Кто-то там произвел рокировку,
тренируя на жизнь аппетит.

Только мы, как всегда, в изготовке
для свершений и новых побед,
не годимся, видать, к перековке,
что спасла б наши судьбы от бед.

Как-то мы свое завтра устроим,
маршируя вперед и вперед...
Мы в душе — поголовно герои —
вымирающий русский народ.

Нас давно развернули на Запад.
Только вроде и там западня,
Мы прозреем, быть может, внезапно —
на закате Вселенского дня...

* * *

Я знаю, что я тебе снюсь:
желай ли, жалей ли об этом...
Ресниц твоих влажных коснусь,
войду в тебя звоном и светом!
Нахлыну желанной волной,
кольцом обовьюсь вокруг пальца,
до звёзд колыхнусь под Луной,
чтоб мир для тебя не распался!
Встречаются души во сне:
— Я верю, я помню, я знаю!
Так блики мерцают в окне,
так стынет истома земная...
Я знал, что я тебе снюсь
(до родинки чуткой на коже!)
Я тоже проснуться боюсь:
ты снишься, ты снишься мне тоже!

* * *

Когда уйду в иные дали,
в другие, звёздные поля,
не предавай себя печали,
живи, как дышит вся Земля!
Но не ищи меня в могиле:
меня там нет! Там нет меня,
как русских кладбищ нет унылей:
где прах и тлен, там нет огня!
Мне путь — лететь волною света:
мне места нет среди крестов!
— Когда? — Бог весть... но лучше б

летом... —

в разлив некошанных цветов!
Не унесёт и капли яда
душа в иные миражи...
Быть может, освежит прохладой
иль тёплым ливнем прошуршит...

г. Троицк

Владимир Черноземцев и уже с ним Корабли вышли из берегов,

или Извлечения из архивов идейного отца репунсизма

Деревенская идиллия

По дороге вдоль села
Мотька к Маньке в гости шла,
А навстречу вдоль села
Манька к Мотьке в гости шла.
Дружка к дружке в гости шли
Две подружки,
Сто пудов вестей несли.
Мотька шла и в нетерпенье
Натыкалась на плетени.
«Все скажу и поражу
Маньку, наземь положу».
Манька шла и в нетерпенье
Натыкалась на плетени.
«Вот скажу и поражу
Мотьку, наземь положу»
Шли и встретились они,
Там, где кончились плетни,
Где у клуба журавель,
На него еще кобель
Мотькин лапу задирает,
Манькин бык его бодал.
— Здравствуй, Мотька!
— Здравствуй, Манька!
— Ну, и как?
— Да все никак?
— Как же так?
— Все вот эдак
Да вот так:
Напоследок натошак.
— Ну, а эта?
— Эта где-то:
Ни ответа, ни привета.
— Ну, а тот?
— Идиот,
Обормот.
— Неужели это он?
— Ну, а кто же?

— Охломон!
— Ну, а эта,
Что с приметой?
— Все одета,
Все сыта,
Ей не будет ни черта.
Брюхо — во,
А юбка — во!
Привечает хоть кого.
Уж дошла до самого!
— Ну, а твой,
Вот вопрос?
— Мой тверез как паровоз,
Только, знаешь,
У него
До такого губы во!
— Мой,
Как твой,
Но что до той,
Ни-ни-ни
И ой-ой-ой.
Ну их на хрен, кобелей —
Мотька, нет ли трех рублий?

Год красного быка

Перележу морозы на боку.
Мне хорошо, а вот быку...
Лежать в морозы на боку..
Весь день клубятся облака
Над стойлом красного быка.
Посеребрил мороз бока
И ноздри красного быка.
Меж прочих белых строк
Одну повелевает бог,
Реку я красную строку.
Быть белым красному быку.
Красна весна, ну а пока
Январь для красного быка.

(Еще будет)

г. Челябинск

Электронная версия альманаха размещена по адресу
www.zenon74.ru/projects

Графоман № 1(17)/2014
Литературный альманах
Редактор *Н. И. Година*
Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 03.03.14 г. Гарнитура «Палатино Линотайп».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/16. Объем 20,48 усл. печ. л.

Заказ № 33.
Тираж 165 экз.
Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Издательско-полиграфическое предприятие
“Фотохудожник”»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.